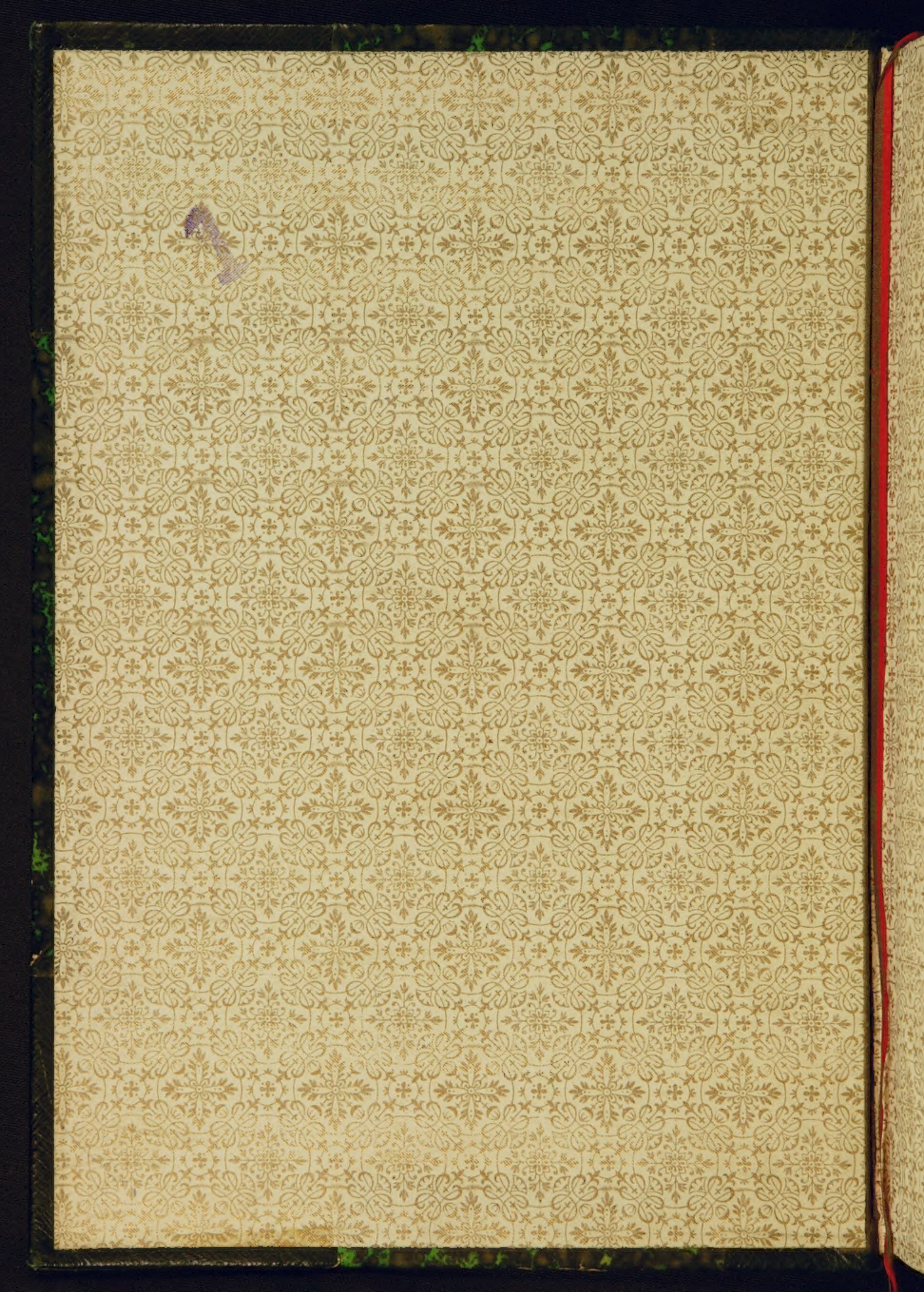
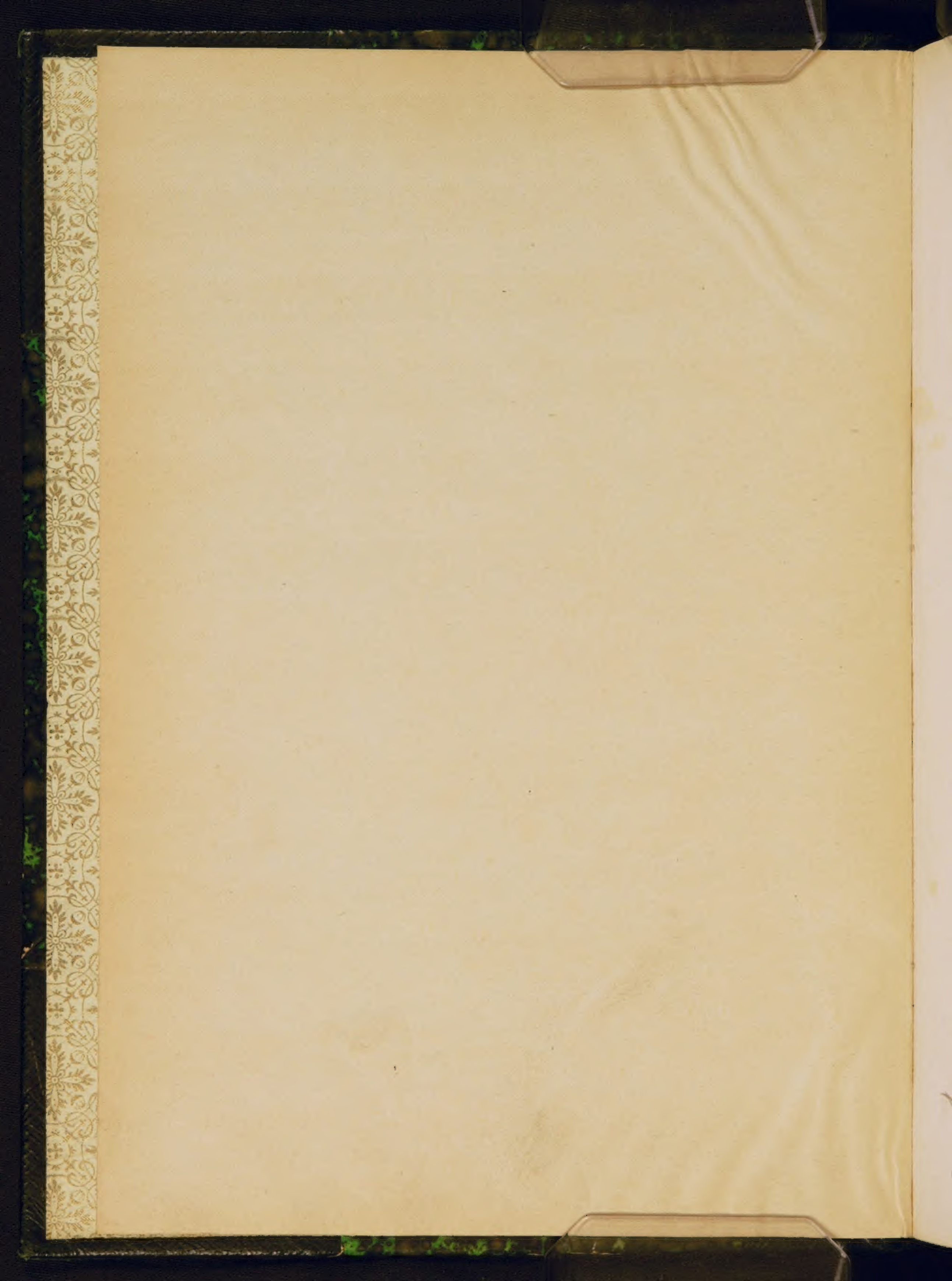

Изъ библіотеки

Графа

Валентина Платоновича

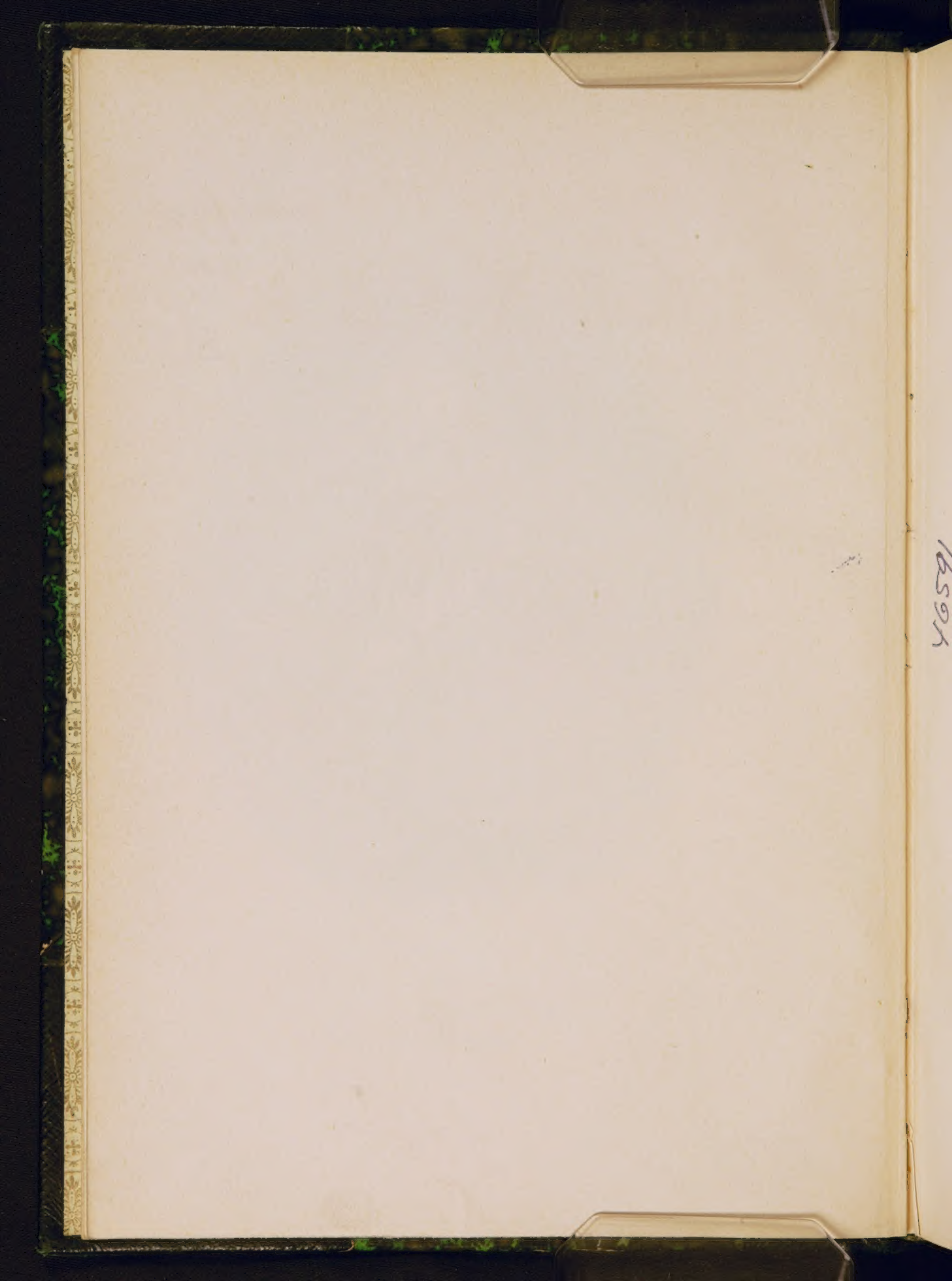
Зубова

II-й томъ этого сочиненія

съ знакомъ ⊕

1883

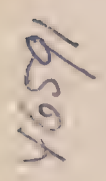
И. А. ГОНЧАРОВЪ.

ФРЕГАТЪ
ПАЛЛАДА

ОЧЕРКИ ПУТЕШЕСТВІЯ

Ивана Гончарова.

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

ТОМЪ I.

ИЗДАНІЕ ПЯТОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ ГЛАЗУНОВА.
1895.

Собственность Глазунова.

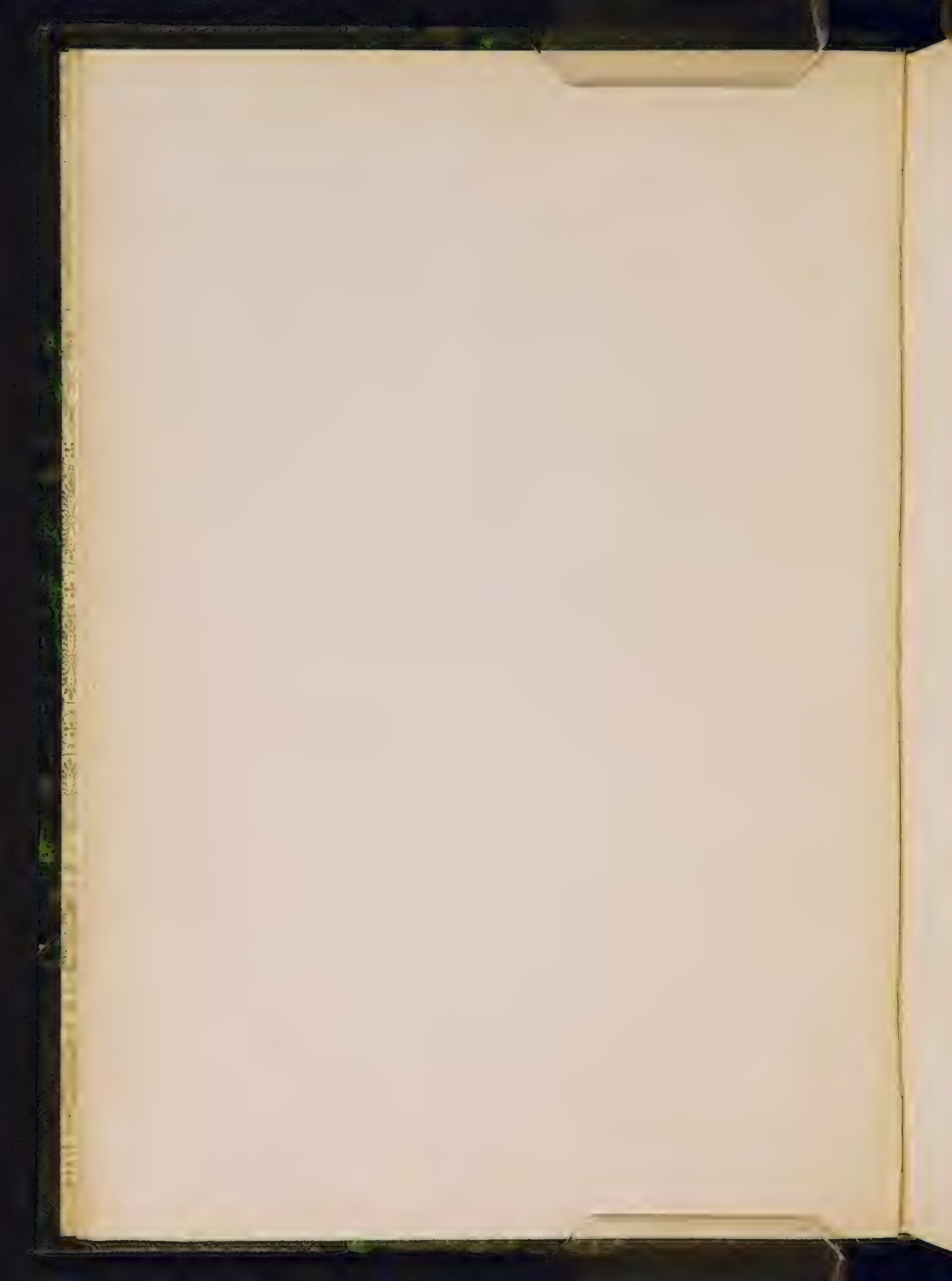
ТИПОГРАФІЯ ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ № 8.

ФРЕГАТЪ

ПАЛЛАДА

ОЧЕРКИ ПУТЕШЕСТВІЯ

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА КЪ 3-му, ОТДѢЛЬНОМУ, ИЗДАНІЮ

«ФРЕГАТА ПАЛЛАДА.»

Авторъ этой, вновь являющейся, послѣ долгаго промежутка, книги, не располагалъ болѣе возобновлять ея изданіе, думая, что она отжила свою пору.

Но ему съ разныхъ сторонъ заявляютъ, что обыкновенный спросъ на нее въ публикѣ не прекращается и что сверхъ того ее требуютъ воспитатели юношества и училищныя библіотеки. Значитъ, эти путевые очерки пріобрѣли себѣ друзей и въ юныхъ поколѣніяхъ.

Послѣ этого авторъ не счелъ уже себя въ правѣ уклоняться отъ повторенія своей книги въ печати.

Онъ относитъ постоянное вниманіе публики къ его очеркамъ, прежде всего, къ самому предмету ихъ. Описанія дальнихъ странъ, ихъ жителей, роскоши тамошней природы, особенностей и случайностей путешествія и всего, чтó замѣчается и передается путешественниками—какимъ бы то ни было перомъ—все это не теряетъ никогда своей занимательности для читателей всѣхъ возрастовъ.

Кромѣ того, исторія плаванія самого корабля, этого маленькаго русскаго міра, съ четырьмя стами обитателей,

носившагося два года по океанамъ, своебразная жизнь плавателей, черты морскаго быта—все это также само по себѣ способно привлекать и удерживать за собою симпатіи читателей.

Такимъ образомъ авторъ и съ этой стороны считаетъ себя обязаннымъ, не перу своему, а этимъ симпатіямъ публики къ морю и морякамъ, продолжительнымъ успѣхомъ своихъ путевыхъ очерковъ. Самъ онъ былъ поставленъ своимъ положеніемъ, можно сказать, въ необходимость касаться моря и моряковъ. Связанный строгими условіями плаванія военнаго судна, онъ покидалъ корабль не надолго—и ему приходилось часто сосредоточиваться на томъ, что́ происходило вокругъ, въ его пловучемъ жилищѣ, и мѣшать пріобрѣтаемыя, подъ вліяніемъ мимолетныхъ впечатлѣній, наблюденія надъ чужой природой и людьми, съ явленіями вседневной жизни у себя „дома“, т. е. на кораблѣ.

Изъ этого конечно не могло выйти, ни какого-нибудь спеціальнаго, ученаго (на что́ у автора и претензіи быть не могло), ни даже сколько-нибудь систематическаго описанія путешествія, съ строго-опредѣленнымъ содержаніемъ. Вышло то, что́ могъ дать авторъ: летучія наблюденія и замѣтки, сцены, пейзажи—словомъ очерки.

Пересматривая нынѣ вновь этотъ дневникъ своихъ воспоминаній, авторъ чувствуетъ самъ, и охотно винится въ томъ, что онъ часто говоритъ о себѣ, являясь вездѣ, такъ сказать, неотлучнымъ спутникомъ читателя.

Утверждаютъ, что присутствіе живой личности вноситъ много жизни въ описанія путешествій: можетъ быть это правда, но авторъ, въ настоящемъ случаѣ, не можетъ при-

своить себѣ, ни этой цѣли, ни этой заслуги. Онъ, безъ намѣренія и также по необходимости, вводитъ себя въ описанія, и избѣжать этого для него было трудно. Эпистолярная форма была принята имъ, не какъ наиболѣе удобная для путевыхъ очерковъ: письма дѣйствительно писались и посылались съ разныхъ пунктовъ къ тѣмъ или другимъ друзьямъ, какъ это было условлено между ними и имъ. А друзья интересовались, не только путешествіемъ, но и судьбою самого путешественника и его положеніемъ въ новомъ быту. Вотъ причина его неотлучнаго присутствія въ описаніяхъ.

По возвращеніи его въ Россію, письма, по совѣту же друзей, были собраны, приведены въ порядокъ—и изъ нихъ составились эти два тома, являющіеся въ третій разъ передъ публикою, подъ именемъ „Фрегатъ Паллада“.

Если этотъ фрегатъ, вновь пересмотрѣнный, по возможности исправленный и дополненный заключительною главою, напечатанною въ литературномъ сборникѣ „Складчина“, въ 1874 году, прослужитъ (какъ это бываетъ съ настоящими морскими судами, послѣ такъ называемаго „тембированія“, т. е. капитальныхъ исправленій) еще новый срокъ, между прочимъ и въ средѣ юношества, авторъ сочтетъ себя награжденнымъ сверхъ всякихъ ожиданій.

Въ надеждѣ на это, онъ охотно уступилъ свое право на изданіе „Фрегата Паллада“ И. И. Глазунову, представителю старѣйшаго въ Россіи книгопродавческаго дома, посвящающаго, безъ малаго столѣтіе, свою дѣятельность преимущественно изданію и распространенію книгъ для юношества.

Издатель пожелалъ приложить къ книгѣ портретъ автора: не имѣя причинъ противиться этому желанію, авторъ

предоставилъ и это право его усмотрѣнію, тѣмъ охотнѣе, что исполненіе этой работы принялъ на себя извѣстный русскій художникъ, рѣзецъ котораго представилъ публикѣ прекрасные образцы искусства, между прочимъ недавно портретъ покойнаго поэта Некрасова.

Январь
1879.

I.

ОТЪ КРОНШТАДТА ДО МЫСА ЛИЗАРДА.

Сборы, прощаніе и отъѣздъ въ Кронштадтъ.—Фрегатъ «Паллада».—Море и моряки.—Каютъ-компанія.—Финскій заливъ.—Свѣжій вѣтеръ.—Морская болѣзнь.—Готландъ.—Холера на фрегатѣ.—Паденіе человѣка въ море.—Зундъ.—Каттегатъ и Скагерракъ.—Нѣмецкое море. — Доггерская банка и Галлоперскій маякъ. — Покинутое судно. — Рыбаки.—Британскій каналъ и Спидгедскій рейдъ. — Лондонъ. — Похороны Веллингтона. — Замѣтки объ англичанахъ и англичанкахъ. — Возвращеніе въ Портсмутъ. — Житье на Кемпердоунѣ. — Прогулка по Портсмуту, Саутси, Портси и Готпорту. — Ожиданіе попутнаго вѣтра на Спидгедскомъ рейдѣ. — Вечеръ наканунѣ Рождества.—Силуэтъ англичанина и русскаго.—Отплытіе.

Меня удивляетъ, какъ могли вы не получить моего перваго письма изъ Англіи, отъ 2/14 ноября 1852 года, и втораго изъ Гон-Конга, именно изъ мѣстъ, гдѣ объ участи письма заботятся, какъ о судьбѣ новорожденнаго младенца. Въ Англіи и ея колоніяхъ письмо есть завѣтный предметъ, который проходитъ чрезъ тысячи рукъ, по желѣзнымъ и другимъ дорогамъ, по океанамъ, изъ полушарія въ полушаріе, и находитъ неминуемо того, къ кому послано, если только онъ живъ, и такъ же неминуемо возвращается, откуда послано, если онъ умеръ, или самъ воротился туда же. Не затерялись ли письма на материкѣ, въ датскихъ или прусскихъ владѣніяхъ? Но теперь поздно производить слѣдствіе о такихъ пустякахъ: лучше вновь написать, если только это нужно....

Вы спрашиваете подробностей моего знакомства съ моремъ, съ моряками, съ берегами Даніи и Швеціи, съ Англіей? Вамъ хочется знать, какъ я вдругъ, изъ своей покойной комнаты, которую оставлялъ только въ случаѣ крайней надобности и всегда съ сожалѣніемъ, перешелъ на зыбкое лоно морей, какъ избалованнѣйшій изъ всѣхъ васъ городскою жизнію, обычною суетой дня и мирнымъ спокойствіемъ ночи, я вдругъ, въ одинъ день, въ одинъ часъ, долженъ былъ ниспровергнуть этотъ порядокъ и ринуться въ безпорядокъ жизни моряка? Бывало, не заснешь, если въ комнату ворвется большая муха и съ буйнымъ жужжаньемъ носится, толкаясь въ потолокъ и въ окна, или заскребетъ мышенокъ въ углу; бѣжишь отъ окна, если отъ него дуетъ, бранишь дорогу, когда въ ней есть ухабы, откажешься ѣхать на вечеръ въ конецъ города, подъ предлогомъ „далеко ѣхать", боишься пропустить урочный часъ лечь спать; жалуешься, если отъ супа пахнетъ дымомъ, или жаркое перегорѣло, или вода не блеститъ, какъ хрусталь… И вдругъ—на морѣ!— „Да какъ вы тамъ будете ходить—качаетъ?" спрашивали люди, которые находятъ, что если заказать карету не у такого-то каретника, такъ ужь въ ней качаетъ.—„Какъ ляжете спать, что̀ будете ѣсть? Какъ уживетесь съ новыми людьми?" сыпались вопросы, и на меня смотрѣли съ болѣзненнымъ любопытствомъ, какъ на жертву, обреченную пыткѣ. Изъ этого видно, что у всѣхъ, кто не бывалъ на морѣ, были еще въ памяти старые романы Купера или разсказы Марріета, о морѣ и морякахъ, о капитанахъ, которые чуть не сажали на цѣпь пассажировъ, могли жечь и вѣшать подчиненныхъ, о кораблекрушеніяхъ, землетрясеніяхъ.—„Тамъ васъ капитанъ на самый верхъ посадитъ", говорили мнѣ друзья и знакомые (отчасти и вы, помните?),—„ѣсть не велитъ давать, на пустой берегъ высадитъ".—„За что?" спрашивалъ я.—„Чуть не такъ сядете, не такъ пойдете, заку-

рите сигару, гдѣ не велѣно".—„Я все буду дѣлать, какъ дѣлаютъ тамъ", кротко отвѣчалъ я.—„Вотъ вы привыкли по ночамъ сидѣть, а тамъ, какъ солнце сѣло, такъ затушать всѣ огни", говорили другіе:—„а шумъ, стукотня какая, запахъ, крикъ!"—„Сопьетесь вы тамъ съ кругу!" пугали нѣкоторые:—„прѣсная вода тамъ въ рѣдкость, все больше ромъ пьютъ„.—„Ковшами, я самъ видѣлъ, я былъ на кораблѣ", прибавилъ кто-то.—Одна старушка все грустно качала головой, глядя на меня и упрашивала ѣхать „лучше сухимъ путемъ кругомъ свѣта".—Еще барыня, умная, милая, заплакала, когда я пріѣхалъ къ ней прощаться. Я изумился: я видался съ нею всего раза три въ годъ и могъ бы не видаться три года, ровно столько, сколько нужно для кругосвѣтнаго плаванія, она бы не замѣтила.—„О чемъ вы плачете?" спросилъ я.—„Мнѣ жаль васъ," сказала она отирая слезы.—„Жаль потому, что лишній человѣкъ все-таки развлеченіе"? замѣтилъ я.—„А вы много сдѣлали для моего развлеченія"? сказала она. Я сталъ въ тупикъ: о чемъ же она плачетъ? — „Мнѣ просто жаль, что вы ѣдете, Богъ знаетъ, куда". Меня зло взяло. Вотъ какъ смотрятъ у насъ на завидную участь путешественника!—„Я понялъ бы ваши слезы, еслибъ это были слезы зависти," сказалъ я:—„еслибъ вамъ было жаль, что на мою, а не на вашу долю выпадаетъ быть тамъ, гдѣ изъ насъ почти никто не бываетъ, видѣть чудеса, о которыхъ здѣсь и мечтать трудно, что мнѣ открывается вся великая книга, изъ которой едва кое-кому удается прочесть первую страницу..." Я говорилъ ей хорошимъ слогомъ.—„Полноте", сказала она печально:—„я знаю все; но какою цѣною достанется вамъ читать эту книгу? Подумайте, что̀ ожидаетъ васъ, чего вы натерпитесь, сколько шансовъ не воротиться!.. Мнѣ жаль васъ, вашей участи, оттого я и плачу. Впрочемъ вы не вѣрите слезамъ", прибавила она:—„но я плачу не для васъ: мнѣ просто плачется.

*

Мысль ѣхать, какъ хмѣль туманила голову, и я беспечно и шутливо отвѣчалъ на всѣ предсказанія и предостереженія, пока еще событіе было далеко. Я все мечталъ—и давно мечталъ—объ этомъ вояжѣ, можетъ быть, съ той минуты, когда учитель сказалъ мнѣ, что если ѣхать отъ какой нибудь точки безостановочно, то воротишься къ ней съ другой стороны: мнѣ захотѣлось поѣхать съ праваго берега Волги, на которомъ я родился, и воротиться съ лѣваго; хотѣлось самому туда, гдѣ учитель указываетъ пальцемъ быть экватору, полюсамъ, тропикамъ. Но когда, потомъ, отъ карты и отъ учительской указки, я перешелъ къ подвигамъ и приключеніямъ Куковъ, Ванкуверовъ, я опечалился: что́ передъ ихъ подвигами гомеровы герои, Аяксы, Ахиллесы и самъ Геркулесъ? Дѣти! Робкій умъ мальчика, родившагося среди материка и невидавшаго никогда моря, цѣпенѣлъ передъ ужасами и бѣдами, которыми наполненъ путь пловцовъ. Но съ лѣтами ужасы изглаживались изъ памяти, и въ воображеніи жили, и пережили молодость, только картины тропическихъ лѣсовъ, синяго моря, золотаго, радужнаго неба.

— „Нѣтъ, не въ Парижъ хочу“, помните, твердилъ я вамъ,—„не въ Лондонъ,—даже не въ Италію, какъ звучно вы о ней не пѣли, поэтъ *),—хочу въ Бразилію, въ Индію, хочу туда, гдѣ солнце изъ камня вызываетъ жизнь и тутъ же рядомъ превращаетъ въ камень все, чего коснется своимъ огнемъ; гдѣ человѣкъ, какъ праотецъ нашъ, рветъ несѣянный плодъ, гдѣ рыщетъ левъ, пресмыкается змѣй, гдѣ царствуетъ вѣчное лѣто—туда, въ свѣтлые чертоги Божьяго міра, гдѣ природа, какъ баядерка, дышетъ сладострастіемъ, гдѣ душно, страшно и обаятельно жить, гдѣ обезсиленная фантазія нѣмѣетъ передъ готовымъ созданіемъ, гдѣ глаза не устанутъ смотрѣть, а сердце биться.

*) А. Н. Майковъ.

Все было загадочно и фантастически прекрасно въ волшебной дали: счастливцы ходили и возвращались съ заманчивою, но глухою повѣстью о чудесахъ, съ дѣтскимъ толкованіемъ тайнъ міра. Но вотъ явился человѣкъ, мудрецъ и поэтъ, и озарилъ таинственные углы. Онъ пошелъ туда съ компасомъ, заступомъ, циркулемъ и кистью, съ сердцемъ, полнымъ вѣры къ Творцу и любви къ его мірозданію. Онъ внесъ жизнь, разумъ и опытъ въ каменныя пустыни, въ глушь лѣсовъ, и силою свѣтлаго разумѣнія указалъ путь тысячамъ за собою. „Космосъ!“ Еще мучительнѣе прежняго хотѣлось взглянуть живыми глазами на живой космосъ.- „Подалъ бы я“, думалось мнѣ, „довѣрчиво мудрецу руку, какъ дитя взрослому, сталъ бы внимательно слушать, и, если понялъ бы на столько, на сколько ребенокъ понимаетъ толкованія дядьки, я былъ бы богатъ и этимъ скуднымъ разумѣніемъ“. Но и эта мечта улеглась въ воображеніи, вслѣдъ многимъ другимъ. Дни мелькали, жизнь грозила пустотой, сумерками, вѣчными буднями: дни, хотя порознь разнообразные, сливались въ одну утомительно-однообразную массу годовъ. Зѣвота за дѣломъ, за книгой, зѣвота въ спектаклѣ, и та же зѣвота въ шумномъ собраніи и въ пріятельской бесѣдѣ!

И вдругъ неожиданно суждено было воскресить мечты, расшевелить воспоминанія, вспомнить давно забытыхъ мною кругосвѣтныхъ героевъ. Вдругъ и я вслѣдъ за ними иду вокругъ свѣта! Я радостно содрогнулся при мысли: я буду въ Китаѣ, въ Индіи, переплыву океаны, ступлю ногою на тѣ острова, гдѣ гуляетъ въ первобытной простотѣ дикарь, посмотрю на эти чудеса—и жизнь моя не будетъ празднымъ отраженіемъ мелкихъ, надоѣвшихъ явленій. Я обновился; всѣ мечты и надежды юности, сама юность воротилась ко мнѣ. Скорѣй, скорѣй въ путь!

Странное, однако, чувство одолѣло меня, когда рѣшено было, что я ѣду: тогда только сознаніе о громадности пред-

пріятія заговорило полно и отчетливо. Радужныя мечты побледнели надолго; подвигъ подавлялъ воображеніе, силы ослабевали, нервы падали по мере того, какъ наступалъ часъ отъезда. Я началъ завидовать участи остающихся, радовался, когда являлось препятствіе, и самъ раздувалъ затрудненія, искалъ предлоговъ остаться. Но судьба, по бóльшей части мешающая нашимъ намереніямъ, тутъ какъ будто задала себе задачу помогать. И люди тоже, даже незнакомые, въ другое время недоступные, хуже судьбы, какъ будто сговорились уладить дело. Я былъ жертвой внутренней борьбы, волненій, почти изнемогалъ.—„Куда это? Чтó я затеялъ?“ И на лицахъ другихъ мне страшно было читать эти вопросы. Участіе пугало меня. Я съ тоской смотрелъ, какъ пустела моя квартира, какъ изъ нея понесли мебель, письменный столъ, покойное кресло, диванъ. Покинуть все это, променять на чтó?

Жизнь моя какъ-то раздвоилась, или какъ будто мне дали вдругъ две жизни, отвели квартиру въ двухъ мірахъ. Въ одномъ я—скромный чиновникъ, въ форменномъ фраке, робеющій передъ начальническимъ взглядомъ, боящійся простуды, заключенный въ четырехъ стенахъ, съ несколькими десятками похожихъ другъ на друга лицъ, вицъ-мундировъ. Въ другомъ я—новый аргонавтъ, въ соломенной шляпе, въ белой льняной курткe, можетъ быть, съ табачной жвачкой во рту, стремящійся по безднамъ за золотымъ руномъ въ недоступную Колхиду, меняющій ежемесячно климаты, небеса, моря, государства. Тамъ я редакторъ докладовъ, отношеній и предписаній; здесь—певецъ, хотя ex officio, похода. Какъ пережить эту другую жизнь, сделаться гражданиномъ другаго міра? Какъ заменить робость чиновника и апатію русскаго литератора энергіею мореходца, изнеженность горожанина — загрубелостью матроса? Мне не дано ни другихъ костей, ни новыхъ нервъ. А тутъ вдругъ, отъ прогулокъ въ

Петергофъ и Парголово, шагнуть къ экватору, оттуда къ предѣламъ южнаго полюса, отъ южнаго къ сѣверному, переплыть четыре океана, окружить пять материковъ и мечтать воротиться... Дѣйствительность, какъ туча, приближалась все грознѣй и грознѣй; душу посѣщалъ и мелочной страхъ, когда я углублялся въ подробный анализъ предстоящаго вояжа. Морская болѣзнь, перемѣны климата, тропическій зной, злокачественныя лихорадки, звѣри, дикари, бури—все приходило на умъ, особенно бури. Хотя я и беспечно отвѣчалъ на все, частію трогательныя, частію смѣшныя предостереженія друзей, но страхъ нерѣдко и днемъ, и ночью рисовалъ мнѣ призраки бѣдъ. То представлялась скала, у подножія которой лежитъ наше разбитое судно, и утопающіе напрасно хватаются усталыми руками за гладкіе камни; то снилось, что я на пустомъ островѣ, выброшенный съ обломкомъ корабля, умираю съ голода... Я просыпался съ трепетомъ, съ каплями пота на лбу. Вѣдь корабль, какъ онъ ни прочень, какъ ни приспособленъ къ морю, что́ онъ такое?—щепка, корзинка, эпиграмма на человѣческую силу. Я боялся, выдержитъ ли непривычный организмъ массу суровыхъ обстоятельствъ, этотъ крутой поворотъ отъ мирной жизни къ постоянному бою съ новыми и рѣзкими явленіями бродячаго быта? Да наконецъ, хватитъ ли души вмѣстить вдругъ, неожиданно развивающуюся картину міра? Вѣдь это дерзость почти титаническая! Гдѣ взять силы, чтобъ воспринять массу великихъ впечатлѣній? И когда ворвутся въ душу эти великолѣпные гости, не смутится ли самъ хозяинъ среди своего пира?

Я справлялся, какъ могъ, съ сомнѣніями: одни удалось побѣдить, другія оставались нерѣшенными до тѣхъ поръ, пока дойдетъ до нихъ очередь, и я мало-по-малу ободрился. Я вспомнилъ, что путь этотъ уже не Магеллановъ путь, что съ загадками и страхами справились люди. Не величавый

образъ Колумба и Васко-де-Гама гадательно смотритъ съ палубы въ даль, въ неизвѣстное будущее: англійскій лоцманъ, въ синей курткѣ, въ кожаныхъ панталонахъ, съ краснымъ лицомъ, да русскій штурманъ, съ знакомъ отличія безпорочной службы, указываютъ пальцемъ путь кораблю и безошибочно назначаютъ день и часъ его прибытія. Между моряками, зѣвая апатически, лѣниво смотритъ „въ безбрежную даль“ океана литераторъ, помышляя о томъ, хороши ли гостинницы въ Бразиліи, есть ли прачки на Сандвичевыхъ островахъ, на чемъ ѣздятъ въ Австраліи? Гостинницы отличныя, отвѣчаютъ ему,—на Сандвичевыхъ островахъ найдете все: нѣмецкую колонію, французскіе отели, англійскій портеръ—все, кромѣ—дикихъ. Въ Австраліи есть кареты и коляски, китайцы начали носить ирландское полотно: въ Остъ-Индіи говорятъ всѣ по-англійски; американскіе дикари изъ лѣса порываются въ Парижъ и въ Лондонъ, просятся въ университетъ; въ Африкѣ черные начинаютъ стыдиться своего цвѣта лица и понемногу привыкаютъ носить бѣлыя перчатки. Лишь съ большимъ трудомъ и издержками можно попасть въ кольца удава или въ когти тигра и льва. Китай долго крѣпился, но и этотъ сундукъ, съ старою рухлядью, вскрылся—крышка слетѣла съ петель, подорванная порохомъ. Европеецъ роется въ ветоши, достаетъ что придется ему въ пору, обновляетъ, хозяйничаетъ... Пройдетъ еще немного времени, и не станетъ ни одного чуда, ни одной тайны, ни одной опасности, никакого неудобства. И теперь воды морской нѣтъ, ее дѣлаютъ прѣсною, за пять тысячъ верстъ отъ берега является блюдо свѣжей зелени и дичи: подъ экваторомъ можно поѣсть русской капусты и щей. Части свѣта быстро сближаются между собою: изъ Европы въ Америку—рукой подать; поговариваютъ, что будутъ ѣздить туда въ сорокъ-восемь часовъ—пуфъ, шутка, конечно, но современный пуфъ, намекающій на будущіе гигантскіе успѣхи мореплаванія.

Скорѣй же, скорѣй въ путь! Поэзія дальнихъ странствій исчезаетъ не по днямъ, а по часамъ. Мы, можетъ быть послѣдніе путешественники, въ смыслѣ аргонавтовъ: на насъ еще, по возвращеніи, взглянутъ съ участіемъ и завистью.

Казалось, всѣ страхи, какъ мечты, улеглись: впереди манилъ просторъ и рядъ неиспытанныхъ наслажденій. Грудь дышала свободно, на встрѣчу вѣяло уже югомъ, манили голубыя небеса и воды. Но вдругъ за этою перспективой возникало опять грозное привидѣніе и росло по мѣрѣ того, какъ я вдавался въ путь. Это привидѣніе была мысль: какая обязанность лежитъ на грамотномъ путешественникѣ передъ соотечественниками, передъ обществомъ, которое слѣдитъ за плавателями? Экспедиція въ Японію—не иголка: ее не спрячешь, не потеряешь. Трудно теперь съѣздить и въ Италію безъ вѣдома публики, тому, кто разъ брался за перо. А тутъ предстоитъ объѣхать весь міръ и разсказать объ этомъ такъ, чтобъ слушали разсказъ безъ скуки, безъ нетерпѣнія. Но какъ и что̀ разсказывать и описывать? Это одно и то же, что̀ спросить, съ какою физіономіей явиться въ общество?

Нѣтъ науки о путешествіяхъ: авторитеты, начиная отъ Аристотеля до Ломоносова включительно, молчатъ; путешествія не попали подъ ферулу риторики, и писатель свободенъ пробираться въ нѣдра горъ, или опускаться въ глубину океановъ, съ ученою пытливостью, или пожалуй, на крыльяхъ вдохновенія скользить по нимъ быстро и ловить мимоходомъ, на бумагу, ихъ образы; описывать страны и народы исторически, статистически, или только посмотрѣть, каковы трактиры—словомъ, никому не отведено столько простора и никому отъ этого такъ не тѣсно писать, какъ путешественнику. Говорить ли о теоріи вѣтровъ, о направленіи и курсахъ корабля, о широтахъ и долготахъ, или докладывать, что такая-то страна была когда-то подъ водою, а вотъ

это дно было наружѣ; этотъ островъ произошелъ отъ огня, а тотъ отъ сырости; начало этой страны относится къ такому времени, народъ произошелъ оттуда, и при этомъ старательно выписать изъ ученыхъ авторитетовъ, откуда, что̀ и ка̀къ? Но вы спрашиваете чего-нибудь позанимательнѣе. Все, что̀ я говорю, очень важно; путешественнику стыдно заниматься будничнымъ дѣломъ: онъ долженъ посвящать себя преимущественно тому, чего ужъ нѣтъ давно, или тому, что̀, можетъ-быть было, а можетъ-быть и нѣтъ.—„Отошлите это въ ученое общество, въ академію“, говорите вы, „а бесѣдуя съ людьми всякаго образованія, пишите иначе. Давайте намъ чудесъ, поэзіи, огня, жизни и красокъ!“

Чудесъ, поэзіи! Я сказалъ, что ихъ нѣтъ, этихъ чудесъ: путешествія утратили чудесный характеръ. Я не сражался со львами и тиграми, не пробовалъ человѣческаго мяса. Все подходитъ подъ какой-то прозаическій уровень. Колонисты не мучатъ невольниковъ, покупщики и продавцы негровъ называются уже не купцами, а разбойниками; въ пустыняхъ учреждаются станціи, отели; черезъ бездонныя пропасти вѣшаютъ мосты. Я съ комфортомъ и безопасно проѣхалъ сквозь рядъ португальцевъ и англичанъ—на Мадерѣ и островахъ Зеленаго мыса; голландцевъ, негровъ, готтентотовъ и опять англичанъ—на мысѣ Доброй Надежды; малайцевъ, индусовъ и... англичанъ—въ Малайскомъ архипелагѣ и Китаѣ. Что̀ за чудо увидѣть теперь пальму и банапъ, не на картинѣ, а въ натурѣ, на ихъ родной почвѣ, ѣсть прямо съ дерева гуавы, манго и ананасы, не изъ теплицъ, тощіе и сухіе, а сочные, съ римскій огурецъ величиною? Что̀ удивительнаго теряться въ кокосовыхъ неизмѣримыхъ лѣсахъ, путаться ногами въ ползучихъ ліанахъ, между высокихъ, какъ башни, деревьевъ, встрѣчаться съ этими цвѣтными странными нашими братьями? А море?— И оно обыкновенно во всѣхъ своихъ видахъ, бурное, или не-

подвижное, и небо тоже, полуденное, вечернее, ночное, съ разбросанными, какъ песокъ, звѣздами? Все такъ обыкновенно, все это такъ должно быть. Напротивъ, я уѣхалъ отъ чудесъ: въ тропикахъ ихъ нѣтъ. Тамъ все одинаково, все просто. Два времени года, и то это такъ говорится, а въ самомъ дѣлѣ ни одного: зимой жарко, а лѣтомъ знойно; а у васъ тамъ, на „дальнемъ сѣверѣ“, четыре сезона, и то это положено по календарю, а въ самомъ-то дѣлѣ ихъ семь или восемь. Сверхъ положенныхъ, тамъ въ апрѣлѣ является нежданное лѣто, моритъ духотой, а въ Іюнѣ непрошенная зима порошитъ иногда снѣгомъ, потомъ вдругъ наступитъ зной, какому позавидуютъ тропики, и все цвѣтетъ и благоухаетъ тогда на пять минутъ, подъ этими страшными лучами. Раза три въ годъ, Финскій заливъ и покрывающее его сѣрое небо нарядятся въ голубой цвѣтъ и млѣютъ, любуясь другъ другомъ, и сѣверный человѣкъ, ѣдучи изъ Петербурга въ Петергофъ, не насмотрится на рѣдкое „чудо“, ликуетъ въ непривычномъ зноѣ, и все заликуетъ: дерево, цвѣтокъ и животное. Въ тропикахъ, напротивъ, страна вѣчнаго зефира, вѣчнаго зноя, покоя и синевы небесъ и моря. Все однообразно!

И поэзія измѣнила свою священную красоту. Ваши музы, любезные поэты *), законныя дочери парнасскихъ Каменъ, не подали бы вамъ услужливой лиры, не указали бы на тотъ поэтическій образъ, который кидается въ глаза новѣйшему путешественнику. И какой это образъ! Не блистающій красотою, не съ атрибутами силы, не съ искрой демонскаго огня въ глазахъ, не съ мечемъ, не въ коронѣ, а просто въ черномъ фракѣ, въ круглой шляпѣ, въ бѣломъ жилетѣ, съ зонтикомъ въ рукахъ. Но образъ этотъ властвуетъ въ мірѣ надъ умами и страстями. Онъ всюду и я ви-

*) В. Г. Бенедиктовъ и А. Н. Майковъ.

дѣлъ его въ Англіи—на улицѣ, за прилавкомъ магазина, въ законодательной палатѣ, на биржѣ. Все изящество óбраза этого, съ синими глазами, блеститъ въ тончайшей и бѣлѣйшей рубашкѣ, въ гладко выбритомъ подбородкѣ и красиво причесанныхъ русыхъ или рыжихъ бакенбардахъ. Я писалъ вамъ, какъ мы, гонимые бурнымъ вѣтромъ, дрожа отъ сѣвернаго холода, пробѣжали мимо береговъ Европы, какъ въ первый разъ палъ на насъ у подошвы горъ Мадеры, ласковый лучъ солнца, и послѣ угрюмаго, сѣро-свинцоваго неба и такого же моря, заплескали голубыя волны, засіяли синія небеса, какъ мы жадно бросились къ берегу погрѣться горячимъ дыханіемъ земли, какъ упивались за версту повѣявшимъ съ берега благоуханіемъ цвѣтовъ. Радостно вскочили мы на цвѣтущій берегъ, подъ олеандры. Я сдѣлалъ шагъ и остановился въ недоумѣніи, въ огорченіи: какъ, и подъ этимъ небомъ, среди ярко-блещущихъ красокъ моря зелени... стояли три знакомые óбраза, въ черномъ платьѣ, въ круглыхъ шляпахъ! Они, опираясь на зонтики, повелительно смотрѣли своими синими глазами на море, на корабли и на воздымавшуюся надъ ихъ головами и поросшую виноградниками гору. Я шелъ по горѣ; подъ портиками, между фестонами виноградной зелени, мелькалъ тотъ же образъ; холоднымъ и строгимъ взглядомъ слѣдилъ онъ, какъ толпы смуглыхъ жителей юга добывали, обливаясь пóтомъ, драгоцѣнный сокъ своей почвы, какъ катили бочки къ берегу и усылали въ даль, получая за это отъ повелителей право ѣсть хлѣбъ своей земли. Въ океанѣ, въ мгновенныхъ встрѣчахъ, тотъ же образъ видѣнъ былъ на палубѣ кораблей, насвистывающій сквозь зубы: rule Britannia upon the sea. Я видѣлъ его на пескахъ Африки, слѣдящаго за работой негровъ, на плантаціяхъ Индіи и Китая, среди тюковъ чаю, взглядомъ и словомъ, на своемъ родномъ языкѣ, повелѣвающаго народами, кораблями, пушками, двигающаго необъят-

ными естественными силами природы… Вездѣ и всюду этотъ образъ англійскаго купца носится надъ стихіями, надъ трудомъ человѣка, торжествуетъ надъ природой!

Но довольно дѣлать pas de géants: будемъ путешествовать умѣренно, шагъ за шагомъ. Я уже успѣлъ побывать съ вами въ пальмовыхъ лѣсахъ, на раздольѣ океановъ, не выѣхавъ изъ Кронштадта. Оно и не легко: если, сбираясь куда-нибудь на богомолье, въ Кіевъ, или изъ деревни въ Москву, путешественникъ не оберется суматохи, по десяти разъ кидается въ объятія родныхъ и друзей, закусываетъ, присаживается и т. п., то сдѣлайте посылку, сколько понадобится времени, чтобы тронуться четыремъ стамъ человѣкъ—въ Японію. Три раза ѣздилъ я въ Кронштадтъ, и все что-нибудь было еще не готово. Отъѣздъ откладывался на сутки, и я возвращался еще провести день тамъ, гдѣ провелъ лѣтъ семнадцать, и гдѣ наскучило жить. Увижу ли я опять эти главы и кресты? прощался я мысленно, отваливая въ четвертый и послѣдній разъ отъ Англійской набережной.

Наконецъ 7 октября фрегатъ „Паллада“ снялся съ якоря. Съ этимъ началась для меня жизнь, въ которой каждое движеніе, каждый шагъ, каждое впечатлѣніе были не похожи ни на какіе прежніе.

Вскорѣ все стройно засуетилось на фрегатѣ, до тѣхъ поръ неподвижномъ. Всѣ четыреста человѣкъ экипажа столпились на палубѣ, раздались командныя слова, многіе матросы поползли вверхъ по вантамъ, какъ мухи облѣпили реи, и судно окрылилось парусами. Но вѣтеръ былъ не совсѣмъ попутный, и потому насъ потащилъ по заливу сильный пароходъ и на разсвѣтѣ воротился, а мы стали бороться съ поднявшимся бурнымъ, или, какъ моряки говорятъ, „свѣжимъ“ вѣтромъ. Началась сильная качка. Но эта первая буря мало подѣйствовала на меня: не бывши никогда на морѣ, я думалъ, что это такъ должно быть, что иначе не

бываетъ, то-есть, что корабль всегда раскачивается на обѣ стороны, палуба вырывается изъ-подъ ногъ, и море какъ будто опрокидывается на голову.

Я сидѣлъ въ каютъ-компаніи, прислушиваясь въ недоумѣніи къ свисту вѣтра между снастей и къ ударамъ волнъ въ бока судна. Наверху было холодно; косой мерзлый дождь хлесталъ въ лицо. Офицеры беззаботно разговаривали между собой, какъ въ комнатѣ, на берегу; иные читали. Вдругъ раздался пронзительный свистъ, но не вѣтра, а боцманскихъ свистковъ, и вслѣдъ затѣмъ разнесся по всѣмъ палубамъ крикъ десяти голосовъ:—„Пошелъ всѣ наверхъ!“ Мгновенно все народонаселеніе фрегата бросилось снизу вверхъ; отсталыхъ матросовъ побуждали боцмана. Офицеры бросили книги, карты (географическія: другихъ тамъ нѣтъ), разговоры, и стремительно побѣжали туда же. Непривычному человѣку покажется, что случилось какое-нибудь бѣдствіе, какъ-будто что-нибудь сломалось, оборвалось, и корабль сейчасъ пойдетъ на дно.—„Зачѣмъ это зовутъ всѣхъ наверхъ“? спросилъ я бѣжавшаго мимо меня мичмана.—„Свистятъ всѣхъ наверхъ, когда есть авральная работа“, сказалъ онъ въ торопяхъ и исчезъ. Цѣпляясь за трапы и веревки, я выбрался на палубу и сталъ въ уголокъ. Все суетилось.—„Что это такое авральная работа?„ спросилъ я другаго офицера.—„Это когда свистятъ всѣхъ наверхъ“, отвѣчалъ онъ и занялся—авральною работою. Я старался составить себѣ идею о томъ, что эта за работа, глядя что дѣлаютъ, но ничего не уразумѣлъ: дѣлали все то же, что вчера, что вѣроятно, будутъ дѣлать завтра: тянутъ снасти, поворачиваютъ реи, подбираютъ паруса. Офицеры объяснили мнѣ сущую истину, мнѣ бы слѣдовало такъ и понять просто, какъ оно было сказано—и вся тайна была тутъ. Авральная работа значитъ—общая работа, когда одной вахты мало, нужны всѣ руки, оттого всѣхъ и „свистятъ наверхъ“! По-ан-

глійски, если неошибаюсь, и командують „всѣ руки вверхъ!“ (all hands up!). Черезъ пять минутъ, сдѣлавъ что нужно, всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ. Б. К. въ трехъ шагахъ отъ меня насвистывалъ подъ шумъ бури мотивъ изъ оперы. Напрасно я силился подойти къ нему; ноги не повиновались, и онъ смѣялся моимъ усиліямъ.—„Морскихъ ногъ нѣтъ у васъ“, сказалъ онъ.—„А скоро будутъ“? спросилъ я.—„Мѣсяца черезъ два, вѣроятно“. Я вздохнулъ: только это и оставалось мнѣ сдѣлать при мысли, что я еще два мѣсяца буду ходить какъ ребенокъ, держась за юбку няньки. Вскорѣ обнаружилась морская болѣзнь у молодыхъ и подверженныхъ ей, или небывшихъ давно въ походѣ моряковъ. Я ждалъ, когда начну и я отдавать эту скучную дань морю, а ждалъ непремѣнно. Между-тѣмъ, наблюдалъ за другими: вотъ молодой человѣкъ, гардемаринъ, блѣднѣетъ, опускается на стулъ; глаза у него тускнѣютъ, голова клонится на сторону. Вотъ смѣнили часоваго и онъ, отдавъ ружье, бѣжитъ опрометью на бакъ. Офицеръ хотѣлъ что-то закричать матросамъ, но вдругъ отвернулся лицомъ къ морю и оперся на бортъ...—„Что это, васъ, кажется, *травитъ?* говоритъ ему другой. (*Травить, вытравливать*—значитъ выпускать понемногу канатъ). Едва успѣваешь отскакивать, то отъ того, то отъ другаго...—„Выпейте водки,“ говорятъ мнѣ одни.—„Нѣтъ, лучше лимоннаго соку,“ совѣтуютъ другіе; третьи предлагаютъ луку или рѣдьки.—Я не зналъ, на что рѣшиться, чтобы предупредить болѣзнь, и закурилъ сигару. Болѣзнь все не приходила, и я тревожно похаживалъ между больными, ожидая, вотъ-вотъ начнется.—„Вы курите въ качку сигару и ожидаете послѣ этого, что васъ укачаетъ: напрасно!“ сказалъ мнѣ одинъ изъ спутниковъ. И въ самомъ дѣлѣ напрасно: во все время плаванія я ни разу не почувствовалъ ни малѣйшей дурноты и возбуждалъ зависть даже въ морякахъ.

Я съ перваго шага на корабль сталъ осматриваться. И теперь еще, при концѣ плаванія, я помню то тяжелое впечатлѣніе, отъ котораго сжалось сердце, когда я въ первый разъ вглядывался въ принадлежности судна, заглянулъ въ трюмъ, въ темные закоулки, какъ мышиныя норки, куда едва доходитъ блѣдный лучъ свѣта чрезъ толстое въ ладонь стекло.—Съ перваго раза невыгодно дѣйствуетъ на воображеніе все, что потомъ привычному глазу кажется удобствомъ: недостатокъ свѣта, простора, люки, куда люди какъ-будто проваливаются, пригвожденные къ стѣнамъ коммоды и диваны, привязанные къ полу столы и стулья, тяжелыя орудія, ядра и картечи, правильными кучами на кранцахъ, какъ на подносахъ, разставленныя у орудій; груды снастей, висящихъ, лежащихъ, двигающихся и неподвижныхъ, койки вмѣсто постелей, отсутствіе всего лишняго; порядокъ и стройность, вмѣсто красиваго безпорядка и некрасивой распущенности, какъ въ людяхъ, такъ и въ убранствѣ этого пловучаго жилища. Робко ходитъ въ первый разъ человѣкъ на кораблѣ; каюта ему кажется гробомъ, а между тѣмъ, едва ли онъ безопаснѣе въ многолюдномъ городѣ, на шумной улицѣ, чѣмъ на крѣпкомъ парусномъ судпѣ, въ океанѣ. Но къ этой истинѣ я пришелъ не скоро.

Намъ, Русскимъ, дѣлаютъ упрекъ въ лѣни, и недаромъ. Сознаемся сами, безъ помощи иностранцевъ, что мы тяжелы на подъемъ. Можно ли повѣрить, что въ Петербургѣ есть множество людей, тамошнихъ уроженцевъ, которые никогда не бывали въ Кронштадтѣ оттого, что туда надо ѣхать моремъ, именно оттого, зачѣмъ бы стоило съѣздить за тысячу верстъ, чтобы только испытать этотъ способъ путешествія? Моряки особенно жаловались мнѣ на недостатокъ любознательности въ нашей публикѣ ко всему, что касается моря и флота, и приводили въ примѣръ англичанъ, которые толпами, съ женами и дѣтьми, являются на всякій корабль, при-

ходящій въ портъ. Первая часть упрека совершенно основательна, то-есть въ недостаткѣ любопытства; что касается до второй, то англичане намъ не примѣръ. У англичанъ море—ихъ почва: имъ не по чемъ ходить больше. Оттого въ англійскомъ обществѣ есть множество женщинъ, которыя бывали во всѣхъ пяти частяхъ свѣта. Нѣкоторыя постоянно живутъ въ Индіи и пріѣзжаютъ видѣться съ родными въ Лондонъ, какъ у насъ изъ Тамбова въ Москву. Слѣдуетъ ли отъ этого упрекать нашихъ женщинъ, что онѣ не бываютъ въ Китаѣ, на мысѣ Доброй Надежды, въ Австраліи, или англичанокъ, за то, что онѣ не бываютъ въ Камчаткѣ, на Кавказѣ, въ глубинѣ азіятскихъ степей?

Но не знать петербургскому жителю, что такое палуба, мачта, реи, трюмъ, трапъ, гдѣ корма, гдѣ носъ, главныя части и принадлежности корабля—не совсѣмъ позволительно, когда подъ бокомъ стоитъ флотъ. Многіе оправдываются тѣмъ, что они не имѣютъ между моряками знакомыхъ, и оттого затрудняются сдѣлать визитъ на корабль, не зная, какъ „моряки примутъ". А примутъ отлично, какъ хорошіе знакомые; даже самолюбію ихъ будетъ пріятно участіе къ ихъ дѣлу, и они познакомятъ васъ съ нимъ съ радушіемъ и самою изысканною любезностью. Поѣзжайте лѣтомъ на кронштадтскій рейдъ, на любой военный корабль, адресуйтесь къ командиру, или старшему, или, наконецъ, къ вахтенному (караульному) офицеру, съ просьбой осмотрѣть корабль, и если нѣтъ „авральной" работы на кораблѣ, то я вамъ ручаюсь за самый пріятный пріемъ.

Пріѣхавъ на фрегатъ, еще съ багажемъ, я не зналъ, куда ступить, и въ незнакомой толпѣ остался совершеннымъ сиротой. Я съ недоумѣніемъ глядѣлъ вокругъ себя и на свои, сложенныя въ кучу вещи. Не прошло минуты, ко мнѣ подошли три офицера: Б. Ш., мичманы Б. и К.—мои будущіе спутники и отличные пріятели. Съ ними подошла куча

матросовъ. Они разомъ схватили все, что было со мной, чуть не меня самого, и понесли въ назначенную мнѣ каюту. Пока Б. Ш. водворялъ меня въ ней, Б. привелъ молодаго, коренастаго, гладко остриженнаго матроса.—„Вотъ этотъ матросъ вамъ назначенъ въ вѣстовые," сказалъ онъ. Это былъ Ѳаддеевъ, съ которымъ я уже давно познакомилъ васъ.—„Честь имѣю явиться", сказалъ онъ, вытянувшись и оборотившись ко мнѣ не лицомъ, а грудью: лицо у него всегда было обращено нѣсколько стороной къ предмету, на который онъ смотрѣлъ. Русые волосы, бѣлые глаза, бѣлое лицо, тонкія губы—все это напоминало скорѣе Финляндію, нежели Кострому, его родину. Съ этой минуты мы уже съ нимъ не разлучны до сихъ поръ. Я изучилъ его недѣли въ три окончательно, то-есть, пока шли до Англіи; онъ меня, я думаю, въ три дня. Сметливость и „себѣ на умѣ" были не послѣдними его достоинствами, которыя прикрывались у него наружною неуклюжестью костромитянина и субординацією матроса.—„Помоги моему человѣку установить вещи въ каютѣ", отдалъ я ему первое приказаніе. И то, что моему слугѣ стало бы на два утра работы, Ѳаддеевъ сдѣлалъ въ три пріема—не спрашивайте какъ. Такой ловкости и цѣпкости, какою обладаетъ матросъ вообще, а Ѳаддеевъ въ особенности, встрѣтишь развѣ въ кошкѣ. Черезъ полчаса все было на своемъ мѣстѣ, между-прочимъ, и книги, которыя онъ расположилъ на коммодѣ въ углу полукружіемъ и перевязалъ, на случай качки, веревками такъ, что нельзя было вынуть ни одной безъ его же чудовищной силы и ловкости, и я до Англіи пользовался книгами изъ чужихъ библіотекъ.

— „Вы вѣрно, не обѣдали", сказалъ Б.—„а мы уже кончили свой обѣдъ: не угодно ли закусить?" Онъ привелъ меня въ каютъ-компанію, просторную комнату внизу, на кубрикѣ, безъ оконъ, но съ люкомъ наверху, чрезъ который падаетъ обильный свѣтъ. Кругомъ помѣщались маленькія

каюты офицеровъ, а по срединѣ насквозь проходила бизань-мачта, замаскированная круглымъ диваномъ. Въ каютъ-компаніи стоялъ длинный столъ, какіе бываютъ въ классахъ, со скамьями. На немъ офицеры обѣдаютъ и занимаются. Была еще кушетка и больше ничего. Какъ ни массивенъ этотъ столъ, но, при сильной качкѣ, и его бросало изъ стороны въ сторону, и чуть-было однажды не задавило нашего миньятюрнаго, добраго, услужливаго распорядителя офицерскаго стола, П. А. Т. Въ офицерскихъ каютахъ было только мѣсто для постели, для коммода, который въ тоже время служилъ и столомъ, и для стула. Но за то все пригнано къ помѣщенію всякой всячины, какъ нельзя лучше. Платье висѣло на перегородкѣ, бѣлье лежало въ ящикахъ, устроенныхъ въ постели, книги стояли на полкахъ.

Офицеровъ никого не было въ каютъ-компаніи: всѣ были наверху, вѣроятно, „на авральной работѣ". Подали холодную закуску. А. А. Б. угощалъ меня.—„Извините, горячаго у насъ ничего нѣтъ", сказалъ онъ:—„всѣ огни потушены. Порохъ принимаемъ".—„Порохъ? а много его здѣсь?" освѣдомился я съ большимъ участіемъ.—„Пудовъ пятьсотъ приняли: остается еще принять пудовъ триста".—„А гдѣ онъ у васъ лежитъ"? еще съ большимъ участіемъ спросилъ я.—„Да вотъ здѣсь", сказалъ онъ, указывая на полъ:—„подъ вами".—Я немного пріостановился жевать при мысли, что подо мной уже лежитъ 500 пудовъ пороху, и что въ эту минуту вся „авральная работа" сосредоточена на томъ, чтобы подложить еще пудовъ триста.—„Это хорошо, что огни потушены", похвалилъ я за предусмотрительность.—„Помилуйте, что за хорошо: курить нельзя", сказалъ другой, входя въ каюту.—Вотъ какое различіе бываетъ во взглядахъ на одинъ и тотъ же предметъ! подумалъ я въ ту минуту, а черезъ мѣсяцъ, когда, во время починки фрегата въ Портсмутѣ, сдавали порохъ на сбереженіе въ

англійское адмиралтейство, ужасно роптал, что огня не дают и что покурить нельзя.

Къ вечеру собрались всѣ: камбузъ (печь) запылалъ; подали чай, ужинъ—и задымились сигары. Я перезнакомился со всѣми, и вотъ съ тѣхъ поръ до сей минуты—какъ дома. Я думалъ, судя по прежнимъ слухамъ, что слово чай у моряковъ есть только аллегорія, подъ которою надо разумѣть пуншъ, и ожидалъ, что когда офицеры соберутся къ столу, то начнется авральная работа за пуншемъ, загорится живой разговоръ, а съ нимъ и носы, потомъ кончится дѣло объясненіями въ дружбѣ, даже объятіями, словомъ, исполнится вся программа оргіи. Я уже придумалъ, какъ мнѣ отдѣлаться отъ участія въ ней. Но къ удивленію и удовольствію моему, на длинномъ столѣ стоялъ всего одинъ графинъ хереса, изъ котораго человѣка два выпили по рюмкѣ, другіе и не замѣтили его. Послѣ, когда предложено было вовсе не подавать вина за ужиномъ, всѣ единодушно согласились. Рѣшили, излишекъ въ экономіи отъ вина приложить къ суммѣ, опредѣленной на библіотеку. О ней былъ длинный разговоръ за ужиномъ, а объ водкѣ ни полслова!

Не то разсказывалъ мнѣ одинъ старый морякъ о прежнихъ временахъ!—„Бывало, смѣнишься съ вахты иззябшій и перемокшій—да какъ хватишь стакановъ шесть пунша!“.. говорилъ онъ. Ѳаддеевъ устроилъ мнѣ койку и я, несмотря на октябрь, на дождь, на лежавшіе подъ ногами восемьсотъ пудовъ пороха, заснулъ, какъ рѣдко спалъ на берегу, утомленный хлопотами переѣзда, убаюканный свѣжестью воздуха и новыми, не непріятными впечатлѣніями. Утромъ я только что проснулся, какъ увидѣлъ въ каютѣ своего городскаго слугу, который не успѣлъ съ вечера отправиться на берегъ и ночевалъ съ матросами.—„Баринъ“! сказалъ онъ встревоженнымъ и умоляющимъ голосомъ: „не ѣздите, Христа ради, по морю“!—„Куда?“—„А куда ѣдете: на край

свѣта".—„Какъ же ѣхать?—„Матросы сказывали, что сухимъ путемъ можно."—„Отчего жь не по морю?"—„Ахъ, Господи! какія страсти разсказываютъ. Говорятъ: вонъ съ этого бревна, что наверху поперекъ виситъ..."—„Съ рея", поправилъ я.—„Что жь случилось?"—„Въ бурю вѣтромъ пятнадцать человѣкъ въ море снесло; насилу вытащили, а одинъ утонулъ. Не ѣздите, Христа ради!" Вслушавшись въ нашъ разговоръ, Ѳаддеевъ замѣтилъ, что качка ничего, а что есть на морѣ такія мѣста, гдѣ „крутитъ", и когда корабль въ эдакую „кручу" попадаетъ, такъ сейчасъ вверхъ килемъ перевернется.—„Какъ же быть-то", спросилъ я,—„и гдѣ такія мѣста есть?" — „Гдѣ такія мѣста есть?" повторилъ онъ:—„штурмана знаютъ, туда не ходятъ".

И такъ мы снялись съ якоря. Море бурно и желто, облака сѣрыя, непроницаемыя; дождь и снѣгъ шли попремѣнно—вотъ что провожало насъ изъ отечества. Ванты и снасти леденѣли. Матросы въ байковыхъ пальто, жались въ кучу. Фрегатъ, со скрипомъ и стономъ, переваливался съ волны на волну; берегъ, въ виду котораго шли мы, зарылся въ туманахъ. Вахтенный офицеръ, въ кожаномъ пальто и клеенчатой фуражкѣ, зорко глядѣлъ вокругъ, стараясь не выставлять наружу ничего, кромѣ усовъ, которымъ предоставлялась полная свобода мерзнуть и мокнуть. Больше всѣхъ заботы было *дѣду*. Я въ предъидущихъ письмахъ познакомилъ васъ съ нимъ и почти со всѣми моими спутниками. Не стану возвращаться къ ихъ характеристикѣ, а буду упоминать о каждомъ кстати, когда придетъ очередь. Дѣду, какъ старшему штурманскому капитану, предстояло наблюдать за курсомъ корабля. Финскій заливъ весь усѣянъ мелями, но онъ превосходно обставленъ маяками, и въ ясную погоду въ немъ такъ же безопасно, какъ на Невскомъ проспектѣ. А теперь, въ туманъ, дѣдъ, какъ ни напрягалъ зрѣніе, не могъ видѣть Нервинскаго маяка. Безпокойству его не было конца.

У него только и было разговору, что о маякѣ.—„Какъ же такъ“, говорилъ онъ всякому, кому и дѣла не было до маяка, между прочимъ и мнѣ:—„по разсчету ужъ съ полчаса мы должны видѣть его. Онъ тутъ, непремѣнно тутъ, вотъ противъ этой ванты“, ворчалъ онъ, указывая коротенькимъ пальцемъ въ туманъ:—„да каторжный туманъ мѣшаетъ. Ахъ, ты Господи! поди-ка посмотри ты, не увидишь ли?“ говорилъ онъ кому-нибудь изъ матросъ.—„А это что такое тамъ, какъ будто стрѣлка?“... сказалъ я.—„Гдѣ? гдѣ?“ живо спросилъ онъ.—„Да вонъ, кажется...“ говорилъ я, указывая въ даль.—„Ахъ, въ самомъ дѣлѣ—вонъ, вонъ, да, да! Видѣнъ, видѣнъ!„ торжественно говорилъ онъ и капитану, и старшему офицеру, и вахтенному, и бѣгалъ, то къ картѣ въ каюту, то опять наверхъ.—„Видѣнъ, вотъ, вотъ онъ, весь видѣнъ!“ твердилъ онъ, радуясь, какъ будто увидѣлъ роднаго отца. И пошелъ мѣрить и высчитывать узлы.

Мы прошли Готландъ. Тутъ я услышалъ морское повѣрье, что, поровнявшись съ этимъ островомъ, суда бросали, бывало, мѣдную монету духу, охраняющему островъ, чтобы онъ пропустилъ мимо безъ бурь. Готландъ—камень съ крутыми ровными боками, къ которымъ нѣтъ никакого приступу кораблямъ. Не разъ они дѣлались добычей бурнаго духа, и свирѣпое море высоко подбрасывало обломки ихъ, а иногда и трупы, на крутые бока негостепріимнаго острова. Прошли и Борнгольмъ—помните: „милый Борнгольмъ“ и таинственную, недосказанную легенду Карамзина? Все было холодно, мрачно. На фрегатѣ открылась холера, и мы, дойдя только до Даніи, похоронили троихъ людей, да одинъ смѣлый матросъ сорвался въ бурную погоду въ море и утонулъ. Таково было наше обрученіе съ моремъ, и предсказаніе моего слуги отчасти сбылось. Подать упавшему помощь, не жертвуя другими людьми, по причинѣ сильнаго волненія, было невозможно.

Но дни шли своимъ чередомъ и жизнь на кораблѣ тоже. Отправляли службу, обѣдали, ужинали—все по свистку, и даже по свистку веселились. Обѣдъ—это тоже своего рода авральная работа. Въ батарейной палубѣ привѣшиваются большія чашки, называемыя „баками", куда накладывается кушанье изъ одного общаго или „братскаго" котла. Даютъ одно блюдо: щи съ солониной, съ рыбой, съ говядиной, или кашицу; на ужинъ то же, иногда кашу. Я подошелъ однажды попробовать.—„Хлѣбъ да соль", сказалъ я. Одинъ изъ матросовъ, изъ учтивости, чисто облизалъ свою деревянную ложку и подалъ мнѣ. Щи превкусныя, съ сильною приправой луку. Конечно, нужно имѣть матросскій желудокъ, то-есть нуженъ моціонъ матроса, чтобы переварить эти куски солонины и лукъ, съ вареною капустой—любимые матросами и полезное на морѣ блюдо. Но одно блюдо за обѣдомъ—этого мало, думалось мнѣ: матросы, пожалуй, голодны будутъ. —„А много ли вы ѣдите"? спросилъ я.—„До отвалу, ваше высокоблагородіе", въ пять голосовъ отвѣчали обѣдающіе. Въ самомъ дѣлѣ, то отъ одной, то отъ другой группы опрометью бѣжалъ матросъ, съ пустой чашкой, къ братскому котлу, и возвращался осторожно, неся полную до краевъ чашку.

Веселились по свистку, сказалъ я: да, тамъ, гдѣ собрано въ тѣсную кучу четыреста человѣкъ, и самое веселье подчинено общему порядку. Послѣ обѣда, по окончаніи работъ, особенно въ воскресенье, обыкновенно раздается команда:— „Свистать пѣсенниковъ наверхъ!" И начинается веселье. Особенно я помню, какъ это странно поразило меня въ одно воскресенье. Холодный туманъ покрывалъ небо и море, шелъ мелкій дождь. Въ такую погоду хочется уйти въ себя, сосредоточиться, а матросы пѣли и плясали. Но они странно плясали: усиленныя движенія ясно разногласили съ этою сосредоточенностью. Пляшущіе были молчаливы, выраженія

лицъ хранили важность, даже угрюмость, но тѣмъ кажется, они усерднѣе работали ногами. Зрители вокругъ, съ тою же угрюмою важностью, пристально смотрѣли на нихъ. Пляска имѣла видъ напряженнаго труда. Плясали, кажется, лишь по сознанію, что сегодня праздникъ, слѣдовательно, надо веселиться. Но еслибъ отмѣнили удовольствіе, они были бы недовольны.

Плаваніе становилось однообразно и, признаюсь, скучновато: все сѣрое небо, да желтое море, дождь со снѣгомъ, или снѣгъ съ дождемъ—хоть кому надоѣстъ. У меня ужь заболѣли зубы и високъ. Ревматизмъ напомнилъ о себѣ живѣе, нежели когда-нибудь. Я слегъ и нѣсколько дней пролежалъ, закутанный въ теплыя одѣяла, съ подвязанною щекой.

Только у береговъ Даніи повѣяло на насъ тепломъ, и мы ожили. Холера исчезла со всѣми признаками, ревматизмъ мой унялся и я сталъ выходить на *улицу*—такъ я прозвалъ палубу. Но бури не покидали насъ; таковъ обычай на Балтійскомъ морѣ осенью. Пройдетъ день, два—тихо, какъ будто вѣтеръ собирается съ силами, и грянетъ потомъ такъ, что бѣдное судно стонетъ, какъ живое существо. День и ночь на кораблѣ бдительно слѣдятъ за состояніемъ погоды. Барометръ дѣлается общимъ оракуломъ. Матросъ и офицеръ не смѣютъ надѣяться проспать покойно свою смѣну.—„Пошелъ всѣ на верхъ!“ раздается и среди ночнаго безмолвія. Я, лежа у себя въ койкѣ, слышу всякій стукъ, крикъ всякое движеніе парусовъ, командныя слова, и начинаю понимать смыслъ послѣднихъ. Когда заслышишь приказаніе: „поставить брамсели, лисселя“, покойно закутываешься въ одѣяло и засыпаешь беззаботно: значитъ тихо, покойно. За то какъ навостришь уши, когда велятъ „брать два, три рифа“, то-есть уменьшить парусъ. Лучше и не засыпать тогда: все равно, послѣ проснешься по-неволѣ.

Заговоривъ о парусахъ, кстати скажу вамъ, какое впечатлѣніе сдѣлала на меня парусная система. Многіе наслаждаются этою системой, видя въ ней доказательство будто бы могущества человѣка надъ бурною стихіей. Я вижу совсѣмъ противное, то-есть доказательство его безсилія одолѣть воду. Посмотрите на постановку и уборку парусовъ вблизи, на сложность механизма, на эту сѣть снастей, канатовъ, веревокъ, концовъ и веревочекъ, изъ которыхъ каждая отправляетъ свое особенное назначеніе и есть необходимое звено въ общей цѣпи; взгляните на число рукъ, приводящихъ ихъ въ движеніе. И между-тѣмъ къ какому неполному результату приводятъ всѣ эти хитрости! Нельзя опредѣлить срокъ прибытію парусного судна, нельзя бороться съ противнымъ вѣтромъ, нельзя сдвинуться назадъ, наткнувшись на мель, нельзя поворотить сразу въ противную сторону, нельзя остановиться въ одно мгновеніе. Въ штиль судно дремлетъ, при противномъ вѣтрѣ лавируетъ, то есть виляетъ, обманываетъ вѣтеръ и выигрываетъ только треть прямаго пути. А вѣдь нѣсколько тысячъ лѣтъ убито на то, чтобъ выдумывать по парусу и по веревкѣ въ столѣтіе. Въ каждой веревкѣ, въ каждомъ крючкѣ, гвоздѣ, дощечкѣ, читаешь исторію, какимъ путемъ истязаній пріобрѣло человѣчество право плавать по морю при благопріятномъ вѣтрѣ. Всѣхъ парусовъ до тридцати: на каждое дуновеніе вѣтра приходится по парусу. Оно, пожалуй, красиво смотрѣть со стороны, когда на безконечной глади водъ плыветъ корабль, окрыленный бѣлыми парусами, какъ подобіе лебедя, а когда попадешь въ эту паутину снастей, отъ которыхъ проходу нѣтъ, то увидишь въ этомъ не доказательство силы, а скорѣе безнадежность на совершенную побѣду. Парусное судно похоже на старую кокетку, которая нарумянится, набѣлится, поддѣнетъ десять юбокъ и затянется въ корсетъ, чтобы подѣйствовать на любовника, и на минуту иногда успѣетъ; но только явится мо-

лодость и свѣжесть силъ—всѣ ея хлопоты разлетятся въ прахъ. И парусное судно, обмотавшись веревками, завѣсившись парусами, роетъ туда же, кряхтя и охая, волны; а чуть задуетъ въ лобъ—крылья и повисли. До паровъ еще, пожалуй, можно бы не то что гордиться, а забавляться сознаніемъ, что вотъ-де дошли же до того, что плаваемъ по морю съ попутнымъ вѣтромъ. Нѣкоторые находятъ, что въ пароходѣ меньше поэзіи, что онъ не такъ опрятенъ, некрасивъ. Это отъ непривычки: еслибъ пароходы существовали нѣсколько тысячъ лѣтъ, а парусныя суда недавно, глазъ людской, конечно, находилъ бы больше поэзіи въ этомъ быстромъ, видимомъ стремленіи судна, на которомъ не мечется изъ угла въ уголъ измученная толпа людей, стараясь угодить вѣтру, а стоитъ въ бездѣйствіи, скрестивъ руки на груди, человѣкъ, съ покойнымъ сознаніемъ, что подъ ногами его сжата сила, равная силѣ моря, заставляющая служить себѣ и бурю, и штиль. Напрасно водили меня показывать, какъ красиво вздуваются паруса съ подвѣтренной стороны, какъ фрегатъ, лежа бокомъ на водѣ, рѣжетъ волны и мчится по двѣнадцати узловъ въ часъ.—„Эдакъ и пароходъ не пойдетъ!" говорятъ мнѣ.—„Да за то пароходъ всегда пойдетъ." Горе моряку старинной школы, у котораго весь умъ, вся наука, искусство, а за ними самолюбіе и честолюбіе разсѣлись по снастямъ. Дѣло рѣшено. Паруса остались на долю мелкихъ судовъ и небогатыхъ промышленниковъ; все остальное усвоилъ паръ. Ни на одной военной верфи не строятъ большихъ парусныхъ судовъ; даже старыя передѣлываются на паровыя. При насъ въ портсмутскомъ адмиралтействѣ розпяли уже совсѣмъ готовый корабль пополамъ и вставили паровую машину.

Мы вошли въ Зундъ: здѣсь невидавшему никогда ничего, кромѣ нашихъ ровныхъ степныхъ мѣстностей, въ первый разъ являются въ туманѣ картины горъ, желтыхъ, лиловыхъ,

сѣрыхъ, смотря по освѣщенію солнца и разстоянію. Шведскій берегъ весь гористый. Датскій видѣнъ ясно. Онъ намъ представилъ картину увядшей осенней зелени, нѣсколько деревень. Романтики, глядя на крѣпости обоихъ береговъ, припоминали могилу Гамлета; болѣе положительные люди разсуждали о несправедливости зундскихъ пошлинъ, самые положительные—о необходимости запастись свѣжею провизіей, а всѣ вообще мечтали съѣхать на сутки на берегъ, ступить ногой въ Данію, обѣгать Копенгагенъ, взглянуть на физіономію города, на картину людей, быта, немного расправить ноги послѣ качки, поѣсть свѣжихъ устрицъ. Но ничего этого не случилось. На другой день заревѣлъ штормъ, сообщенія съ берегомъ не было, и мы простояли, помнится, трое сутокъ въ печальномъ бездѣйствіи. Простоять въ виду берега, не имѣя возможности съѣхать на него, гораздо скучнѣе, нежели пробыть мѣсяцъ въ морѣ, не видя береговъ. Въ этомъ я убѣдился вполнѣ. Обѣдали, пили чай, разговаривали, читали, заучили картину обоихъ береговъ наизусть, и все-таки времени оставалось много. Изрѣдка нарушалось однообразіе неожиданнымъ развлеченіемъ. Вбѣжитъ иногда въ капитанскую каюту вахтенный и тревожно скажетъ:—„Купецъ наваливается, ваше высокоблагородіе!“ Книги, обѣдъ — все бросается, бѣгутъ наверхъ; я туда же. Въ самомъ дѣлѣ купеческое судно, называемое въ морѣ коротко „купецъ“, для отличія отъ военнаго, сбитое теченіемъ, или отъ неумѣнья править, такъ и ломитъ, или на носъ, или на корму, того и гляди стукнется, повредитъ какъ-нибудь утлегарь, поломаетъ рей—и не перечтешь сколько надѣлаетъ вреда себѣ и другимъ. Начинается крикъ, шумъ, угрозы, съ одной стороны по-русски, съ другой энергическіе отвѣты и оправданія по-голландски, или по-англійски, по-нѣмецки. Другъ друга въ суматохѣ не слышатъ, не понимаютъ, а кончится все-таки тѣмъ, что расцѣпятся—и все смолкнетъ: корабль нѣмъ и не-

движимъ опять; только часовой задумчиво ходитъ съ ружьемъ взадъ и впередъ.

Завидятъ ли огни ночью—еще больше тревоги. На бдительность купеческихъ судовъ надѣяться нельзя. Тамъ все принесено въ жертву экономіи; отъ этого людей на нихъ мало, рулевой большею частію одинъ: нельзя понадѣяться, что ночью онъ не задремлетъ надъ колесомъ и не прозѣваетъ встрѣчныхъ огней. Столкновеніе двухъ судовъ ведетъ за собой неминуемую гибель одного изъ нихъ, меньшаго непремѣнно, а иногда и обоихъ. Отъ этого всегда поднимается гвалтъ на суднѣ, когда завидятъ идущіе на встрѣчу огни, кричатъ, бьютъ въ барабанъ, жгутъ бенгальскіе огни, и если судно не мѣняетъ своего направленія, палятъ изъ пушекъ. Это особенно пріятно, когда многіе спятъ по каютамъ и не знаютъ, въ чемъ дѣло, а тутъ вдругъ раздается трескъ, отъ котораго дрогнетъ корабль. Но и къ этому привыкаешь.

Б. Ш. одинъ посланъ былъ по дѣлу на берегъ, а потомъ, вызвавъ лоцмана, мы прошли Зундъ, лишь только стихнулъ штормъ, и пустились въ Каттегатъ и Скагерракъ, которые пробѣжали въ сутки.

Я въ это время читалъ замѣчательную книгу, отъ которой нельзя оторваться, не смотря на то, что читалъ уже не совсѣмъ новое. Это „Исторія кораблекрушеній“, въ которой собраны за старое и новое время всѣ случаи извѣстныхъ кораблекрушеній, со всѣми послѣдствіями. В. А. К. читалъ ее и далъ мнѣ прочесть „для успокоенія воображенія“, какъ говорилъ онъ. Хорошо успокоеніе: прочесть подъ-рядъ сто исторій, одна страшнѣе и плачевнѣе другой, когда пускаешься года на три жить на морѣ! Только и говорится о томъ, ка̀къ корабль стукнулся о камень, повалился на бокъ, ка̀къ рухнули мачты, палубы, ка̀къ гибли сотнями люди—одни раздавленные пушками, другіе утонули... Взглянешь около себя и увидишь мачты, палубы, пушки, слышишь ревъ вѣ-

тра, а не вдалекѣ, въ краснорѣчивомъ безмолвіи, стоятъ красивыя скалы: не разъ содрогнешься за участь путешественниковъ!.. Но я убѣдился, что читать и слушать разсказы объ опасныхъ странствіяхъ гораздо страшнѣе, нежели испытывать послѣднія. Говорятъ, и умирающему не такъ страшно умирать, какъ свидѣтелямъ смотрѣть на это.

Потомъ, вникая въ устройство судна, въ исторію всѣхъ этихъ разсказовъ о кораблекрушеніяхъ, видишь, что корабль погибаетъ не легко и не скоро, что онъ до послѣдней доски борется съ моремъ и носитъ въ себѣ пропасть средствъ къ защитѣ и самохраненію, между которыми есть много предвидѣнныхъ и непредвидѣнныхъ, что, лишась почти всѣхъ своихъ членовъ и частей, онъ еще тысячи миль носится по волнамъ, въ видѣ остова, и долго хранитъ жизнь человѣка. Между обреченнымъ гибели судномъ и разсвирѣпѣвшимъ моремъ завязывается упорная битва: съ одной стороны слѣпая сила, съ другой отчаяніе и зоркая хитрость, указывающая самому крушенію совершаться постепенно, по правиламъ. Есть цѣлая теорія, какъ защищаться отъ гибели. Срѣжетъ ли ураганъ у корабля всѣ три мачты: кажется, какъ бы не погибнуть? Вѣдь это все равно, что отрѣзать вожжи у горячей лошади, а между-тѣмъ поставятъ фальшивыя мачты, изъ запаснаго дерева—и идутъ. Оторвется ли руль: надежда спастись придаетъ изумительное проворство, и дѣлается фальшивый руль. Оказывается ли сильная пробоина, ее затягиваютъ на первый случай просто парусомъ—и отверстіе „засасывается" холстомъ и не пропускаетъ воду, а между-тѣмъ десятки рукъ изготовляютъ новыя доски и пробоина заколачивается. Наконецъ судно отказывается отъ битвы, идетъ ко дну: люди бросаются въ шлюпку, и на этой скорлупкѣ достигаютъ ближайшаго берега, иногда за тысячу миль.

Въ Нѣмецкомъ морѣ, когда штормъ утихъ, мы видѣли

одно такое безнадежное судно. Мы сначала не знали, что подумать о немъ. Флага не было: оно не подняло его, когда мы требовали этого, поднявъ свой. Подойдя ближе, мы не замѣтили никакого движенія на немъ. Наконецъ поѣхали на шлюпкѣ къ нему—на немъ ни одного человѣка: судно было брошено на гибель. Трюмъ постоянно наполнялся водой, и еслибъ мы остались тутъ, то, вѣроятно, къ концу дня увидѣли бы, какъ оно погрузится на дно. Видите ли, сколько времени нужно и безнадежному судну, чтобы потонуть… къ концу дня! А оно уже было лишено своего разума и воли, то есть людей, и слѣдовательно перестало бороться. Оно гибло безотвѣтно. Носовая его часть опустилась: печальная картина, какъ картина всякой агоніи!

Въ этотъ же день, недалеко отъ этого корабля, мы увидѣли еще нѣсколько точекъ вдали и услышали крикъ. Въ трубу разглядѣли лодки; подвигаясь ближе, различили явственнѣе человѣческіе голоса. — „Рыбаки, должно-быть“, сказалъ капитанъ.—„Нѣтъ“, возразилъ О. А, „слышите, вопли! Это вѣроятно погибающіе просятъ о помощи; нельзя ли поворотить?“—Капитанъ былъ убѣжденъ въ противномъ; но чтобъ не брать грѣха на душу, велѣлъ держать на рыбаковъ. Ему, однакожъ, не очень нравилось терять время попустому: военнымъ судамъ разгуливать по морю некогда.— „Если это“, ворчалъ онъ „рыбаки кричатъ, предлагаютъ рыбу… Приготовить брандспойты!“ приказалъ онъ вахтенному (брандспойты—пожарныя трубы). Матросамъ велѣно было набрать воды и держать трубы на-готовѣ. Черныя точки между-тѣмъ превратились въ лодки. Вотъ видны и люди, которые, стоя въ нихъ, вопятъ такъ, что, я думаю, въ Голландіи слышно. Подходимъ ближе—люди протягиваютъ къ намъ руки, умоляя—купить рыбы. Велѣно держать вплоть къ лодкамъ.—„Брандспойты!“ закричалъ вахтенный, и рыбакамъ заданъ былъ обильный душъ, къ несказанному удо-

вольствію нашихъ матросовъ, и рыбаковъ тоже, потому-что и они засмѣялись вмѣстѣ съ нами.

Впрочемъ, напрасно капитанъ дорожилъ такъ временемъ. Мы разсчитывали 20-го, 21-го октября придти въ Портсмутъ, а пробыли въ Нѣмецкомъ морѣ столько, что имѣли бы время сворачивать и держать на каждаго рыбака, котораго только завидимъ. Задулъ постоянный противный вѣтеръ и десять дней не пускалъ войдти въ Англійскій каналъ.—„Что жь вы дѣлали десять дней?“ спросите вы. Вамъ трудно представить себѣ, какъ можно пробыть десять дней на кораблѣ, когда часъ ѣзды между Петербургомъ и Кронштадтомъ наводитъ скуку. Да, нѣсколько часовъ пробыть на морѣ, а нѣсколько недѣль—ничего, потому-что нѣсколько недѣль есть уже капиталъ, который можно употребить въ дѣло; тогда какъ изъ нѣсколькихъ часовъ ничего не сдѣлаешь. Впрочемъ, у насъ были и развлеченія: появились касатки или морскія свиньи. Онѣ презабавно прыгали черезъ волны, показывая черныя толстыя хребты. По вечерамъ, наклоняясь надъ бортомъ, мы любовались сверкающимъ въ пучинѣ фосфорическими искрами мелкихъ животныхъ.

Идучи Балтійскимъ моремъ, мы обѣдали почти роскошно. Припасы были свѣжіе, поваръ отличный. Но лишь только задулъ противный вѣтеръ, стали опасаться, что онъ задержитъ насъ долго въ морѣ, и рѣшили беречь свѣжіе припасы. Опасеніе это оправдалось вполнѣ. Оставалось миль триста до Портсмута: можно бы промахнуть это пространство въ одинъ день, а мы носились по морю десять дней, и все по одной линіи.—„Гдѣ мы?“ спросишь проснувшись, утромъ у дѣда.—„Въ морѣ“, говоритъ онъ сердито.—„Я знаю это и безъ васъ“, еще сердитѣе отвѣчаете вы:—„да на которомъ мѣстѣ?“—„Вонъ, взгляните, развѣ не видите? все тамъ же, гдѣ были и вчера: у Галлоперскаго маяка“.—„А теперь куда идемъ?“—„Куда и вчера ходили: къ Доггерской банкѣ“.

Банка эта мелка относительно общей глубины моря, но имѣетъ достаточную глубину для большихъ кораблей. На ней не только безопасно, но даже волненіе не такъ чувствительно. На ней стараются особенно держаться голландскія рыбачьи суда.—„Ну что, подвигаемся?“ спросите потомъ вечеромъ у дѣда, общаго оракула.—„Какъ же, отлично: крутой бейдевиндъ: $7^1/_2$ узловъ хода“.—„Да подвигаемся ли впередъ?“ спрашиваете вы съ нетерпѣніемъ.—„Разумѣется; впередъ: къ Галлоперскому маяку“, отвѣчаетъ дѣдъ:—„ужь, чай, и видѣнъ!“

Вслѣдствіе этого на столѣ чаще стала появляться солонина; состарѣвшіяся отъ морскихъ треволненій куры и утки, и поросята, выросшіе до степени свиней, поступили въ число тонкихъ блюдъ. Даже прѣсную воду стали выдавать по порціямъ: сначала по двѣ, потомъ по одной кружкѣ въ день на человѣка, только для питья. Умываться предложено было морской водой, или не умываться, ad libitum. Скажу вамъ по секрету, что Ѳаддеевъ изловчился какъ-то обманывать бдительность Терентьева, трюмнаго унтеръ-офицера, и изъ-подъ носа у него таскалъ изъ систернъ каждое утро по кувшину воды мнѣ на умыванье.—„Досталъ“, говорилъ онъ радостно каждый разъ, вбѣгая съ кувшиномъ въ каюту:—„на̀, вотъ, ваше высокоблагородіе, мойся скорѣе, чтобъ не застали, да не спросили, гдѣ взялъ, а я пока достану тебѣ полотенце рожу вытереть!“ (ейбогу, не лгу!) Это костромское простодушіе такъ нравилось мнѣ, что я Христомъ Богомъ просилъ другихъ не учить Ѳаддеева, какъ обращаться со мною. Такъ удавалось ему дня три, но однажды онъ воротился съ пустымъ кувшиномъ, скрошилъ рукой затылокъ, чесалъ спину и чему-то хохоталъ, хотя сквозь смѣхъ проглядывала нѣкоторая принужденность.—„Э! лѣшій, чортъ, какую затрещину далъ!“ сказалъ онъ наконецъ, гладя то спину, то голову.—„Кто, за что“?—„Терентьевъ, чортъ

эдакой! увидалъ, сволочь! Я зачерпнулъ воды-то, ужъ и на трапъ пошелъ, а онъ откуда-то и подвернулся, вырвалъ кувшинъ, вылилъ воду назадъ, да какъ треснетъ по затылку, я на трапъ, а онъ сзади въ догонку лопаремъ по спинѣ съѣздилъ!“ И опять засмѣялся. Я ужъ писалъ вамъ, какъ радовала Ѳаддеева всякая неудача, приключившаяся кому-нибудь, полученный толчекъ, даже имъ самимъ, какъ въ настоящемъ случаѣ.

Главный надзоръ за трюмомъ порученъ былъ И. А. Т-ву, о которомъ я упомянулъ выше. Онъ былъ добрый и обязательный человѣкъ вообще, а если поддѣлаться къ нему немножко, тогда нѣтъ услуги, которой бы онъ не оказалъ. Всѣ знали это и частенько пользовались его добротой. Онъ, по общему выбору, распоряжался хозяйствомъ каютъ-компаніи, и вотъ тутъ-то встрѣчалось множество поводовъ обязать того, другаго, вспомнить, что одинъ любитъ такое-то блюдо, а другой не любитъ, и т. п. Онъ часто бывалъ жертвою своей обязательности, затрудняясь какъ угодить вдругъ многимъ, но большею частью выходилъ изъ затрудненій побѣдителемъ. А иногда его бралъ задоръ: все это подавало постоянный поводъ къ безчисленнымъ сценамъ, которыя развлекали, насъ, не только между Галлоперскимъ маякомъ и Доггерской банкой, но и въ тропикахъ, и подъ экваторомъ, на всѣхъ четырехъ океанахъ, и развлекаютъ досихъ-поръ. Напримѣръ, онъ замѣтитъ, что кто-нибудь не ѣстъ супу:—„Отчего вы не ѣдите супу?“ спроситъ онъ.— „Такъ, не хочется“, отвѣчаютъ ему.—„Нѣтъ, вы скажите откровенно“, настаиваетъ онъ, мучимый, опасеніемъ, чтобы не обвинили его въ небрежности, или неумѣньи, пуще всего въ неумѣньи исполнять свою обязанность. Онъ былъ до крайности щекотливъ.—„Да право я не хочу: такъ что-то...“—„Нѣтъ, вѣрно нехорошъ супъ: не даромъ вы не ѣдите. Скажите пожалуйста!“ Накопецъ тотъ рѣшается ска-

зать что-нибудь.—„Да, что-то сегодня не вкусенъ супъ...“ Онъ не успѣлъ еще договорить, какъ кроткій П. А. свирѣпѣетъ. — „А чѣмъ онъ нехорошъ, позвольте спросить?“ вдругъ спрашиваетъ онъ въ негодованіи:—„самъ покупалъ провизію, старался угодить—и вотъ награда! Чѣмъ нехорошъ супъ?“—„Нѣтъ, я ничего, право...“ начинаетъ тотъ. —„Нѣтъ, извольте сказать, чѣмъ онъ нехорошъ, я требую этого“, продолжаетъ онъ, окидывая всѣхъ взглядомъ: — „двадцать человѣкъ обѣдаютъ, никто ни слова не говоритъ, вы одни только... Господа! я спрашиваю васъ—чѣмъ нехорошъ супъ? Я, кажется, прилагаю всѣ старанія“, говоритъ онъ со слезами въ голосѣ и съ паѳосомъ:—„общество удостоило меня довѣрія, надѣюсь, никто до сихъ поръ не былъ противъ этого, что я блистательно оправдывалъ это довѣріе; я дорожу оказанною мнѣ довѣренностью...“ и такъ продолжаетъ, пока дружно не захохочутъ всѣ, и наконецъ онъ самъ. Иногда на другомъ концѣ заведутъ стороной, вполголоса, разговоръ, что вотъ зелень не свѣжа, да и дорога, что кто-нибудь будто былъ на берегу и видѣлъ лучше, дешевле. —„Что вы тамъ шепчете, позвольте спросить?“ строго спроситъ онъ.—„Вамъ что за дѣло?“—„Можетъ-быть, что-нибудь на счетъ стола, находите, что это не хорошо, дорого, такъ снимите съ меня эту обязанность: я цѣню ваше довѣріе; но если я могъ возбудить подозрѣнія, недостойныя васъ и меня, то я готовъ отказаться...“ Онъ даже встанетъ, положитъ салфетку, но общій хохотъ опять усадитъ его на мѣсто.

Избалованный общимъ вниманіемъ и участіемъ, а можетъ-быть и баловень дома, онъ любилъ иногда привередничать. Начнетъ охать, вздыхать, жаловаться на небывалый недугъ, или утомленіе отъ своихъ обязанностей, и требуетъ утѣшеній. — „Витулъ, Витулъ!“ томно кличетъ онъ, отходя ко сну, своего вѣстоваго.—„Я такъ усталъ сегодня: раздѣнь

меня, да уложи“. Раздѣванье сопровождается вздохами и жалобами, которые слышны всѣмъ изъ-за перегородки.— „Завтра на вахту рано вставать, говоритъ онъ, вздыхая:— „подложи еще подушку, повыше, да постой, не уходи, я, можетъ-быть, что-нибудь вздумаю!“

Вотъ къ нему-то я обратился съ просьбою, нельзя ли мнѣ отпускать по кружкѣ прѣсной воды на умыванье, потомуде, что мыло не распускается въ морской водѣ, что я не морякъ, къ морскому образу жизни не привыкъ, и слѣдовательно, на меня, казалось бы, строгость эта распространяться не должна.—„Вы знаете“, началъ онъ, взявъ меня за руки,—„какъ я васъ уважаю и какъ дорожу вашимъ расположеніемъ: да, вы не сомнѣваетесь въ этомъ?“ настойчиво допытывался онъ.—„Нѣтъ“, съ чувствомъ подтвердилъ я, въ надеждѣ, что станетъ давать мнѣ прѣсную воду.— „Повѣрьте“, продолжалъ онъ, „что еслибъ я среди моря умиралъ отъ жажды, я бы отдалъ вамъ послѣдній стаканъ: вы вѣрите этому?“—„Да...“ уже нерѣшительно отвѣчалъ я, начиная подозрѣвать что, не получу воды“.—„Вѣрьте этому, продолжалъ онъ,—„но мнѣ больно, совѣстно, я готовъ— ахъ Боже мой! зачѣмъ это... Вы можетъ-быть, подумаете, что я не желаю, не хочу... (и онъ пролилъ потокъ синонимовъ). Нѣтъ не не хочу я, а не могу, не приказано. Повѣрьте, еслибъ я имѣлъ малѣйшую возможность, то конечно, надѣюсь, вы не сомнѣваетесь...“ И повторилъ свой монологъ.—„Ну, нечего дѣлать: le devoir avant tout, сказалъ я:—„я не думалъ, что это такъ строго“. Но ему жаль было отказать совсѣмъ.—„Вы говорите, что Ѳаддеевъ таскалъ воду тихонько“, сказалъ онъ.—„Да“.—„Такъ я его за это на бакъ отправлю“.—„Вамъ мало кажется, что его Терентьевъ попотчивалъ лопаремъ“, замѣтилъ я,—„вы еще хотите прибавить? Притомъ я сказалъ вамъ это по довѣренности, вы не имѣете права...“—„Правда, правда, нѣтъ, это я такъ....

Знаете что“, перебилъ онъ:—„пусть онъ продолжаетъ потихоньку таскать по кувшину, только, ради Бога, не больше кувшина: если его Терентьевъ и поймаетъ, такъ что жь ему за важность, что линемъ ударитъ или затрещину дастъ: вѣдь это не всякій день...“—„А если Терентьевъ скажетъ вамъ, или вы сами поймаете, тогда...“ — „Отправлю на бакъ!“ со вздохомъ прибавилъ П. А.

Ужь я теперь забылъ, продолжалъ ли Ѳаддеевъ дѣлать экспедиціи въ трюмъ для добыванія мнѣ прѣсной воды, забылъ даже, какъ мы провели остальные пять дней странствованія между маякомъ и банкой; помню только что однажды, засидѣвшись долго въ каютѣ, я вышелъ часовъ въ пять послѣ обѣда на палубу—и вдругъ близехонько увидѣлъ длинный, скалистый берегъ и пустыя зеленыя равнины.

Я взглядомъ спросилъ кого-то: что это?—„Англія“,—отвѣчали мнѣ. Я присоединился къ толпѣ, и молча, съ другими, сталъ пристально смотрѣть на скалы. Отъ берега прямо къ намъ шла шлюпка; долго кувыркалась она въ волнахъ, наконецъ пристала къ борту. На палубѣ показался низенькій, приземистый человѣкъ, въ синей курткѣ, въ синихъ панталонахъ. Это былъ лоцманъ, вызванный для провода фрегата по каналу.

Между двухъ холмовъ лѣпилась куча домовъ, которые, то скрывались, то появлялись, изъ-за бахрамы набѣгавшихъ на берегъ буруновъ: къ вершинамъ холмовъ прилипло облако тумана.—„Что это такое?“ спросилъ я лоцмана.—„Dover“ каркнулъ онъ. Я оглянулся налѣво: тамъ рисовался неясно сизый, неровный и крутой берегъ Франціи. Ночью мы бросили якорь на Спитгедскомъ рейдѣ, между островомъ Вайтомъ и крѣпостными стѣнами Портсмута.

Іюнь 1854 года.
На шкунѣ Востокъ, въ Татарскомъ проливѣ

Здѣсь прилагаю два письма къ вамъ, которыя я не послалъ изъ Англіи, въ надеждѣ, что со временемъ успѣю дополнить ихъ наблюденіями надъ тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ въ Англіи, и привести все въ систематическій порядокъ, чтобы представить вамъ удовлетворительный результатъ двухмѣсячнаго пребыванія нашего въ Англіи. Теперь вижу, что этого сдѣлать не въ состояніи, и потому посылаю эти письма безъ перемѣны, какъ они есть. Удовольствуйтесь бѣглыми замѣтками, не о странѣ, не о силахъ и богатствѣ ея; не о жителяхъ, не о ихъ правахъ, а о томъ только, что мелькнуло у меня въ глазахъ. У какого путешественника достало бы смѣлости чертить образъ Англіи, Франціи, странъ, которыя мы знаемъ не меньше, если не больше, своего отечества? Поэтому самому наблюдательному и зоркому путешественнику позволительно только прибавить какую-нибудь мелкую ускользнувшую отъ общаго изученія черту: прочимъ же, въ томъ числѣ и мнѣ, можетъ-быть, позволено только развѣ говорить о своихъ впечатлѣніяхъ.

Письмо 1-е.

20 ноября / 2 декабря 1852 года.

Не знаю, получили ли вы мое коротенькое письмо изъ Даніи, гдѣ, впрочемъ, я не былъ, а писалъ его во время стоянки на якорѣ, въ Зундѣ. Тогда я былъ боленъ и всячески разстроенъ: все это должно было отразиться и въ письмѣ. Не знаю, смогу ли и теперь сосредоточить въ одинъ фокусъ все, что̀ со мной и около меня дѣлается, такъ, чтобы это хотя слабо, отразилось въ вашемъ воображеніи. Я еще самъ не опредѣлилъ смысла многихъ явленій новой своей жизни. Голыхъ фактовъ я сообщать не желалъ бы: ключь къ нимъ не всегда подберешь, и потому поневолѣ придется

освѣщать ихъ свѣтомъ воображенія, иногда можетъ-быть фальшивымъ, и идти путемъ догадокъ тамъ, гдѣ темно. Теперь еще у меня пока нѣтъ ни ключа, ни догадокъ, ни даже воображенія: все это подавлено рядомъ опытовъ, болѣе или менѣе трудныхъ, новыхъ, иногда не совсѣмъ занимательныхъ, вѣроятно, потому, что для многихъ изъ нихъ нуженъ запасъ свѣжести взгляда и бо́льшей впечатлительности: въ извѣстныя лѣта жизнь начинаетъ отказывать человѣку во многихъ приманкахъ, на томъ основаніи, на какомъ скупая мать отказываетъ въ деньгахъ выдѣленному сыну. Такъ напримѣръ, я не постигъ уже поэзіи моря, можетъ-быть, впрочемъ, и оттого, что я еще не видалъ ни „безмолвнаго", ни „лазурнаго" моря, и кромѣ холода, бури и сырости ничего не знаю. Слушая пока мои жалобы и стоны, вы, пожалуй, спросите, зачѣмъ я уѣхалъ? Сначала мнѣ, какъ школьнику, придется сказать „не знаю", а потомъ, подумавъ, скажу: „а зачѣмъ бы я остался?" Да позвольте: уѣхалъ ли я? откуда? изъ Петербурга? Эдакъ, пожалуй, можно спросить, зачѣмъ я на-дняхъ уѣхалъ изъ Лондона, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Москвы, зачѣмъ черезъ двѣ недѣли уѣду изъ Портсмута и т. д.? Развѣ я не вѣчный путешественникъ, какъ и всякій, у кого нѣтъ семьи и постояннаго угла, „домашняго очага", какъ говорили въ старыхъ романахъ? Тотъ не уѣзжаетъ, у кого есть все это. А прочіе вѣкъ свой живутъ на станціяхъ. Поэтому я только и выѣхалъ, а не уѣхалъ. Теперь слѣдуютъ опасности, страхи, заботы, волненія морскаго плаванія: они могли бы остановить. Какъ-будто ихъ нѣтъ, или меньше на берегу? А отъ чего же, откуда эти вѣчныя жалобы на жизнь, эти вздохи? Если нѣтъ крупныхъ бѣдъ, или внѣшнихъ замѣтныхъ волненій, за то сколько невидимыхъ, но острыхъ иглъ вонзается въ человѣка среди сложной и шумной жизни въ толпѣ, при ежедневныхъ стычкахъ „съ ближнимъ!" Щадитъ ли

жизнь кого-нибудь и гдѣ-нибудь? Вотъ здѣсь нѣтъ сильныхъ нравственныхъ потрясеній, глубокихъ страстей, живыхъ и разнообразныхъ симпатій и ненавистей. Пружины, двигающія этимъ, ржавѣютъ на морѣ, вмѣстѣ съ желѣзомъ, сталью и многимъ другимъ. За то тутъ другіе двигатели не даютъ дремать организму: бури, лишенія, опасности, ужасъ, можетъ-быть, отчаяніе, наконецъ слѣдуетъ смерть, которая вездѣ слѣдуетъ; здѣсь только быстрѣе, нежели гдѣ-нибудь. Видите ли: я имѣлъ причины ѣхать, или не имѣлъ причины оставаться—все равно. Теперь нужно только спросить: къ чему же этотъ рядъ новыхъ опытовъ выпалъ на долю человѣка, неимѣющаго запаса свѣжести и бо́льшей впечатлительности, который не можетъ, ни съ успѣхомъ воспользоваться ими, ни оцѣнить, который даже просто усталъ выносить ихъ? Вотъ къ этому я не могу прибрать ключа; не знаю, что̀ будетъ дальше: можетъ-быть, онъ найдется самъ собою.

Поэтому я уѣхалъ изъ отечества покойно, безъ сердечнаго трепета и съ совершенно сухими глазами. Не называйте меня неблагодарнымъ, что я, говоря „о петербургской станціи“, умолчалъ о дружбѣ, которой одной было бы довольно, чтобы удержать человѣка на мѣстѣ.

Дружба, какъ бы она ни была сильна, едвали удержитъ кого-нибудь отъ путешествія. Только любовникамъ позволительно плакать и рваться отъ тоски, прощаясь, потому-что тамъ другіе двигатели: кровь и нервы; оттого боль и въ разлукѣ. Дружба вьетъ гнѣздо не въ нервахъ, не въ крови, а въ головѣ, въ сознаніи.

Если много явилось и изчезло разныхъ теорій о любви, чувствѣ, кажется, такомъ опредѣленномъ, гдѣ форма, содержаніе и результатъ такъ ясны, то воззрѣній на дружбу было и есть еще больше. Въ спорахъ о любви начинаютъ примиряться; о дружбѣ еще не рѣшили ничего опредѣлительнаго и, кажется, долго не рѣшатъ, такъ-что до нѣкоторой степе-

ни каждому позволительно составить самому себѣ идею и опредѣленіе этого чувства. Чаще всего называютъ дружбу безкорыстнымъ чувствомъ; но настоящее понятіе о ней дотого затерялось въ людскомъ обществѣ, что такое опредѣленіе сдѣлалось общимъ мѣстомъ, подъ которымъ собственно не знаютъ, что надо разумѣть. Многіе постоянно ведутъ какой-то ариѳметическій счетъ—въ родѣ приходо-расходной памятной книжки— своимъ заслугамъ и заслугамъ друга; справляются безпрестанно съ кодексомъ дружбы, который устарѣлъ гораздо больше Птоломеевой географіи и астрономіи, или Аристотелевой риторики; все еще ищутъ, нѣтъ ли чего въ родѣ Пиладова подвига, ссылаясь на любовь, имѣющую въ ежегодныхъ календаряхъ свои статистическія таблицы помѣшательствъ, отравленій и другихъ несчастныхъ случаевъ. Когда захотятъ похвастаться другомъ, какъ хвастаются китайскимъ сервизомъ, или дорого̀ю собольей шубой, то говорятъ: „это *истинный* другъ", даже выставляютъ цифру XV, XX, XXX-лѣтній другъ, и такимъ образомъ жалуютъ другу знакъ отличія и составляютъ ему очень аккуратный формуляръ. Напротивъ того, про „неистиннаго" друга говорятъ: „этотъ приходитъ только ѣсть да пить, а мы не знаемъ, каковъ онъ на дѣлѣ". Это у многихъ называется „безкорыстною" дружбой.

Что̀ это проклятіе дружбы? непониманіе или непризнаніе ея правъ и обязанностей? Боже меня сохрани! Я только исключилъ бы слово „обязанности" изъ чувства дружбы, да и слово „дружба"—тоже. Первое звучитъ какъ-то офиціально, а второе пошло. Разберите на досугѣ, отчего смѣшно не въ шутку назвать извѣстныя отношенія мужчины къ женщинѣ *любовью*, а мужчины къ мужчинѣ *дружбой*. Порядочные люди прибѣгаютъ въ этихъ случаяхъ къ перифразамъ. Обветшали эти названія, скажете вы. А чувства необветшали: отчего же обветшали слова? И что за *дружба* такая,

что за *другъ*? Точно чинъ. Плохо, когда другъ проводитъ въ путь, встрѣтитъ или выручитъ изъ бѣды по обязанности, а не по влеченію. Не лучше ли, когда порядочные люди называютъ другъ друга просто Семеномъ Семеновичемъ или Васильемъ Васильевичемъ, не одолживъ другъ друга ни разу, развѣ ненарочно, случайно, не ожидая ничего одинъ отъ другаго, живутъ десятки лѣтъ, не неся тяжести узъ, которыя несетъ одолженный передъ одолжившимъ, и наслаждаясь другъ другомъ, если можно, безсознательно, если нельзя, то какъ можно менѣе замѣтно, какъ наслаждаются прекраснымъ небомъ, чудеснымъ климатомъ въ такой странѣ, гдѣ даетъ это природа безъ всякой платы, гдѣ этого нельзя ни дать нарочно, ни отнять? Мудрено ли, что при такихъ понятіяхъ, я уѣхалъ отъ васъ съ сухими глазами, чему не мало способствовало еще и то, что, уѣзжая на долго и далеко, покидаешь кучу надоѣвшихъ до крайности лицъ, занятій, стѣнъ, и ѣдешь, какъ я ѣхалъ, въ новые, чудесные міры, въ существованіе которыхъ плохо вѣрится, хотя штурманъ по пальцамъ разсчитываетъ, когда должны придти въ Индію, когда въ Китай, и увѣряетъ, что онъ былъ вездѣ по три раза.

Декабрь. Лондонъ. Какъ я обрадовался вашимъ письмамъ—и обрадовался безкорыстно! въ нихъ нѣтъ ни одной новости, и не могло быть: въ какія-нибудь два мѣсяца не могло ничего случиться; даже никто изъ знакомыхъ не успѣлъ выѣхать изъ города, или пріѣхать туда. Пожалуйста, не пишите мнѣ, что началась опера, что на сценѣ появилась новая французская пьеса, что открылось такое-то общественное увеселительное мѣсто: мнѣ хочется забыть физіономію петербургскаго общества. Я уѣхалъ отчасти затѣмъ, чтобы отдѣлаться отъ однообразія, а оно будетъ преслѣдовать меня повсюду. Самъ я только-что собрался обѣщать вамъ—не писать объ Англіи, а вы требуете, чтобъ я писалъ,

сердитесь, что до сихъ поръ не сказалъ о ней ни слова. Странная претензія! Уже ли вамъ не наскучило слушать и читать, что пишутъ о Европѣ и изъ Европы, особенно о Франціи и Англіи? Прикажете повторить, что туннель подъ Темзой очень… не знаю, что сказать о немъ: скажу—безполезенъ, что церковь Св. Павла изящна и громадна, что Лондонъ многолюденъ, что королева до сихъ поръ спрашиваетъ позволенія лорда-мера проѣхать черезъ Сити и т. д. Не надо этого: не правда ли, вы все это знаете?—Пишите, говорите вы, такъ какъ будто мы ничего не знаемъ.—Пожалуй; но вѣдь это выйдетъ вотъ что́: „Англія страна дикая, населена варварами, которые питаются полусырымъ мясомъ, запивая его спиртомъ; говорятъ гортанными звуками; осенью и зимой скитаются по полямъ и лѣсамъ, а лѣтомъ собираются въ кучу; они угрюмы, молчаливы, мало сообщительны. По воскресеньямъ ничего не дѣлаютъ, не говорятъ, не смѣются, важничаютъ, по утрамъ сидятъ въ храмахъ, а вечеромъ по своимъ угламъ, одиноко и напиваются порознь; въ будни собираются, говорятъ длинныя рѣчи и напиваются сообща.“ Это описаніе достойно временъ Кохинхинскихъ, скажете вы, и будете правы, какъ и я буду правъ, сказавъ, что объ Англіи и англичанахъ мнѣ писать нечего, развѣ вскользь, говоря о себѣ, когда придется къ слову.

Черезъ день, по приходѣ въ Портсмутъ, фрегатъ втянули въ гавань и ввели въ докъ, а людей перевели на „Кемпердоунъ“—старый корабль, стоящій въ портѣ праздно и назначенный для временнаго помѣщенія командъ. Тамъ поселились и мы, то-есть туда перевезли наши пожитки а сами мы разъѣхались. Я уѣхалъ въ Лондонъ, пожилъ въ немъ, съѣздилъ опять въ Портсмутъ, и вотъ теперь воротился сюда.

Долго не изгладятся изъ памяти тѣ впечатлѣнія, которыя кладетъ на человѣка новое мѣсто. На эти случаи, ка-

жется, есть особыя глаза и уши, зорче и острѣе обыкновенныхъ, или какъ-будто человѣкъ, не только глазами и ушами, но лёгкими и порами вбираетъ въ себя впечатлѣнія, напитывается ими, какъ воздухомъ. Отъ этого до сихъ поръ памятна мнѣ эта тѣсная кучка красныхъ, желтыхъ и бѣлыхъ домиковъ, стоящихъ будто въ водѣ, когда мы „втягивались“ въ портсмутскую гавань. Отъ этого такъ глубоко легла въ памяти картина разрѣзанныхъ нивами полей, точно разлинованныхъ страницъ, когда ѣхалъ я изъ Портсмута въ Лондонъ. Жаль только (на этотъ разъ), что везутъ съ неимовѣрною быстротою: хижины, фермы, города, замки мелькаютъ, какъ писанные. Погода странная—декабрь, а тепло: вчера была гроза; тамъ вдругъ пахнётъ холодомъ, даже послышится запахъ мороза, а на другой день въ пальто нельзя ходить. Дождей вдоволь; но на это никто не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія, скорѣе обращаютъ его, когда проглянетъ солнце. Зелень очень зелена, даже зеленѣе, говорятъ нежели лѣтомъ: тогда она желтая. Нужды нѣтъ, что декабрь, а въ поляхъ работаютъ, собираютъ овощи—нельзя разсмотрѣть съ дороги—какіе. Туманы бываютъ, если не каждый день, то черезъ день непремѣнно; можно бы, пожалуй, нажить сплинъ; но они не русскіе, а я не англичанинъ: что же мнѣ терпѣть въ чужомъ пиру похмѣлье? Довольно и того, что я, по милости ихъ, два раза ходилъ смотрѣть Темзу и оба раза видѣлъ только непроницаемый паръ. Я отчаялся уже и видѣть рѣку, но дохнулъ вѣтерокъ и Темза явилась во всемъ своемъ некрасивомъ нарядѣ, обстроенная кирпичными неопрятными зданіями, задавленная судами. За то какая жизнь и дѣятельность кипитъ на этой зыбкой улицѣ, управляемая меркуріевымъ жезломъ!

Не забуду также картины пылающаго въ газовомъ пламени необъятнаго города, представляющейся путешественнику, когда онъ подъѣзжаетъ къ нему вечеромъ. Паровозъ

вторгается въ этотъ океанъ блеска и мчитъ по крышамъ домовъ, надъ изящными пропастями, гдѣ, какъ въ калейдоскопѣ, между расписанныхъ, облитыхъ яркимъ блескомъ огня и красокъ улицъ, движется муравейникъ.

Но вотъ я, наконецъ, озадаченный впечатлѣніями и утомленный трехъ-часовою неподвижностью въ вагонѣ и получасовою ѣздою въ *кебѣ* по городу, водворенъ въ домѣ, въ квартирѣ.

На другой день, когда я вышелъ на улицу, я былъ въ большомъ недоумѣніи: надо было начать путешествовать въ чужой сторонѣ, а я еще не рѣшилъ, какъ. Меня выручила изъ недоумѣнія процессія похоронъ Веллингтона. Весь Лондонъ преисполненъ одной мысли; не знаю, былъ ли онъ полонъ того чувства, которое выражалось въ газетахъ. Но decorum печали былъ соблюденъ до мелочей. Даже всѣ лавки были заперты. Лондонъ заперъ лавки—сомнѣнія нѣтъ: онъ очень печаленъ. Я видѣлъ катафалкъ, блестящую свиту, войска и необозримую, какъ океанъ, толпу народа. До пяти или до шести часовъ я, нехотя, купался въ этой толпѣ, тщетно стараясь добраться до какого нибудь берега. Потокъ увлекалъ меня изъ улицы въ улицу съ площади на площадь. Никого знакомыхъ со мной не было—не до меня: всѣ заняты похоронами, всѣхъ поглотила процессія. Одни нашли гдѣ-нибудь окно, другіе пробрались въ самую церковь Св. Павла, гдѣ совершалась церемонія. Я былъ одинъ въ этомъ океанѣ и нетерпѣливо ждалъ другаго дня, когда Лондонъ выдетъ изъ ненормальнаго положенія и заживетъ своею обычною жизнью. Многіе обрадовались бы видѣть такой необыкновенный случай: праздничную сторону народа и столицы, но я ждалъ не того; я видѣлъ это у себя; мнѣ улыбался завтрашній, будничный день. Мнѣ хотѣлось путешествовать не офиціально, не пріѣхать и „осматривать“, а жить и смотрѣть на все, не насилуя наблюдательности, не

задавая себѣ утомительныхъ уроковъ, осматривать ежедневно, съ *гидомъ* въ рукахъ, по стольку-то улицъ, музеевъ, зданій, церквей. Отъ такого путешествія остается въ головѣ хаосъ улицъ, памятниковъ, да и то не надолго.

Вообще большая ошибка—стараться собирать впечатлѣнія; соберешь чего не надо, а что надо, то ускользнетъ. Если путешествуешь не для специальной цѣли, нужно, чтобы впечатлѣнія нежданно и незванно сами собирались въ душу; а къ кому они такъ не ходятъ, тотъ лучше не путешествуй. Оттого я довольно равнодушно пошелъ вслѣдъ за другими въ британскій музеумъ, по сознанію только необходимости видѣть это колоссальное собраніе рѣдкостей и предметовъ знанія. Мы цѣлое утро осматривали ниневійскія древности, этрусскія, египетскія и другія залы, потомъ змѣй, рыбъ, насѣкомыхъ почти все то, что есть и въ Петербургѣ, въ Вѣнѣ, въ Мадритѣ. А между тѣмъ времени лишь было столько, чтобы взглянуть на Англію и на англичанъ. Оттого меня тянуло все на улицу; хотѣлось побродить, не между муміями, а среди живыхъ людей.

Я съ неиспытаннымъ наслажденіемъ вглядывался во все, заходилъ въ магазины, заглядывалъ въ домы, уходилъ въ предмѣстья, на рынки, смотрѣлъ на всю толпу и въ каждаго встрѣчнаго отдѣльно. Чѣмъ смотрѣть на сфинксы и обелиски, мнѣ лучше нравится простоять цѣлый часъ на перекресткѣ и смотрѣть, какъ встрѣтятся два англичанина, сначала попробуютъ оторвать другъ у друга руку, потомъ освѣдомятся взаимно о здоровьѣ и пожелаютъ одинъ другому всякаго благополучія; смотрѣть ихъ походку или какую-то иноходь, и эту важность до комизма на лицѣ, выраженіе глубокаго уваженія къ самому себѣ, нѣкотораго презрѣнія, или по крайней мѣрѣ холодности къ другому, но благоговѣнія къ толпѣ, то-есть къ обществу. Съ любопытствомъ смотрю, какъ столкнутся двѣ кухарки, съ корзинами на

плечахъ, какъ несется нескончаемая двойная, тройная цѣпь экипажей, подобно рѣкѣ, какъ изъ нея съ неподражаемою ловкостью вывернется одинъ экипажъ и сольется съ другою нитью, или какъ вся эта цѣпь мгновенно онѣмѣетъ, лишь только полисменъ съ тротуара подниметъ руку.

Въ тавернахъ, въ театрахъ,—вездѣ пристально смотрю, какъ и что дѣлаютъ, какъ веселятся, ѣдятъ, пьютъ; слѣжу за мимикой, ловлю эти неуловимые звуки языка, которымъ, волей-неволей, долженъ объясняться съ грѣхомъ пополамъ, благословляя судьбу, что когда-то учился ему: иначе, хоть не заглядывай въ Англію. Здѣсь, какъ о рѣдкости, возвѣщаютъ крупными буквами на окнахъ магазиновъ: „ici on parle français“. Да, путешествовать съ наслажденіемъ и съ пользой значитъ пожить въ странѣ и хоть немного слить свою жизнь съ жизнью народа, который хочешь узнать: тутъ непремѣнно проведешь параллель, которая и есть искомый результатъ путешествія. Это вглядыванье, вдумыванье въ чужую жизнь, въ жизнь ли цѣлаго народа или одного человѣка, отдѣльно, даетъ наблюдателю такой общечеловѣческій и частный урокъ, какого ни въ книгахъ, ни въ какихъ школахъ не отыщешь. Недаромъ еще у древнихъ необходимымъ условіемъ усовершенствованнаго воспитанія считалось путешествіе. У насъ оно сдѣлалось роскошью и забавою. Пожалуй, безъ приготовленія, да еще безъ воображенія, безъ наблюдательности, безъ идеи, путешествіе, конечно только забава. Но счастливъ кто можетъ и забавляться такою благородною забавой, въ которой нехотя чему-нибудь да научишься! Вотъ Regentstreet, Oxfordstreet, Trafalgarplace— не живыя ли это черты чужой физіономіи, на которой движется современная жизнь, и не звучитъ ли въ именахъ память прошедшаго, повѣтствуя на каждомъ шагу, какъ слагалась эта жизнь? Что въ этой жизни схожаго и что несхожаго съ нашей?.. Воля ваша, какъ кто ни расположенъ

только забавляться, а бродя въ чужомъ городѣ и народѣ, не сможетъ отдѣлаться отъ этихъ вопросовъ и закрыть глаза на то, чего не видалъ у себя.

Бродя среди живой толпы, отыскивая всюду жизнь, я, между прочимъ, наткнулся на великолѣпное прошедшее: на Вестминстерское аббатство, и былъ счастливѣе въ это утро. Такіе народные памятники—тѣ же страницы исторіи, но тѣсно связанныя съ текущею жизнью. Ихъ конечно надо учить наизусть, да они сами такъ властительно ложатся въ память. Впрочемъ, глядя на это аббатство, я даже забылъ исторію,—оно произвело на меня впечатлѣніе, чисто эстетическое. Меня поразилъ готическій стиль въ этихъ колоссальныхъ размѣрахъ, я же былъ во время службы съ пѣвчими, при звукахъ великолѣпнаго органа. Фантастическое освѣщеніе цвѣтныхъ стеколъ въ стрѣльчатыхъ окнахъ, полумракъ по угламъ, бѣлыя статуи великихъ людей въ нишахъ и безмолвная почти недышащая толпа молящихся—все это образуетъ одно общее, грандіозное впечатлѣніе, отъ котораго долго слышится какая-то музыка въ нервахъ.

Благодаря настойчивымъ указаніямъ живыхъ и печатныхъ гидовъ, я въ первые пять-шесть дней успѣлъ осмотрѣть большую часть официіальныхъ зданій, музеевъ и памятниковъ и, между прочимъ, національную картинную галлерею, которая величиною будетъ съ прихожую нашего эрмитажа. Тамъ сотни три картинъ, изъ которыхъ запомнишь развѣ „снятіе со креста“ Рембрандта, да два-три пейзажа Клода. Осмотрѣвъ тщательно дворцы, парки, скверы, биржу, заплативъ эту дань официіальному любопытству, я уже все остальное время жилъ по своему. Лондонъ по преимуществу городъ поучительный, то-есть, нигдѣ, я думаю, нѣтъ такого множества средствъ пріобрѣсть дешево и незамѣтно всякихъ знаній. Безконечное утро, съ девяти часовъ до шести, промелькнетъ—не видишь какъ. На каждомъ

шагу манятъ отворенныя двери зданій, гдѣ увидишь что-нибудь любопытное: машину, рѣдкость, услышишь лекцію естественной исторіи. Есть учрежденіе, гдѣ показываютъ результаты всѣхъ новѣйшихъ изобрѣтеній: дѣйствіе паровъ, образчикъ воздухоплаванія, движенія разныхъ машинъ. Есть особое временное зданіе, въ которомъ помѣщенъ громадный глобусъ. Части свѣта представлены рельефно, не снаружи шара, а внутри. Зрители ходятъ по лѣстницѣ и останавливаются на трехъ площадкахъ, чтобы осмотрѣть всю землю. Ихъ сопровождаетъ профессоръ, который читаетъ бѣглую лекцію географіи, естественной исторіи и политическаго раздѣленія земель. Мало того: тутъ же въ залѣ, есть замѣчательный географическій музей, преимущественно Англіи и ея колоній. Тутъ цѣлыя страны изъ гипса, съ выпуклыми изображеніями горъ, морей, и потомъ всѣ пособія къ изученію всеобщей географіи: карты, книги, начиная съ младенческихъ временъ географіи, съ аравитянъ, римлянъ, грековъ, карты отъ Марка Паоло до нашихъ временъ. Есть библіографическія рѣдкости.

Самый британскій музеумъ—о которомъ я такъ неблагосклонно отозвался за то, что онъ поглотилъ меня на цѣлое утро въ своихъ громадныхъ сумрачныхъ залахъ, когда мнѣ хотѣлось на свѣтъ Божій, смотрѣть все живое—онъ развѣ не есть огромная сокровищница, въ которой, не только ученый, художникъ, даже просто фланёръ, зѣвака, почерпаетъ какое-нибудь знаніе, уйдетъ съ идеей обогатить память свою не однимъ фактомъ? И сколько такихъ заведеній по всѣмъ частямъ, и почти даромъ! Между прочимъ, я посвятилъ съ особеннымъ удовольствіемъ цѣлое утро обозрѣнію зоологическаго сада. Здѣсь уже я видѣлъ не муміи и не чучелы животныхъ, какъ въ музеумѣ, а живую тварь, собранную со всего міра. Здѣсь до значительной степени можно наблюдать нѣкоторыя стороны жизни животныхъ почти въ есте-

ственномъ состояніи. Это постоянная лекція, наглядная, осязательная, въ лицахъ, со всѣми подробностями, и отличная прогулка въ то же время. Сверхъ того, всякому посѣтителю въ этой прогулкѣ предоставлено полное право наслаждаться сознаніемъ, что онъ „царь творенія“—и все это за шиллингъ.

Наконецъ, если нечего больше осматривать, осматривайте просто магазины: многіе изъ нихъ тоже своего рода музеи—товаровъ. Обиліе, роскошь, вкусъ и раскладка товаровъ поражаютъ до унынія. Богатство подавляетъ воображеніе. Кто и гдѣ покупатели? спрашиваешь себя, заглядывая и боясь войти въ эти мраморные, малахитовые, хрустальные и бронзовые чертоги, передъ которыми вся шехеразада покажется дѣтскою сказкой. Передъ четырехаршинными зеркальными стеклами можно стоять по цѣлымъ часамъ и вглядываться въ эти кучи тканей, драгоцѣнныхъ камней, фарфора, серебра. На большей части товаровъ выставлены цѣны; и если увидишь цѣну, доступную карману, то нѣтъ средства не войти и не купить чего нибудь. Я послѣ каждой прогулки возвращаюсь домой съ набитыми всякой всячиной карманами, и потомъ выкладывая каждую вещь на столъ, принужденъ сознаваться, что вотъ это вовсе не нужно, это у меня есть, и т. д. Купишь книгу, которой не прочтешь, пару пистолетовъ, безъ надежды стрѣлять изъ нихъ, фарфору, который на морѣ и не нуженъ, и неудобенъ въ употребленіи, сигарочницу, палку съ кинжаломъ и т. п. Но прошу защититься отъ этого соблазна на каждомъ шагу, при этой дешевизнѣ!

Къ этому еще прибавьте, что всякую покупку, которую нельзя положить въ карманъ, вамъ принесутъ на домъ, и почти всегда прежде, нежели вы сами воротитесь. Но при этомъ незабудьте взять отъ купца счетъ съ роспиской въ полученіи денегъ—такъ мнѣ совѣтывали дѣлать; да и купцы,

не дожидаясь требованія, сами торопятся дать счетъ. Случается иногда, безъ этой предосторожности, заплатить вторично. Я бы, въ добавокъ къ этому, посовѣтовалъ еще узнать до покупки цѣну вещи въ двухъ-трехъ магазинахъ, потому-что нигдѣ нѣтъ такого произвола, какой царствуетъ здѣсь въ назначеніи цѣны вещамъ. Купецъ назначаетъ, кажется, цѣну, смотря по физіономіи покупателя. Въ одномъ магазинѣ женщина спросила съ меня за какую-то бездѣлку два шиллинга, а мужъ пришелъ и потребовалъ пять. Узнавъ, что вещь продана за два шиллинга, онъ изъ подтишка шипѣлъ на жену все время, пока я былъ въ магазинѣ. Въ одномъ магазинѣ за пальто спросятъ четыре фунта, а рядомъ, изъ той же матеріи—семь.

Лондонъ—поучительный и занимательный городъ, повторю я, но занимательный только утромъ. Вечеромъ онъ для иностранца—тюрьма, особенно въ такой сезонъ, когда нѣтъ спектаклей и другихъ публичныхъ увеселеній, то есть осенью и зимой. Пожалуй, кому охота, изучай по вечерамъ внутреннюю сторону народа—нравы; но для этого надо слиться и съ домашнею жизнью Англичанъ, а это не легко. Съ шести часовъ Лондонъ начинаетъ обѣдать и обѣдаетъ до 10, до 11, до 12 часовъ, смотря по состоянію и образу жизни, потомъ спитъ. Словомъ „обѣдаетъ" я хотѣлъ только обозначить, чѣмъ наполняется извѣстный часъ сутокъ. А собственно англичане не обѣдаютъ, они ѣдятъ. Кромѣ торжественныхъ обѣдовъ во дворцѣ, или у лорда-мера и другихъ, на сто, двѣсти и болѣе человѣкъ, то-есть на весь міръ, въ обыкновенные дни подаютъ на столъ двѣ-три перемѣны, куда входитъ почти все, что ѣдятъ люди повсюду. Всѣ мяса, живность, дичь и овощи—все это безъ распредѣленій по днямъ, безъ соображеній о соотношеніи блюдъ между собою.

Что касается до національныхъ англійскихъ кушаньевъ напримѣръ, пуддинга, то я, гдѣ ни спрашивалъ, нигдѣ не

было готоваго: надо было заказывать. Видно англичане сами довольно равнодушны къ этому тяжелому блюду—я говорю о пломпуддингѣ. Всѣ мяса, рыба отличнаго качества, и всѣ почти подаются au naturel, съ приправой только овощей. Тяжеловато, грубовато, а впрочемъ, очень хорошо и дешево: былъ бы здоровый желудокъ; но англичане на это пожаловаться не могутъ. Еще они могли бы тоже принять въ свой языкъ нашу пословицу: „не красна изба углами, а красна пирогами“, еслибъ у нихъ были пироги, а то нѣтъ; пирожное они подаютъ, кажется, въ подражаніе другимъ: это стереотипный яблочный пирогъ, да яичница съ вареньемъ и кремъ безъ сахара, или что-то въ этомъ родѣ. Да, не красны углами ихъ таверны: голыя, подъ дубъ сдѣланныя или дубовыя стѣны и простые столы; но опрятность доведена до роскоши: она превышаетъ необходимость. Особенно въ бѣльѣ; скатерти—ослѣпительной бѣлизны, а салфетки были бы тоже, еслибъ онѣ были, но ихъ нѣтъ, и вамъ подадутъ салфетку только по настойчивому требованію—и то не вездѣ. И это можетъ служить доказательствомъ опрятности.—„Зачѣмъ салфетка?“ говорятъ англичане:—„руки вытирать? да онѣ не должны быть выпачканы“, также какъ и ротъ, особенно у англичанъ, которые не носятъ ни усовъ, ни бородъ. Я въ разное время, начиная отъ пяти до восьми часовъ, обѣдалъ въ лучшихъ тавернахъ, и почти никогда менѣе двухсотъ человѣкъ за столомъ не было. Въ одной изъ нихъ, divantavern, хозяинъ присутствуетъ постоянно самъ среди посѣтителей, самъ слѣдитъ, всѣ ли удовлетворены, и гдѣ замѣтитъ отсутствіе слуги, является туда, или посылаетъ сына. А у него, говорятъ, прекрасный домъ, лучшіе экипажи въ Лондонѣ, можетъ быть—все отъ этого. Примѣръ не для однихъ трактирщиковъ!

Итакъ, изъ храма въ храмъ, изъ музея въ музей,—время проходило непримѣтно. И вездѣ, во всѣхъ этихъ учреж-

деніяхъ, волнуется толпа зрителей; подумаешь, что англичанамъ нечего больше дѣлать, какъ ходить и смотрѣть достопримѣчательности. Они въ этомъ отношеніи и у себя дома похожи на иностранцевъ, а иностранцы смотрятъ хозяевами. Такой пристальной внимательности, почти до страданія, нигдѣ не встрѣтишь. Въ другихъ мѣстахъ достало бы не меньше средствъ завести все это, да вездѣ ли придутъ зрители и слушатели толпами поддержать мысль учредителя? Но если много зрителей умныхъ и любознательныхъ, то и нѣтъ нигдѣ столько простыхъ зѣвакъ, какъ въ Англіи. О какой глупости ни объявите, какую цѣну ни запросите, посѣтители явятся, и, по обыкновенію, толпой. Мнѣ казалось, что любопытство у нихъ не рождается отъ досуга, какъ, напримѣръ у насъ; оно не есть тоже живая черта характера, какъ у французовъ, не выражаетъ жажды знанія, а просто—холодное сознаніе, что то или другое полезно, а потому и должно быть осмотрѣно. Не видать, чтобъ они наслаждались тѣмъ, что пришли смотрѣть; они осматриваютъ, какъ-будто принимаютъ движимое имущество по описи: взглянутъ, тамъ ли повѣшено, такой ли величины, какъ напечатано, или сказано имъ, и идутъ дальше.

Я имѣлъ терпѣніе осмотрѣть волей-неволей и всѣ фокусы, напримѣръ: высиживаніе цыплятъ парами, неотпираемые американскіе замки и т. п. Глядя, какъ англичане возятся съ своимъ умершимъ дюкомъ, вотъ ужъ третью недѣлю, кажется, что они высидѣли и эту рѣдкость. Онъ ужь похороненъ, а они до сихъ поръ ходятъ осматривать—что вы думаете? мостки, построенные въ церкви Св. Павла по случаю похоронъ! Отъ этого я до сихъ поръ еще не могъ заглянуть внутрь церкви: я не англичанинъ и не хочу смотрѣть мостковъ. До сихъ поръ нельзя сдѣлать шагу, чтобъ не наткнуться на дюка, то-есть на портретъ его, на бюстъ, на гравюру погребальной колесницы. Вчера появилась панора-

ма Ватерлоо: я думаю, снимутъ панораму и съ мостковъ.— „Не на похороны ли дюка пріѣхали вы?“ спросилъ меня одинъ купецъ въ лавкѣ, узнавъ во мнѣ иностранца—„Yes, o yes!“ сказалъ я. Я въ памяти своей никакъ не могъ сжать въ одинъ узелъ всѣхъ заслугъ покойнаго дюка, оттого (къ стыду моему) былъ холоденъ къ его кончинѣ, даже еще (прости мнѣ Господи!) подосадовалъ на него, что онъ помѣшалъ мнѣ торжественнымъ шествіемъ по улицамъ, а пуще всего мостками, осмотрѣть, что хотѣлось. Не подумайте, чтобы я порицалъ уваженіе къ безчисленнымъ заслугамъ британскаго Агамемнона—о нѣтъ! я самъ купилъ у мальчишки медальонъ героя изъ какой-то композиціи. Думая дать форпенсъ, я ошибкой вынулъ изъ кошелька оставшійся тамъ гривенникъ или пятиалтынный. Мальчишка догналъ меня, и тыча монетой мнѣ въ спину, какъ зарѣзанный кричалъ: „no use, no use!“ (не ходитъ).

Глядя на всѣ фокусы и мелочи англійской изобрѣтательности, О. А., жившій въ Китаѣ, сравнилъ англичанъ съ китайцами по мелочной, микроскопической дѣятельности, по стремленію къ торгашеству и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ. Американскій замокъ, о которомъ я упомянулъ— это такой замокъ, который такъ запирается, что и самъ хозяинъ подчасъ не отопретъ. Прежде былъ принятъ въ здѣшнихъ государственныхъ кассахъ, между прочимъ, въ банкѣ, какой-то, тоже неотпираемый замокъ: по крайней мѣрѣ онъ долго слылъ такимъ. Но явился американецъ, вызвался отперетъ его—и дѣйствительно отперъ. Потомъ онъ предложилъ изобрѣтенный имъ замокъ и назначилъ премію, если отопрутъ. Замокъ былъ отданъ экспертамъ, тремъ самымъ ловкимъ мошенникамъ, приглашеннымъ для этого изъ портсмутской тюрьмы. Знаменитые отпиратели всякихъ дверей и сундуковъ, снабженные всѣми нужными инструментами, пробились трое сутокъ, ничего не сдѣлали и объявили за-

мокъ—неотпираемымъ. Вслѣдствіе этого онъ принятъ теперь въ казенныхъ мѣстахъ, вмѣсто прежняго. Весь секретъ, сколько я могъ понять изъ объясненій содержателя магазина, гдѣ продаются эти замки, заключается въ бородкѣ ключа, въ которую каждый разъ, когда надо запереть ящикъ или дверь, можетъ быть вставляемо произвольное число пластинокъ. Нельзя отперетъ замка иначе, какъ зная, сколько именно вставлено пластинокъ и какимъ образомъ онѣ расположены; а пластинокъ много. Есть замки и для колосальныхъ дверей, и для маленькихъ шкатулокъ, цѣной 10 ф. стерлинговъ до 10 шиллинговъ. Хитро, не правда ли?

Между тѣмъ общее впечатлѣніе, какое производитъ наружный видъ Лондона, съ циркуляціею народонаселенія, странно: тамъ до двухъ милліоновъ жителей, центръ всемірной торговли, а чего бы вы думали не замѣтно?—жизни, тоесть ея бурнаго броженія. Торговля видна, а жизни нѣтъ: или вы должны заключить, что здѣсь торговля есть жизнь, какъ оно и есть въ самомъ дѣлѣ. Послѣдняя не бросается здѣсь въ глаза. Только по итогамъ сдѣлаешь выводъ, что Лондонъ первая столица въ мірѣ, когда сочтешь, сколько громадныхъ капиталовъ обращается въ день, или годъ, какой страшный совершается приливъ и отливъ иностранцевъ въ этомъ океанѣ народонаселенія, какъ здѣсь сходятся покрывающія всю Англію желѣзныя дороги, какъ по улицамъ изъ конца въ конецъ города снуютъ десятки тысячъ экипажей. Ахнешь отъ изумленія, но не замѣтишь всего этого глазами. Такая господствуетъ относительно тишина, такъ всѣ физіологическія отправленія общественной массы совершаются стройно, чинно. Кромѣ неизбѣжнаго шума отъ лошадей и колесъ, другаго почти не услышишь. Городъ, какъ живое существо, кажется, сдерживаетъ свое дыханіе и біеніе пульса. Нѣтъ ни напраснаго крика, ни лишняго движенія, а ужь о пѣніи, о прыжкѣ, о шалости и между дѣтьми мало слыш-

но. Кажется, все разсчитано, взвѣшено и оцѣнено, какъ-будто и съ голоса, и съ мимики берутъ тоже пошлину, какъ съ оконъ, съ колесныхъ шинъ. Экипажи мчатся во всю прыть, но кучера не кричатъ, да и прохожій никогда не зазѣвается. Пѣшеходы не толкаются, въ народѣ не видать ни ссоръ, ни дракъ, ни пьяныхъ на улицѣ, между тѣмъ почти каждый англичанинъ напивается за обѣдомъ. Всѣ спѣшать, бѣгутъ: беззаботныхъ и лѣнивыхъ фигуръ, кромѣ моей, нѣтъ.

Дурно одѣтыхъ людей—тоже не видать: они должно-быть, какъ тараканы, прячутся гдѣ-нибудь въ щеляхъ отдаленныхъ кварталовъ: бóльшая часть одѣты со вкусомъ и нарядно; остальные чисто, всѣ причесаны, приглажены и особенно обриты. Нашъ другъ Я. непремѣнно сказалъ бы: здѣсь каждый—*Бриттъ*. Я брѣюсь черезъ день и оттого слуги въ тавернахъ не прежде начинаютъ уважать меня, какъ когда, послѣ обѣда, дамъ имъ шиллингъ. Вы, Н. А., съ своею инвалидною бородой были бы здѣсь невозможны: вамъ, какъ только бы вы вышли на улицу, непремѣнно подадутъ милостыню. Улицы похожи на великолѣпныя гостиныя, наполненныя одними господами. Такъ-называемаго простаго, или, еще хуже, „чернаго“ народа не видать, потому-что онъ здѣсь—не черный: мужикъ въ плисовой курткѣ и панталонахъ, въ бѣлой рубашкѣ, вовсе не покажется мужикомъ. Даже иная рабочая лошадь такъ тихо и важно выступаетъ, какъ баринъ.

Извѣстно, какъ англичане уважаютъ общественныя приличія. Это уваженіе къ общему спокойствію, безопасности, устраненіе всѣхъ непріятностей и неудобствъ—простираются даже до нѣкоторой скуки. Ѣдешь въ вагонѣ, народу биткомъ набито, а тишина, какъ-будто „въ гробѣ тьмы людей“, по выраженію Пушкина. Англичане учтивы до чувства гумманности, то-есть учтивы на столько, на сколько въ этомъ дѣйствительно настоитъ надобность, но не суетливы,

и особенно не нахальны, какъ французы. Они отвѣтятъ на дѣльный вопросъ, сообщать вамъ свѣдѣніе, въ которомъ нуждаетесь, укажутъ дорогу и т. п., но не будутъ довольны, если вы къ нимъ обратитесь просто такъ, поговорить. Они принимаютъ въ соображеніе, что если однимъ скучно сидѣть молча, то другіе, напротивъ, любятъ это. Я не видалъ, чтобы въ вагонѣ, на пароходѣ, одинъ взялъ, даже попросилъ у другаго праздно-лежащую около газету, дотронулся бы до чужаго зонтика, трости. Всѣ эти фамильярности съ незнакомыми нетерпимы. За то никто не запоетъ, не засвиститъ около васъ, не положитъ ногу на вашу скамью, или стулъ. Есть тутъ своя хорошая и дурная сторона, но кажется, больше хорошей. Французы и здѣсь выказываютъ непріятныя черты своего характера: они нахальны и грубоваты. Слуга-французъ протянетъ руку за шиллингомъ, едва скажетъ merci, и тутъ же не подниметъ уроненнаго платка, не подастъ пальто. Англичанинъ все это сдѣлаетъ.

Время между тѣмъ близится къ отъѣзду. На фрегатѣ работы приходятъ къ окончанію: того и гляди назначатъ день. А какъ еще хочется посмотрѣть и погулять въ этой разумной толпѣ, чтобъ потомъ перейти къ невоздѣланной природѣ и къ такимъ же невоздѣланнымъ ея дѣтямъ! Про природу Англіи я ничего не говорю: какая тамъ природа! ея нѣтъ, она воздѣлана до того, что все растетъ и живетъ по программѣ. Люди овладѣли ею и сглаживаютъ ея вольные слѣды. Поля здѣсь расписные паркеты. Съ деревьями, съ травой сдѣлано тоже, что съ лошадьми и съ быками. Травѣ дается видъ, цвѣтъ и мягкость бархата. Въ полѣ не найдешь празднаго клочка земли; въ паркѣ нѣтъ самороднаго куста. И животныя испытываютъ ту же участь. Все породисто здѣсь: овцы, лошади, быки, собаки, какъ мужчины и женщины. Все крупно, красиво, бодро: въ животныхъ стремленіе къ исполненію своего назначенія простерто, кажется,

до разумнаго сознанія, а въ людяхъ, напротивъ, низведено до степени животнаго инстинкта. Животнымъ такъ внушаютъ правила поведенія, что быкъ какъ-будто бы понимаетъ, зачѣмъ онъ жирѣетъ, а человѣкъ, напротивъ, старается забывать, зачѣмъ онъ круглый божій день и годъ, и всю жизнь, только и дѣлаетъ, что подкладываетъ въ печь уголь, или открываетъ и закрываетъ какой-то клапанъ. Въ человѣкѣ подавляется его уклоненіе отъ прямой цѣли; отъ этого, можетъ-быть, такъ много встрѣчается людей, которые съ перваго взгляда покажутся ограниченными, а они только спеціальные. И въ этой спеціальности—причина успѣховъ на всѣхъ путяхъ. Здѣсь кузнецъ не займется слесарнымъ дѣломъ, оттого онъ первый кузнецъ въ мірѣ. И всѣ такъ. Механикъ, инженеръ не побоится упрека въ незнаніи политической экономіи: онъ никогда не прочелъ ни одной книги по этой части; не заговаривайте съ нимъ и о естественныхъ наукахъ, ни о чемъ, кромѣ инженерной части—онъ покажется такъ жалко ограниченъ... а между тѣмъ подъ этою ограниченностью кроется иногда огромный талантъ, и всегда сильный умъ, но умъ, весь ушедшій въ механику. Скучно покажется „универсально“ образованному человѣку разговаривать съ нимъ въ гостиной; но имѣя заводъ, пожелаешь выписать къ себѣ его самаго, или его произведеніе.

Все бы это было очень хорошо, то-есть эта практичность, но, къ сожалѣнію, тутъ есть своя непріятная сторона: не только общественная дѣятельность, но и вся жизнь всѣхъ и каждаго сложилась и дѣйствуетъ очень практически, какъ машина. Незамѣтно, чтобъ общественныя и частныя добродѣтели свободно истекали изъ свѣтлаго человѣческаго начала, безусловную прелесть котораго общество должно чувствовать непрестанно и непрестанно чувствовать тоже и потребность наслаждаться имъ. Здѣсь, напротивъ, видно, что это все есть потому, что оно нужно зачѣмъ-то, для какой-то

цѣли. Кажется, честность, справедливость, состраданіе добываются какъ каменный уголь, такъ что въ статистическихъ таблицахъ можно, рядомъ съ итогомъ стальныхъ вещей, бумажныхъ тканей, показывать, что вотъ такимъ-то закономъ, для той провинціи или колоніи, добыто столько-то правосудія, или для такого дѣла подбавлено въ общественную массу матеріала для выработки тишины, смягченія нравовъ и т. п. Эти добродѣтели приложены тамъ, гдѣ ихъ нужно, и вертятся, какъ колеса, оттого онѣ лишены теплоты и прелести. На лицахъ, на движеніяхъ, поступкахъ рѣзко написано практическое сознаніе о добрѣ и злѣ, какъ неизбѣжная обязанность, а не какъ жизнь, наслажденіе, прелесть. Добродѣтель лишена своихъ лучей; она принадлежитъ обществу, націи, а не человѣку, не сердцу. Оттого, правда, вся машина общественной дѣятельности движется непогрѣшительно, на это употреблено тьма чести, правосудія; вездѣ строгость права, законъ, вездѣ ограда имъ. Общество благоденствуетъ: независимость и собственность его неприкосновенны. Но за то есть щели, куда не всегда протѣснится сила закона, гдѣ безсильно и общественное мнѣніе, гдѣ люди находятъ способъ обойтись безъ этихъ важныхъ посредниковъ и вѣдаются сами собой: вотъ тамъ-то машина общаго движенія оказывается неприложимою къ мелкимъ, индивидуальнымъ размѣрамъ и колеса ея вертятся на воздухѣ. Вся англійская торговля прочна, кредитъ непоколебимъ, а между тѣмъ покупателю въ каждой лавкѣ надо брать росписку въ полученіи денегъ. Законы противъ воровъ многи и строги, а Лондонъ считается, между прочимъ, образцовою школою мошенничества, и воровъ числится тамъ нѣсколько десятковъ тысячъ; даже ими, какъ товарами снабжается континентъ, и искусство запиратъ замки споритъ съ искусствомъ отпирать ихъ. Прибавьте, что нигдѣ нѣтъ такого количества контрабандистовъ. Вездѣ рогатки, машинки для

провѣрки совѣстей, какъ сказано выше: вотъ какіе двигатели поддерживаютъ добродѣтель въ обществѣ, а кассы въ банкахъ и купеческихъ конторахъ дѣлаются частенько добычей воровъ. Филантропія возведена въ степень общественной обязанности, а отъ бѣдности гибнутъ, не только отдѣльныя лица, семейства, но цѣлыя страны подъ англійскимъ управленіемъ. Между тѣмъ этотъ нравственный народъ, по воскресеньямъ ѣстъ черствый хлѣбъ, не позволяетъ вамъ въ вашей комнатѣ заиграть на фортепіано, или засвистать на улицѣ. Призадумаешься надъ репутаціей умнаго, дѣловаго, религіознаго, нравственнаго и свободнаго народа!

Но, можетъ быть, это все равно для блага цѣлаго человѣчества: любить добро за его безусловное изящество и быть честнымъ, добрымъ и справедливымъ-даромъ, безъ всякой цѣли, и не умѣть нигдѣ и никогда не быть такимъ, или быть добродѣтельнымъ по машинѣ, по таблицамъ, по востребованію? Казалось бы, все равно, но отчего же это противно? Не все ли равно, что статую изваялъ Фидій, Канова, или машина? можно бы спросить...

Вы можете упрекнуть меня, что, говоря обо всемъ, что я видѣлъ въ Англіи, отъ дюка Веллингтона до высиживаемыхъ парами цыплятъ, я ничего не сказалъ о женщинахъ. Но говорить о нихъ поверхностно—не хочется, а наблюсти ихъ глубже и пристальнѣе—не было времени. И гдѣ было наблюдать ихъ? Я не успѣлъ познакомиться съ семейными домами, и потому видалъ женщинъ въ церквахъ, въ магазинахъ, въ ложахъ, въ экипажахъ, въ вагонахъ, на улицахъ. Отъ этого могу сказать только—и то для того, чтобъ избѣжать предполагаемаго упрека — что онѣ прекрасны, стройны, съ удивительнымъ цвѣтомъ лица, не смотря на то, что ѣдятъ много мяса, пряностей, и пьютъ крѣпкія вина. Едва ли въ другомъ народѣ разлито столько красоты въ массѣ, какъ въ Англіи. Не судите о красотѣ Англичанъ и Англи-

чанокъ по этимъ рыжимъ господамъ и госпожамъ, которые дезертируютъ изъ Англіи подъ именемъ шкиперовъ, машинистовъ, учителей и гувернантокъ, особенно гувернантокъ: это оборыши; красивой женщинѣ не зачѣмъ бѣжать изъ Англіи: красота—капиталъ. Ей очень практически сдѣлаютъ вѣрную оцѣнку и найдутъ надлежащее приспособленіе. Женщина же уродъ не имѣетъ никакой цѣны, если только за ней нѣтъ какого нибудь особеннаго таланта, который нуженъ и въ Англіи. Одно преподаваніе языка, или хожденіе за ребенкомъ, тамъ не важность: остается уѣхать въ Россію. Англичанки большею частью высоки ростомъ, стройны, но немного горды и спокойны,—по словамъ многихъ, даже холодны. Цвѣтъ глазъ и волосъ до безконечности разнообразенъ: есть совершенныя брюнетки, то-есть съ черными, какъ смоль, волосами и глазами, и въ то же время съ необыкновенною бѣлизной и яркимъ румянцемъ; потомъ слѣдуютъ каштановые волосы, и все-таки бѣлое лицо, и наконецъ тѣ нѣжныя лица—фарфоровой бѣлизны, съ тонкою прозрачною кожею, съ легкимъ розовымъ румянцемъ, окаймленныя льняными кудрями, нѣжныя и хрупкія созданія съ лебединою шеей, съ неуловимою граціей въ позѣ и движеніяхъ, съ горделивою стыдливостью въ прозрачныхъ и чистыхъ, какъ стекло, и лучистыхъ глазахъ. Надо сказать, что и мужчины достойны этихъ леди по красотѣ: я уже сказалъ, что все, начиная съ человѣка, породисто и красиво въ Англіи. Мужчины подходятъ почти подъ тѣ же разряды, по цвѣту волосъ и лица, какъ женщины. Они отличаются тѣмъ же ростомъ, наружнымъ спокойствіемъ, гордостью, важностью въ осанкѣ, твердостью въ поступи.

Кажется, женщины въ Англіи—единственный предметъ, который пощадило практическое направленіе. Онѣ властвуютъ здѣсь; и если и бываютъ предметомъ спекуляцій, какъ напримѣръ, мистрисъ Домби, то не болѣе, какъ въ другихъ

мѣстахъ. Передъ ними курится постоянный онміамъ на домашнемъ алтарѣ, у котораго англичанинъ, избѣгавъ утромъ городъ, передѣлавъ всѣ дѣла, складываетъ, съ мекинтошемъ и зонтикомъ, и свою практичность. Тамъ гаснетъ огонь машины и зажигается другой, огонь очага или камина; тамъ англичанинъ перестаетъ быть администраторомъ, купцомъ, дипломатомъ, и дѣлается человѣкомъ, другомъ, любовникомъ, нѣжнымъ, откровеннымъ, довѣрчивымъ, и какъ ревниво охраняетъ онъ свой алтарь! Этого я не видалъ: я не проникалъ въ семейства, и знаю только по наслышкѣ и по весьма немногимъ признакамъ, между прочимъ потому, что англичанинъ, когда хочетъ познакомиться съ вами покороче, оказать особенное вниманіе, зоветъ васъ къ себѣ, въ свое святилище, обѣдать: больше ужъ онъ сдѣлать не въ состояніи.

Гоголь отчасти испортилъ мнѣ впечатлѣніе, которое производятъ англичанки: послѣ всякой хорошенькой англичанки мнѣ мерещится капитанъ Копѣйкинъ. Въ театрахъ видѣлъ я благородныхъ леди: хороши, но черезъ чуръ чопорно одѣты для маленькаго, дряннаго театра, въ которомъ показывали діораму восхожденія на Монбланъ: всѣ—декольте, въ бѣлыхъ мантильяхъ, съ цвѣтами на головѣ, отчего немного походятъ на нашихъ цыганокъ, когда послѣднія являются на балюстраду пѣть. Живя путешественникомъ въ отеляхъ, я мало имѣлъ случаевъ вблизи наблюдать женщинъ, кромѣ хозяекъ въ трактирахъ, торгующихъ въ магазинахъ и т. п. Вотъ двѣ служанки суетятся и бѣгаютъ около меня, какъ двѣ почтовыя лошади, и убійственно, какъ сороки, на каждое мое слово твердятъ: „yes, sir, no, sir“. Онѣ въ ссорѣ за какіе то пять шиллинговъ и такъ поглощены ею, что о чемъ ни спросишь, онѣ сейчасъ переходятъ къ жалобамъ одна на другую. Еще оставалось бы сказать что нибудь о тѣхъ леди и миссъ, которыя, поравнявшись съ вами на ули-

цѣ, дарятъ улыбкой, или выразительнымъ взглядомъ, да о портсмутскихъ дамахъ, продающихъ всякую всячину; но и тѣ и другія такія же, какъ у насъ. О послѣднихъ можно развѣ сказать, что онѣ отличаются такою рельефностью бюстовъ, что путешественника поражаетъ это излишество въ нихъ столько же, сколько недостатокъ, въ этомъ отношеніи, у молодыхъ дѣвушекъ. Не знаю, поражаетъ ли это самихъ англичанъ.

Говорятъ англичанки еще отличаются величиной своихъ ногъ: не знаю правда ли? Мнѣ кажется тутъ есть отчасти и предубѣжденіе, и именно оттого, что никакія другія женщины не выставляютъ такъ своихъ ногъ на показъ, какъ англичанки: переходя черезъ улицу, въ грязь, онѣ такъ высоко поднимаютъ юбки, что... даютъ полную возможность разсматривать ноги.

31 Декабря 1852 г. Вамъ я думаю, наскучило получать отъ меня письма все изъ одного мѣста. Что дѣлать! Видно мнѣ на роду написано быть самому лѣнивымъ и заражать лѣнью все, что приходитъ въ соприкосновеніе со мною. Лѣнь разлита, кажется, въ атмосферѣ, и событія пріостанавливаются надъ моею головой. Помните, какъ лѣниво уѣзжалъ я изъ Петербурга, и только съ четвертою попыткой удалось мнѣ „отвалить“ изъ отечества. Вотъ и теперь лѣниво выѣзжаемъ изъ Англіи. Мы ужъ „вытянулись“ на рейдъ: подуй N или NO, и въ полчаса мы поднимаемъ крылья и вступимъ въ океанъ, да онъ не готовъ видно принять насъ; онъ какъбудто углаживаетъ намъ путь вѐстовыми вѣтрами. Я даже не могу сказать, что мы въ Англіи, мы просто на фрегатѣ; насъ пятьсотъ человѣкъ: это уголокъ Россіи. Берегъ верстахъ въ трехъ; впереди ныряетъ въ волнахъ низенькая портсмутская стѣпа, съ боку у ней тянется песчаная мель, сзади насъ зеленѣетъ Вайтъ, а за тѣмъ все море, съ сотней разбросанныхъ по неизмѣримому рейду кораблей, ожидающихъ,

какъ и мы, попутнаго вѣтра. У насъ объ Англіи помину нѣтъ; мы распрощались съ ней, кончили всѣ дѣла, а ѣздить гулять мѣшаетъ вѣтеръ. Третьяго дня отправились двѣ шлюпки и остались въ портѣ—такъ задуло. Изрѣдка только англійская верейка, какъ коза, проскачетъ по валамъ къ Вайту, или отъ Вайта въ Портсмутъ.

24-го, въ сочельникъ, съѣхалъ я на берегъ утромъ: было сносно; но когда поѣхалъ оттуда... ахъ, какой вечеръ! какъ надолго останется онъ въ памяти! Сдѣлавъ нѣкоторыя покупки, я въ пристани Albertpier взялъ англійскую шлюпку и отправился назадъ *домой*. Пока ѣхали въ гавани, за стѣнами, казалось покойно, но лишь выѣхали на просторъ, тамъ дуло свирѣпо, да къ этому холодъ, темнота и яростный шумъ буруновъ, разбивающихся о крѣпостную стѣну. Гребцы мои, англичане, не знали, гдѣ помѣстился нашъ фрегатъ.—„Вечеромъ два огня будутъ на гафелѣ", сказали мнѣ на фрегатѣ, когда я ѣхалъ утромъ. Я смотрю въ даль, гдѣ чуть-чуть видно мелькаютъ силуэты судовъ, и вижу милліоны огней въ разныхъ мѣстахъ. Я придерживалъ одной рукой шляпу, чтобъ ее не сдуло въ море, а другую пряталъ —то за пазуху, то въ карманы отъ холода. Гребцы бросили весла и, поставивъ парусъ, сами сѣли на дно шлюпки и въ полголоса бормотали промежъ себя. Шлюпку нашу подбрасывало вверхъ и внизъ, валы періодически врывались верхушкой къ намъ и обливали спину. Небо заволокло тучами, а ѣхать три версты. Подъѣхали къ одной группѣ судовъ:— „Russian-frigate?" спрашиваютъ мои гребцы.—„No", пронзительно доносится до насъ по вѣтру. Дальше, къ другому: —„Nein", отвѣчаютъ намъ. Надо было лечь на другой галсъ и плыть еще версты полторы вдоль рейда. Вотъ тутъ я вспомнилъ всѣ проведенные съ вами двадцать-четвертые декабря; живо себѣ воображалъ, что у васъ въ залѣ и свѣтло, и тепло, и что я бы теперь сидѣлъ тамъ съ тѣмъ, съ дру-

гимъ, съ той, другой...—„А вотъ что́ около меня!“ добавилъ я, боязливо и вопросительно поглядывая, то на валы, которые поднимались около моихъ плечъ и локтей и выше головы, то въ даль, стараясь угадать, привѣтнѣе ли и свѣтлѣе ли другихъ огней блеснутъ два фонаря на русскомъ фрегатѣ? Наконецъ добрался и засталъ всенощную накапунѣ Рождества. Этотъ маленькій эпизодъ напомнилъ мнѣ, что пройденъ только вершокъ необъятнаго, ожидающаго, впереди пространства; что этотъ эпизодъ есть обыкновенное явленіе въ этой жизни; что въ три года можетъ случиться много такого, что не выживешь въ шестьдесятъ лѣтъ жизни, особенно нашей русской жизни!

Какимъ испытаніямъ подвергается избалованная нервозность вѣчнаго горожанина здѣсь, въ борьбѣ со всѣмъ окружающимъ! Все противоположно прежнему: воздухъ вмѣсто толстыхъ стѣнъ, про́пасть вмѣсто фундамента, сводъ изъ сѣти снастей, качающійся столъ, который отходитъ отъ руки, когда пишешь, или рука отходитъ отъ стола, тарелка ото рта.—„Не шуми, сиди смирно!“ безпрестанно раздается въ обыкновенномъ порядкѣ береговой стражи.—„Шуми, стучи и двигайся!“ твердятъ здѣсь на каждомъ шагу. Вмѣсто удобствъ и комфорта, пріучаютъ къ неудобствамъ. На дняхъ капитанъ ходитъ взадъ и впередъ по палубѣ въ одномъ сюртукѣ, а у самого отъ холода нижняя челюсть тоже ходитъ взадъ и впередъ.—„Зачѣмъ, молъ, вы не надѣнете пальто?“ —„Для примѣра командѣ“, говоритъ. И многое, что̀ сочтешь тамъ, на берегу, сидя на диванѣ, въ теплой комнатѣ, отступленіемъ отъ разума—здѣсь истина. И вы видите, что эти уклоненія здѣсь оправдываются, а ваши абсолютныя истины нѣтъ. Вамъ неловко, потому-что нельзя же заставить себя вѣрить въ уклоненія или въ мѣстную истину, хотя она и оправдывается необходимостью. Забудьте отчасти ваше воспитаніе, выработанность и изнѣженность, когда вы на

морѣ. Но ничего: ко всему можно притерпѣться, привыкнуть, даже не простуживаться. У меня вотъ и високъ пересталъ болѣть. Даже не скоро потомъ отдѣлаюсь я отъ привычекъ, которыя наложитъ на меня морской бытъ, по возвращеніи на берегъ. Мнѣ будетъ казаться, что мебель надо „принайтовить", окна не закрыть ставнями, а „задраить", при свѣжемъ вѣтрѣ буду ждать, что „засвистятъ всѣхъ наверхъ рифы брать".

Сколько благъ сулилъ я себѣ въ вояжѣ и сколько ужъ ихъ не осуществилось! Вотъ я думалъ бѣжать отъ русской зимы и прожить два лѣта, а приходится, кажется, испытать четыре осени: русскую, которую уже пережилъ, англійскую переживаю, въ тропики придемъ въ тамошнюю осень. А безтолочь какая: празднуешь два Рождества, русское и англійское, два Новые года, два Крещенья. Въ англійское Рождество была крайняя нужда въ работѣ,—своихъ рукъ не доставало: англичане и слышать не хотятъ о работѣ въ праздникъ. Въ наше Рождество англичане пришли, да совѣстно было заставлять работать своихъ.

Сказалъ бы вамъ что-нибудь о своихъ товарищахъ, но о нѣкоторыхъ я говорилъ, о другихъ буду говорить впослѣдствіи. Въ послѣднее время я жилъ близко, въ одной огромной каютѣ англійскаго корабля, пока нашъ фрегатъ былъ въ докѣ, съ четырьмя товарищами. Одинъ—невозмутимо покоенъ въ душѣ и со всѣми всегда одинаковъ; ни во что не мѣшается, ни веселъ, ни печаленъ; ни отчего ему ни больно ни холодно; на все согласенъ, что предложатъ другіе; со всѣми ласковъ до дружества, хотя нѣтъ у него друзей, но и враговъ нѣтъ. Куда его ни повези, ему все равно: онъ всѣмъ доволенъ, ни на что не жалуется. Всякую новость узнаетъ днемъ позже другихъ: кажется, для него выдумали слово покладной". Другой, съ которымъ я чаще всего бесѣдую, очень милый товарищъ, тоже всегда ровный,

никогда невыходящій изъ себя человѣкъ; но его не такъ легко удовлетворить, какъ перваго. Онъ любитъ комфортъ и безъ него нѣсколько страдаетъ, хотя и старается приспособиться къ несвойственной ему сферѣ. Онъ свѣтскій человѣкъ; а такіе люди всегда мнѣ нравились. Свѣтское воспитаніе, если оно въ самомъ дѣлѣ свѣтское, а не претензія только на него, не такъ поверхностно, какъ обыкновенно думаютъ. Не мѣшая, ни глубокому образованію, даже учености, ни какому спеціальному направленію, оно выработываетъ много хорошихъ сторонъ, не даетъ глохнуть порядочнымъ качествамъ, образуетъ весь характеръ и, между прочимъ, учитъ скрывать не одни свои недостатки, но и достоинства, что̀ гораздо труднѣе. То, что̀ иногда кажется врожденною скромностью, отсутствіемъ страсти—есть только воспитаніе. Свѣтскій человѣкъ умѣетъ поставить себя въ такое отношеніе съ вами, какъ-будто забываетъ о себѣ и дѣлаетъ все для васъ, всѣмъ жертвуетъ вамъ, не дѣлая въ самомъ дѣлѣ и не жертвуя ничего, напротивъ, еще куритъ ваши же сигары, какъ Б. мои. Все это, кажется, пустяки, а между тѣмъ это придаетъ обществу чрезвычайно много, по-крайней-мѣрѣ, наружнаго гуманитета.

Мы мирно жили, еще съ недѣлю, по возвращеніи изъ Лондона въ Портсмутъ, на Кемпердоунѣ, большимъ обществомъ. Всѣ размѣщены были очень удобно по многочисленнымъ каютамъ стопушечнаго стараго англійскаго корабля. Утромъ мы всѣ четверо просыпались въ одно мгновеніе, ровно въ восемь часовъ, отъ пушечнаго выстрѣла съ „Экселента", другаго англійскаго корабля, стоявшаго на мертвыхъ якоряхъ, то-есть неподвижно, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ насъ. Послѣ завтрака, состоявшаго изъ горы мяса, картофеля и овощей, то-есть тяжелаго обѣда, всѣ расходились: офицеры въ адмиралтейство на фрегатъ къ работамъ, мы, неофицеры, или занимались дома, или шли за покупками, гу-

лять, кто въ Портсмутъ, кто въ Портси, кто въ Саутси, или въ Госпортъ—это названія четырехъ городовъ, связанныхъ вмѣстѣ и составляющихъ Портсмутъ. Всѣ они имѣютъ свой характеръ. Портси и Портсмутъ—торговыя части, наполненныя магазинами, складочными амбарами, съ таможней. Тутъ же помѣщается адмиралтейство, тутъ и пріютъ моряковъ всѣхъ націй. Саутси—чистый кварталъ, гдѣ главныя церкви и большіе домы; тамъ помѣщаются и власти. Эти кварталы отдѣляются между собою стѣной. Госпортъ лежитъ на другой сторонѣ гавани и сообщается съ прочими тремя кварталами посредствомъ пароваго парома, который безпрестанно по веревкѣ ходитъ взадъ и впередъ и за грошъ перевозитъ публику. Кромѣ того, есть безчисленное множество яликовъ. Въ Госпортѣ тоже есть магазины, но уже второстепенные, фруктовыя лавки, очень хорошая гостинница Indiaarms, гдѣ мы приставали, и станція лондонской желѣзной дороги. Впрочемъ, всѣ эти города можно обойти часа въ два. Госпортъ состоитъ изъ одной улицы и нѣсколькихъ переулковъ. Саутси изъ одной площади, вала и крѣпостной стѣны. Только Портсмутъ и Портси, связанные вмѣстѣ, имѣютъ нѣсколько улицъ. Домы, магазины, торговля, народъ—все какъ въ Лондонѣ, въ меньшихъ и не столь богатыхъ размѣрахъ; но все-таки, относительно, богато, чисто и красиво. Море, матросы, корабли и адмиралтейство сообщаютъ городу свой особый отпечатокъ, такой же, какъ у насъ въ Кронштадтѣ, только побольше, полюднѣе.

Потомъ часамъ къ шести сходились обѣдать во второй разъ, такъ что О. А. недоумѣвалъ, послѣ котораго обѣда надо было лечь „отдохнуть“.

Въ прогулкахъ своихъ я пробовалъ было брать съ собою Ѳаддеева, чтобы отнести покупки домой, но раскаялся. Онъ никому спуску не давалъ, не уступалъ дороги. Если толкнутъ его, онъ не преминетъ отвѣтить кулакомъ, или зади-

ралъ ребятишекъ. Онъ внесъ на чужіе берега свой костромской элементъ и не разбавилъ его ни каплей чужаго. На всякій обычай, непохожій на свой, на учрежденіе, онъ смотрѣлъ какъ на ошибку, съ большимъ недоброжелательствомъ, и даже съ презрѣніемъ.—„Сволочь эти *асеи!*“ (такъ называютъ матросы англичанъ отъ употребляемаго безпрестанно въ англійской рѣчи—*I say*, (*я говорю, послушай*). Какъ онъ глумился, увидѣвъ на часахъ шотландскихъ солдатъ, одѣтыхъ въ яркій, блестящій костюмъ, то-есть въ юбку изъ клѣтчатой шотландской матеріи, но безъ панталонъ, и потому съ голыми колѣнками!—„Королева разсердилась: штановъ не дала“, говорилъ онъ съ хохотомъ, указывая на голыя ноги солдата. Только въ пользу одной шерстяной матеріи, называемой „англійской кожей“ и употребляемой простымъ народомъ на платье, онъ сдѣлалъ исключеніе, и то потому, что панталоны изъ нея стоили всего два шиллинга. Онъ просилъ меня купить этой кожи себѣ и товарищамъ по порученію, и самъ отправился со мной. Но Боже мой! какимъ презрѣніемъ обдалъ онъ англійскаго купца, нужды нѣтъ, что тотъ смотрѣлъ совершеннымъ джентльменомъ! Какое счастіе, что они не понимали другъ друга! Но по одному лицу, по голосу Ѳаддеева, можно было догадываться, что онъ третируетъ купца en canaille, какъ какого-нибудь продавца баранокъ въ Чухломѣ.—„Врешь, не то показываешь“, говорилъ онъ, швыряя штуку матеріи.—„Скажи ему, ваше высокоблагородіе, чтобы далъ той самой, которой отрѣзалъ Терентьеву да Кузьмину“. Купецъ подавалъ другой кусокъ.—„Не то, сволочь, говорятъ тебѣ!“ И все въ этомъ родѣ.

Однажды, въ Портсмутѣ, онъ прибѣжалъ ко мнѣ, сіяя отъ радости и сдерживая смѣхъ.—„Чему ты радуешься?“ спросилъ я.—„Мотыгинъ... Мотыгинъ“... твердилъ онъ, смѣясь. (Мотыгинъ—это другъ его, худощавый, рябой матросъ).—„Ну, что жъ Мотыгинъ?„—„Съ берега воротил-

ся...“ — „Ну?“ — „Позови его, ваше высокоблагородіе, да спроси, что онъ дѣлалъ на берегу?“ Но я забылъ объ этомъ, и вечеромъ встрѣтилъ Мотыгина съ синимъ пятномъ около глазъ.—„Что съ тобой? отчего пятно?“ спросилъ я. Матросы захохотали; пуще всѣхъ радовался Ѳаддеевъ. Наконецъ объяснилось, что Мотыгинъ вздумалъ „поиграть“ съ портсмутской леди, продающей рыбу. Это все равно, что поиграть съ волчицей въ лѣсу: она отвѣчала градомъ кулачныхъ ударовъ, изъ которыхъ одинъ попалъ въ глазъ. Но и матросъ въ своемъ родѣ тоже не овца: оттого эта волчья ласка была для Мотыгина не больше, какъ сарказмъ какой-нибудь барыни на неумѣстную любезность франта. Но Ѳаддеевъ утѣшается этимъ еще до сихъ поръ, хотя синее пятно на глазу Мотыгина уже пожелтѣло.

Наконецъ намъ объявили, чтобъ мы перебирались на фрегатъ. Поднялась суматоха: барказъ, катера, съ утра до вечера, перевозили съ берега разнаго рода запасы; люди перетаскивали все наше имущество на фрегатъ, который подвели вплоть къ Кемпердоуну. Среди этой давки, шума, суеты, вдругъ протискался сквозь толпу къ капитану П. А. Т., нашъ застольный хозяинъ. — „И. С., ради Бога“ посмѣшно говорилъ онъ, „позвольте шлюпку, теперь же, сію минуту...“ — Зачѣмъ, куда? шлюпки всѣ заняты — вы видите. Послѣдняя идетъ за углемъ. Зачѣмъ вамъ?“ — „Курица выскочила, когда переносили курятникъ, и уплыла. Вонъ она-съ, вонъ какъ бьется: ради Бога, пожалуйте шлюпку; сейчасъ утонетъ. Извольте войти въ мое положеніе: офицеры удостоили меня довѣренности, и я оправдывалъ...“ Капитанъ разсмѣялся и далъ ему шлюпку. Курица была поймана и возвращена на свое мѣсто. Вскорѣ мы вытянулись на рейдъ, стоимъ здѣсь и ждемъ погоды.

Каждый день прощаюсь я съ здѣшними берегами, повѣряю свои впечатлѣнія, какъ скупой повѣряетъ втихомолку

каждый спрятанный грошъ. Дешевы мои наблюденія, немного вынешу я отсюда, можетъ-быть отчасти и потому, что ѣхалъ не сюда, что тороплюсь все дальше. Я даже боюсь слишкомъ вглядываться, чтобъ не осталось сору въ памяти. Я охотно разстаюсь съ этимъ всемірнымъ рынкомъ и съ картиной суеты и движенія, съ колоритомъ дыма, угля, пара и копоти. Боюсь, что образъ современнаго англичанина долго будетъ мѣшать другимъ образомъ... Сбуду скорѣе черты этого образа вамъ и постараюсь забыть.

Замѣчу, между прочимъ, что все здѣсь стремится къ тому, чтобъ устроить образъ жизни какъ можно проще, удобнѣе и комфортэбельнѣе. Сколько выдумокъ для этого, сколько потрачено генія изобрѣтательности на машинки, пружинки, таблицы и другіе остроумные способы, чтобъ человѣку было просто и хорошо жить! Если обставить этими выдумками, машинками, пружинками и таблицами жизнь человѣка, то можно въ pendant къ вопросу о томъ, „достовѣрнѣе ли стала исторія съ тѣхъ поръ, какъ размножились ея источники“—поставить вопросъ: „удобнѣе ли стало жить на свѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ размножились удобства“?

Новѣйшій англичанинъ не долженъ просыпаться самъ, еще хуже, если его будитъ слуга: это коварство, отсталость, и притомъ слуги дороги въ Лондонѣ. Онъ просыпается по будильнику. Умывшись посредствомъ машинки и надѣвъ вымытое пàромъ бѣлье, онъ садится къ столу, кладетъ ноги въ назначенный для того ящикъ, обитый мѣхомъ, и готовитъ себѣ, съ помощію пара же, въ три секунды бифстексъ или котлету, и запиваетъ чаемъ, потомъ принимается за газету. Это тоже удобство — одолѣть листъ „Times“ или „Herald“: иначе онъ будетъ глухъ и нѣмъ цѣлый день. Кончивъ завтракъ, онъ по одной таблицѣ припоминаетъ, какое число и какой день сегодня, справляется чтò дѣлать, беретъ машинку, которая сама дѣлаетъ выкладки: припоми-

пать и считать въ головѣ неудобно. Потомъ идетъ со двора. Я не упоминаю о томъ, что двери передъ нимъ отворяются и затворяются взадъ и впередъ почти сами. Ему надо побывать въ банкѣ, потомъ въ трехъ городахъ, поспѣть на биржу, не опоздать въ засѣданіе парламента. Онъ все сдѣлалъ, благодаря удобствамъ. Вотъ онъ, поэтическій образъ, въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ, обритый, остриженный, съ удобствомъ, то-есть съ зонтикомъ подъ мышкой, выглядываетъ изъ вагона, изъ кеба, мелькаетъ на пароходахъ, сидитъ въ тавернѣ, плыветъ по Темзѣ, бродитъ по музеуму, скачетъ въ паркѣ! Въ промежуткахъ онъ успѣлъ посмотрѣть травлю крысъ, какіе нибудь мостки, купилъ колодки отъ сапокъ дюка. Мимоходомъ съѣлъ высиженнаго паромъ цыпленка, внесъ фунтъ стерлинговъ въ пользу бѣдныхъ. Послѣ того, покойный сознаніемъ, что онъ прожилъ день по всѣмъ удобствамъ, что видѣлъ много замѣчательнаго, что у него есть дюкъ и паровые цыплята, что онъ выгодно продалъ на биржѣ партію бумажныхъ одѣялъ, а въ парламентѣ свой голосъ, онъ садится обѣдать, и вставъ изъ-за стола не совсѣмъ твердо, вѣшаетъ къ шкафу и бюро неотпираемые замки, снимаетъ съ себя машинкой сапоги, заводитъ будильникъ и ложится спать. Вся машина засыпаетъ.

Облако англійскаго тумана, пропитанное паромъ и дымомъ каменнаго угля, скрываетъ отъ меня этотъ образъ. Оно проносится, и я вижу другое. Вижу гдѣ-то далеко отсюда, въ просторной комнатѣ, на трехъ перинахъ, глубоко спящаго человѣка: онъ и обѣими руками, и одѣяломъ закрылъ себѣ голову, но мухи нашли свободныя мѣста, кучками усѣлись на щекѣ и на шеѣ. Спящій не тревожится этимъ. Будильника нѣтъ въ комнатѣ, но есть дѣдовскіе часы: они каждый часъ свистѣньемъ, хрипѣньемъ и всхлипываньемъ пробуютъ наружить этотъ сонъ — и все напрасно. Хозяинъ мирно почиваетъ; онъ не проснулся, когда послан-

ная отъ барыни Парашка будить къ чаю, послѣ троекратнаго тщетнаго зова, потолкала спящаго, хотя женскими, но довольно жесткими кулаками въ ребра; даже когда слуга, въ деревенскихъ сапогахъ, на солидныхъ подошвахъ, съ гвоздями, трижды входилъ, и выходилъ потрясая половицы. И солнце обжигало, сначала темя, потомъ високъ спящаго—и все почивалъ онъ. Неизвѣстно, когда проснулся бы онъ самъ собою, развѣ когда не стало бы уже человѣческой мочи спать, когда нервы и мускулы настойчиво потребовали бы дѣятельности. Онъ пробудился оттого, что ему приснился дурной сонъ: его кто-то началъ душить во снѣ, но вдругъ раздался отчаянный крикъ пѣтуха подъ окномъ—и баринъ проснулся, обливаясь потомъ. Онъ побранилъ-было пѣтуха, этотъ живой будильникъ, но, взглянувъ на дѣдовскіе часы, замолчалъ. Проснулся онъ, сидитъ и недоумѣваетъ, какъ онъ такъ заспался, и невѣритъ, что его будили, что солнце ужъ высоко, что прикащикъ два раза приходилъ за приказаніями, что самоваръ трижды перекипѣлъ.—„Что вы нейдете сюда?“ ласково говоритъ ему голосъ изъ другой комнаты. — „Да вотъ одного сапога не найду,“ отвѣчаетъ онъ, шаря ногой подъ кроватью, „и панталоны куда-то запропастились. Гдѣ Егорка?“ Справляются насчетъ Егорки, и узнаютъ, что онъ отправился рыбу ловить бреднемъ, въ обществѣ нѣкоторыхъ любителей изъ дворовыхъ людей. И пока бѣгутъ, не спѣша, за Егоркой на прудъ, а Ваньку отыскиваютъ по заднимъ дворамъ, или Митьку извлекаютъ изъ глубины дѣвичьей, баринъ мается, сидя на постели, съ однимъ сапогомъ въ рукахъ, и сокрушается объ отсутствіи другаго. Но все приведено въ порядокъ: сапогъ еще съ вечера затащила въ уголъ подъ диванъ Мимишка, а панталоны оказались висящими на дровахъ, гдѣ, второпяхъ, забылъ ихъ Егорка, чистившій платье и внезапно приглашенный товарищами участвовать въ рыбной ловлѣ. Сильно бы вымыли

ему голову, но Егорка принесъ къ обѣду цѣлую корзину карасей, сотни двѣ раковъ, да еще барченку сдѣлалъ дудочку изъ камыша, а барышнѣ досталъ два водяные цвѣтка, за которыми, чуть не съ опасностью жизни, лазилъ по горло въ воду на средину пруда. Напившись чаю, приступаютъ къ завтраку: подадутъ битаго мяса съ сметаной, сковородку грибовъ, или каши, разогрѣютъ вчерашнее жаркое, дѣтямъ изготовятъ манный супъ—всякому найдутъ что нибудь по вкусу. Наступаетъ время дѣятельности. Барину по городамъ ѣздить не нужно: онъ ѣздитъ въ городъ только на ярмарку разъ въ годъ, да на выборы: и то, и другое еще далеко. Онъ беретъ календарь, справляется, какого святаго въ тотъ день: нѣтъ ли именинниковъ, не надо ли послать поздравить. Отъ сосѣда за прошлый мѣсяцъ пришлютъ всѣ газеты разомъ, и цѣлый домъ запасается новостями надолго. Пора по работамъ; пришелъ прикащикъ—въ третій разъ.

— Что скажешь, Прохоръ? говоритъ баринъ небрежно. Но Прохоръ ничего не говоритъ; онъ еще небрежнѣе достаетъ со стѣны машинку, то-есть счеты, и подаетъ барину, а самъ, выставивъ одну ногу впередъ, а руки заложивъ назадъ, становится поодаль.—Сколько чего? спрашиваетъ баринъ, готовясь класть на счетахъ.

— Овса въ городъ отпущено, на прошлой недѣлѣ семьдесятъ... хочется сказать—пять четвертей. — Семьдесятъ девять, договариваетъ баринъ и кладетъ на счетахъ.—Семьдесятъ девять мрачно повторяетъ прикащикъ и думаетъ: „эка память-то мужицкая, а еще баринъ! сосѣдъ-то баринъ, слышь, ничего не помнитъ...“

— А навѣдывались купцы о хлѣбѣ? вдругъ спросилъ баринъ, поднялъ очки на лобъ и взглянувъ на прикащика.

— Былъ одинъ вчера.

— Ну?

— Дешево даетъ.

— Однако?

— Два рубля.

— Съ гривной? спросилъ баринъ.

Молчитъ прикащикъ: купецъ точно съ гривной давалъ. Да какъ же баринъ-то узналъ? вѣдь онъ не видѣлъ купца! Рѣшено было, что прикащикъ поѣдетъ въ городъ на той недѣлѣ и тамъ покончитъ дѣло.

— Что жъ ты не скажешь? вопрошаетъ баринъ.

— Онъ обѣщалъ побывать опять, говоритъ прикащикъ.

— Знаю, говоритъ баринъ.

„Какъ знаетъ?“ думалъ прикащикъ: „вѣдь купецъ не обѣщалъ...“

— Онъ завтра къ батюшкѣ за медомъ заѣдетъ, а оттуда ко мнѣ, и ты приди, и мѣщанинъ будетъ.

Прикащикъ все мрачнѣй и мрачнѣй.

— Слушаю-съ, говоритъ онъ сквозь зубы.

Баринъ помнитъ даже, что въ третьемъ году Василій Васильевичъ продалъ хлѣбъ по три рубля, въ прошломъ дешевле, а Иванъ Иванычъ по три съ четвертью. То въ полѣ чужихъ мужиковъ встрѣтитъ, да спроситъ, то напишетъ кто нибудь изъ города, а не то такъ, видно, во снѣ приснится покупщикъ, и цѣна тоже. Не даромъ долго спитъ. И щелкаютъ они на счетахъ съ прикащикомъ, иногда все утро или цѣлый вечеръ, такъ что тоску наведутъ на жену и дѣтей, а прикащикъ выйдетъ весь въ поту изъ кабинета, какъ будто верстъ за тридцать на богомолье пѣшкомъ ходилъ.

— Ну, что еще? спрашиваетъ баринъ. Но въ это время раздался стукъ на мосту. Баринъ поглядѣлъ въ окно.—Кто-то ѣдетъ? сказалъ онъ; и прикащикъ взглянулъ.—Иванъ Петровичъ, говоритъ прикащикъ,—въ двухъ колясках.

— А! радостно восклицаетъ баринъ, отодвигая счеты. —Ну, ступай; ужо вечеромъ какъ-нибудь улучимъ минуту, да сосчитаемся. А теперь пошли-ка Антипку съ Мишкой на

болото да въ лѣсъ, десятковъ пять дичи къ обѣду наколотить: видишь, дорогіе гости пріѣхали!

Завтракъ снова является на столѣ, послѣ завтрака кофе. Иванъ Петровичъ пріѣхалъ на три дня, съ женой, съ дѣтьми и съ гувернеромъ, и съ гувернанткой, съ нянькой, съ двумя кучерами и съ двумя лакеями. Ихъ привезли восемь лошадей: все это поступило на трехдневное содержаніе хозяина. Иванъ Петровичъ дальній родня ему по женѣ: не пріѣхать же ему за пятьдесятъ верстъ—только пообѣдать! Послѣ объятій, начался подробный разсказъ о трудностяхъ и опасностяхъ этого полуторасуточнаго переѣзда.

— Пообѣдавъ вчера, выѣхали мы, благословясь, около вечерень, спѣшили засвѣтло проѣхать Волчій Вражекъ, а остальныя пятнадцать верстъ ѣхали въ темнотѣ—зги Божіей не видать! Ночью поднялась гроза, страсть какая—Боже упаси! Какіе яровые у Василья Степаныча, видѣли?

— Какъ же, нарочно ѣздилъ. Слышали, ужъ онъ запродалъ хлѣбъ. А каковы овсы у васъ?

И пошла бесѣда на три дня.

Дамы пойдутъ въ садъ и оранжерею, а баринъ съ гостемъ отправились по гумнамъ, по полямъ, на мельницу, на луга. Въ этой прогулкѣ умѣстились три англійскіе города, биржа. Хозяинъ осмотрѣлъ каждый уголокъ; нужды нѣтъ, что хлѣбъ еще на корню, а онъ прикинулъ въ умѣ, что́ у него окажется въ наличности по истеченіи года, сколько онъ пошлетъ сыну въ гвардію, сколько заплатитъ за дочь въ институтъ. Обѣдъ гомерическій, ужинъ такой же. Потомъ, забывъ вынуть ключи изъ тульскихъ замковъ у бюро и шкафовъ, стелютъ пуховики, которыхъ достанетъ всѣмъ, сколько бы гостей не пріѣхало. Живая машина стаскиваетъ съ барина сапоги, которые, можетъ быть, опять затащитъ Мимишка подъ диванъ, а панталоны Егорка опять забудетъ на дровахъ.

Что же? среди этой дѣятельной лѣни и лѣнивой дѣятельности нѣтъ и помина о бѣдныхъ, о благотворительныхъ обществахъ, нѣтъ заботливой руки, которая бы… Мнѣ видится длинный рядъ бѣдныхъ избъ, до половины занесенныхъ снѣгомъ. По тропинкѣ съ трудомъ пробирается мужичокъ въ заплатахъ. У него виситъ холстинная сума черезъ плечо, въ рукахъ длинный посохъ, какой носили древніе. Онъ подходитъ къ избѣ и колотитъ посохомъ, приговаривая:— „Сотворите святую милостыню“. Одна изъ щелей, закрытыхъ крошечнымъ стекломъ, отодвигается, высовывается обнаженная загорѣлая рука, съ краюхою хлѣба.—„Прими Христа ради!“ говоритъ голосъ. Краюха падаетъ въ мѣшокъ, окошко захлопывается. Нищій, крестясь, идетъ къ слѣдующей избѣ: тотъ же стукъ, тѣ же слова и такая же краюха падаетъ въ суму. И сколько бы ни прошло старцевъ, богомольцевъ, убогихъ, калѣкъ, передъ каждымъ отодвигается крошечное окно, каждый услышитъ: „прими Христа ради“, загорѣлая рука не устаетъ высовываться, краюха хлѣба неизбѣжно падаетъ въ каждую подставленную суму.

А баринъ, стало-быть, живетъ въ себя, „въ свое брюхо“, какъ говорятъ въ той сторонѣ? Стало быть онъ никогда не освѣжитъ души своей волненіемъ при взглядѣ на бѣднаго, не брызнетъ слеза на отекшія отъ сна щеки? И когда онъ считаетъ барыши за несжатый еще хлѣбъ, онъ не отдѣляетъ нѣсколько сотъ рублей послать въ какое-нибудь заведеніе, поддержать сосѣда? Нѣтъ, не отдѣляетъ въ умѣ ни копѣйки. а отдѣлитъ развѣ столько-то четвертей ржи, овса, гречихи, да того-сего, да съ скотнаго двора телятъ, поросятъ, гусей, да меду съ ульевъ, да гороху, моркови, грибовъ, да всего, чтобъ къ Рождеству послать столько-то четвертей роднѣ, „седьмой водѣ на киселѣ“, за сто верстъ, куда ужъ онъ посылаетъ десять лѣтъ оброкъ, столько-то въ годъ какому-то бѣдному чиновнику, который женился на сироткѣ, остав-

шейся послѣ погорѣлаго сосѣда, взятой еще отцомъ въ домъ и тамъ воспитанной. Этому чиновнику посылаютъ еще сто рублей деньгами къ Пасхѣ, столько-то раздать у себя въ деревнѣ старымъ слугамъ, живущимъ на пенсіи, а ихъ много, да мужичкамъ, которые, то ноги отморозили, ѣздивши по дрова, то обгорѣли, суша́ хлѣбъ въ овинѣ, кого въ дугу согнуло отъ какой-то лихой болѣсти, такъ-что спины не разогнетъ, у другаго темная вода закрыла глаза. А какъ удивится гость, пріѣхавшій на цѣлый день къ нашему барину, когда, просидѣвъ утро въ гостиной и не увидѣвъ никого, кромѣ хозяина и хозяйки, вдругъ видитъ за обѣдомъ цѣлую ватагу какихъ-то старичковъ и старушекъ, которые нахлынутъ изъ заднихъ комнатъ и занимаютъ „привычныя мѣста!“ Они смотрятъ робко, говорятъ мало, но кушаютъ много. И Боже сохрани попрекнуть ихъ „кускомъ!“ Они почтительны и къ хозяевамъ, и къ гостямъ. Баринъ хватился своей табакерки въ карманѣ, ищетъ глазами вокругъ: одинъ старичокъ побѣжалъ за ней, отыскалъ и принесъ. У барыни шаль спустилась съ плеча: одна изъ старушекъ надѣла ее опять на плечо, да тутъ же кстати поправила бантикъ на чепцѣ. Спросишь, кто это такіе? Про старушку скажутъ, что это одна „вдова“, пожалуй назовутъ Настасьей Тихоновной, фамилію она почти забыла, а другіе и подавно: она ненужна ей больше. Прибавятъ только, что она бѣдная дворянка, что мужъ у ней былъ игрокъ, или спился съ кругу, и ничего не оставилъ. Про старичка, какого-нибудь Кузьму Петровича, скажутъ, что у него было душъ двадцать, что холера избавила его отъ бо́льшой части изъ нихъ, что землю онъ отдаетъ въ наемъ за двѣсти рублей, которые посылаетъ сыну а самъ „живетъ въ людяхъ“.

И многіе годы проходятъ такъ, и многіе сотни уходятъ „куда-то“ у барина, хотя денегъ, повидимому, не бросаютъ. Даже барыня, исполняя евангельскую заповѣдь и проходя

сквозь безконечный рядъ нищихъ отъ обѣдни, тратитъ на это всего какихъ-нибудь рублей десять въ годъ. Вотъ на выборахъ, въ городѣ, оно замѣтно, куда деньги идутъ. Кончились выборы: предводитель беретъ листъ бумаги и говоритъ:—„Заключимте, милостивые государи, наши засѣданія посильнымъ пожертвованіемъ въ пользу бѣдныхъ нашей губерніи, да на школы, на больницы“, и пишетъ двѣсти, триста рублей. А нашъ баринъ думалъ, что, купивъ женѣ два платья, мантилью, нѣсколько чепцовъ, да вина, сахару, чаю и кофе на годъ, онъ уже можетъ закрыть бумажникъ, въ которомъ опочилъ изрядный запасный капиталецъ, годичная экономія. А вотъ тутъ вынимается сто рублей: стыдно же написать при всѣхъ двадцать пять, даже пятьдесятъ, когда Осипъ Осипычъ и Михайло Михайлычъ написали по сту.—„Теперь, кажется, все“, думаетъ онъ. Вдругъ у губернатора, вечеромъ, губернаторша сама раздаетъ гостямъ какіе-то билеты. Что это такое? Билеты на лотерею съ баломъ, спектаклемъ, въ пользу погорѣвшихъ семействъ. Губернаторша ужъ двоихъ упрекнула въ скупости, и они поспѣшно взяли еще по нѣскольку билетовъ. За этимъ некуда уже тратить денегъ, только вотъ остался иностранецъ, который пріѣхалъ учить гимнастикѣ, да ему не повезло, а въ числѣ гимнастическихъ упражненій у него нѣтъ такой штуки, кàкъ выбираться изъ чужаго города безъ денегъ, и онъ не знаетъ чтò дѣлать. Дворяне сложились помочь ему добраться домой; недостаетъ ста рублей: поглядываютъ на нашего барина... И вотъ, къ концу года выходитъ вовсе не тотъ счетъ въ деньгахъ, какой онъ прикинулъ въ умѣ, ходя по полямъ, когда хлѣбъ былъ еще на корню... Не по машинкѣ считалъ!

Но... однако... чтó вы скажете, друзья мои, прочитавъ это... эту... это *письмо*—изъ Англіи? Куда я заѣхалъ? чтó описываю? скажете, конечно, что я повторяюсь, что я... не

выѣзжалъ... Виноватъ: передъ глазами все еще мелькаютъ родныя и знакомыя крыши, окна, лица, обычаи. Увижу новое, чужое, и сейчасъ въ умѣ прикину на свой аршинъ. Я вѣдь ужъ сказалъ вамъ, что искомый результатъ путешествія—это параллель между чужимъ и своимъ. Мы такъ глубоко вросли корнями у себя дома, что куда и какъ надолго бы я ни заѣхалъ, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногахъ, и никакіе океаны не смоютъ ея!

Прощайте: мы уже снялись съ якоря, но не совсѣмъ удачно. Начались шквалы: шквалы—это, когда вы сидите на дачѣ, ничего не подозрѣвая, съ открытыми окнами, вдругъ на балконъ вашъ налетаетъ вихрь, врывается съ пылью въ окна, бьетъ стекла, валитъ горшки съ цвѣтами, хлопаетъ ставнями, когда бросаются, по обыкновенію поздно, затворять окна, убирать цвѣты, а между тѣмъ дождь успѣлъ хлынуть на мебель, на паркетъ. Теперь это повторяется здѣсь каждые полчаса, и вотъ третьи сутки мы лавируемъ въ Каналѣ, гдѣ дорога не широка: того и гляди прижметъ къ французскому берегу, а тамъ мели, да мели. Англійскій лоцманъ соснетъ немного ночью, а остальное время стоитъ у руля, слѣдитъ зорко за каждою струей, онъ и въ туманъ бросаетъ лотъ и по грунту распознаетъ мѣсто. Всего хуже встрѣчныя суда, а ихъ тутъ множество.

Вы уже знаете, что мы идемъ не вокругъ Горна, а черезъ мысъ Доброй Надежды, потомъ черезъ Зондскій проливъ, оттуда къ Филиппинскимъ островамъ, и наконецъ въ Китай и Японію. Пробывъ долго въ Англіи, мы не поспѣли бы обогнуть до марта Горнъ. А въ мартѣ, то-есть въ равноденствіе, тамъ господствуютъ свирѣпые вѐстовые и, слѣдовательно, намъ противные вѣтры. А отъ мыса Доброй Надежды они будутъ намъ попутные. Въ Индѣйскихъ моряхъ бываютъ, правда, ураганы, но бываютъ, слѣдовательно могутъ и не быть, а противные вѣтры у Горна непремѣнно бу-

дуть. Это напоминаетъ немного сказку объ Иванѣ царевичѣ, въ которой на перекресткѣ стоитъ столбъ съ надписью: „если поѣдешь направо, волки коня съѣдятъ, на лѣво — самого съѣдятъ а прямо — дороги нѣтъ“. Обратный путь предполагается кругомъ Америки. И обо всемъ этомъ толкуютъ здѣсь гораздо меньше, нежели, бывало, при сборахъ въ Павловскъ или Парголово. А хотите ли знать разстоянія? Отъ Англіи до Азорскихъ острововъ, напримѣръ, 2250 морскихъ миль (миля $1^3/_4$ версты), оттуда до экватора 1020 м., отъ экватора до мыса Доброй Надежды 3180 м., а отъ мыса Доброй Надежды до Зондскаго пролива 5400 м., всего около двадцати тысячъ верстъ. Скучно считать, лучше проѣхать! До вечера.

11 января. До вечера: какъ не до вечера! Только на третій день послѣ того вечера могъ я взяться за перо. Теперь вижу, что адмиралъ былъ правъ, зачеркнувъ въ одной бумагѣ, въ которой предписывалось шкунѣ соединиться съ фрегатомъ, слово „непремѣнно“.—На морѣ *непремѣнно* не бываетъ“, сказалъ онъ.—„На парусныхъ судахъ“, подумалъ я. Фрегатъ рылся носомъ въ волнахъ и ложился поперемѣнно на тотъ и другой бокъ. Вѣтеръ шумѣлъ, какъ въ лѣсу, и только теперь смолкаетъ. Сегодня, 11-го января, утро ясное, море стихаетъ. Видѣнъ Эддистонскій маякъ и гладкій, безотрадный утесъ Лизарда. Прощайте, прощайте! Мы у порога въ океанъ. Когда услышите вой вѣтра съ запада, помните, что это только слабое эхо того зефира, который треплетъ насъ, а задуетъ съ востока, отъ васъ, пошлите мнѣ поклонъ—дойдетъ. Но ужъ присталъ къ борту ботъ, на который ссаживаютъ лоцмана. Спѣшу запечатать письмо. Еще послѣднее прости! Увидимся ли? Въ путешествіи, или „походѣ“, какъ называютъ мои товарищи, пока еще самое лучшее для меня—надежда воротиться.

Январь 1853 года.
Британскій каналъ.

II.

АТЛАНТИЧЕСКІЙ ОКЕАНЪ И ОСТРОВЪ МАДЕРА.

Выходъ въ океанъ.—Крѣпкій вѣтеръ и качка.—Прибытіе на Мадеру.—Городъ Фунчалъ.—Прогулка на гору.—Обѣдъ у консула.—Отъѣздъ.

Съ 6 по 18 января 1853.

Кончено, я рѣшительно путешествую. Я все ждалъ перемѣны, препятствія; мнѣ казалось, судьба одумается и не пошлетъ меня дальше: поэтому нерѣшительно дѣлалъ въ Англіи приготовленія къ отъѣзду, не запасалъ многаго, что нужно для дальняго вояжа, и взялъ кое-что, годное больше для житья на берегу. Но вотъ океанъ: переступишь за его порогъ—и возврата нѣтъ! Я изъ Англіи писалъ вамъ, ка́къ мы плавали по Каналу, ка́къ насъ подхватилъ въ немъ свѣжій вѣтеръ и держалъ тамъ четверо сутокъ. Письмо это, со многими другими, взялъ англійскій лоцманъ, который провожалъ насъ по Каналу и потомъ съѣхалъ на рыбачьемъ ботѣ у самаго Лизарда. 11-го января вѣтеръ утихъ, погода разгулялась, море улеглось и немножко посинѣло, а то все было до крайности сѣро, мутно; только волны, поднимаясь, показывали свои аквамаринныя верхушки. Вотъ миляхъ въ трехъ бѣлѣетъ стройная, какъ станъ женщины, башня Эддистонскаго маяка. Онъ построенъ на морѣ, на камнѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега. Бурунъ съ моря хлещетъ, говорятъ, въ бурю до самаго фонаря. Нѣсколько разъ вѣтеръ смѣялся надъ усиліями человѣка, сбрасывая башню въ море. Но человѣкъ терпѣливо, на обломкахъ стараго, строилъ новое зданіе крѣпче и ставилъ фонарь, и теперь зажигаетъ

опять огонь и, въ свою очередь, смѣется надъ вѣтромъ. Вотъ и Лизардъ, пустой, голый и гладкій утесъ, далеко ушедшій въ море отъ береговъ. Отъ подошвы его растилается свѣтлая площадь океана.

Всѣ были на верху, пока ссаживали лоцмана. Я, прислонившись къ шпилю, смотрѣлъ на океанъ и о чемъ-то задумался. Вдругъ меня кто-то схватилъ за руку, стиснулъ ее и началъ неистово трясти. Что за штука? А! это лоцманъ прощается. Смотрю: лакированная шляпа и синяя куртка пошли дальше, обходя всѣхъ такимъ порядкомъ. Всякаго, молча, схватитъ за руку, точно укуситъ, кивнетъ головой и потомъ къ слѣдующему. Я далъ ему письмо, которое уже у меня было готово, онъ схватилъ и опустилъ его въ карманъ, кивнувъ тоже головой. Какой карманъ! Я успѣлъ бросить туда взглядъ: точно колодезь! Тамъ лежало писемъ тридцать, но они едва покрывали дно. Мы быстро подвигались къ океану.—„Дѣдушка!" спросилъ кто-то нашего А. А.,—„когда же будемъ въ океанѣ?"—„Мы теперь въ немъ", отвѣчалъ онъ.—„Такъ ужь изъ канала вышли?" спросилъ другой, глядя по обѣимъ сторонамъ канала.—„Нѣтъ еще: вѣдь это каналъ и есть, гдѣ мы".—„Кто жъ васъ разберетъ?„ отвѣчали ему недовольные.—Положите мѣтку", сказалъ дѣдушка, „когда назадъ пойдемъ, такъ я вамъ и скажу, гдѣ кончится каналъ и гдѣ начало океана... Смотрите, смотрите!" сказалъ онъ мнѣ, указывая на море.—„Что такое?" спросилъ я, глядя во всѣ стороны.—„Неужели не видите? Да вотъ смотрите: не дальше кабельтова отъ насъ". Смотрю: то тамъ, то сямъ брызнетъ изъ воды тонкой струей фонтанчикъ и пропадетъ. Потомъ опять.—„Не можетъ-быть, чтобъ здѣсь были киты!" сказалъ я.—„Не настоящіе киты, а мелочь изъ ихъ породы", замѣтилъ дѣдъ.

Я цѣлое утро не сходилъ съ юта. Мнѣ хотѣлось познакомиться съ океаномъ. Я уже отъ поэтовъ зналъ, что онъ „без-

брежень, мрачень, угрюмъ, безпредѣленъ, неизмѣримъ и неукротимъ", а учитель географіи сказалъ нѣкогда, что онъ просто—Атлантическій. Теперь я жадно вглядывался въ его физіономію, какъ вглядываются въ человѣка, котораго знали по портрету. Мнѣ хотѣлось повѣрить портретъ съ подлинными чертами лежавшаго передо мной великана, во власть котораго я отдавался на долгое время. „Какой же онъ въ самомъ дѣлѣ?" думалъ я, поглядывая кругомъ. „Чтó таится въ этомъ неизмѣренномъ омутѣ? Чѣмъ океанъ угоститъ пловцовъ?..." Онъ былъ покоенъ: по немъ едва шевелились легкими рядами волны, какъ-будто ряды тихихъ мыслей, пробѣгающихъ по лицу; страсти и порывы молчали. Попутный вѣтеръ и умѣренное волненіе такъ ласково манили дальше, а тамъ... „Гдѣ же онъ неукротимъ?" думалъ я опять: „на старческомъ лицѣ ни одной морщинки! Необозримъ онъ, правда: зришь его не больше какъ миль на шесть вокругъ, а тамъ спускается на него горизонтъ въ видѣ довольно-грязной занавѣски. Поверхность шара и на этомъ пространствѣ образуетъ дугу, закрывающую даль. „Могучъ, мраченъ—гм! посмотримъ", и, оглядѣвъ море справа, я оборотился налѣво и устремилъ взглядъ прямо въ физіономію... Ѳаддеева. Онъ стоялъ передо мной съ фуражкой въ рукѣ.— „Что ты?"—„Поди, ваше высокоблагородіе обѣдать, я давно зову тебя, да не слышишь". Я тѣмъ охотнѣе принялъ это приглашеніе, что наверху было холодно. Сѣверный вѣтеръ дышалъ такой прохладой, что въ байковомъ пальто отъ него трудно было спрятаться.

За столомъ дѣдъ сидѣлъ подлѣ меня и былъ очень веселъ; онъ даже предложилъ мнѣ выпить вмѣстѣ рюмку вина, по случаю вступленія въ океанъ.—„Поздравляю съ океаномъ", сказалъ онъ.—„Вы очень рады ему, вѣроятно, какъ старому знакомому?" спросилъ я.—Да, мы другъ друга знаемъ", отвѣчалъ онъ, „и точно я радъ: теперь на карту хоть не

гляди, по ночамъ можно спать: камней, банокъ, береговъ долго не дождемся".—„А буря?"—„Какая буря?"—„Ну, штормъ", поправился я.—„Это не по моей части", сказалъ онъ. Я буду спать, а И. С. и вотъ И. И. нѣтъ. Да что́ такое штормъ на океанѣ? Если еще при попутномъ вѣтрѣ, такъ это значитъ мчаться во весь духъ на лихой тройкѣ, не перемѣняя лошадей!"

Внизу, за обѣдомъ, потомъ за чашкой кофе и сигарой, а тамъ за книгой и забыли про океанъ... да не то, что про океанъ, а забыли и о фрегатѣ. Точно гдѣ-нибудь въ комнатѣ собралось нѣсколько человѣкъ пріятелей у добраго хозяина, который, предоставляетъ всякому дѣлать, что онъ хочетъ. Я разложилъ у себя на бюро бумаги, книги, поставилъ на свое мѣсто чернильницу, расположилъ всѣ мелочи письменнаго стола, какъ дома. Ѳаддееву опять досталось не мало возиться съ убранствомъ каюты. Я не могъ надивиться его дѣятельности, способностямъ и силѣ. Я, кажется, писалъ вамъ, что мнѣ дали другую каюту, вверху на палубѣ. Это была маленькая комнатка съ окномъ. Надо было установить въ ней все, какъ въ прежней. И Ѳаддеевъ все это сдѣлалъ еще въ Портсмутѣ, при переселеніи съ Кемпердоуна на фрегатъ. Доска ли нейдетъ—мигомъ унесетъ ее, отпилитъ лишнее, и ужъ тамъ, какъ она ни упрямься, а онъ втиснетъ ее въ свое мѣсто. Ему нужды нѣтъ, если отъ этого что нибудь расползется врозь: онъ и то поправитъ, и опять нужды нѣтъ, если доска треснетъ. Онъ одинъ придѣлалъ полки, устроилъ кровать, вбилъ гвоздей, сдѣлалъ вѣшалку и потомъ принялся разбирать вещи по порядку, съ тою только разницею, что сапоги положилъ уже не съ книгами, какъ прежде, а выстроилъ ихъ длиннымъ рядомъ на коммодѣ и бюро, а ваксу, мыло, щетки, чай и сахаръ разложилъ на книжной полкѣ.—„Ближе доставать", сказалъ онъ на мой вопросъ, зачѣмъ такъ сдѣлалъ. Съ книгами поступилъ онъ

такъ же, какъ и прежде: поставилъ ихъ на верхнія полки, куда рукой достать было нельзя, и такъ плотно уставилъ, что вынуть книгу не было никакой возможности. У него было тоже враждебное чувство къ книгамъ, какъ и у береговаго моего слуги: оба они не любили предмета, за которымъ надо было ухаживать съ особеннымъ тщаніемъ, а чуть неосторожно поступишь, такъ, того и гляди, разорвешь. Иногда онъ, не зная назначенія какой-нибудь вещи, бралъ ее въ руки и долго разсматривалъ, стараясь угадать, чтобы это такое было, и уже ставилъ по своему усмотрѣнію. Попался ему одеколонъ: онъ смотрѣлъ-смотрѣлъ, наконецъ налилъ себѣ немного на руку: — „Уксусъ“ рѣшилъ онъ, сунувъ стклянку куда-то подальше въ уголъ.

Мнѣ надо было нѣсколько измѣнить въ каютѣ порядокъ, и это стоило не мало труда. Но худо ли, хорошо ли, а каюта была убрана; все въ ней разставлено и разложено, по возможности, какъ слѣдуетъ; каждой вещи назначено мѣсто на два, на три года. А про океанъ, говорю, и забыли. Только изрѣдка кто-нибудь придетъ сверху и скажетъ, что славно идемъ: девять узловъ, вѣтеръ попутный. И въ самомъ-дѣлѣ шли отлично. Но океанъ не забылъ про насъ. Къ вечеру стало покачивать. Ну, что за важность? пусть немного и покачаетъ: на то и океанъ. Странно, даже досадно было бы, еслибъ дѣло обошлось такъ тихо и мирно, какъ гдѣ-нибудь въ Финскомъ заливѣ.

Къ чаю уже надо было положить на столъ рейки, то-есть поперечныя дощечки ребромъ, а то чашки, блюдечки, хлѣбъ и прочее ползло то въ одну, то въ другую сторону. Да и самимъ неловко было сидѣть за столомъ: сосѣдъ *навaливался* на сосѣда. Начались обыкновенныя явленія качки: вдругъ дверь отворится и съ шумомъ захлопнется. Въ каютахъ, то тамъ, то здѣсь, что-нибудь со стукомъ упадетъ со стола, или сорвется со стѣны, выскочитъ изъ шкапа и со

звономъ разобьется — стаканъ, чашка, а иногда и самъ шкапъ зашевелится. А тамъ вдругъ, слышишь, сочится гдѣ-то сквозь стѣнку струя и падаетъ дождемъ на что́ случится, безъ разбора—на столъ, на диванъ, на голову кому-нибудь. Сначала это возбуждало шутки. Смѣшно было смотрѣть, когда кто-нибудь пойдетъ въ одинъ уголъ, а его отнесетъ въ другой: никто не ходилъ ка́къ слѣдуетъ, все притопывая. Юность рѣзвилась, каталась изъ угла въ уголъ, какъ съ горъ. Вѣстовые бѣгали, то туда, то сюда, на шумъ упавшей вещи, съ тѣмъ чтобъ поднять уже черепки. Сразу не примешь всѣхъ мѣръ противъ непріятныхъ случайностей. Эта качка напоминала мнѣ пока наши похожденія въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ—не больше. Не привыкать уже было засыпа̀ть подъ размахи койки взадъ и впередъ, пока голова и ноги постепенно поднимаются и опускаются. Я кое-какъ заснулъ, и то съ грѣхомъ пополамъ: не одинъ разъ будилъ меня стукъ, топотъ людей, суматоха съ парусами.

Еще съ вечера начали брать рифы: одинъ, два, а потомъ всѣ четыре. Едва станешь засыпа̀ть—во снѣ вѣдь другая жизнь и, стало-быть, другія обстоятельства — приснитесь вы, ваша гостиная, или дача какая-нибудь; кругомъ знакомыя лица; говоришь, слушаешь музыку: вдругъ хаосъ — ваши лица искажаются въ какія-то призраки; полуоткрываешь сонные глаза и видишь, не то во снѣ, не то на яву половину вашего фортепіано и половину скамьи; на картинѣ, вмѣсто женщины съ обнаженной спиной, очутился часовой; раздался внезапный трескъ, звонъ—очнешься—что такое? ничего: заскрипѣлъ трапъ, хлопнула дверь, упалъ графинъ, или кто-нибудь вскакиваетъ съ постели и бранится, облитый водою, хлынувшей къ нему изъ полупортика прямо на тюфякъ. Утомленный, заснешь опять: вдругъ ударъ, точно подземный, такъ-что сердце дрогнетъ—проснешься: ничего—это поддало въ корму, то-есть ударило

волной... И такъ до утра! Все еще было сносно, не болѣе того, что̀ мы уже испытали прежде. Но утромъ 12-го января дѣло стало посерьёзнѣе. „Буря“, сказали бы вы, а мои товарищи называли это очень свѣжимъ вѣтромъ. Я пробовалъ пойти наверхъ или „на улицу“, какъ я называлъ верхнюю палубу, но ходить было нельзя. Я постоялъ у шпиля, посмотрѣлъ ка̀къ море вдругъ скроется изъ глазъ совсѣмъ подъ фрегатъ и передъ вами палуба стоитъ стоймя, то вдругъ скроется палуба и вмѣсто нея очутится стѣна воды, которая такъ и лѣзетъ на васъ. Но не бойтесь: она сейчасъ опять спрячется, только держитесь обѣими руками за что-нибудь. Оно красиво, но однообразно... Я воротился въ общую каюту. Трудно было и обѣдать: чуть зазѣваешься, тарелка наклонится и ручей супа быстро потечетъ по столу до-тѣхъ-поръ, пока обратный толчекъ не погонитъ его назадъ. Мнѣ ужъ становилось досадно: дѣлать ничего нельзя, даже читать. Сидя ли, лёжа ли, а все надо думать о равновѣсіи, упираться то ногой, то рукой. Вечеромъ я лежалъ на кушеткѣ у самой стѣны, а напротивъ была софа, устроенная кругомъ бизань-мачты, которая проходила черезъ каюту внизъ. Вдругъ поддало, то-есть шальной или, пожалуй, девятый валъ ударилъ въ корму. Всѣ ухватились, кто за что̀ могъ. Я прежде, нежели подумалъ объ этой предосторожности, вдругъ почувствовалъ, что кушетка отдѣлилась отъ стѣны, а я отдѣляюсь отъ кушетки.—„Куда?“ мелькнулъ у меня вопросъ въ головѣ, а за нимъ и отвѣтъ: „на круглую софу“. Я такъ и сдѣлалъ: распростеръ руки и преспокойно перевалился на мягкія подушки круглой софы. Присутствовавшіе: капитанъ Л., баронъ К. и кто-то еще, сначала подумали, не ушибся ли я, а увидя, что нѣтъ, расхохотались. Но смѣяться на морѣ безнаказанно нельзя: кто-нибудь тутъ же пойдетъ по каютѣ, его повлечетъ наклонно по полу; онъ не успѣетъ наклониться и смотришь, пріо-

брѣлъ шишку на головѣ; другаго плечемъ ударило о косякъ двери, и онъ начинаетъ бранить, Богъ-знаетъ, кого.

Скучное дѣло качка; всѣ недовольны; нельзя, ка́къ слѣдуетъ, читать, писать, спать; видны также блѣдныя, страдальческія лица. Порядокъ дня и ночи нарушенъ, кромѣ собственно морскаго порядка, который, напротивъ, усугубленъ. Но за-то обѣдъ, ужинъ и чай становятся какъ-будто постороннимъ дѣломъ. Занятія, бесѣды нѣтъ... Просто, нѣтъ житья!

12-го и 13-го января вѣтеръ уже превратился въ крѣпкій и жестокій, какого еще у насъ не было. Всѣ полупортики, люминаторы были наглухо закрыты, верхніе паруса убраны, пушки закрѣплены задними талями, чтобъ не давили тяжестью своею борта. Я не только стоять, да и сидѣть уже не могъ, если не во что̀ было упираться руками и ногами. Кое-какъ добрался я до своей каюты, въ которой не былъ со вчерашняго дня, отворилъ дверь и не вошелъ— всѣ эти термины теряютъ значеніе въ качку—былъ втиснутъ толчкомъ въ каюту и старался удержаться на ногахъ, упираясь кулаками въ обѣ противоположныя стѣны. Я а́хнулъ: платье, бѣлье, книги, часы, сапоги, всѣ мои письменныя принадлежности, которыя я было-расположилъ такъ аккуратно по ящикамъ бюро—все это въ кучкѣ валялось на полу и при каждомъ толчкѣ металось то направо, то налѣво. Ящики выскочили изъ своихъ мѣстъ, щетки, гребни, бумаги, письма—все ѣздило по полу, въ перегонку, что̀ скорѣе скакнетъ въ уголъ, или оттуда на средину.

— „Ѳаддеевъ!“ закричалъ я въ ужасѣ.—„Ѳаддеевъ!“ повторилъ одинъ матросъ.—„Ѳаддеевъ!“ „Ѳаддеевъ!“ повторилъ другой и за нимъ третій, потомъ этотъ третій заглянулъ ко мнѣ въ каюту.—„*Они* на кубрикѣ, ваше высокоблагородіе, сказалъ онъ: „сейчасъ придутъ“.—Кто *они?*“ спросилъ я.—„А Ѳаддеевъ“. Матросы иначе въ третьемъ

лицѣ другъ-друга не называютъ, какъ *они* или *матросикомъ*, тогда какъ, обращаясь одинъ къ другому прямо, измѣняютъ тонъ. — „Иди, Сенька, дьяволъ, скорѣе! тебя И. А. давно зоветъ“, сказалъ этотъ же матросъ Ѳаддееву, когда тотъ появился. — „Ну, ты разговаривай у меня, сволочь“! отвѣчалъ Ѳаддеевъ шопотомъ, показывая ему кулакъ. Это у нихъ вовсе не брань: они говорятъ, не сердясь, а такъ, своя манера. Когда же хотятъ выразиться нѣжно, то называютъ другъ друга — *братишкой*. „Посмотри-ка!“ сказалъ я Ѳаддееву, указывая на безпорядокъ и, махнувъ рукою, ушелъ въ капитанскую каюту.

Это былъ просторный, удобный, даже роскошный кабинетъ. Огромный платяной шкапъ орѣховаго дерева, большой письменный столъ съ полками, пьянино, два мягкіе дивана и болѣе полудюжины креселъ, составляли его мебель. Вотъ тамъ-то, между шкапомъ и пьянино, крѣпко-привинченными къ стѣнѣ и полу, была одна полукруглая софа, представлявшая надежное убѣжище отъ кораблекрушенія. Любезный, гостепріимный хозяинъ И. С. У., предоставлялъ ее въ полное мое распоряженіе. Самъ онъ не былъ изнѣженъ и почти ею не пользовался, особенно въ непогоду. Тогда онъ не раздѣвался, а соснетъ гдѣ-нибудь въ креслѣ, готовый каждую минуту бѣжать на палубу. Сядешь на эту софу, и какая бы качка ни была — килевая ли, то-есть продольная, или боковая, поперечная — упасть было некуда. Одна половина софы шла вдоль, а другая поперегъ фрегата. Тутъ не пускалъ упасть шкапъ, а тамъ пьянино. Изъ обоихъ оконъ мнѣ видно было море. Что за безобразіе, или, пожалуй, что̀ за красота! „Буря—прекрасно! поэзія!“ скажете вы въ ребяческомъ восторгѣ.—„Какая буря—свѣжій вѣтеръ!“ говорятъ вамъ.

Можетъ-быть, оно и поэзія, если смотрѣть съ берега, но быть героемъ этого представленія, которымъ природа время

отъ времени угощаетъ плавателя, право незанимательно. Сами посудите, что̀ тутъ хорошаго? Огромные холмы съ бѣлымъ гребнемъ, съ воемъ толкая другъ друга, встаютъ, падаютъ, опять встаютъ, какъ будто толпа вдругъ выпущенныхъ на волю бѣшенныхъ звѣрей дерется въ остервененіи, только брызги какъ дымъ поднимаются, да стонъ носится въ воздухѣ. Фрегатъ взберется на голову волны, дрогнетъ тамъ на гребнѣ, потомъ упадетъ на бокъ и начинаетъ скользить съ горы, спустившись на дно между двухъ бугровъ, выпрямится, но только затѣмъ, чтобъ тяжело перевалиться на другой бокъ и лѣзть вновь на холмъ. Когда онъ опустится внизъ, по сторонамъ его вздымаются водяныя стѣны. Въ каютѣ лампы, картинки, висячій барометръ вытягивались горизонтально. Нѣсколько стульевъ повольничали было, оторвались отъ своихъ мѣстъ и полетѣли въ уголъ, но были пойманы и привязаны опять. Какія бы, однако ни были взяты предосторожности противъ паденія разныхъ вещей, но почти при всякомъ толчкѣ что-нибудь да найдетъ случай вырваться; или книга свалится съ полки, или куча бумагъ, карта поползетъ по столу и тутъ же захватитъ по дорогѣ чернильницу, или подсвѣчникъ. Вечеромъ разъ упала зажженная свѣча и прямо на карту. Я былъ въ каютѣ одинъ, всталъ, хотѣлъ побѣжать, но неодолимая тяжесть гнула меня къ полу, а свѣча вспыхивала сильнѣе, вотъ того-гляди вспыхнетъ и карта. Я ползкомъ подобрался къ ней и кое-какъ поставилъ на свое мѣсто.

— „Крѣпкій вѣтеръ, жестокій вѣтеръ!“ говорилъ повременамъ капитанъ, входя въ каюту и тащуя въ ней. — „А вы это все сидите? Еще не пріобрѣли *морскихъ ногъ*“.—Я и свои потерялъ“, сказалъ я. Но ему не вѣрилось, ка́къ это человѣкъ можетъ не ходить, когда ноги есть. — „Да вы встаньте, ну попробуйте“, уговаривалъ онъ меня. — „Пробовалъ,“ сказалъ я, „да безъ пользы, даже со вредомъ и для

себя, и для мебели. Вотъ, пожалуй...“ Но меня потянуло по совершенно-отвѣсной покатости пола, и я побѣжалъ въ уголъ, какъ давно не бѣгалъ. Тамъ я кулакомъ попалъ въ зеркало, а другой рукой въ стѣну. Капитану было смѣшно. —„Что же вы чай нейдете пить?“ сказалъ онъ.—„Не хочу!“ со злостью сказалъ я. — „Ну, я велю вамъ сдѣлать здѣсь.“ —„Не хочу!“ повторилъ я... Я былъ очень золъ. Спачала качка наводитъ съ непривычки страхъ. Когда судно катится съ вершины волны къ ея подножію и переходитъ на другую волну, оно дѣлаетъ такой размахъ, что кажется, сейчасъ разсыплется въ дребезги; но когда убѣдишься, что этого не случится, тогда дѣлается скучно, досадно, досада превращается въ озлобленіе, а потомъ въ уныніе. Время идетъ медленно: его измѣряешь не часами, а ровными, тяжелыми размахами судна и глухими ударами волнъ въ бока и корму. Это не тихое чувство покорности, résignation, а чистая злоба, которая пожираетъ васъ, портитъ кровь, печень, желудокъ, раздражаетъ желчь. Во рту сухо, языкъ горитъ. Нѣтъ ни апетита, ни сна, ѣшь, чтобъ какъ-нибудь наполнить праздное время и пустой желудокъ. Не спишь, потому-что не хочется спать, а забываешься отъ утомленія въ полудремотѣ, и въ этомъ состояніи опять носятся надъ головой уродливыя грёзы, опять галлюцинаціи: знакомыя лица являются, какъ миѳологическіе боги и богини. То ваша голова и станъ, мой прекрасный другъ, но въ матросской курткѣ, то будто пушка въ вашемъ замасляномъ, пальто, любезный мой артистъ, сидитъ подлѣ меня на диванѣ. Заснешь и вполглаза видишь наяву снасть, а рядомъ откуда-то возьмутся шелковыя драпри какой-нибудь петербургской гостиной—вазы, цвѣты, изъ-за которыхъ тутъ же выглядываетъ урядникъ Терентьевъ. Далѣе опять франты, женщины, но вмѣсто кружевнаго платка въ рукахъ женщины—кáболка (обрывышъ веревки), или банникъ, а франтъ третъ палубу пес-

комъ... И вдругъ эти франты и женщины завоютъ, заскрипятъ; лица у нихъ вытянулись, разложились—хлопъ! полетѣли куда-то въ бездну... Откроешь глаза и увидишь, что каболка, банникъ, Терентьевъ—все на своемъ мѣстѣ: а вазъ, цвѣтовъ и васъ, милыя женщины—увы, нѣтъ! Подъ-часъ до того все перепутается въ головѣ, что шумъ и трескъ, и эти водяные бугры, съ пѣной и брызгами, кажутся сномъ, а берегъ, домы, покойная постель—дѣйствительностью, отъ которой при каждомъ толчкѣ жестоко отрезвляешься.

Я такъ и не ночевалъ въ своей каютѣ. Капитанъ тутъ же рядомъ спалъ одѣтый, безпрестанно вскакивая и выбѣгая на палубу. Ѳаддеевъ утромъ явился съ бѣльемъ и звалъ въ каютъ-компанію, къ чаю.—„Не хочу!“ былъ одинъ отвѣтъ. —„Не надо ли, принесу сюда?“—„Не хочу!“ твердилъ я, потому-что наканунѣ попытка напиться чаю не увѣнчалась никакимъ успѣхомъ: я обжегъ пальцы и уронилъ чашку.— „Что, еще не стихаетъ?“ спросилъ я его.—„Куда-те стихать, такъ и реветъ. Ужъ такое сердитое море здѣсь!“ прибавилъ онъ, глядя съ непростительнымъ равнодушіемъ въ окно, какъ волны вставали и падали, разсыпаясь пѣною и брызгами. Я отъ скуки старался вглядѣться въ это равнодушіе, что оно такое: привычка ли матроса, испытаннаго въ штормахъ, увѣренность ли въ силахъ и средствахъ?— Нѣтъ, онъ молодъ и закалиться въ службѣ не успѣлъ. Чувство ли покорности судьбѣ: и того, кажется, нѣтъ. То чувство выражается сознательною мыслью на лицѣ и выработаннымъ ею спокойствіемъ, а у него лицо все такъ же кругло, бѣло, безъ всякихъ отмѣтинъ и примѣтъ. Это простое—равнодушіе, въ самомъ незатѣйливомъ смыслѣ. Съ этимъ же равнодушіемъ онъ, то-есть Ѳаддеевъ — а этихъ Ѳаддеевыхъ легіонъ—смотритъ и на новый прекрасный берегъ, и на невиданное имъ дерево, человѣка—словомъ, все отскакиваетъ отъ этого спокойствія, кромѣ одного, ничемъ несокрушимаго

стремленія къ своему долгу—къ работѣ, къ смерти, если нужно. Вглядывался я и заключилъ, что это равнодушіе—родня тому спокойствію, или той безпечности, съ которой другой Ѳаддеевъ, гдѣ-нибудь на берегу, по веревкѣ, съ топоромъ, взбирается на колокольню и чинитъ шпицъ, или сидитъ, съ кистью, на дощечкѣ и болтается въ воздухѣ, наверху четырехъ-этажнаго дома, оборачиваясь, въ размахахъ веревки, спиной, то къ улицѣ, то къ дому. Посмотрите ему въ лицо: есть ли сознаніе опасности?—Нѣтъ. Онъ лишь старается при толчкѣ упереться ногой въ стѣну, чтобъ не удариться колѣнкой. А внизу третій Ѳаддеевъ, который держитъ веревку, не очень заботится о томъ, каково тому вверху: онъ зѣваетъ, съ своей стороны, по сторонамъ.

Ѳаддеевъ и передъ обѣдомъ явился съ приглашеніемъ обѣдать, но едва я сдѣлалъ шагъ, какъ надо было падать, или проворно сѣсть на свое мѣсто.—„Не хочу!“ сказалъ я злобно.—„Третья склянка! зовутъ, ваше высокоблагородіе“, сказалъ онъ, глядя по обыкновенію въ стѣну. Но на этотъ разъ онъ чему-то улыбнулся. — „Что ты смѣешься?„ спросилъ я. Онъ захохоталъ.—„Что съ тобой?“—„Да смѣхъ такой...“—„Ну, говори, что?“—„Шведовъ треснулся головой о палубу“.—„Гдѣ? какъ?“—„Съ койки сорвался: мы трое подвѣсились къ одному крючку, крючокъ сорвался, мы всѣ и упали: я ничего, и Пансовъ ничего, упали просто и встали, а Шведовъ голову ушибъ—такой смѣхъ! Теперь сидитъ, да стонетъ“.

Уже не въ первый разъ замѣтилъ я эту черту въ моемъ вѣстовомъ. Попадется ли кто, достанется ли кому—это бросало его въ смѣхъ. Поди, разбирай изъ какихъ элементовъ сложился русскій человѣкъ! И это не отъ злости: онъ совсѣмъ не былъ золъ, а такъ, черта требующая тонкаго анализа и особеннаго опредѣленія. Но ему на этотъ разъ радость чужому горю не прошла даромъ. Не успѣлъ онъ раз-

сказать мнѣ о паденіи Шведова, какъ вдругъ разсыльный явился въ дверяхъ.—„Кто подвѣшивался съ Шведовымъ на одинъ крючокъ?“ спросилъ онъ.—„Кто?“ вопросомъ отвѣчалъ Ѳаддеевъ.—„Пансовъ, что ли?“ — „Пансовъ?“ — „Да говори скорѣй, еще кто?“ спросилъ опять разсыльный. „Еще?“ — продолжалъ Ѳаддеевъ спрашивать. — „Поди къ вахтенному“, сказалъ разсыльный: „всѣхъ требуютъ?“ Ѳаддеевъ сдѣлался очень-серьёзенъ и пошелъ, а по возвращеніи былъ еще серьёзнѣе. Я догадался, въ чемъ дѣло.—„Что жъ ты не смѣешься?“ спросилъ я:—„кажется, не одному Шведову досталось?„ Онъ молчалъ.—„А Пансову досталось?“ Онъ опять разразился хохотомъ.—„Досталось, досталось и ему!“ весело сказалъ онъ.

„Нѣтъ, этого мы еще не испытали!“ думалъ я, покачиваясь на диванѣ и глядя, какъ дверь кланялась окну, а зеркало шкапу. Ѳаддеевъ пошелъ-было вонъ, но мнѣ пришло въ голову пообѣдать тутъ же на мѣстѣ.—„Не принесешь ли ты мнѣ чего-нибудь поѣсть въ тарелкѣ?“ спросилъ я:—„попроси жаркого, или холоднаго“. — „Отчего не принести, ваше высокоблагородіе, изволь, принесу!“ отвѣчалъ онъ. Черезъ полчаса онъ появился съ двумя тарелками въ рукахъ. На одной былъ хлѣбъ, солонка, ножъ, вилка и салфетка; а на другой кушанье. Онъ шелъ очень искусно, упираясь то одной, то другой ногой, и держа въ равновѣсіи руки, а мѣстами вдругъ осторожно присѣдалъ, когда покатость пола становилась очень крута.—„Вотъ тебѣ!“ сказалъ онъ (мы съ нимъ были на *ты*; онъ говорилъ *вы* уже въ готовыхъ фразахъ: „ваше высокоблагородіе“, или „воля ваша“ и т. п.). Онъ сѣлъ подлѣ меня на полу, держа тарелки.—„Чего же ты мнѣ принесъ?“ спросилъ я.—„Тутъ все есть, всякія кушанья“, сказалъ онъ.—„Какъ все?“ Гляжу: въ самомъ-дѣлѣ все: вотъ курица съ рисомъ, вотъ горячій пастетъ, вотъ жареная баранина — вмѣстѣ въ одной тарелкѣ, и все при-

крыто вафлей.—„Помилуй, вѣдь это ѣсть нельзя. Недоставало только, чтобъ ты мнѣ супу налилъ сюда!“ — „Нельзя было,“ отвѣчалъ онъ простодушно: — „того гляди, прольешь„. Я сталъ разбирать куски порознь, кладя кое-что въ ротъ, и такъ мало-по-малу дошелъ—до вафли.—„Зачѣмъ ты не положилъ и супу!“ сказалъ я, отдавая тарелки назадъ.

— „Боже мой! кто это выдумалъ путешествія?“ невольно, съ горестью, воскликнулъ я:—„ѣдешь четвертый мѣсяцъ, только и видишь сѣрое небо и качку!“ Кто-то засмѣялся.— „Ахъ, это вы!“ сказалъ я, увидя, что въ каютѣ стоитъ, держась рукой за потолокъ, самый высокій изъ моихъ товарищей, А. И. Л.—„Да право:“ продолжалъ я:—„гдѣ же это синее море, голубое небо, да теплота, птицы какія-то, да рыбы, которыхъ говорятъ, видно на самомъ днѣ?“ На ропотъ мой какъ тутъ явился и дѣдъ.

— „Вотъ вѣдь это кто все разсказываетъ о голубомъ небѣ, да о теплѣ! сказалъ Л.—„Гдѣ же тепло? Подавайте голубое небо и тепло!..“ приставалъ я. Но дѣдъ маленькими своими шажками проворно пошелъ къ картѣ и началъ мѣрять по ней циркулемъ градусы, да чертить карандашемъ. —„Слышите ли?“ сказалъ я ему.

— „42 и 18!“ говорилъ онъ вполголоса. Я повторилъ ему мою жалобу.

— „Дайте пройти Бискайскую бухту — вотъ и будетъ вамъ тепло! Да погодите еще, и тепло наскучитъ: будете вздыхать о холодѣ. Что вы все сидите? Пойдемте.“

— „Не могу; я не стою на ногахъ“.

— „Пойдемте, я васъ отбуксирую!“ сказалъ онъ и повелъ меня на шканцы. Опираясь на него, я вышелъ „на улицу“ въ тотъ самый моментъ, когда палуба вдругъ какъ-будто вырвалась изъ подъ ногъ и скрылась, а передъ глазами очутилась цѣлая изумрудная гора, усыпанная голубыми волнами, съ бѣлыми, будто жемчужными, верхушками, бле-

снула и тотчасъ же скрылась за бортъ. Меня стало прижимать къ пушкѣ, оттуда потянуло къ люку. Я обѣими руками уцѣпился за лееръ.

— „Ведите назадъ!“ сказалъ я дѣду.

— „Что вы? посмотрите: отлично!“

У него все отлично. Несетъ ли попутнымъ вѣтромъ по десяти узловъ въ часъ—„славно, отлично!“ говоритъ онъ. Дуетъ ли вѣтеръ прямо въ лобъ и пятитъ назадъ—„чудесно:“ восхищается онъ: „по полтора узла идемъ!“ На него не дѣйствуетъ никакая погода. Онъ и въ жаръ, и въ холодъ всегда застегнутъ, всегда бодръ; только въ жаръ подбородокъ у него свѣтится, какъ-будто вымазанный масломъ; въ качку и не въ качку стоитъ на ногахъ твердо, заложивъ коротенькія руки на спину, или немного-пониже, а на ходу шагаетъ маленькими шажками. Его не возмущаетъ ни буря, ни штиль—ему все-равно. Близко ли берегъ, далеко ли—ему тоже дѣла нѣтъ. Онъ былъ почти вездѣ, а гдѣ не былъ, такъ не печалится, если не удастся побывать. Я не слыхалъ, чтобъ онъ на что нибудь или на кого-нибудь жаловался. „Отлично!“—твердитъ только. А если кто-нибудь при немъ скажетъ или сдѣлаетъ не отлично, такъ онъ посмотритъ только испытующимъ взглядомъ на всѣхъ кругомъ и улыбнется по своему. Онъ напоминаетъ собою тѣхъ созданныхъ Куперомъ лицъ, которыя родились и воспитались на морѣ, или въ глухихъ лѣсахъ Америки, и на которыхъ природа, окружавшая ихъ, положила неизгладимую печать. И онъ тоже съ тринадцати лѣтъ ходитъ въ море и двухъ лѣтъ сряду никогда не жилъ на берегу. За своеобразіе ли, за доброту ли—а его всѣ любили.—„Здравствуйте, дѣдъ! Куда вы это торопитесь?“ говорила молодость.—„Не мѣшайте: иду *опредѣлиться!*“ отвѣчалъ онъ, и шелъ, не оглядываясь, *ловить* солнце. — „Да гдѣ мы теперь?“ спрашивали опять. — „Въ Божіемъ мірѣ!“—„Знаемъ; да гдѣ?“—„38° сѣв. широты

и 12⁰ западной долготы".—„На параллели чего?"—„А поглядите на карту".—„Скажите…"—„Пустите, пустите!" говорилъ онъ, расталкивая молодежь, какъ толпу ребятишекъ.

— „Холодно, дѣдъ! ведите меня назадъ," говорилъ я.

— „Что за холодно—отлично!" отвѣчалъ онъ.

Не дождавшись его, я пошелъ одинъ опять на свое мѣсто, но дорого заплатилъ за смѣлость. Я вошелъ въ каюту и не успѣлъ добѣжать до большой полукруглой софы, какъ вдругъ сильно поддало. Чувствуя, что мнѣ не устоять и не усидѣть на полу, я быстро опустился на маленькій диванъ и думалъ, что спасусь этимъ; но не тутъ-то было: надо было прирости къ стѣнѣ, чтобы не упасть. Диванъ былъ пригвожденъ и не упалъ, а я, какъ ни крѣпился, но долженъ былъ, къ крайнему прискорбію, разстаться съ диваномъ. Меня сорвало съ него и ударило грудью о кресло такъ сильно, что кресло, хотя и осталось на мѣстѣ, потому-что было привязано къ полу, но у него подломилась ножка, а меня перебросило черезъ него и повлекло дальше по полу. По дорогѣ я ушибъ еще колѣнку, да задѣлъ за что-то щекой. Примчавшись къ своему мѣсту, я нѣсколько минутъ сидѣлъ отъ боли неподвижно на полу. Къ счастью, ушибъ не оставилъ никакихъ послѣдствій. Съ недѣлю больно было дотрогиваться до груди, а потомъ прошло.

Въ это время К. П. Л. вошелъ въ каюту. Я сталъ разсказывать о своемъ горѣ.

— „А вы скорѣй садитесь на полъ," сказалъ онъ,— „когда васъ сильно начнетъ тащить въ сторону, и ничего, не стащитъ!"

Вдругъ въ это время стало кренить на мою сторону.

— „Вотъ, вотъ такъ!" училъ онъ, опускаясь на полъ.— „Ай, ай!" закричалъ онъ потомъ, ища руками кругомъ, за что бы ухватиться. Его потащило съ горы, и онъ стреми-

тельно домчался вплоть до меня... на всегда готовомъ экипажѣ. Я только-что успѣлъ подставить ноги, чтобъ онъ своимъ ростомъ и дородствомъ не сокрушилъ меня.

Такъ дни шли за днями, или не „дни", а „сутки". На берегу замѣчаются только одни дни, а въ морѣ, въ качкѣ, спишь, не когда хочешь, а когда можешь. Тамъ рядомъ съ обыкновеннымъ, природнымъ днемъ, является какой-то другой, искусственный, называемый на берегу ночью, а тутъ полный заботъ, работъ, возни. Томительныя сутки шли за сутками. Человѣкъ мечется въ тоскѣ, ищетъ покойнаго угла, хочетъ забыться, забыть море, качку, почитать, поговорить—не удается. Всякій суставъ въ немъ, всякій нервъ бодрствуетъ, раздраженный и утомленный продолжительнымъ напряженіемъ. Прошлое спокойствіе, минуты счастья, отличное плаваніе, родина, друзья — все забыто; а если и припоминается, такъ съ завистью. „Да не-уже-ли есть берегъ?" думаешь тутъ: „уже-ли я былъ когда-нибудь на землѣ, ходилъ твердой ногой, спалъ въ постели, мылся прѣсной водой, ѣлъ четыре-пять блюдъ, и все въ разныхъ тарелкахъ, читалъ, писалъ на столѣ, который не пляшетъ? Уже-ли есть сады, теплый воздухъ, цвѣты..." И цвѣты припомнишь, на которые на берегу и не глядѣлъ. Такъ вотъ она, странническая жизнь, исполненная приключеній, тревогъ, бурь, волненій, о которыхъ вздыхалъ я на берегу! Ну, заварилъ кашу, наслаждайся теперь! Неблагодарная память не сохраняетъ добра. Тутъ является жалкое, отравляющее жизнь на морѣ чувство—раскаянія: зачѣмъ поѣхалъ!

Въ этомъ расположеніи я выбрался изъ каюты, въ которой просидѣлъ полторы сутокъ, неблагосклонно взглянулъ на океанъ и пробираясь въ общую каюту, мысленно повѣрялъ этикеты, данные ему Байрономъ, Пушкинымъ, Бенедиктовымъ и другими—„угрюмый, мрачный, могучій", и Ѳаддеевымъ—„сердитый."—Соленый, скучный, безобраз-

ный и однообразный!“ прибавилъ я къ этому списку, сходя по трапу внизъ: „заладилъ одно—и конца нѣтъ!“

Внизу вездѣ вода, сырость; спали кое-какъ, гдѣ попало. Я тутъ же прилегъ и разъ десять вскакивалъ ночью, пробуждаясь отъ скрипа, отъ какого-нибудь внезапнаго крика, отъ топота людей, отъ свистковъ; въ просонкахъ видѣлъ, какъ дѣдъ приходилъ и уходилъ съ веселымъ видомъ.

— „Качаетъ, дѣдъ!“ жаловался я.

— „Еще бы не качать: крутой бейдевиндъ!“ сказалъ онъ.—„Отлично.“

— „Что̀ же отличнаго?..“

— „Какъ что̀: $10\frac{1}{2}$ узловъ ходу, прошли Бискайскую бухту, утромъ будемъ на параллели Финистерре.“

— „Подите вы, отлично!“

Вдругъ показался въ дверяхъ своей каюты О. А. Г., котораго мы звали переводчикомъ. Блѣдный, съ подушкой въ рукахъ, онъ вошелъ въ общую каюту и легъ на круглую софу. Его мутило. Онъ не зналъ сна, аппетита. Полежавъ такъ минуть пять, онъ перешелъ на кушетку, потомъ садился на стулъ, но вскакивалъ опять и нигдѣ не находилъ покоя. Жертва морской болѣзни съ перваго выхода въ море, онъ возбуждалъ общее, но безполезное участіе. Его отвели въ батарейную палубу и подвѣсили тамъ койку недалеко отъ люка, чрезъ который проходилъ свѣжій воздухъ. Мнѣ стало совѣстно за свою досаду и я пересталъ жаловаться.

Слѣдующіе дни тянулись такъ же однообразно, волнисто, бурно, холодно. Небо и море сѣрыя. А вѣдь это ужъ испанское небо! Мы были въ 30-хъ градусахъ широты. Мы такъ были заняты, что и не замѣтили, какъ миновали Францію, а теперь огибали Испанію и Португалію. Я, отъ нечего-дѣлать, любилъ уноситься мысленно на берега, мимо которыхъ мы шли и которыхъ не видали. Парижъ возбуждалъ общій интересъ. Мы оставили его въ самый занимательный

*

моментъ: Людовикъ-Наполеонъ только-что вошелъ на престолъ. Англія одна еще признала его—больше ничего мы не знали. Улеглись ли партіи? съумѣлъ ли онъ поддержать порядокъ, который возстановилъ? тихо ли тамъ?—вотъ вопросы, которые шевелились въ головѣ, при воспоминаніи о Франціи.—„Въ Парижъ бы!“ говорилъ я со вздохомъ:—„пожить бы тамъ, въ этомъ омутѣ новостей, искусствъ, модъ, политики, ума и глупостей, безобразія и красоты, глубокомыслія и пошлостей—пожить бы эпикурейцомъ, насмѣшливымъ наблюдателемъ всѣхъ этихъ проказъ!“ „А вотъ Испанія, съ своей цвѣтущей Андалузіей“, уныло думалъ я, глядя въ ту сторону, гдѣ дѣдъ указалъ быть испанскому берегу. „Севилья, caballeros, съ гитарами и шпагами, женщины, балконы, лимоны и померанцы. Dahin бы, въ Гренаду куда нибудь, гдѣ такъ умно и изящно путешествовалъ эпикуреецъ Б., умѣвшій вытянуть до капли всю сладость испанскаго неба и воздуха, женщинъ и апельсиновъ—пожить бы тамъ, полежать подъ олеандрами, тополями, сочетать русскую лѣнь съ испанскою и посмотрѣть, что̀ изъ этого выйдетъ.“

Но фрегатъ мчится—едва только дѣдъ успѣваетъ доносить начальству: 40, 38, 35 градусовъ, параллель — Санъ-Винцента, Кадикса... Прощай Испанія, прощай Европа! Прощайте друзья мои! увижу ли я васъ? Дойдутъ ли когда-нибудь до васъ эти строки, которыя пишу, точно подъ шумъ столѣтней дубровы, хотя подъ южнымъ, но еще сѣрымъ небомъ, пишу въ тепломъ байковомъ пальто? Далеко, кажется, уѣхалъ я, но *чую* еще сѣверъ *смущенной* душой; до меня еще доносится дыханіе его зимы, вижу его колоритъ на водѣ и небѣ. Я какъ будто близко. Я не вижу ни голубаго неба, ни синяго моря. Шумъ, холодъ и соленыя брызги—вотъ пока моя сфера!

18-го января, въ осьмой день по выходѣ изъ Англіи, часовъ въ 9-ть утра, кто-то постучался ко мнѣ въ дверь.—

„Кто тамъ?“ спросилъ я.—„Я“, послышался отвѣтъ.—„А! это вы, милый мой сосѣдъ?—Что вы дѣлаете?“ спросилъ онъ. — „Чтó?“ отвѣчалъ я вопросомъ, какъ Ѳаддеевъ.—„Вѣрно лежите?“—„Почти…“ сказалъ я, барахтаясь отъ качки въ постели, одолѣваемый подушками.—„Стыдитесь!“ —„Я и то стыжусь, да что жь мнѣ дѣлать?“ говорилъ я, унимая подушки и руками, и ногами.—„Мадера видна“.— „Что вы? Ѳаддеевъ, Ѳаддеевъ! закричалъ я. Онъ вошелъ. —„Что жь ты нейдешь будить меня? Мадера видна?“ спросилъ я, думая, не подшутилъ ли надо мной сосѣдъ.—„Мадера?“ спросилъ Ѳаддеевъ, глядя на меня такъ тонко, какъ дай-Богъ хоть какому дипломату.—„Ну, дá?“ сказалъ я съ нетерпѣніемъ. Онъ сталъ смотрѣть на стѣну съ обычнымъ равнодушіемъ.—„Берегъ видѣнъ“, отвѣчалъ онъ, помолчавъ:—„ужь съ седьмаго часа“.—Что жь ты не пришелъ мнѣ сказать?“ упрекнулъ я его.—„Воды горячей не было—бриться“, отвѣчалъ онъ: „да и сапоги не чищены“.—Ну, давай, давай одѣваться! Что тамъ на верху?“—„Господи! кáкъ тепло, хорошо ходить-то по палубѣ: мы всѣ сапоги сняли“, отвѣчалъ онъ съ своимъ равнодушіемъ, не спрашивая, ни себя, ни меня и ни кого другаго, объ этомъ внезапномъ теплѣ въ январѣ, не дѣлая никакихъ сближеній, не задавая себѣ задачъ…—„Господи!“ отвѣчалъ я: „какъ тебѣ должно быть занимательно и путешествовать, и жить на свѣтѣ, младенецъ съ исполинскими кулаками!—Живо живо, одѣваться!“ прибавилъ я.—„Успѣешь, ваше высокоблагородіе“, отвѣчалъ онъ:—„вотъ—нá, прежде умойся!“ Я боялся улыбнуться: мнѣ жаль было портить это костромское простодушіе европейской цивилизаціей, тѣмъ болѣе, что мы уже и вышли изъ Европы и подходили… къ Костромѣ, въ своемъ родѣ.

Я вышелъ на палубу. Что за картина! Вмѣсто уродливыхъ бугровъ съ пѣной и брызгами—крупная, но ровная

зыбь. Вѣтеръ не рѣжетъ лица, а играетъ около шеи, какъ шелковая ткань, и пріятно щекочетъ нервы, солнце сильно грѣетъ. Передъ глазами, въ трехъ миляхъ, лежитъ масса бурыхъ холмовъ, одинъ выше другаго; разнообразныя глыбы земли и скалъ, брошенныхъ въ кучу, лѣзутъ другъ черезъ друга все выше-и-выше. Одна скала какъ-будто оторвалась и упала въ море отдѣльно: подъ ней сводъ насквозь. Все казалось голо, только покрыто густымъ мхомъ. Но даль обманывала меня: это не мохъ, а цѣлые лѣса; нигдѣ не видать жилья. Холмы, какъ пустая декорація, поднимались изъ воды и, кажется, грозили рухнуть, лишь только подойдешь ближе. Налѣво видѣнъ былъ, но довольно-далеко, *Порто-Санто*, а еще дальше—*Дезертосъ*, маленькіе островки, или, лучше сказать, скалы. Дѣдъ пальцомъ показывалъ рулевымъ ка́къ держать въ проливъ между ними. Мы еще были съ боку Мадеры. Лицомъ она смотрѣла къ югу. Стали огибать уголъ...

18 Января. Ка́къ прекрасна жизнь, между-прочимъ, и потому, что человѣкъ можетъ путешествовать! Cogito ergo sum—путешествую, слѣдовательно наслаждаюсь, перевелъ я на этотъ разъ знаменитое изреченіе, поднимаясь въ носилкахъ по горѣ и упиваясь необыкновеннымъ воздухомъ, не зная на что смотрѣть: на виноградники ли, на виллы, или на синее небо, или на океанъ. Мнѣ казалось, что я съ этого утра только и началъ путешествовать, что судьба нарочно послала намъ грозныя, тяжелыя и скучныя испытанія, крѣпкій, семь дней безъ устали свирѣпствовавшій холодный вѣтеръ и сѣрое небо, чтобъ живѣе тронуть мягкостью воздуха, теплымъ блескомъ солнца, нѣжнымъ колоритомъ красокъ, и всей этой гармоніей волшебнаго острова, которая связуетъ здѣсь небо съ моремъ, море съ землей—и все вмѣстѣ съ душой человѣка.

Когда мы обогнули восточный берегъ острова и повернули къ южному, насъ ослѣпила великолѣпная и громадная картина, которая какъ-будто поднималась изъ моря, заслонила собой и небо, и океанъ, одна изъ тѣхъ картинъ, которыя видишь въ панорамѣ, на полотнѣ, и не вѣришь, приписывая обольщенію кисти. Группа горъ тѣсно жалась къ одной главной горѣ—это первая большая гора, которую увидѣли многіе изъ насъ, и то она помѣщена въ аристократію горъ, не за высоту, составляющую всего около 6000 футовъ надъ уровнемъ моря, а за свое вино. По намъ, особенно послѣ низменныхъ и сырыхъ береговъ Англіи, гора показалась исполиномъ. И какъ она была хорошо убрана! На вершинѣ бѣлѣлся снѣгъ, а бока покрыты темною, мѣстами бурою растительностью; кое-гдѣ ярко зеленѣли сады. Въ разныхъ мѣстахъ по горамъ носились облака. Тамъ бѣлое облако стояло неподвижно, какъ-будто прильнуло къ землѣ, а тамъ раскинулось по горѣ другое, тонкое и прозрачное, какъ кисея, и сѣяло дождь: гора опоясывалась радугами. Въ одномъ мѣстѣ кроется цѣлый лѣсъ въ темнотѣ, а тутъ вдругъ обольется ярко лучами солнца, какъ золотомъ, крутая окраина съ садами. Не знаешь, на что смотрѣть, чѣмъ любоваться; бросаешь жадный взглядъ всюду и не поспѣваешь слѣдить за этой игрой свѣта, какъ въ діорамѣ.

По скату горы шли виноградники, изъ-за зелени которыхъ выглядывали виллы. На полгорѣ, на уступѣ, видна церковь, господствующая надъ садами и надъ городомъ. Городъ Фунчалъ... Уже ли это городъ: эти бѣлѣющіе внизу у самой подошвы, на берегу, домы, какъ-будто крошки сахара, или отвалившейся откуда-то штукатурки? Чѣмъ ближе подвигались мы къ берегу, тѣмъ становилось теплѣе. Чувствуешь чье-то близкое, горячее дыханіе на лицѣ. Горы справа, слѣва, утесами спускались къ берегу. На одномъ изъ нихъ, слѣва отъ города, поставлена батарея. Внизу, подъ

бокомъ другаго утеса, пробирался къ рейду купеческій корабль. Мы навели зрительныя трубы на него. Корабль былъ буквально покрытъ, почти задавленъ пассажирами, все эмигрантами, ѣдущими изъ Европы въ Америку, или Австралію. Ну дай Богъ имъ счастливо добраться! Намъ показалось, что ихъ тамъ болѣе трехсотъ человѣкъ. Какъ они помѣщаются?... Всѣ они вышли смотрѣть берегъ.

Гавани на Мадерѣ нѣтъ и рейдъ ея не удобенъ для судовъ, потому-что нѣтъ глубины, или она, пожалуй есть, и слишкомъ большая, оттого и негодится для якорной стоянки: недалеко отъ берега—60 и 50 саженъ; наконецъ почти у самой пристани, такъ-что съ судовъ разговаривать можно—все еще пятнадцать саженъ. Военныя суда мало становятся здѣсь на якорь, а купеческія хотя и останавливаются, но чуть подуетъ вѣтеръ съ юга, они уходятъ на сѣверную сторону, а отъ сѣверныхъ вѣтровъ прячутся здѣсь. Мы остановились здѣсь только за тѣмъ, чтобъ взять живыхъ быковъ и зелени, поэтому и рѣшено было на якорь не становиться, а держаться на парусахъ въ теченіе дня; слѣдовательно, остановка предполагалась кратковременная, и мы поспѣшили воспользоваться ею. Судно наше не въ первый разъ видѣло эти берега. Нѣсколько лѣтъ назадъ, оно было здѣсь и зимовало въ Лиссабонѣ.

Насъ окружили шлюбки всякихъ величинъ и формъ. Пріѣхалъ капитанъ надъ портомъ поздравить съ благополучнымъ прибытіемъ и освѣдомиться о здоровьѣ плавателей. Кажется, чего учтивѣе? А скажите-ка, что вы нездоровы, что у васъ, напримѣръ, человѣкъ двадцать-тридцать больныхъ лихорадкой, такъ васъ очень-учтиво попросятъ не съѣзжать на берегъ и какъ-можно-скорѣе удалиться. Привезли апельсиновъ, еще чего-то; пріѣхала прачка, трактирщица; всѣ совали намъ въ руки свои адресы, и я опустилъ въ карманъ своего пальто еще двѣ карточки, къ дюжинамъ

прочихъ, пріобрѣтенныхъ въ Англіи. Ихъ такъ много накопилось въ карманахъ всѣхъ платьевъ, что лѣнь было заняться побросать ихъ за бортъ. „Въ другое время, nur nicht heute“, думалъ я согласно съ извѣстнымъ нѣмецкимъ двустишіемъ. Послѣ всего этого отдѣлилась отъ берега шлюпка подъ русскимъ флагомъ. Въ ней сидѣлъ русскій чиновникъ, въ вицмундирѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, съ русскимъ орденомъ въ петлицѣ. Это—консулъ. Онъ узналъ сейчасъ корабль, спросилъ, нѣтъ ли между плавателями старыхъ знакомыхъ и пригласилъ насъ нѣсколько человѣкъ къ себѣ на обѣдъ. Былъ часъ одиннадцатый утра, когда мы сѣли въ консульскую шлюпку. Гребцы, всѣ португальцы, одѣтые очень-картинно, въ бѣлыхъ спенсерахъ, съ отложными воротниками, въ маленькихъ, едва покрывающихъ темя, красныхъ, или синихъ шапочкахъ, но безъ обуви. Шея и грудь открыты; всѣ почти съ бородами, но безъ усовъ, и большею-частью рослый, красивый народъ.

Я, бывало, съ большой недовѣрчивостью читалъ въ путешествіяхъ о какихъ-то необыкновенныхъ запахахъ, которые доносятся съ берега за версту до носовъ мореплавателей. Я думалъ, что эти запахи присутствовали въ носовыхъ платкахъ путешественниковъ, франтовъ эпохи Людовиковъ XIV и XV-го, когда прыскались духами до обморока. Но вотъ, въ самомъ дѣлѣ, мы еще далеко были отъ берега, а на насъ повѣяло теплымъ, пахучимъ воздухомъ, смѣсью ананасовъ, гвоздики, какъ мнѣ казалось, и еще чего-то. Кто-то изъ насъ, опытный въ дѣлѣ запаховъ, рѣшилъ, что пахнетъ геліотропомъ. Вмѣстѣ съ запахомъ доносились звуки церковнаго колокола, потомъ музыки. А декорація горъ все поминутно мѣнялась: тамъ, гдѣ было сейчасъ свѣжо, ясно, золотисто, теперь задернуто точно флёромъ, а на прежнемъ мѣстѣ, на высотѣ, вдругъ озарились бурые холмы опаленной солнцемъ пустыни: тамъ радуга.

Вглядываясь въ новый, поразительный красотой берегъ, мы незамѣтно очутились у пристани, или, виноватъ, ея нѣтъ—ну тамъ, гдѣ она должна быть. Шлюпки не пристаютъ здѣсь, а выскакиваютъ съ бурунами на берегъ, въ кучу мелкаго щебня. Гребцы, засучивъ панталоны идутъ въ воду и тащатъ шлюпку до сухаго мѣста, а потомъ вынимаютъ и пассажировъ. Мы почти бѣгомъ бросились на берегъ по площади, къ ряду домовъ и къ бульвару, который упирается въ море.

Какъ пріятно расправить ноги послѣ многодневнаго плаванія! Походка еще невѣрна; надо нѣсколько минутъ привыкать ходить, отвыкнешь и устаешь сразу.

На бульварѣ, подъ яворами и олеандрами, стояли неподвижно три человѣческія фигуры, гладко обритыя, съ синими глазами, съ красивыми бакенбардами, въ черномъ платьѣ, бѣлыхъ жилетахъ, въ круглыхъ шляпахъ, съ зонтиками, и съ пронзительнымъ любопытствомъ смотрѣли, то на наше судно, то на насъ. Нужно ли называть ихъ? И тутъ они? Мало еще мы видѣли ихъ! Лучшіе домы въ городѣ и лучшіе виноградники за городомъ принадлежатъ англичанамъ. Пусть бы такъ; да зачѣмъ сами-то они здѣсь? Какъ непріятно видѣть въ мягкомъ воздухѣ, подъ нѣжнымъ небомъ, среди волшебныхъ красокъ, эти жосткія явленія! Но мы развлечены были разнообразіемъ другихъ предметовъ. Музыка, едва слышная на рейдѣ, раздавалась громко изъ одного длиннаго зданія—казармъ, какъ сказалъ консулъ: музыканты учились. Мы пошли по улицамъ, расположеннымъ амфитеатромъ, потому-что гора начинается прямо отъ берега. Однако идти по мостовой не совсѣмъ гладко: она вся состоитъ изъ небольшихъ, довольно-острыхъ каменьевъ: и сквозь подошву чувствительно. Въ домахъ жалюзи наглухо опущены отъ жара; домы очень просты, въ два этажа, и въ одинъ: многіе окружены каменнымъ заборомъ. Вездѣ видны

сады, зелень, плющи; даже мостовая поросла мелкой травой.

Но отчего на улицахъ мало дѣятельности? Толпа народа гуляетъ праздно; всѣ нарядно одѣты. На югѣ вообще работать не охотники; но ужь такъ лѣниться, что нигдѣ ни признака труда—это изъ рукъ вонъ.—„Сегодня воскресенье, оттого и магазины заперты“, сказалъ консулъ, который шелъ тутъ же съ нами. Не помню, кто-то изъ путешественниковъ говорилъ, что городъ нечистъ—неправда, онъ очень опрятенъ, а бѣлизна стѣнъ и кровель придаютъ ему даже болѣе, нежели опрятный видъ. Грязи здѣсь, подъ этимъ солнцемъ, быть не можетъ. По словамъ консула, здѣсь никогда болѣе трехъ дней дурной погоды не бываетъ, и то немного вспрыснетъ дождь, прогремитъ громъ—и снова солнце заиграетъ надъ островомъ. Да оно и не прячется никогда совершенно, и мы видѣли, что оно въ одномъ мѣстѣ свѣтитъ, въ другомъ на полчаса скроется. Оссіановской, сырой и туманной погоды, здѣсь не бываетъ.

Пока мы шли къ консулу, насъ окружила толпа португальцевъ, очень пестрая и живописная костюмами, съ смуглыми лицами, черными глазами, въ шапочкахъ, колпакахъ, или просто съ непокрытой головой, красавцевъ и уродовъ, но больше красавцевъ. Между уродами немало видно обезображенныхъ оспой. Есть и негры, но немного. Всѣ они, на разныхъ языкахъ, больше по-французски и по-англійски, очень-плохо на томъ и другомъ, навязывались въ проводники.—„Вотъ госпиталь, вотъ казармы“, говорилъ одинъ „это церковь такая-то“, перебивалъ другой; „а это домъ русскаго консула“, добавилъ третій. Мы туда и повернули, и обманутые проводники вдругъ замолчали.

Небольшой каменный домъ консула спрятался за каменную же стѣну, между чистымъ дворомъ и садомъ. Консулъ, родомъ португалецъ, женатъ на второй женѣ, португалкѣ,

очень молодой, черноглазой, блѣдной, тоненькой женщинѣ. Онъ представилъ насъ ей, но къ сожалѣнію, она не говорила ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ португальскаго, и потому мы только поглядѣли на нее, а она на насъ. Консулъ говорилъ по-англійски и немного по-французски. Ему лѣтъ за 50. Отъ первой жены у него есть взрослый сынъ, котораго онъ обѣщалъ показать намъ за обѣдомъ. Насъ ввели почти въ темную гостиную; было прохладно, но подняли жалюзи, и въ комнату хлынулъ свѣтъ и жаръ. Изъ оконъ прекрасный видъ внизъ, на расположенные амфитеатромъ по берегу домы и на рейдъ. Но мы только-что ступили на подошву горы: домъ консула недалеко отъ берега—прекрасные виды еще были вверху.

Поговоривъ немного съ хозяиномъ и помолчавъ съ хозяйкой, мы объявили, что хотимъ гулять. Сейчасъ явилась опять толпа проводниковъ, и другая съ верховыми лошадьми. На одной площадкѣ, подъ большимъ деревомъ, мы видѣли много этихъ лошадей. Трое или четверо нашихъ сѣли на лошадей и скрылись съ проводниками. Консулъ предложилъ, не хочу ли я, мнѣ приведутъ также лошадь, или не предпочту ли я паланкинъ.—„Въ паланкинѣ было бы покойнѣе“, сказалъ я. Консулъ не успѣлъ перевести оставшейся съ нами у воротъ толпѣ моего отвѣта, какъ и эта толпа бросилась отъ насъ и исчезла. Консулъ извинился, что не можетъ провожать насъ въ горы:—„Тамъ воздухъ холоденъ“, сказалъ онъ:—„теперь зима, и я боюсь за себя. Вамъ совѣтую надѣть пальто“, прибавилъ онъ, но я оставилъ пальто у него въ домѣ. Зима! хороша зима: по улицѣ жарко идти, солнце пропекаетъ спину чуть не насквозь.—„Не опоздайте же къ обѣду: въ 4 часа!“ кричалъ мнѣ консулъ, когда я, въ ожиданіи паланкина, пошелъ по улицѣ пѣшкомъ. За мной увязались идти двое мальчишекъ; одинъ болталъ по французски, то есть исковеркаетъ два слова французскихъ, да при-

бавитъ три португальскихъ; другой тоже дѣлалъ съ англійскимъ языкомъ. Однакожъ мы какъ-то понимали другъ друга.

Я не торопился на гору: мнѣ еще ново было все въ городѣ, гдѣ на всемъ лежитъ яркій, южный колоритъ. И тутъ солнце свѣтитъ не по-нашему, какъ-то румянѣе: тѣни отъ того всѣ рѣзче, или ужъ мнѣ такъ показалось послѣ продолжительной дурной погоды. Изъ-за заборовъ выглядываетъ не наша зелень. Вездѣ по стѣнамъ и около оконъ фестономъ лѣпится безконечный плющъ, да цѣлая ширма широколиственнаго винограда. Мѣстами видны, поверхъ заборовъ, высокія стройныя деревья, съ мелкою зеленью, это—мирты и кипарисы. Народъ, непохожій на нашъ, сѣверный: все смуглыя лица, да рѣзкія, подвижныя черты. А вотъ вдругъ вижу, однакожъ, что-то очень сѣверное, будто сани. Что за странность: экипажи на полозьяхъ, изъ свѣтлаго, кажется, ясеневаго или пальмоваго дерева; на нихъ мѣста, какъ въ кабріолетѣ. Запряжены эти сани парой быковъ, которые, разумѣется шагомъ, тащатъ странный экипажъ по каменьямъ. Въ экипажѣ сидитъ семейство: мужъ съ женой и дѣти.— „Стало быть, колясокъ и каретъ здѣсь нѣтъ“ заключилъ я: „мало мѣста, и ѣздить имъ на гору круто, а по городу негдѣ“. Ѣздятъ верхомъ и въ носилкахъ. Мимо меня проскакала, на небольшой красивой лошадкѣ, плотная барыня, вся въ бѣлой кисеѣ, въ бѣлой шляпѣ; подлѣ, держась за уздечку, бѣжалъ проводникъ. И наши поѣхали съ проводниками, которые тоже бѣжали рядомъ съ лошадью, да еще въ гору—что же у нихъ за легкія? Другую барыню быстро пронесли мимо меня въ паланкинѣ. Такъ вотъ онъ, паланкинъ! Это маленькая повозочка, или колясочка, въ родѣ дѣтскихъ, обитая какой-нибудь матеріей, обыкновенно ситцемъ, или клеенкой. Къ крышкѣ ея придѣлана посрединѣ толстая жердь, которую проводники кладутъ себѣ на плечи.

Я все шелъ пѣшкомъ, и двое мальчишекъ со мной. Въ домахъ иногда открывались жалюзи; изъ-за нихъ сверкалъ чей-то глазъ, и потомъ рѣшетка снова захлопывалась. Это какой нибудь сонный португалецъ, или португалка, услышавъ звонкіе шаги по тихой улицѣ, на-минуту выглядывали, какъ въ провинціи, удовлетворить любопытству, и снова погружались въ дремоту сьесты. Дальше опять я видѣлъ важно шагающаго англичанина, въ бѣломъ галстухѣ, и если не съ зонтикомъ, такъ съ тростью. Тамъ, должно быть у шинка, толчется кучка народу. Но все тихо: по климату—это столица міра; по тишинѣ, малолюдству и образу жизни—степная деревня.

Слышу топотъ за собой. За мной мчится паланкинъ; проводники догнали меня и поставили носилки на землю. Напрасно я упрашивалъ ихъ дать мнѣ походить; они схватили меня съ крикомъ за обѣ руки и буквально упрятали въ колыбель. Мнѣ было какъ-то неловко, совѣстно ѣхать на людяхъ, и я опять-было выскочилъ. Они опять стали бороться со мной и таки-посадили, или, лучше сказать положили, потому-что сидѣть было неловко.—„А что-жь, ничего!“ думалъ я; „мнѣ хорошо, какъ на диванѣ; каково имъ? Пусть себѣ несутъ, коли есть охота!“ Я ожидалъ, что они не поднимутъ меня, но они, какъ ребенка, вскинули меня съ паланкиномъ вверхъ и помчали по улицамъ. А всего двое: но за-то, что́ за рослый, красивый народъ! какъ они стройны, мужественны на взглядъ! Изъ-за отстегнутаго воротника рубашки глядѣла смуглая и крѣпкая грудь. Оба, разумѣется, черноглазые, черноволосые, съ длинными бородами. Скоро мы стали подниматься въ гору; я думалъ, тутъ устанутъ они, но они шли скорымъ шагомъ. Однакожъ, лежать мнѣ надоѣло: я привсталъ, чтобъ сѣсть и смотрѣть по сторонамъ. Преширокая ладонь подкралась сзади и тихонько опрокинула меня опять на спину.—„Это что?“ Я опять привсталъ,

колыбель замоталась и пошла медленнѣе. Опять та же ладонь хочетъ опрокидывать меня.—„Я сидѣть хочу, goddam“ закричалъ я. Они объяснили, что имъ такъ неловко нести, тяжело...—„А, тяжело? мнѣ что за дѣло: взялись, такъ несите“. По чуть я задумывался, ладонь осторожно пыталась, какъ-будто незамѣтно отъ меня самого, опрокинуть меня. Мнѣ надоѣло это, и я пошелъ пѣшкомъ. „Зима—хороша зима!“ думалъ я, скидая жакетку. А консулъ совѣтовалъ еще надѣть пальто, говорилъ, что въ горахъ воздухъ холоденъ. Какъ не холоденъ—печетъ!

Проводники вдругъ остановились у какого-то домика, что-то крикнули, и намъ вынесли кружки три вина. Подаютъ и мнѣ—какъ не попробовать: вѣдь это мадера, еще и прямо изъ источника! Точно, мадера; но что за дрянь! должно-быть молодое вино. Я отдалъ кружку назадъ. Проводники поклонились мнѣ и мгновенно осушили свои кружки, а двое мальчишекъ, которые бѣжали рядомъ съ паланкиномъ и на гору, выпили мою. Все это, конечно, на мой счетъ, потому-что, подавъ кружки, португалецъ, обратился ко мнѣ, съ словами: „One shilling, signor“. Изъ-за забора выглядывала виноградная зелень, но винограда уже не было ни одной ягоды: онъ весь собранъ давно. Меня понесли дальше; съ проводниковъ ручьями лилъ потъ.—„Какъ же вы пьете вино, когда и такъ жарко?“ спросилъ я ихъ съ помощью мальчишекъ и посредствомъ трехъ или четырехъ языковъ.—„Вино-то и помогаетъ: безъ него устали бы“, отвѣчали они и, вѣроятно на основаніи этой гигіены, черезъ полчаса остановились на горѣ у другаго виноградника и другой лавочки, и опять выпили.

Тутъ на дверяхъ висѣла связка какихъ-то незнакомыхъ мнѣ плодовъ, съ виду похожихъ на огурцы средней величины. Кожа, какъ на бобахъ—на иныхъ зеленая, на другихъ желтая.—„Чтó это такое?“ спросилъ я.—„Бананы“ гово-

рятъ.—„Бананы! тропическій плодъ! Дайте, дайте сюда!“ Мнѣ подали всю связку. Я оторвалъ одинъ и очистилъ—кожа слѣзаетъ почти отъ прикосновенія; попробывалъ —не понравилось мнѣ: прѣсно, отчасти сладко, но вяло и приторно, вкусъ мучнистый, похоже немного и на картофель, и на дыню, только не такъ сладко, какъ дыня, и безъ аромата, или съ своимъ собственнымъ, какимъ-то грубоватымъ букетомъ. Это скорѣе овощь, нежели плодъ, и между плодами онъ—parvenu. Я заплатилъ шиллингъ и пошелъ къ носилкамъ; но хозяинъ лавочки побѣжалъ за мной и совалъ мнѣ всю связку.—„Не надо!“ сказалъ я.—„Вы заплатили за всю, signor! такъ надо“, говорилъ онъ и положилъ связку въ носилки.

Мы поднимались все выше; дорога шла круче.—„Chтó это такое?“ спрашивалъ я, часто встрѣчая по сторонамъ прекрасные сады съ домами.—„English garden“ (англійскій садъ) говорили проводники. На лучшихъ мѣстахъ вездѣ были english garden. Я входилъ въ ворота, и глаза разбѣгались по прекраснымъ аллеямъ тополей, акацій, кипарисовъ. Въ тѣни зелени прятались домы изящной архитектуры, съ галлереями, верандами, со всѣми затѣями барской роскоши; тутъ же были и ихъ виноградники. Англичане здѣсь господа; лучшее вино идетъ въ Англію. Между португальскими торговыми домами мало богачей. Нашъ консулъ считается значительнымъ виноторговцемъ, но онъ живетъ очень скромно, въ сравненіи съ британскими негоціантами. Они торгуютъ не однимъ виномъ. По просьбѣ консула, несмотря на воскресенье, намъ отперли одинъ магазинъ, лучшій на всемъ островѣ, и этотъ магазинъ—англійскій. Чего въ немъ нѣтъ! англійскія иглы, ножи и прочія стальныя вещи, англійскія бумажныя и шерстяныя ткани, сукна; ихъ же бронза, фарфоръ, ирландскія полотна. Сожалѣть ли объ этомъ, или досадовать—право, не знаю. Оно досадно, ко-

нечно, что англичане на всякой почвѣ, во всѣхъ климатахъ пускаютъ корни, и всюду прививаются эти корни. Еще досаднѣе, что они носятся съ своею гордостью, какъ курица съ яйцомъ, и кудахтаютъ на весь міръ о своихъ успѣхахъ; наконецъ, еще болѣе досадно, что они не всегда разборчивы въ средствахъ къ пріобрѣтенію правъ на чужой почвѣ, что берутъ, чуть можно, посредствомъ англійской промышленности и англійской юстиціи; а гдѣ это не въ ходу, такъ вспоминаютъ средневѣковой фаустрехтъ—все это досадно изъ рукъ вонъ. Но зачѣмъ не сказать и правды? Не будь ихъ на Мадерѣ, гора не воздѣлывалась бы такъ дѣятельно, не была бы застроена такими изящными виллами, да и дорога туда не была бы такъ удобна; народъ этотъ не одѣвался бы такъ чисто по воскресеньямъ. Не даромъ онъ говоритъ по-англійски: даромъ южный житель не пошевелитъ пальцомъ, а тутъ онъ шевелитъ языкомъ, да еще по-англійски. Англичанинъ даетъ ему нескончаемую работу и за все платитъ золотомъ, котораго въ Португаліи немного. Конечно, въ другомъ мѣстѣ тотъ же англичанинъ возьметъ самъ золото, да еще и отравитъ, какъ въ Китаѣ, напримѣръ... Но теперь не о Китаѣ рѣчь.

На одной виллѣ, за стѣной, на балконѣ, я видѣлъ прекрасную женскую головку: она глядѣла на дорогу, но такъ гордо, съ такимъ холоднымъ достоинствомъ, что неловко и нескромно было смотрѣть на нее долго. Голубые глаза; льняные волосы: должно-быть, миссъ, или леди, но никакъ не синьйора. Однако, я усталъ идти пѣшкомъ и уже не насильно легъ въ паланкинъ, но вдругъ вскочилъ опять: подо мной что-то было: я легъ на связку съ бананами и раздавилъ ихъ. Я хотѣлъ выбросить ихъ, но проводники взяли, раздѣлили поровну и съѣли. Мы продолжали подниматься по узкой дорогѣ между сплошными заборами по обѣимъ сторонамъ. Кос-

гдѣ между зелени выглядывали цвѣты, но мало. А зима, говоритъ консулъ. Хороша зима: олеандръ въ цвѣту!

Вдругъ въ одномъ мѣстѣ мы вышли на открытую со всѣхъ сторонъ площадку. Португальцы поставили носилки на траву.—„Bella vischta, signor!“ сказали они. Въ самомъ-дѣлѣ, прекрасный видъ! Описывать его смѣшно. Ужъ лучше снять фотографію: та по крайней-мѣрѣ передастъ всѣ подробности. Мы были на одномъ изъ уступовъ горы на половинѣ ея высоты... и того нѣтъ: подъ ногами нашими цѣлое море зелени, внизу городъ, точно игрушка; тамъ чуть-чуть видно, какъ ползаютъ люди и животныя, а дальше вовсе не игрушка—океанъ; на рейдѣ опять игрушки—корабли, въ томъ числѣ и нашъ.

Не хотѣлось уходить оттуда, а пора да и жарко. Но я все стоялъ.—„Bella vischta!“ сказалъ я португальцамъ и потомъ прибавилъ grazia—не зная, какъ сказать имъ „благодарю“. Они поклонились мнѣ, значитъ поняли. Можно снять посредствомъ дагерротипа, пожалуй, и море, и небо, и гору съ садами, но не нарисуешь этого воздуха, которымъ дышетъ грудь, не передашь его легкости и сладости. Много разсказываютъ о цѣлительности воздуха Мадеры: можетъ-быть, дѣйствіе этого воздуха на здоровье замѣтно по послѣдствіямъ; но сладостью, которой онъ напитанъ, упиваешься, лишь только ступишь на берегъ. Я дышалъ, бывало, воздухомъ нагорнаго берега Волги и думалъ, что нигдѣ лучше не можетъ быть. Откроешь утромъ въ лѣтній день окно, и въ лицо дунетъ такая свѣжая, здоровая прохлада. На Мадерѣ я чувствовалъ ту же свѣжесть и прохладу волжскаго воздуха, который пьешь, какъ чистѣйшую ключевую воду, да, сверхъ того, онъ будто растворенъ... мадерой, скажете вы? Нѣтъ, тонкими ароматами этой удивительной почвы, питающей сѣверныя деревья и цвѣты, рядомъ съ тропическими, на каждомъ клочкѣ земли въ нѣсколько саженъ, и неотравляю-

щей воздуха никакимъ ядовитымъ дыханіемъ жаркаго пояса. Въ этомъ состоитъ особенность и знаменитость острова.

Кажется, ни за что не умрешь въ этомъ цѣлебномъ, полномъ нѣги воздухѣ, въ теплой атмосферѣ, то-есть не умрешь отъ болѣзни, а отъ старости развѣ, и то когда заживешь чужой вѣкъ. Однако, здѣсь оканчиваетъ жизнь дочь бразильской императрицы, сестра царствующаго императора. Но она прибѣгла къ цѣлительности здѣшняго воздуха уже въ послѣдней крайности, какъ прибѣгаютъ къ первому знаменитому врачу—поздно: съ часу на часъ ожидаютъ ея кончины. Португальцы съ выраженіемъ глубокаго участія сказывали, что принцесса—„sick, very sick“ (очень плоха) и сильно страдаетъ. Она живетъ на самомъ берегу, въ красивомъ домѣ, который занималъ нѣкогда блаженной памяти Е. И. В. герцогъ Лейхтенбергскій. Капитанъ надъ портомъ, при посѣщеніи нашего судна, просилъ не салютовать флагу, потому-что пушечные выстрѣлы могли бы потревожить больную.

Хороша зима! А кто жь это порхаетъ по кустамъ, поетъ? Не наши ли лѣтнія гостьи? А тамъ какіе это цвѣты выглядываютъ изъ-за-забора? Бываютъ же такія зимы на свѣтѣ?

Меня понесли съ горы другою дорогою, или, лучше сказать тропинкою, извилистою, узенькою, среди неогороженныхъ садовъ и виноградниковъ, между хижинъ. Во всю дорогу въ глазахъ была таже картина, которую вытѣснятъ изъ памяти только такія же, если будутъ впереди. Намъ попадались все рослые португальцы. Женщины, особенно старыя, повязаны платками, и въ этомъ нарядѣ—точь-въ-точь наши деревенскія бабы. Мы опять остановились у виноградника; это было уже въ третій и, какъ я объявилъ, въ послѣдній разъ. Четвертый часъ—надо было торопиться къ обѣду. Въ небольшомъ домикѣ, или сараѣ съ скамьями, былъ хозяинъ виноградника, или прикащикъ; тутъ же были двѣ

*

женщины. Мнѣ бросилась въ глаза красота одной, южная и горячая. Она была высокаго роста, смугла, съ яркимъ румянцемъ, съ большими черными глазами и съ косой, которая не укладываясь на головѣ, падала на шею — словомъ, какъ на картинахъ пишутъ римлянокъ. Другую я едва замѣтилъ, хотя она безпрестанно болтала и смѣялась. Она была... старуха.

Прежде, нежели я сѣлъ на лавку, проводники мои держали уже по кружкѣ и пили.—„А signor не хочетъ вина?" спросилъ хозяинъ. Я покачалъ головой.—„А за здоровье синьйоры?" спросилъ онъ, замѣтивъ, что я пристально изучаю глазами красавицу.—„Вино это не хорошо; красавица лучше стоитъ", сказалъ я. Едва мальчишки перевели ему это, какъ онъ вышелъ вонъ и вскорѣ воротился съ кружкой другаго вина. Онъ съ гордостью и увѣренностью подалъ мнѣ кружку и что-то сказалъ, чего я не понялъ. Я поклонился красавицѣ и попробовалъ.—„Да, это не то вино, что̀ подавали проводникамъ: это положительно-хорошая мадера".—Я съ удовольствіемъ выпилъ глотка два и передалъ кружку красавицѣ. Она отпила немного, но я сдѣлалъ ей знакъ, чтобъ она продолжала; она смѣялась и отговаривалась; хозяинъ сказалъ что-то, и она кончила кружку.—„А за эту?" сказали проводники. Я обернулся: старуха сидѣла уже подлѣ меня. Принесли и еще кружку; я опять попробовалъ за здоровье старой португалки. Благодарностямъ не было конца. Всѣ вышли меня провожать, и хозяинъ, и женщины, награждая разными льстивыми эпитетами.

Мы быстро спустились въ городъ, промчались мимо домовъ, нѣсколькихъ отелей, между-прочимъ французскаго, черезъ площадь. На дорогѣ перегнали меня наши спутники верхомъ. По дорогѣ пришлось проходить черезъ рынокъ. Онъ живо напомнилъ мнѣ сцену изъ „Фенеллы": такая же толпа мужчинъ и женщинъ, пестро-одѣтыхъ, да еще, въ до-

бавокъ, были тутъ негры, монахи; все это покупаетъ и продаетъ. Рынокъ заставленъ корзинами съ фруктами, съ рыбой; тутъ стоймя приставлены къ дверямъ лавокъ связки сахарнаго тростника, который рѣжутъ кусками и продаютъ простому народу, какъ лакомство. Вездѣ лежатъ кучи зелени, овощей. Вдругъ вижу знакомое лицо: это нашъ спутникъ, который закупаетъ провизію. Но отчего у него постное лицо? Меня поднесли къ нему.—„Ахъ, это вы?“ сказалъ онъ, прищурясь и вглядываясь въ меня.—„А это вы?“ сказалъ я:—„что вы такъ невеселы?“—„Да вотъ поглядите“, отвѣчалъ онъ, указывая на быка, котораго я въ толпѣ народа и не замѣтилъ:—„что это за быкъ? Въ Англіи собаки больше: и десяти пудовъ нѣтъ“.—Ну, пойдемте къ консулу обѣдать“, сказалъ я:—„и попробуемъ, каковы эти быки на вкусъ“. Онъ вздохнулъ, и мы отправились. Быки здѣсь въ самомъ-дѣлѣ мелки, но говядина очень хороша.

На дворѣ у консула оба носильщика, спустивъ меня съ носилокъ, протянули ко мнѣ руки, а за ними мальчишки.—„Сколько они просятъ?“ спросилъ я у консула, который смотрѣлъ въ окно. Онъ поговорилъ съ ними.—„Дорого просятъ: три доллара“, сказалъ онъ.—„Какъ далеко вы были? гдѣ?“ Но почемъ я зналъ, гдѣ я былъ? Я отдалъ ему фунтъ стерлингъ и просилъ заплатить и носильщикамъ, и мальчишкамъ. Получивъ деньги, мальчишки быстро скрылись со двора, а носильщики протянули опять руки.—„Чего имъ?“ спросилъ я консула.—„Пустое, не надо!“ кричалъ консулъ, махая имъ рукой:—„идите, идите! На водку еще просятъ. Не давайте...“—„Да они три раза взяли съ меня натурою“, сказалъ я: „теперь вотъ...“ Я бросилъ имъ по мелкой монетѣ. Они быстро подобрали и съ поклонами, быстрѣе мальчишекъ, исчезли со двора. А все на русскаго человѣка говорятъ, что проситъ на водку: онъ точно проситъ; но если поднесутъ, такъ онъ и не попроситъ, а жителю юга, какъ ви-

жу теперь, и не поднесутъ, а онъ выпьетъ, и все-таки попроситъ на водку.

Я засталъ хозяйку въ саду. Съ ней была пожилая дама, вся въ черномъ, начиная съ чепца до ботинокъ; и сама хозяйка тоже; онѣ, должно-быть, въ траурѣ. Хозяйка представила меня старушкѣ:—„My mother“ (матушка), сказала она. Садъ маленькій, но чего тутъ не было? Кофейныя деревья, бананы, ананасы, множество цвѣтовъ. Хозяйка сорвала одну кофейную почку, открыла и показала намъ внутри два, уже сформировавшіяся кофейныя зерна.—„Какъ жаль, что теперь зима!“ говорила она, а мужъ переводилъ: —„ничего нѣтъ! Вотъ ананасы еще не поспѣли“, и она указала на гряду извѣстной вамъ зелени ананасовъ.—„Къ дессерту нечего подать. Одни только бананы!“ Зима! Какъ жаль, что этакая зима! До какой степени могутъ избаловаться люди!—„А это что̀? посмотрите-ка, вѣдь это нашъ зеленый лукъ!“ сказалъ Б., сорвалъ пучокъ и мы съ нимъ отвѣдали нашего сѣвернаго плода.

Консулъ познакомилъ насъ съ сыномъ, молодымъ человѣкомъ лѣтъ двадцати съ небольшимъ. Онъ только-что воротился изъ Франціи, гдѣ учился медицинѣ. Я все думалъ, ка̀къ обѣдаютъ по-португальски, и ждалъ чего-нибудь своего, оригинальнаго; но оказалось, что нынче по-португальски обѣдаютъ по-англійски: послѣ супа, на столъ разомъ поставили ростбифъ, котлеты и множество блюдъ со всякою зеленью—все явленія знакомыя. Въ этомъ почти и состоялъ весь обѣдъ. Главнымъ украшеніемъ его было вино и дессертъ. Вино, разумѣется, мадера, красная и бѣлая. И та, и другая превосходнаго качества, особенно красная, какъ рубинъ, которая называется здѣсь тинто. Лучше, кажется, и не выдумаешь вина. Правда, я пилъ въ Петербургѣ однажды вино, привезенное въ подарокъ отсюда же, превосходное, но другаго рода, изъ сладкихъ винъ, извѣстное подъ

названіемъ мальвази-мадеры. Красная мадера не имѣетъ ни малѣйшей сладости; это капитальное вино и намъ показалось несравненно-выше бѣлой, madeire secco, которую мы только попробовали, а на другія вина и не смотрѣли.

Дессертъ состоялъ изъ апельсиновъ, варенья, банановъ, гранатъ; еще были тутъ, называемыя по-англійски, кастард-эпильзъ (custard-apples), плоды похожіе видомъ и на грушу, и на яблоко, съ бѣлымъ мясомъ, съ черными сѣменами. И эти были неспѣлые. Хозяева просили насъ взять по нѣскольку плодовъ съ собой и подержать ихъ дня три-четыре и тогда уже ѣсть. Мы такъ и сдѣлали. Дѣйствительно, нѣтъ лучше плода: мягкій, нѣжный вкусъ, напоминающій сливочное мороженое и всю свѣжесть фрукта, съ тонкимъ ароматомъ. Плодъ этотъ, когда поспѣетъ, надо ѣсть ложечкой. Если не ошибаюсь, по-испански онъ называется *нона*. Обѣдъ тянулся довольно долго, по-англійски, и кончился тоже по-англійски: хозяинъ сказалъ спичъ, въ которомъ изъявилъ удовольствіе, что второй разъ уже угощаетъ далекихъ и рѣдкихъ гостей, желалъ счастливаго возвращенія и звалъ вторично къ себѣ.

Уже въ сумерки простились мы съ португальскимъ семействомъ, оказавшимъ намъ гостепріимство. Этотъ день, вырванный изъ береговой жизни, надолго разлилъ чувство удовольствія между нами. Внезапно-развернувшаяся передъ нами картина острова, жаркое солнце, яркій видъ города, хотя чужія, но ласковыя лица—все это было нежданнымъ, веселымъ праздничнымъ мгновеніемъ и влило живительную каплю въ однообразный, долгій путь. Я забылъ о прошедшихъ неудобствахъ и покойнѣе смотрѣлъ на будущія. Нигдѣ человѣкъ не бываетъ такъ жалокъ, дерзокъ, и по временамъ такъ внезапно счастливъ, какъ на морѣ. Хозяйка дала намъ по букету цвѣтовъ. Я сказалъ, что отошлю свой, въ подарокъ отъ нея, русскимъ женщинамъ. Она по-

вѣрила и нарвала мнѣ еще. Я только сѣлъ въ шлюпку и пустилъ букетъ въ море.—„Что же это? какъ можно?“ закричите вы на меня… А что жъ съ нимъ дѣлать? не послать же въ самомъ дѣлѣ въ Россію.—„Въ стаканъ поставить, да на столъ“.—Знаю, знаю. На морѣ это не совсѣмъ удобно. —„Такъ зачѣмъ и говорить хозяйкѣ, что пошлете въ Россію?“ Что это за житье—никогда не солги!

Но пора кончить это письмо… Какъ? что?… А чтожь о Мадерѣ: объ управленіи города, о мѣстныхъ властяхъ, о числѣ жителей, о количествѣ выдѣлываемаго вина, о торговлѣ: цифры, факты—гдѣ же все? Въ правѣ ли вы требовать этого отъ меня? Вѣдь вы просили писать вамъ о томъ, что̀ я самъ увижу, а не то, что написано въ вѣдомостяхъ, таблицахъ, календаряхъ. Здѣсь все, что̀ я видѣлъ въ теченіе 10-ти или 12-ти часовъ пребыванія на Мадерѣ. Жителей всѣхъ я не видѣлъ, властей тоже, и даже не успѣлъ хорошенько посѣтить ни одного виноградника.

Когда мы сѣли въ шлюпку, корабль нашъ былъ верстахъ въ пяти; онъ весь день, то подходилъ къ берегу, то отходилъ отъ него. Теперь чуть видны были паруса. Вѣтеръ дулъ сѣверный и довольно свѣжій, но ровный. Было тепло; сѣверный холодъ не доносился до береговъ Мадеры. Я глядѣлъ все назадъ, на островъ: мнѣ хотѣлось навсегда врѣзать его въ память. Между тѣмъ темнота наступала быстро. Облака подвигались на высоту пика, потомъ вдругъ обнажали его вершину, а тамъ опять скрывали ее; казалось надо было ожидать бури, но ничего не было: тучи только играли съ горами. Я обернулся на Мадеру въ послѣдній разъ: она вся закуталась какъ въ мантію, въ облака, какъ будто занавѣсъ опустился на волшебную картину, и лежала далеко за нами темной массой; впереди довольно уже близко неслась на насъ другая масса—нашъ корабль.

Я послалъ къ вамъ коротенькое письмо съ Мадеры, а

это пошлю изъ перваго порта, откуда только ходитъ почта въ Европу; а откуда она не ходитъ теперь?

До свиданія.

Атлантическій Океанъ.
23 января 1853.

III.

ПЛАВАНІЕ ВЪ АТЛАНТИЧЕСКИХЪ ТРОПИКАХЪ.

Нордъ-остовый пассатъ.—Острова Зеленаго Мыса.—С. Яго и Порто-Прайя.—Сѣверный тропикъ.—Тропическая зима.—Штилевая полоса.—Экваторъ.—Южный тропикъ и зюйдъ-остовый пассатъ.—Летучія рыбы и акулы.—Опять штили.—Масляница.—Образъ жизни на фрегатѣ.—Купанье.—Море и небо.

(Письмо къ *В. Г. Бенедиктову*).

Въ поэтическомъ и дружескомъ напутствованіи*), вы указали мнѣ, Владиміръ Григорьевичъ, обогнуть земной шаръ. Я не обогнулъ еще и четверти, а между тѣмъ мнѣ захотѣлось уже побесѣдовать съ вами на необъятной дали, среди волнъ на рубежѣ атлантическаго, южнополярнаго и индійскаго морей, когда вокругъ все спитъ, кромѣ вахтеннаго офицера, меня и океана. Мнѣ хочется провѣрить, тàкъ ли далеко „слышенъ сердечный голосъ", какъ предсказали вы? Къ сожалѣнію, это обстоятельство зависитъ болѣе отъ исправности почтъ, нежели сердецъ нашихъ.

Хотѣлось бы вѣрно изобразить вамъ, гдѣ я, чтò вижу, но о многомъ говорятъ черезчуръ много, а сказать нечего;

*) Въ посланіи къ И. А. Гончарову, напечатанномъ въ полномъ собраніи стихотвореній Бенедиктова.

съ другаго, напротивъ, какъ ни бейся, не снимешь и блѣдной копіи, развѣ вы дадите взаймы вашего воображенія и красокъ. Я изъ Англіи писалъ вамъ, что чудеса выдохлись, праздничныя явленія обращаются въ будничныя, да и сами мы уже развращены раннимъ и заочнымъ знаніемъ такъ называемыхъ чудесъ міра, стыдимся этихъ чудесъ, торопливо стараемся разоблачить чудо отъ всякой поэзіи, боясь, чтобъ насъ не заподозрили въ вѣрѣ въ чудо, или въ младенческомъ влеченіи къ нему: мы выросли и оттого предпочитаемъ скучать и быть скучными. Гдѣ искать поэзіи? Одно анализировано, изучено и утратило прелесть тайны, другое прискучило, третье оказалось ребячествомъ. Куда же дѣлась поэзія и что дѣлать поэту? Онъ какъ-будто остался за штатомъ. Надѣть ли поэзію, какъ праздничный кафтанъ, на современную идею, или по прежнему скитаться съ ней въ родимыхъ поляхъ и лѣсахъ, смотрѣть на луну, нюхать розы, слушать соловьевъ, или наконецъ идти съ нею сюда, подъ эти жаркія небеса? Научите.

Для меня путешествіе имѣетъ еще пока, не столько прелесть новизны, сколько прелесть воспоминаній. Проходя практически каждый географическій урокъ, я переживаю угасшее, нѣкогда страстное впечатлѣніе, какое рождалось съ мыслью о далекихъ странахъ и моряхъ, и будто переживаю дѣтство и юность. Но подъ-часъ бываетъ досадно. Вотъ морская карта: она вся испещрена чертами, точками, стрѣлками и надписями. „Въ этой широтѣ“, говоритъ одна надпись, „въ такихъ-то градусахъ, ты встрѣтишь такіе вѣтры“, и притомъ показаны мѣсяцъ и число. „Тамъ около этого времени попадешь въ ураганъ“, далѣе, сказано тоже, ка̀къ и выйти изъ него, „а тамъ иди по такой-то параллели, попадешь въ муссонъ, который донесетъ тебя до Китая, до Японіи“. Далѣе еще лучше: „въ такомъ-то градусѣ увидишь въ первый разъ акулъ, а тамъ летучую рыбу“—и точно уви-

дишь. „Въ 38° ю. ш. и 75° в. д. сидятъ, сказано, птицы“. —„Ну,“ думаю, „ужъ это вздоръ: не сидятъ же онѣ тамъ“ и сталъ слѣдить по картѣ. Я просилъ другихъ дать себѣ знать, когда придемъ въ эти градусы. Утромъ однажды говорятъ мнѣ, что пришли: я взялъ трубу и различилъ на значительномъ пространствѣ черныя точки. Подходимъ ближе: стая морскихъ птицъ колыхается на волнахъ. Наконецъ написано, что въ атлантическихъ тропикахъ термометръ не показываетъ болѣе 23° по Реомюру въ тѣни. И точно не показываетъ.

Одно только не вошло въ Ренеровы таблицы, не покорилось никакимъ выкладкамъ и цифрамъ, одного только не смогъ никто записать на картѣ...

Но дайте договориться до этихъ чудесъ по порядку, какъ я доѣхалъ до нихъ.

Я писалъ вамъ, какъ я былъ очарованъ островомъ (и виномъ тоже) Мадеры. Потомъ, когда она скрылась у насъ изъ вида, я немного разочаровался. Что это за путешествіе на Мадеру? Отъ Испаніи рукой подать, всего какихъ-нибудь миль триста! Это госпиталь Европы.

Но вотъ стали выходить изъ тридцатыхъ градусовъ: все теплѣе и теплѣе. „Паръ костей не ломитъ“ выдумали поговорку у насъ: но эта поговорка заключаетъ отрицательную похвалу теплу отъ печки, которая, кромѣ тепла, ничего и не даетъ организму. А солнечное, и притомъ здѣшнее тепло! Боже мой! что̀ оно дѣлаетъ съ человѣкомъ? какъ облегчитъ отъ всякой нравственной и физической тягости! точно сниметъ ношу съ плечъ и съ головы, дастъ свободу дыханію, чувству, мысли... И такъ цѣлые, многіе дни и ночи! Долго мы не выйдемъ изъ магическаго круга этого голубаго, вѣчно-сіяющаго лѣта. Подумайте, года два все будетъ лѣто: сколько въ этой перспективѣ умѣстится тѣхъ короткихъ мгновеній, которыя мы, за исключеніемъ холода,

дождей и тумановъ, насчитаемъ въ нашемъ сѣверномъ миньятюрномъ лѣтѣ!—„Дѣдъ,—гдѣ мы теперь?“ спросилъ я однажды.—„Я ужь вамъ три раза сегодня говорилъ; не стану повторять“, ворчитъ онъ; потомъ, по обыкновенію, скажетъ.—„Пойдемте“, говоритъ, таща меня за рукавъ на ютъ:—„вонъ это что? глядите!...“—„Облако“.—Какъ не облако! посмотрите хорошенько: ну, что?“ — „Туча“. — „Эхъ, вы, туча! Какая туча? островъ Пальма“.—„Что вы! Канарскіе острова!“—„Какъ же вы не видите?“—„Что жь дѣлать, если здѣсь облака похожи на берега, а берега на облака. Гдѣ же Тенерифъ?“ спрашиваю я; пронзая взглядомъ золотой туманъ и видя только блѣдносиній очеркъ „облака“, какъ казалось мнѣ.—„Не увидимъ,“ говоритъ дѣдъ: —„мы у него на параллели, только далеко“. — „Зайдемъ въ Санта Круцъ?“ — „Опять зайти: часто будетъ! Эдакъ никогда не доберемся до Японіи“.—„А подъ какимъ градусомъ лежитъ Пальма?“—„Подите посмотрите сами на картѣ“. Я не пошелъ, зная, что онъ скажетъ. И въ самомъ дѣлѣ сказалъ. „Подъ 27°. Вѣдь съ вами же вчера цѣлый часъ толковали“.—„Забылъ“.—„Какъ же я-то не забываю?“— „На то вы дѣдъ. Да что это пассатъ что ли дуетъ?“ спросилъ я, а самъ придержался за спасть, потому что время отъ времени покачивало.—„Кто его знаетъ? не разберешь!“ ворчалъ дѣдъ.—Рано бы, кажется, а похожъ. Вотъ подождемъ денька два-три“.

Но денька два-три прошли, перемѣны не было: тотъ же вѣтеръ несъ судно, надувая паруса и навѣвая на насъ прохладу. По-русски приличнѣе было бы назвать пассатъ вѣчнымъ вѣтромъ. Онъ отъ вѣка дуетъ одинаково, поднимая умѣренную зыбь, которая не мѣшаетъ ни читать, ни писать ни думать, ни мечтать. Переходъ отъ качки и холода къ покою и теплу былъ такъ ощутителенъ, что я съ радости не читалъ и не писалъ, позволялъ себѣ только мечтать—о чемъ?

о Петербургѣ, о Москвѣ, о васъ? Нѣтъ, сознаюсь, мечты опережали корабль. Индія, Манилла, Сандвичевы острова— все это вертѣлось у меня въ головѣ, какъ у пьянаго неясныя лица его собесѣдниковъ.

22 января Л. А. П., штурманскій офицеръ, за утреннимъ чаемъ сказалъ:—„Поздравляю: сегодня въ восьмомъ часу мы пересѣкли сѣверный тропикъ".—„А я ночью озябъ", замѣтилъ я.—„Какъ такъ?"—„Такъ, взялъ да и озябъ: видно, кто нибудь изъ насъ охладѣлъ, или я, или тропики. Я лежалъ легко одѣтый подъ самымъ люкомъ, а „ночной зефиръ струилъ эфиръ" прямо на меня.

—„Ну, что́ море, что́ небо? какія краски тамъ?" слышу я ваши вопросы?—„Какъ всходитъ и заходитъ заря? какъ сіяютъ ночи? Все прекрасно — неправда ли?"—„Хорошо, только ничего особеннаго: такъ же, какъ и у насъ въ хорошій лѣтній день... Вы хмуритесь? А позвольте спросить: развѣ есть что нибудь не прекрасное въ природѣ? Отыщите въ сердцѣ искру любви къ ней, подавленную гранитными городами, сномъ при свѣтѣ солнечномъ и бѣготней въ сумракѣ и при свѣтѣ ламп, раздуйте ее и тогда попробуйте выкинуть изъ картины какую-нибудь некрасивую мѣстность. По-крайней-мѣрѣ со мной, а съ вами конечно и подавно, всегда такъ было: когда фальшивыя и ненормальныя явленія и ощущенія освобождали душу хоть на-время отъ своего ига, когда глаза, привыкшіе къ стройности улицъ и зданій, на минуту, случайно, падали на первый болотный лугъ, на крутой обрывъ берега, всматривались въ чащу сосноваго лѣса съ песчаной почвой: какъ полюбишь каждую кочку, песчаный косогоръ и поросшую мелкимъ кустарникомъ рытвину! Все находило почетное мѣсто въ моей фантазіи, все поступало въ капиталъ тѣхъ матеріаловъ, изъ которыхъ слагается нѣжная, высокая, артистическая сторона жизни. Разъ напечатлѣвшись въ душѣ, эти блѣдные, но полные сво-

ей задумчивой жизни образы остаются тамъ до сей минуты, нужды нѣтъ, что рядомъ съ ними тѣснятся теперь въ душу такія праздничныя и поразительныя явленія.

Нужно ли вамъ поэзіи, яркихъ особенностей природы— не ходите за ними подъ тропики: рисуйте небо вездѣ, гдѣ его увидите, рисуйте съ торцовой мостовой Невскаго проспекта, когда солнце, изливъ огонь и блескъ на крыши домовъ, протечетъ чрезъ Аничковъ и Полицейскій мосты, медленно опустится за Чекуши; когда небо какъ будто задумается ночью, поблѣднѣетъ на минуту и вдругъ вспыхнетъ опять, какъ задумывается и человѣкъ, ища мысли: по лицу на мгновенье разольется туманъ и потомъ внезапно озарится оно отъисканной мыслью. Запылаетъ небо опять, обольетъ золотомъ и Петергофъ, и Мурино, и Крестовскій островъ. Сознайтесь, что и Мурино, и острова хороши тогда, хорошъ и Финскій заливъ, какъ зеркало въ богатой рамѣ: и тамъ блестятъ, играя, жемчугъ, изумруды...

Виноватъ, плавая въ тропикахъ, я очутился въ Чекушахъ и рисую чухонскій пейзажъ: это, впрочемъ, потому, что мнѣ еще, не шутя, нечего сказать о тропикахъ. Каждый день во всякое время смотрѣлъ я на небо, на солнце, на море—и вотъ мы уже въ 14° широты, а небо все такое же, какъ у насъ, т. е. повыше, на зенитѣ, голубое, къ горизонту зеленоватое. Тепло, какъ у насъ въ іюлѣ, и то за городомъ, а въ городѣ отъ камней бываетъ и жарче. Мы одѣлись въ тропическую форму: въ бѣлое, а потомъ сознались, что еслибъ остались въ небѣломъ, такъ не задохлись бы. Реомюръ показывалъ 22° въ тѣни. Лучи теряютъ свою жгучую силу на морѣ. Кромѣ того, палубу смачивали водой и надъ головой растягивали тентъ. Кругомъ не было стѣнъ и скалъ, запирающихъ воздухъ, и сквозь снасти свободно вѣялъ пассатъ. Небо часто облачно, такъ-что мы не можемъ видѣть ни восхожденія, ни захожденія солнца. Оно выходило изъ-за облакъ

и садилось въ тучи.—„Что жь это вы, дѣдъ, насказали о тропическихъ жарахъ, о невиданныхъ ночахъ, о Южномъ Крестѣ? Все, что мы видимъ, слабо…“—„Теперь зима, январь“ говоритъ онъ, обмахиваясь фуражкой и отирая потъ, капавшій съ небритаго подбородка,—„вотъ дайте перевалиться за экваторъ, тогда будетъ потеплѣе. А Южный Крестъ долженъ быть теперь здѣсь, вонъ за лѣвой вантой!“ и онъ указалъ коротенькимъ пальцомъ на ванту.—„Дался имъ этотъ Крестъ, ворчалъ дѣдъ, спускаясь въ люкъ: —„выдумали Крестъ! И Креста-то никакого нѣтъ: просто четыре небольшія звѣзды… Пойти-ка лучше лечь, а то еще…„ и исчезъ въ люкъ.

Вверху однако жь небо было свободно отъ тучъ и оттуда, какъ изъ отверстій какого-то озареннаго свѣтомъ храма, сверкали милліоны огней всѣми красками радуги, какъ не сверкаютъ звѣзды у насъ никогда. Какъ страстно, горячо свѣтятъ онѣ! кажется, отъ нихъ это такъ тепло по ночамъ! Эта вѣчно играющая и что-то будто говорящая на непонятномъ языкѣ картина неба никогда не надоѣстъ глазамъ. Выйдешь изъ каюты на полчаса дохнуть ночнымъ воздухомъ и простоишь въ онѣмѣніи два-три часа, не отрывая взгляда отъ неба, развѣ глаза невольно сами сомкнутся отъ усталости. Затверживаешь узоръ ближайшихъ созвѣздій, смотришь на переливы этихъ зеленыхъ, синихъ, кровавыхъ огней, потомъ взглядъ утонетъ въ розовой пучинѣ млечнаго пути. Все хочется доискаться, на что намекаетъ это мерцаніе, какой смыслъ выходитъ изъ этихъ таинственныхъ, непонятныхъ рѣчей? И уйдешь, не объяснивъ ничего, но уйдешь въ какомъ-то чаду раздумья, и на другой день жадно читаешь опять.

Море… Здѣсь я въ первый разъ понялъ, что значитъ „синее“ море, а до-сихъ поръ я зналъ объ этомъ только отъ поэтовъ, въ томъ числѣ и отъ васъ. Синій цвѣтъ тамъ, у

насъ, на сѣверѣ—праздничный нарядъ моря. Тамъ есть у него другіе цвѣта, въ Балтійскомъ, напримѣръ, желтый, въ другихъ моряхъ зеленый, такъ называемый аквамаринный. Вотъ, наконецъ, я вижу и синее море, какого вы не видали никогда. Это не слегка сверху окрашенная вода, а густая яхонтовая масса, одинаково синяя на солнцѣ и въ тѣни. Не устанешь любоваться, глядя на роскошное сіяніе красокъ на необозримомъ, окружающемъ насъ полѣ водъ.

Какъ ни привыкаешь къ противоположностямъ здѣшняго климата съ нашимъ и къ путаницѣ во временахъ года, а иногда невольно поразишься мыслью, что теперь январь, что вы кутаетесь тамъ въ мѣха, а мы напрасно ищемъ въ водѣ отрады. Только Ѳаддеевъ ничѣмъ не поражается:— „Тепло, хорошо!“ говоритъ онъ. Зима, зима, а палубу то-и-дѣло поливаютъ водой, но дерево быстро сохнетъ и издаетъ сильный запахъ; смола, канатъ тоже, желѣзо, мѣдь—и тѣ подъ этими лучами пахнутъ. Видѣли мы пролетѣвшую надъ водой одну летучую рыбу, да одну шарку или акулу, у самаго фрегата. О животныхъ больше и помину не было. Зима все продолжалась, т. е. облака плотно застилали горизонтъ, по вечерамъ иногда бывало душно, но духота разрѣшалась проливнымъ дождемъ—и опять легко и отрадно было дышать.

Мои товарищи все доискивались, отчего погода такъ мало походила на тропическую, т. е. было облачно, какъ я сказалъ, туманно, и вообще мало было свойствъ и признаковъ тропическаго пояса, о которыхъ упоминаютъ путешественники. Приписывали это близости африканскаго берега, или какимъ-нибудь неизвѣстнымъ намъ особеннымъ свойствамъ Гвинейскаго залива. Любопытно бы было сравнить шканечные журналы нѣсколькихъ мореплавателей въ этихъ долготахъ, чтобъ рѣшить о томъ, одинаковыя ли обстоятельства сопровождаютъ плаваніе въ большей, или въ меньшей

долготѣ. Да, я забылъ сказать, что мы не послѣдовали примѣру большей части мореплавателей, которые, отправляясь изъ Европы на югъ Америки или Африки, стараются, Богъ знаетъ для чего, пересѣчь экваторъ какъ можно дальше отъ Африки. Одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, Бельчеръ, кажется, первый замѣтилъ, что нѣтъ причины держаться ближе Америки, особенно когда идутъ къ мысу Доброй Надежды, или въ Австралію, что это удлиняетъ только путь, тѣмъ болѣе, что зюйдъ-остовый пассатъ и безъ того относитъ суда далеко къ Америкѣ и заставляетъ дѣлать значительный уголъ. Слѣдуя этому основательному указанію, нашъ адмиралъ велѣлъ держать ближе къ Африкѣ, и потому мы почти не выходили изъ 14 и 15° западной долготы.

Мы не замѣтили, какъ сѣверный, гнавшій насъ до Мадеры, вѣтеръ слился съ пассатомъ, и когда мы убѣдились, что этотъ вѣтеръ не случайность, а настоящій пассатъ, и что мы уже его не потеряемъ, то адмиралъ рѣшилъ остановиться на островахъ Зеленаго Мыса, въ пятистахъ верстахъ отъ африканскаго материка, и именно на о. С. Яго, въ Порто-Прайя, чтобы пополнить свѣжіе припасы. Портъ очень удобенъ для якорной стоянки. Здѣсь застали мы два американскіе корвета, да одну шкуну, отправляющіеся въ Японію же, къ эскадрѣ коммодора Перри.

Ровно черезъ недѣлю послѣ прогулки на Мадерѣ, также въ воскресенье, завидѣли мы разбросанные на далекомъ разстояніи по горизонту большіе и небольшіе острова. Одни изъ нихъ, подальше, казались темносиними, другіе, поближе, бурыми массами. Самый близкій, Сантъ-Яго, лежалъ, какъ громадный комъ красной глины. Мы подвигались все ближе: масса обозначалась яснѣе, утесы отдѣлялись одинъ отъ другаго и весь рисунокъ острова очертился передъ нами, когда мы миляхъ въ полутора бросили якорь. Отъ Мадеры до о-въ

Зеленаго Мыса считается тысяча морскихъ миль по меридіану. Это 1750 нашихъ верстъ.

Направо утесы, налѣво утесы, между ними уходитъ въ горы долина, оканчивающаяся песчанымъ берегомъ, въ который хлещетъ бурунъ. У самаго берега, слѣва отъ насъ, видѣнъ пустой маленькій островокъ, направо масса накиданныхъ другъ на друга утесовъ. По одному изъ нихъ идетъ мощеная дорога къ верху, въ Порто-Прайя. Пониже дороги, ближе къ морю, въ ущельѣ скалъ, кроется какъ-будто трава—такъ кажется съ корабля. На берегу, въ одномъ углу подъ утесами, видно зданіе и шалаши. Остальной берегъ между скалами весь пустой, низменный, просто куча песку, и на немъ ростетъ тощій рядъ кокосовыхъ пальмъ. Какъ все это вмѣстѣ взятое печально, скудно, голо, опалено! Пальмы уныло повѣсили головы; никто нейдетъ искать подъ ними прохлады: онѣ даютъ столько же тѣни, сколько метла.

Все спитъ, все нѣмѣетъ. Нужды нѣтъ, что вы въ первый разъ здѣсь, но вы видите, что это не временный отдыхъ, награда дѣятельности, но покой мертвый, непробуждающійся, что картина эта никогда не мѣняется. На всемъ лежитъ печать сухости и безпощаднаго зноя. Пріѣзжайте черезъ годъ, вы, конечно, увидите тотъ же песокъ, тѣ же пальмы счетомъ, валяющихся въ пескѣ негровъ и негритянокъ, тѣ же шалаши, то же голубое небо съ бѣлымъ отблескомъ пламени, которое мертвитъ и жжетъ все, что̀ не прячется гдѣ-нибудь въ ущельѣ, въ тѣни утесовъ, когда нѣтъ дождя, а его не бываетъ здѣсь иногда по нѣскольку лѣтъ сряду. И это же солнце вызоветъ здѣсь жизнь изъ самаго камня, когда тропическій ливень хоть на нѣсколько часовъ напоитъ землю. Ужасно это вѣчное безмолвіе, вѣчное нѣмѣніе, вѣчный сонъ среди неизмѣримой водяной пустыни. Безконечныя воды разстилаются здѣсь, какъ безконечные пески той же Африки, черезъ которые торопливо крадется караванъ, боясь, чтобы

жажда не застигла его въ безводномъ пространствѣ. Здѣсь торопливо скользитъ по глади водъ судно, боясь штилей, а съ ними и жажды, и голода. Пароходъ заброситъ немногія письма, возьметъ другія и спѣшитъ пройти мимо обреченной на мертвый покой страны. А какія картины неба, моря! какія ночи! Пропадаютъ эти втунѣ истраченныя краски, это пролитое на голыя скалы безконечное тепло! Человѣкъ бѣжитъ изъ этого царства дремоты, которая сковываетъ энергію, умъ, чувство, и обращаетъ все живое въ подобіе камня. Я припоминалъ сказки объ окаменѣломъ царствѣ. Вотъ оно: придетъ богатырь, принесетъ трудъ, искусство, цивилизацію, разбудитъ и эту спящую отъ вѣка красавицу, природу, и дастъ ей жизнь. Время, кажется, недалеко. А теперь, глядя на эту безжизненность и безмолвіе, ощущаешь что-то похожее на ужасъ или на тоску. Ничто не шевелится тутъ; все молчитъ подъ блескомъ будто разгнѣванныхъ небесъ. Въ морѣ, о, въ морѣ совсѣмъ иначе говоритъ этотъ царственный покой сердцу! Горе жителямъ, когда нѣтъ дождя: они мрутъ съ голода. Земля производитъ здѣсь кофе, хлопчатую бумагу, всѣ южные плоды, рисъ, а въ засуху только морскую соль, которая и составляетъ одну изъ главныхъ статей здѣшней промышленности.

Къ намъ пріѣхалъ чиновникъ, негръ, въ форменномъ фракѣ, съ галунами. Онъ, по обыкновенію, освѣдомился о здоровьѣ людей, потомъ объ имени судна, о числѣ людей, о цѣли путешествія и все это тщательно, но съ большимъ трудомъ, съ гримасами, записалъ въ тетрадь. Я стоялъ подлѣ него и смотрѣлъ, какъ онъ выводилъ каракули. Не легко далась ему грамота.

Вскорѣ мы поѣхали на берегъ: насъ не встрѣтили ни ароматы, ни музыка, какъ на Мадерѣ. Только утесы росли по мѣрѣ того, какъ мы приближались; а трава, которая видна съ корабля въ ущельѣ, превратилась въ пальмовую рощу.

Но я съ наслажденіемъ путешественника смотрѣлъ и на этотъ берегъ, печальный образчикъ африканской породы. Для сѣвернаго глаза все было поразительно; обожженные утесы и безмолвіе пустыни, грозная безжизненность отъ избытка солнца и недостатка влаги, и эти пальмы, вросшія въ песокъ и безнаказанно поставляющія вѣчную зелень подъ 40° жара. Можетъ быть, отъ того особенно и поразительно, что и у насъ есть свои пустыни, и сухость воздуха, и грозная, безжизненность, наконецъ вѣчная зелень сосенъ, и даже 40 градусовъ.

Не берегу тѣснилась куча негровъ и негритянокъ и голыхъ ребятишекъ: они ждали, когда пристанетъ наша шлюпка. Здѣсь также нѣтъ пристани, какъ и на Мадерѣ, шлюпка не подходитъ къ берегу, а остается на песчаной мели, шаговъ за пятнадцать до сухаго мѣста. Наши матросы засучили панталоны и соскочили въ воду, чтобы перенести насъ, но тутъ же по поясъ въ водѣ стояли полунагіе негры, желая оказать намъ туже услугу. Спекуляція ихъ не должна пропадать даромъ: я протянулъ къ нимъ руки, они схватили меня, я крѣпко держался за голыя плечи и черезъ минуту стоялъ на песчаномъ берегу. Тамъ стоитъ небольшой пакгаузъ, таможенное зданіе, какъ сказали намъ. Оно заперто; кругомъ его шалаши на четырехъ столбахъ, съ крышей изъ пальмовыхъ листьевъ.—„Есть ли фрукты?“ спросили мы у негровъ, они бросились и скрылись за утесомъ. Но мы не стали ждать ихъ и пошли по мощеной дорогѣ на гору. Африканское солнце, хотя и зимнее, дало знать себя. На морѣ его не чувствуешь: жаръ умѣряется вѣтромъ, за то на берегу! Гора не высока и не крута, а мы едва вошли и на нѣсколько минутъ остановились отдохнуть, отирая платками лобъ и виски. На горѣ, надъ портомъ, господствуетъ устроенная на каменной платформѣ батарея. Мы пошли налѣво отъ нея въ городъ и скоро вышли на площадь. Часовые, порту-

гальцы и мулаты, въ мундирахъ, по босые, учтиво кланялись. Мулаты не совсѣмъ нравятся мнѣ. Ужъ если быть чернымъ, такъ чернымъ какъ уголь, чтобъ кожа лоснилась, какъ хорошо вычищенный сапогъ. Въ этомъ еще есть, если не красота, такъ оригинальность. А эти блѣдночерныя, матовыя тѣла непріятны на видъ.

На площади были два-три довольно большіе каменные дома, казенные, и, между прочимъ, гауптвахта; далѣе шла улица. Въ ней частные домы, небольшіе, бѣдные, но каменные, всѣ съ жалюзи, были наглухо закрыты. Улица напоминаетъ любой нашъ уѣздный городъ въ лѣтній день, когда полуденное солнце жжетъ безпощадно, такъ что ни одной живой души не видно нигдѣ; только ребятишки безнаказанно, съ непокрытыми головами, бѣгаютъ по улицѣ и звонкимъ крикомъ нарушаютъ безмолвіе. Все прочее спитъ, или просто лѣнится. Изрѣдка, нехотя, выглянетъ изъ окна какое нибудь равнодушное лицо и опять спрячется. И на насъ выглянули два-три офицера изъ казармъ; но этимъ только сходство и ограничивается, а дальше ужъ ничего нѣтъ похожаго. На площади стоитъ невысокій столбъ съ португальской короной наверху—знакъ владычества Португаліи надъ группой острововъ. По всей площади и по улицѣ привязано было къ колодамъ нѣсколько лошадей и премножество ословъ, большею частью осѣдланныхъ деревянными сѣдлами.

Идучи по улицѣ, я замѣтилъ издали, что одинъ изъ нашихъ спутниковъ вошелъ въ какой-то домъ. Мы шли втроемъ.—„Куда это онъ пошелъ? пойдемте и мы!“ предложилъ я. Мы пошли къ дому и вошли на маленькій дворикъ, мощеный бѣлыми, каменными плитами. Въ углу, подъ навѣсомъ, привязанъ былъ оселъ и тутъ же лежала свинья, но такая жирная, что не могла встать на ноги. Дальше бродили какія-то пестрыя, красивыя куры, еще прыгалъ маленькій, съ крупнаго воробья величиной, зеленый попугай, ка-

кихъ привозятъ иногда на петербургскую биржу. Попугай вертѣлся подъ ногами, и кто-то изъ насъ, можетъ быть я, наступилъ на него: онъ затрепеталъ крыльями и, хромая, спотыкаясь, поспѣшно скрылся отъ сѣверныхъ варваровъ въ уголъ. Мы поднялись по деревянной лѣстницѣ во второй этажъ, въ галлерею, и потомъ вошли въ комнату. Насъ встрѣтила пожилая дама; мы ей поклонились, она намъ. Она, молча, указала на стулья. Мы сѣли и начали было съ ней разговоръ по англійски, а она съ нами по-португальски: мы по-французски, а она опять по-своему. Мы ужъ хотѣли раскланяться, но она что-то сказала намъ и поспѣшно вышла изъ комнаты. Черезъ минуту она вывела молодую, прехорошенькую дѣвушку. Та стыдливо шла за нею и робко отвѣчала на нашъ поклонъ. Мы поглядывали другъ на друга въ недоумѣніи...—Что же это такое? Хозяйка кое-какъ дала намъ понять, что эта дѣвушка говоритъ или понимаетъ по-французски. Мы засыпали ее вопросами, но она, или не говорила, или не понимала, или, наконецъ, въ Порто-Прайя, подъ именемъ французскаго, разумѣютъ совсѣмъ другой языкъ. Однакожъ кое-какъ мы поняли изъ нѣсколькихъ, по временамъ вырывавшихся у нея французскихъ словъ, что она привезена сюда изъ Лиссабона и еще не замужемъ, живетъ здѣсь съ родственниками. Да Богъ знаетъ, то ли еще она сказала: это мы такъ растолковали ея отвѣты. Мы поклонились и ушли.—„У кого это мы были, господа?“ спросилъ меня одинъ изъ товарищей.—„А ей-богу не знаю“.—„Да зачѣмъ мы заходили сюда?“ приставалъ онъ ко мнѣ.—„И этого не знаю. Сюда вошелъ Т. и мы за нимъ. Да кстати, гдѣ же онъ?“—„Да онъ не въ этотъ домъ вошелъ, а вонъ въ тотъ... вонъ онъ выходитъ“. Въ самомъ дѣлѣ Т. вышелъ изъ другаго дома, рядомъ. — „Плоха провизія и мало!“ со вздохомъ сказалъ онъ:—быки, коровы не крупнѣе здѣшнихъословъ. Какъ-то мы доберемся до мыса Доброй

Надежды?“ Итакъ мы это, въ качествѣ путешественниковъ, посѣтили незнакомый домъ!

Тутъ негръ предложилъ намъ, не хотимъ ли мы поѣхать на ослѣ, или лошади. Третій нашъ спутникъ поѣхалъ; а мы вдвоемъ съ О. пошли пѣшкомъ и скоро изъ города вышли въ деревню, составляющую продолженіе его. Все это предмѣстье состоитъ изъ глиняныхъ мазанокъ, безъ оконъ. Я заглядывалъ туда: бѣдная домашняя утварь, деревянныя скамьи—вотъ и все украшеніе. Негровъ молодыхъ не видать: вѣроятно всѣ на работѣ въ поляхъ. Тутъ только старики и старухи, и какія безобразныя! Одна особенно поразила насъ безобразіемъ; она переходила улицу и не могла разогнуться отъ старости. На видъ ей было лѣтъ девяносто. Лысая, съ небольшими остатками сѣдыхъ клочковъ. За-то видѣли и нѣсколько красавицъ въ своемъ родѣ. Чтó за губы, чтó за глаза! Тѣло лоснится, какъ атласъ. Глаза не безъ выраженія ума и доброты, но болѣе, кажется, страсти, такъ что и обыкновенный взглядъ ихъ нескроменъ. Вѣко распахнется медленно и широко, глазъ выкатится оттуда весь и выразитъ разомъ все, чтò гнѣздится въ чувственномъ тѣлѣ. Одѣты онѣ довольно живописно: въ юбкѣ, но безъ рубашки, а сверху черезъ одно плечо накинуто что-то въ родѣ бумажной шали до колѣнъ; другое плечо и часть груди обнажены. Голова повязана платкомъ, и очень хорошо: глазамъ европейца непріятно видѣть короткіе волосы на женской головѣ, да еще курчавые. Нѣкоторые изъ этихъ дамъ долго шли за нами и на исковерканномъ англійскомъ языкѣ (и здѣсь англичане—замѣтьте!) просили денегъ, Богъ знаетъ по какому случаю. Одѣты онѣ были не нищенски. Развѣ не предлагали ли онѣ какихъ нибудь услугъ?.. Но мы только и могли понять изъ ихъ безсвязныхъ рѣчей одно слово: money. Голыя ребятишки бѣгали; старики и старухи, одни бродили лѣниво около домовъ, другіе лежали въ своихъ хижинахъ. Я видѣлъ и англичанъ,

но тѣ не лежали, а куда-то уѣзжали верхомъ на лошадяхъ: кажется на свои кофейныя плантаціи... Это все богатыри, старающіеся разбудить спящую красавицу.

Мы вдвоемъ прошли всю деревню и вышли въ поле. Деревня и городъ построены на самомъ краю утеса. По крутизнѣ разбросаны были кое-гдѣ хижины, или выходили туда садами. Мы по дорогѣ сошли въ долину; она была цвѣтущимъ оазисомъ посреди этихъ желтыхъ и сѣрыхъ глыбъ песку. Чего въ ней не растетъ? И все было ново намъ: мы знакомились съ декораціею не нашихъ деревьевъ, не нашей травы, кустовъ, и жадно хотѣли запомнить все: группировку ихъ, отдѣльный рисунокъ дерева, фигуру листьевъ, наконецъ плоды; какъ будто смотрѣли на это въ послѣдній разъ, хотя намъ только это и предстояло видѣть на долгое время. Изъ плодовъ видѣли фиги, кокосы, много апельсинныхъ деревьевъ, но безъ апельсиновъ, цвѣтовъ вовсе почти не видать; мало и насѣкомыхъ, все по случаю зимы. Я видѣлъ только одну пролетѣвшую птицу, величиной съ галку, съ длиннымъ голубымъ хвостомъ. Мы прошли эту рощу, или садъ—садъ потому, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ фруктовыя деревья были огорожены; кое-гдѣ видѣлъ я шалаши и въ нихъ старые негры стерегли садъ, какъ и у насъ это бываетъ. За рощей, дальше, простирались поля, частью воздѣланныя, частью пустыя; кое-гдѣ виденъ лѣсъ. Но мы ограничили свою прогулку долиною: дальше идти было жарко.

Мы воротились къ берегу садомъ, не поднимаясь опять на гору, останавливались передъ разными деревьями. На берегу застали живую сцену. Многіе негры натаскали корзинъ съ апельсинами, другіе успѣли устроить кресла на носилкахъ, чтобы переносить насъ на шлюпку. Всѣ эти спекулянты сидѣли и лежали группами на пескѣ, ожидая насъ. Я подошелъ къ одной группѣ и засталъ негровъ за картами. И какъ вы думаете, во что они играли? Въ свои козыри!

Еслибъ не эти черныя, лоснящіяся лица, не курчавые, точно напудренные березовымъ углемъ волосы, я бы подумалъ, что я вдругъ зашелъ въ какую-нибудь провинціальную лакейскую. Я приглядѣлся къ игрѣ—нѣтъ сомнѣнія: свои козыри. Вонъ одинъ изъ играющихъ, не имѣя чѣмъ покрыть короля, потащилъ всю кучу засаленныхъ картъ къ себѣ, а другіе оскалили бѣлые зубы. Я посмотрѣлъ на прочія группы и поскорѣй отвернулся. Двѣ негритянки должно быть сестры: одна положила голову на колѣни другой, а та... Да вы видали эти сцены, проѣзжая въ лѣтній день дорогой наши села... Нѣкоторые изъ негровъ бранились между собой—и это вы знаете: попробуйте остановиться въ Москвѣ или Петербургѣ, гдѣ продаютъ сайки и калачи, и поторгуйте у одного: какъ все это закричитъ и завоюетъ! Тоже и здѣсь, да и вездѣ, какъ кажется. Ссоры эти были напрасны: сколько они ни принесли апельсиновъ, мы все купили. Меня эти апельсины прежде всего поразили своей величиной: къ намъ такихъ не привозятъ. А съѣвши одинъ апельсинъ, я долженъ былъ сознаться, что хорошихъ апельсиновъ до этой минуты никогда не ѣлъ. Можетъ быть, это одинъ попался удачный, думалъ я, и взялъ другой: и другой такой же, и—третій: всѣ какъ одинъ.

Пока я производилъ эти сравнительные опыты любознательности, съ разныхъ сторонъ сходились наши спутники и принялись за то же самое. Отъ одной прогулки всѣ измучились, изнурились; никто не былъ похожъ на себя: въ поту, въ пыли, съ раскраснѣвшимися и загорѣлыми лицами; но всѣ, какъ нельзя болѣе довольные: всякій видѣлъ что нибудь замѣчательное. Я рѣшился купить у старой негритянки (я всегда, гдѣ можно, отдаю предпочтеніе дамамъ) всю корзину апельсиновъ. Она изъ другой корзинки выбрала еще нѣсколько самыхъ лучшихъ апельсиновъ и хотѣла мнѣ подарить.—„Present, present“, твердила она. Но я не хотѣлъ

уступить ей въ галантерейномъ обращеніи и сталъ вынимать изъ кармана деньги, чтобъ заплатить и за эти. Она ужасно разсердилась и взяла было назадъ и первую корзину. Она болтала немного по-англійски и называла меня: синьоръ французъ. О русскихъ она не слыхала. Тутъ же, у самаго берега, купались наши матросы, иногда выходили на берегъ и погрѣвшись на солнцѣ, шли опять въ воду, но черныя дамы не обращали на это ни малѣйшаго вниманія: видно имъ не въ первый разъ.

Я съ пришедшими товарищами, при закатѣ солнца, вернулся на фрегатъ, пристально вглядываясь въ эти утесы, чтобъ оставить рисунокъ въ памяти. Берегъ постепенно удалялся, утесы уменьшались въ размѣрахъ; роща въ ущельѣ по прежнему стала казаться пучкомъ травы; кучки негровъ на берегу толпились, точно мухи, собравшіяся около капли меду; двое нашихъ, отправившихся на маленькій пустой островъ, лежащій въ заливѣ, искать насѣкомыхъ, раковинъ или растеній, ползали, какъ два муравья. Долина скрылась изъ глазъ и опять вся картина острова стала казаться такою увядшею, сухою и печальною, точно старуха, но подрумяненная на этотъ разъ пурпуровымъ огнемъ солнечнаго заката.

Шлюпка наша уже приставала къ кораблю, когда вдругъ С. закричалъ съ палубы гребцамъ:—„живо, скорѣй, ступайте туда, вонъ огромная черепаха плаваетъ поверхъ воды, должно быть спитъ—схватите!“ Мы поворотили, куда указалъ С., но черепаха проснулась и погрузилась въ глубину, и мы воротились ни съ чѣмъ. Еслибъ остановка была продолжительнѣе, можно было бы осмотрѣть здѣшніе соляные бассейны. Добываніе соли—главный промыселъ острововъ. Бассейны, во время приливовъ, наполняются морской водой, которая, испаряясь отъ жара, оставляетъ обильный осадокъ соли. Жители добываютъ еще какую-то растительную

краску, разводятъ немного кофе, сахарнаго тростника, хлопчатой бумаги, но все-таки очень бѣдны.

На другой день мы ушли дальше. Давно ужъ дѣдъ грозилъ намъ штилевой полосой, которая опоясываетъ землю въ нѣсколькихъ градусахъ отъ экватора. Штили, а не бури— ужасъ для парусныхъ судовъ. А я передъ тѣмъ только что заглянулъ въ Араго и ужаснулся, еще не видя ничего. Въ самомъ дѣлѣ, каково простоять мѣсяцъ на одномъ мѣстѣ, подъ отвѣсными лучами солнца, въ тысячахъ миль отъ берега, томиться отъ голода, отъ жажды? Припомнишь всѣ сцены ужаса, какими сопровождались подобныя событія....

29-го января въ 3° сѣверной широты мы потеряли пассатъ и вошли въ роковую полосу. Вмѣсто десяти узловъ, т. е. семнадцати верстъ, пошли по два, по полтора узла. Вѣтеръ иногда падалъ совсѣмъ и обезвѣтренные паруса тоже падали, хлопая о мачты. Мы вопросительно озирались вокругъ, а небо, море сіяютъ нестерпимымъ блескомъ, точно смѣются, какъ иногда смѣется сильная злоба надъ немощью. Встанемъ утромъ:—„Что, идемъ?“ Нѣтъ, полземъ по полуторы, по двѣ версты въ часъ. Море колыхается цѣлой массой, какъ густой расплавленный металлъ: ни малѣйшей чешуи, даже никакого всплеска. Мы думали, что бездѣйствіе вѣтра протянется долгіе дни, но опасенія наши оправдались не здѣсь, а гораздо южнѣе, по ту сторону экватора, гдѣ бы всего менѣе должно было ожидать штилей. 31-го января паруса зашевелились поживѣе, повѣялъ вѣтеръ, спачала неопредѣленный, измѣнчивый, а въ 1° сѣв. широты задулъ и ожидаемый SO, пассатъ. Мы были у самаго экватора.

2-го января, ложась вечеромъ спать, я готовился на утро присутствовать при перехожденіи черезъ экваторъ. Но 3-го числа, въ 8 часовъ утра ,дѣдъ донесъ начальству, что мы уже въ южномъ полушаріи; въ пять часовъ фрегатъ пересѣкъ экваторъ въ 18° западной долготы. Мы всѣ, однакожъ,

высыпали наверхъ и вопросительно смотрѣли во всѣ стороны, какъ будто хотѣли видѣть тотъ деревянный ободочекъ, который, подъ именемъ экватора, опоясываетъ глобусъ.

Всѣ были погружены въ раздумье. П. А. Т., облокотясь на гикъ, смотрѣлъ въ даль. Всѣ заняты экваторомъ.—„Ну, что, П. А.: вотъ и мы за экваторъ шагнули,“ сказалъ я ему: —„скоро на мысѣ Доброй Надежды будемъ!“—„Да, отвѣчалъ онъ, глубоко вздохнувъ и равнодушно поглядывая на бирюзовую гладь водъ:—„оно конечно очень пріятно... А есть ли тамъ дрожжи?“ Ну, можно ли усерднѣе заботиться объ исполненіи своей обязанности, какъ бы она священна ни была, какъ, напримѣръ, обязанность о продовольствіи товарищей? Добрый П. А.! Вдругъ глаза его заблистали необыкновеннымъ блескомъ: я думалъ, что онъ увидѣлъ экваторъ. Онъ протянулъ и руку.—„Опять кто-то бананы поѣлъ!“ воскликнулъ онъ въ негодованіи:—„вѣрно З.. онъ сегодня ночью на вахтѣ стоялъ“. На ночь фрукты развѣшивали для свѣжести на палубѣ и къ утру всегда ихъ нѣсколько убывало. Т. производилъ строгое слѣдствіе, но кромѣ лукавыхъ улыбокъ, никогда ничего добиться не могъ.

Пересѣки и тропикъ, и экваторъ,
И отпируй сей праздникъ моряковъ!..

предписывали вы мнѣ, ваше превосходительство, Владиміръ Григорьевичъ: я мысленно пригласилъ васъ на этотъ праздникъ, но онъ не состоялся. О немъ и помысла не было. Матросы наши миѳологіи не знаютъ, и потому не только не догадались вызвать Нептуна, даже не поздравили насъ со вступленіемъ въ его завѣтныя владѣнія и не собрали денежную, или винную дань, а мы имъ не напомнили, и день прошелъ скромно. Только ночью капитанъ пригласилъ насъ къ себѣ ужинать. Почетнымъ гостемъ былъ дѣдъ; не впервые совершалъ онъ этотъ путь, и потому бокалъ теплаго шампанскаго былъ выпитъ за его здоровье.—„Сколько разъ вы пересѣкли

экваторъ?“ спросили мы его.—„Одиннадцать разъ“, отвѣчалъ онъ.—„Хвастаете, дѣдъ: вѣдь вы три раза ходили вокругъ свѣта: итого шесть разъ!“—„Такъ; но однажды на самомъ экваторѣ корабль захватили штили и насъ раза три-четыре перетаскивало, то по ту, то по эту сторону экватора“.

На шкунѣ „Востокъ“, купленной въ Англіи и ушедшей вмѣстѣ съ ними, справляли, какъ мы узнали послѣ, Нептуново торжество. Я радъ, что у насъ этого не было. Вѣдь какъ хотите, а праздникъ этотъ—натяжка страшная. Дурачество весело, когда человѣкъ наивно дурачится, увлекаясь и увлекая другихъ; а когда онъ шутитъ надъ собой и надъ другими по обычаю, съ умысломъ, тогда становится за него совѣстно и неловко. Если жь смотрѣть на это какъ на поводъ къ развлеченію, на случай повеселиться, то въ этомъ и безъ того недостатка не было. Не только въ праздники, но и въ будни, послѣ ученья и всѣхъ работъ, свистятъ пѣсенниковъ и музыкантовъ наверхъ. И вотъ, морская даль, подъ этими синими и ясными небесами, оглашается звуками русской пѣсни, исполненной неистоваго веселья, Богъ знаетъ отъ какихъ радостей, и сопровождаемой неступленной пляской, или послышатся столь извѣстные вамъ, хватающіе за сердце стоны и вопли, отъ какихъ-то старинныхъ, историческихъ, давно забытыхъ страданій. И все это вмѣстѣ, безъ промежутка: и дикій разгулъ, топотъ трепака, и историческія рыданія заглушаютъ плескъ моря и скрипъ снастей. Такое развлеченіе имѣло гораздо болѣе смысла для матросовъ, нежели торжество Нептуна: по крайней мѣрѣ въ немъ не было аффектаціи, особенно когда прибавлялась къ этому лишняя, противъ положенной отъ казны, чарка. Въ этомъ недостатка на корабляхъ не бываетъ: за всякую послугу, угожденіе матроса, офицеръ платитъ чаркой водки. Съѣздетъ ли онъ по своей надобности на берегъ, по возвращеніи

даетъ гребцамъ по чаркѣ водки и т. п. Такимъ образомъ этихъ чарокъ набирается много и онѣ выпиваются при удобномъ случаѣ.

Плаванiе въ южномъ полушарiи замедлялось противнымъ зюйдъ-остовымъ пассатомъ; по меридiану уже идти было нельзя: дiагональ отводила насъ въ сторону, все къ Америкѣ. 6, 7 узловъ былъ самый большой ходъ.—„Ну, вотъ вамъ и лѣто!“ говорилъ дѣдъ, красный, весь въ поту, одѣтый въ прюнеллевыя ботинки, но, по обыкновенiю, застегнутый на всѣ пуговицы.—„Вотъ и акулы, вотъ и Южный Крестъ, вонъ и „Магеллановы облака“ и „Угольные Мѣшки!“ Тутъ ужъ особенно замѣтно цѣлыми стаями начали рѣять надъ поверхностью воды летучiя рыбы.

Я забылъ посмотрѣть на магнитную стрѣлку, когда мы проходили магнитный экваторъ, отстоящiй на три градуса отъ настоящаго. Находясь въ равномъ разстоянiи отъ обоихъ полюсовъ, стрѣлка ложится будто бы тамъ параллельно экватору, а потомъ, по мѣрѣ приближенiя къ южному полюсу, принимаетъ свое обыкновенное положенiе, и только на полюсѣ становится совершенно вертикально. Такъ ли это В. Г.? Вы любите вопрошать у самой природы о ея тайнахъ: вы смотрите на нее глазами и поэта, и ученаго... Въ 11° солнце осталось уже надъ нашей головой и не пошло къ югу. Одинъ изъ рулевыхъ матросъ съ недоумѣнiемъ донесъ объ этомъ штурману.

14-го февраля начались тѣ штили, которыхъ напрасно боялись у экватора. Опять пошли по узлу, по полтора, иногда совсѣмъ не шли. Сначала мы не тревожились, ожидая, что не сегодня такъ завтра задуетъ поживѣе; но проходили дни, ночи, паруса висѣли, фрегатъ только качался почти на одномъ мѣстѣ, иногда довольно сильно, отъ крупной зыби, предвѣщавшей повидимому вѣтеръ. Но это только слабое и отдаленное дуновенiе, гдѣ-то, въ счастливомъ мѣстѣ, про-

несшагося вѣтра. Появлявшіяся на горизонтѣ тучки, казалось, несли дождь и перемѣну: дождь точно лилъ потоками, непрерывный, а вѣтра не было. Черезъ часъ солнце блистало по прежнему, освѣщая до самаго горизонта густую и неподвижную площадь океана.

Покойно, правда, было плавать въ этомъ безмятежномъ царствѣ тепла и безмолвія: оставленная на столѣ книга, чернильница, стаканъ, не трогались; вы ложились безъ опасенія умереть подъ тяжестью коммода или полки книгъ; но сорокъ слишкомъ дней въ морѣ! Берегъ сдѣлался господствующею нашею мыслью и мы не мало обрадовались, вышедши, 16-го февраля утромъ, изъ южнаго тропика. Разсчитывали на дующіе около того времени вѐстовые вѣтры, но и это ожиданіе не оправдалось. Въ воздухѣ мертвая тишина, нарушаемая только хлопаньемъ грота. Ночью съ 21 на 22 февраля, я отъ жара ушелъ спать въ каютъ-компанію и легъ на диванѣ, подъ открытымъ люкомъ. Меня разбудилъ неистовый топотъ, въ родѣ трепака, свистъ и крики. На лицо упало нѣсколько брызгъ. — „Шквалъ!“ говорятъ: — „ну, теперь задуетъ!“ Ничего не бывало, шквалъ прошелъ и фрегатъ опять задремалъ въ штилѣ.

Такъ дождались мы масляницы и провели ее довольно вяло, хотя П. А. дѣлалъ все, чтобъ чѣмъ-нибудь напомнить этотъ веселый моментъ русской жизни. Онъ напекъ блиновъ, а икру замѣнилъ сардинами. Сливки, взятыя въ Англіи въ числѣ прочихъ презервовъ, давно обратились въ какую-то густую массу, и онъ убѣдительно просилъ принимать ее за сметану. Пѣсни, напоминавшія татарское иго, и буйные вопли quasi-веселья оглашали болѣе, нежели когда-нибудь, океанъ. Унылые напѣвы казались болѣе естественными, какъ выраженіе нашей общей скуки, порождаемой штилями. Нельзя же, однако, чтобъ масляница не вызвала у русскаго человѣка хоть одной улыбки, будь это среди знойныхъ зыбей

Атлантическаго Океана. Такъ и тутъ, задумчиво расхаживая по юту, я вдругъ увидѣлъ какое-то необыкновенное движеніе между матросами: это не рѣдкость на суднѣ; и я думалъ сначала, что они тянутъ какой-нибудь брасъ. Но что это? совсѣмъ не то: они возятъ другъ друга на плечахъ около мачтъ. Празднуя масляницу, они не могли не вспомнить катанья по льду и замѣнили его ѣздой другъ на другѣ удачнѣе, нежели П. А. икру замѣнилъ сардинами. Глядя, какъ забавляются, катаясь другъ на другѣ, и молодые, и усачи съ просѣдью, расхохочешься этому естественному, національному дурачеству: это лучше льняной бороды Нептуна и осыпанныхъ мукой лицъ.

Въ этой, повидимому, сонной и будничной жизни выдалось однакожъ одно необыкновенное, торжественное, утро. 1-го марта, въ воскресенье послѣ обѣдни и обычнаго смотра командѣ, послѣ вопросовъ: всѣмъ ли она довольна, нѣтъ ли у кого претензіи, всѣ, офицеры и матросы, собрались на палубѣ. Всѣ обнажили головы: адмиралъ вышелъ съ книгой и вслухъ прочелъ морской уставъ Петра Великаго.

Потомъ опять все вошло въ обычную колею и дни текли однообразно. Въ этомъ спокойствіи, уединеніи отъ цѣлаго міра, въ теплѣ и сіяніи, фрегатъ принимаетъ видъ какой-то отдаленной степной русской деревни. Встанешь утромъ, никуда не спѣша, съ полнымъ равновѣсіемъ въ силахъ души, съ отличнымъ здоровьемъ, съ свѣжей головой и апетитомъ, выльешь на себя нѣсколько ведеръ воды прямо изъ океана и гуляешь, пьешь чай, потомъ сядешь за работу. Солнце ужъ высоко; жара палитъ: въ деревнѣ вы не пойдете въ этотъ часъ, ни рожь посмотрѣть, ни на гумно. Вы сидите подъ защитой маркизы на балконѣ, и все прячется подъ кровъ, даже птицы, только стрекозы отважно рѣютъ надъ колосьями. И мы прячемся подъ растянутымъ тентомъ, отворивъ настежъ окна и двери каютъ. Вѣтерокъ чуть-чуть вѣетъ, ласко-

во освѣжая лицо и открытую грудь. Матросы ужъ отобѣдали (они обѣдаютъ рано; до полудня, какъ и въ деревнѣ, послѣ утреннихъ работъ) и группами сидятъ или лежатъ между пушекъ. Иные шьютъ бѣлье, платье, сапоги, тихо мурлыча пѣсенку; съ бака слышатся удары молотка по наковальнѣ. Пѣтухи поютъ, и далеко разносится ихъ голосъ среди ясной тишины и безмятежности. Слышатся еще какіе-то фантастическіе звуки, какъ-будто отдаленный, едва уловимый ухомъ звонъ колоколовъ... Чуткое воображеніе, полное грёзъ и ожиданій, создаетъ среди безмолвія эти звуки, а на фонѣ этой синевы небесъ какіе-то отдаленные образы...

Выйдешь на палубу, взглянешь и ослѣпнешь на минуту отъ нестерпимаго блеска неба, моря; отъ мѣди на кораблѣ, отъ желѣза отскакиваютъ снопы лучей; палуба, и та нестерпимо блещетъ и уязвляетъ глазъ своей бѣлизной. Скоро обѣдать; а что̀ будетъ за обѣдомъ? Кстати Т. на вахтѣ: спросить его.—„Что̀ сегодня, П. А.? Онъ только было разинулъ ротъ отвѣчать, какъ вышелъ капитанъ и велѣлъ поставить лиселя. Ему показалось, что подуло немного посвѣжѣе. —„На лисель-фалы!“ командуетъ П. А. дѣтскимъ басомъ и смотритъ не на лисель-фалы, а на капитана. Тотъ тихонько улыбается и шагаетъ со мной по палубѣ. Вотъ капитанъ замѣтилъ что-то на бакѣ и пошелъ туда.—„Чтожъ за обѣдомъ!“ спросилъ я П. А., пользуясь отсутствіемъ капитана. —„Супъ съ катышками,“ говоритъ П. А.—„Вы любите этотъ супъ?“—„Да, ничего, если зелени побольше положить“, отвѣчаю я.—„Радъ бы душой,“ продолжаетъ онъ съ свойственнымъ ему чувствомъ и краснорѣчіемъ:—„повѣрьте, я бы всѣмъ готовъ пожертвовать, сна не пожалѣю, лишь бы только зелени въ супѣ было побольше, да не могу, видитъ Богъ, не могу... Ну, такъ и быть, для васъ... Эй, вахтенный! поди скажи Карпову, чтобъ спросилъ у Янцева еще зелени и положилъ въ супъ. Видите, это для васъ,“ ска-

залъ онъ:—„пусть бранятъ меня, если не достанетъ зелени до мыса Доброй Надежды!“ Я съ чувствомъ пожалъ ему руку.—„А еще что?“ нѣжно спросилъ я, тронутый его добротой.—„Еще... курица съ рисомъ...“—„Опять!“ горестно воскликнулъ я.—„Что дѣлать, что мнѣ дѣлать—войдите въ мое положеніе: у меня пятокъ барановъ остался, три свиньи, пятнадцать утокъ и всего тридцать куръ: изо ста тридцати—подумайте! вѣдь мы съ голоду умремъ!“ Видя мою задумчивость, онъ не устоялъ.—„Завтра, такъ и быть, велю зарѣзать свинью...“—„На вахтѣ не разговариваютъ: опять лисель-спиртъ хотите сломать!“ вдругъ раздался сзади насъ строгій голосъ воротившагося капитана.—„Это не я-съ, это И. А.!“ тотчасъ же пожаловался на меня П. А., приложивъ руку къ козырьку.—„Поправь лисель-фалъ!“ закричалъ онъ грозно матросамъ. Капитанъ опять отвернулся. П. А. отошелъ отъ меня.—„Вы не досказали!“ замѣтилъ я ему. Онъ боязливо поглядѣлъ во всѣ стороны. — „Жаркое — утка,“ грозно шипѣлъ онъ черезъ ютъ, стараясь не глядѣть на меня:—„пирожное...“ Бѣлая фуражка капитана мелькнула близъ юта и исчезла.—„Пирожное—оладьи съ инбирнымъ вареньемъ... Отстаньте отъ меня: вы все въ бѣду меня вводите!“ съ злобой прошепталъ онъ, отходя отъ меня, какъ можно дальше, такъ-что чуть не шагнулъ за бортъ.—„Десерта не будетъ“, заключилъ онъ почти про себя:—„З. и Б. по ночамъ все поѣли, такъ-что въ воскресенье дамъ по апельсину, да по два банана на человѣка.“ Иногда и не спросишь его, но онъ самъ не утерпитъ.—„Сегодня я велѣлъ ветчину достать“ скажетъ онъ:—„и вынуть горошекъ изъ презервовъ“ и т. д. доскажетъ снисходительно весь обѣдъ.

Послѣ обѣда, часу въ третьемъ, вызывались музыканты на ютъ и мотивы Верди и Беллини разносились по океану. Но послѣ обѣда лѣниво слушали музыку и музыканты вызывались больше для упражненія, чтобъ протверживать свой

репертуаръ. Въ этомъ климатѣ сьеста необходима; на сѣверѣ въ самый жаркій день вы легко просидите въ тѣни, не устанете и не изнеможете, даже займетесь дѣломъ. Здѣсь, одѣтые въ легкое льняное пальто, безъ галстуха и жилета, сидя подъ тентомъ, безъ движенія, вы потеряете отъ томительнаго жара силу, и какъ ни бодритесь, а тѣло клонится къ дивану, и вы во снѣ должны почерпнуть освѣженіе организму.

Природа между тѣмъ доживала знойный день: солнце клонилось къ горизонту. Смотришь далеко и все ничего не видно вдали. Мы прилежно смотрѣли на просторную гладь океана и молчали, потому-что нечего было сообщить другъ другу. Выскочитъ развѣ стая летучихъ рыбъ и, какъ воробьи, пролетитъ надъ водой: мгновенно всѣ руки протянутся, глаза загорятся.—„Смотрите, смотрите!“ закричатъ всѣ, но всѣ и безъ того смотрятъ, какъ стадо бонитовъ гонится за несчастными летуньями, играя фіолетовой спиной на поверхности. Исчезнетъ это явленіе и все исчезнетъ и опять хоть шаромъ покати. Сонъ и спокойствіе объемлютъ море и небо, какъ идеалъ отрадной, прекрасной, немучительной смерти, какою хотѣлось бы успокоиться измученному страстями и невзгодами человѣку. Оттого, кажется, душа повергается въ такую торжественную и безотчетно-сладкую думу, такъ поражается она картиной прекраснаго, величественнаго покоя. Картина оковываетъ мысль и чувство: все молчитъ и не колыхнется и въ душѣ, какъ вокругъ.—„Что-то плыветъ!“ вдругъ однажды сказалъ одинъ изъ насъ, указывая въ даль, и всѣ стали смотрѣть по указанному направленію. Нѣкоторые сбѣгали за зрительными трубами.—„Да“, подтвердилъ другой:—„я вижу черную точку“. Молчаніе. Точка увеличивалась. — „Ящикъ какой-то“, говорятъ потомъ. — „Ящикъ... Боже мой! что въ немъ?“ Дыханіе замираетъ отъ ожиданія. Воображеніе рисуетъ, Богъ знаетъ, что́. Ящикъ

все ближе и ближе.—„Курятникъ!“ воскликнулъ одинъ. Молчаніе.—„Да, точно курятникъ“, подтвердилъ другой, вглядѣвшись окончательно:—„вѣрно на какомъ-нибудь суднѣ вышли куры, вотъ и бросили курятникъ за бортъ“.—„Позвольте“, замѣтилъ одинъ скептикъ:—„не отъ лимоновъ ли этотъ ящикъ?“—Нѣтъ, возразилъ другой наблюдатель:—„видите онъ съ рѣшеткой“. И долго провожали мы глазами проплывшій мимо насъ курятникъ, догадываясь и разсуждая, брошенный ли это по необходимости ящикъ или обломокъ сокрушившагося корабля.

Часу въ пятомъ купали команду. На воду спускали парусъ, который наполнялся водой, а матросы прыгали съ борта, какъ въ яму. Но за ними надо было зорко смотрѣть: они всѣ старались выпрыгнуть за предѣлы паруса и поплавать на свободѣ, въ океанѣ. Нечего было опасаться, что они утонутъ, потому что всѣ плаваютъ мастерски, но боялись акулъ. И такъ однажды съ марса закричалъ матросъ: „большая рыба идетъ!“ Къ купальщикамъ тихо подкрадывалась акула; ихъ всѣхъ выгнали изъ воды, а акулѣ сначала бросили бараньи внутренности, которыя она мгновенно проглотила, а потомъ кольнули ее острогой и она ушла подъ киль, оставивъ слѣдомъ по себѣ кровавое пятно. Около нея, какъ змѣи, виляли въ водѣ всегда сопровождающія ее двѣ, или три рыбы, прозванныя лоцманами. П. А. во время купанья, тоже являлся усерднымъ дѣйствующимъ лицомъ. Какъ ротный командиръ, онъ носился по всѣмъ палубамъ и побуждалъ лѣнивыхъ матросовъ лѣзть въ воду.—„Пошелъ, пошелъ“, кричалъ онъ:—„что ты не раздѣваешься? А гдѣ Витулъ, гдѣ Ѳаддеевъ? Маршъ въ воду! позвать всѣхъ коковъ (поваровъ) сюда и перекупать ихъ!“

Въ шестомъ часу, по окончаніи трудовъ и сьесты, общество плавателей выходило наверхъ освѣжиться, и тутъ-то широко распахивалась душа для страстныхъ и нѣжныхъ

впечатлѣній, какими дарили насъ невиданныя на сѣверѣ чудеса. Да, чудеса эти не покорились никакимъ выкладкамъ, цифрамъ, грубымъ прикосновеніямъ науки и опыта. Нельзя записать тропическаго неба и чудесъ его, нельзя измѣрить этого необъятнаго ощущенія, которому отдаешься съ трепетной покорностью, какъ чувству любви. Гдѣ вы, гдѣ вы, В. Г.? Плывите скорѣй сюда и скажите, какъ назвать этотъ нѣжный воздухъ, который, какъ теплыя волны, омываетъ, нѣжитъ и лелѣетъ васъ, этотъ блескъ неба въ его фантастическомъ неописанномъ уборѣ, эти цвѣта среди которыхъ утопаетъ вечернее солнце? Океанъ въ золотѣ или золото въ океанѣ, багровый пламень, чистый, ясный, прозрачный, вѣчный, непрерывный пожаръ безъ дыма, безъ малѣйшей былинки, напоминающей землю. Покой неба и моря—не мертвый и сонный покой: это покой какъ будто удовлетворенной страсти, въ которомъ небо и море, отдыхая отъ ея сладостныхъ мученій, любуются взаимно въ объятіяхъ другъ друга. Солнце уходитъ, какъ осчастливленный любовникъ, оставившій долгій, задумчивый слѣдъ счастья на любимомъ лицѣ.

На этомъ пламенно-золотомъ, необозримомъ полѣ, лежатъ цѣлые міры волшебныхъ городовъ, зданій, башенъ, чудовищъ, звѣрей—все изъ облаковъ. Вотъ, смотрите, громада исполинской крѣпости рушится медленно, безъ шума; упалъ одинъ бастіонъ, за нимъ валится другой; тамъ опустилась, подавляя собственный фундаментъ, высокая башня, и опять все тихо отливается въ формѣ горы, острововъ, съ лѣсами, съ куполами. Не успѣло воображеніе воспринять этотъ рисунокъ, а онъ уже таетъ и распадается, и на мѣсто его тихо воздвигся откуда-то корабль и повисъ на воздушной почвѣ; изъ огромной колесницы уже сложился станъ исполинской женщины; плеча еще цѣлы, а бока уже отпали и вышла голова верблюда; на нее напираетъ и

поглощаетъ все собою рядъ солдатъ, несущихся цѣлымъ строемъ.

Изумленный глазъ смотритъ вокругъ, не увидитъ ли руки, которая, играя, строитъ воздушныя видѣнія. Тихо, нѣжно и лѣниво ползутъ эти тонкіе и прозрачные узоры въ золотой атмосферѣ, какъ мечты тянутся въ дремлющей душѣ, слагаясь въ плѣнительные образы и разлагаясь опять, чтобъ слиться въ фантастической игрѣ...

Пусть живописцы найдутъ у себя краски, пусть хоть назовутъ эти цвѣта, которыми угасающее солнце окрашиваетъ небеса! Посмотрите: фіолетовая пелена покрыла небо и смѣшалась съ пурпуромъ; прошло еще мгновеніе и сквозь нея проступаетъ темно-зеленый, яшмовый оттѣнокъ: онъ въ свою очередь овладѣлъ небомъ. А зàмки, башни, лѣса, розовые, палевые, коричневые, сквозятъ отъ послѣднихъ лучей быстро исчезающаго солнца, какъ освѣщенный храмъ... Вы недвижны, безмолвны, млѣете, передъ радужными слѣдами солнца: оно жаркимъ прощальнымъ лучомъ раздражаетъ нервы глазъ, но вы погружены въ туманѣ поэтической думы; вы не отводите взора; вамъ не хочется выйти изъ этого млѣнія, изъ нѣги покоя. Очнувшись, со вздохомъ скажешь себѣ: ахъ, еслибъ всегда и вездѣ такова природа, такъ же горяча и такъ величаво и глубоко покойна! Еслибъ такова была и жизнь!.... Вѣдь бури, бѣшеныя страсти не норма природы и жизни, а только переходный моментъ, безпорядокъ и зло, процессъ творчества, черная работа—для выдѣлки спокойствія и счастія въ лабораторіи природы...

Солнце не успѣло еще догорѣть, вы не успѣли еще додумать вашей думы, а оглянитесь назадъ: на западѣ еще золото и пурпуръ, а на востокѣ сверкаютъ и блещутъ уже милліоны глазъ: звѣзды и звѣзды, и между ними скромно и ровно сіяетъ Южный Крестъ! Темнота, какъ шапка, накрыла васъ: острова, башни, чудовища—все пропало. Звѣзды

искрятся сильно, дерзко, и какъ будто спѣшать пользоваться промежуткомъ отъ солнца до луны; ихъ прибываетъ все больше и больше, онѣ проступаютъ сквозь небо. Та же невидимая рука, которая чертила воздушныя картины, поспѣшно зажигаетъ огни во всѣхъ углахъ тверди и—засіялъ вечерній пиръ! Новыя силы, новыя думы и новая нѣга проснулись въ душѣ. Опять, какъ вчера, она ищетъ въ огняхъ —разума, жадно читаетъ огненныя буквы и порывается туда...

Но вотъ луна: она не тускла, не блѣдна, не задумчива, не туманна, какъ у насъ, а чиста, прозрачна, какъ хрусталь, гордо сіяетъ бѣлымъ блескомъ и не воспѣта, какъ у насъ, поэтами, слѣдовательно дѣвственна. Это не зрѣлая, увядшая красавица, а бодрая, полная силъ, жизни и строгаго цѣломудрія дѣва, какъ сама Діана. Хлынулъ по морю и по небу ея пронзительный свѣтъ; она усмирила дерзкое сверканье звѣздъ и воцарилась кротко и величиво до утра. А океанъ, вы думаете, заснулъ? Нѣтъ; онъ кипитъ и сверкаетъ пуще звѣздъ. Подъ кораблемъ разверзается пучина пламени, съ шумомъ вырываются потоки золота, серебра и раскаленныхъ углей. Вы ослѣплены, объяты сладкими творческими снами.... вперяете неподвижный взглядъ въ небо: тамъ наливается, то золотомъ, то кровью, то изумрудной влагой, Конопусъ, яркое свѣтило корабля Арго, двѣ огромныя звѣзды Центавра. Но вы съ любовью успокоиваетесь отъ нестерпимаго блеска на четырехъ звѣздахъ Южнаго Креста: онѣ сіяютъ скромно и, кажется, смотрятъ на васъ такъ пристально и умно. Южный Крестъ... Случалось ли вамъ (да какъ не случалось поэту!) вдругъ увидѣть женщину, о красотѣ, граціи которой долго жужжали вамъ въ уши, и не найти въ ней ничего поражающаго?—„Что́ же въ ней особеннаго?“ говорите вы, съ удивленіемъ всматриваясь въ женщину:—„она проста, скромна, ничѣмъ не отличается...“

Всматриваетесь долго, долго, и вдругъ чувствуете, что любите уже ее страстно! И про Южный Крестъ, увидя его въ первый, второй и третій разъ, вы спросите, что̀ въ немъ особеннаго? Долго станете вглядываться и кончите тѣмъ, что съ наступленіемъ вечера, взглядъ вашъ будетъ искать его перваго, потомъ, обозрѣвъ всѣ появившіяся звѣзды, вы опять обратитесь къ нему и будете почасту и подолгу покоить на немъ ваши глаза.

Наступаетъ, за знойнымъ днемъ, душно-сладкая, долгая ночь, съ мерцаньемъ въ небесахъ, съ огненнымъ потокомъ подъ ногами, съ трепетомъ нѣги въ воздухѣ. Боже мой! Даромъ пропадаютъ здѣсь эти ночи: ни серенадъ, ни вздоховъ, ни шепота любви, ни пѣнья соловьевъ! Только фрегатъ напряженно движется и изрѣдка простонетъ, да хлопнетъ обезсиленный парусъ или подъ кормой плеснетъ волна—и опять все торжественно и прекрасно-тихо!

Смотрите вы на всѣ эти чудеса, міры и огни, и ослѣпленные, уничтоженные величіемъ, но богатые и счастливые небывалыми грёзами, стоите, какъ статуя, и шепчете задумчиво: „ — нѣтъ, этого не сказали мнѣ, ни карты, ни англичане, ни американцы, ни мои учители; говорило, но блѣдно и смутно, только одно чуткое, поэтическое чувство; оно таинственно манило меня еще ребенкомъ сюда и шептало:

Вотъ Азія, міръ праотца Адама,
Вотъ юная Колумбова земля!
И ты свершишь пловучіе наѣзды
Въ тѣ древнія и новыя мѣста,
Гдѣ въ небесахъ другія блещутъ звѣзды,
Гдѣ свѣтъ ліетъ созвѣздіе Креста... *)

Берите же, любезный другъ, свою лиру, свою палитру, свой роскошный, какъ эти небеса, языкъ, языкъ боговъ, ко-

*) Въ посланіи Бенедиктова къ Гончарову.

торымъ только и можно говорить о здѣшней природѣ, и спѣшите сюда,—а я винюсь въ своемъ безсиліи и умолкаю!

Мартъ, 1853 года.
Атлантическій океанъ.

IV.

НА МЫСѢ ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ.

Приходъ въ Falsebay.—Саймонсбей и Саймонстоунъ.—Поправки на фрегатѣ.—Капштатъ.—Welch' hotel.—Столовая гора, Львиная гора и Чортовъ пикъ.—Ботаническій садъ.—Клубъ.—Англичане, Голландцы, Малайцы, Готтентоты и Негры.—Краткій историческій очеркъ Капской колоніи и войнъ съ Каффрами.—Поѣздка по колоніи.—Соммерсетъ.—Стелленбошъ.—Ферма Эльзенборгъ.—Паарль.—Веллингтонъ.—Мистеръ Бенъ.—Тюрьмы и арестанты.—Дороги.—Ущелье.—Устеръ.—Минеральные ключи.—Обратный путь.—Змѣиная горка.—Птица секретарь.—Винбергъ. — Каффрскій предводитель Сейоло. — Отплытіе.

Съ 10 марта по 12 апрѣля 1853.

Хотя нашъ пловучій міръ довольно великъ, средствъ незамѣтно проводить время было у насъ много, но все плавать да плавать! Сорокъ дней слишкомъ не видали мы берега. Самые бывалые и терпѣливые изъ насъ съ гримасой смотрѣли на море, думая про себя: скоро ли что-нибудь другое? Другъ на друга почти не глядѣли, перестали заниматься, читать. Всякій зналъ, чтó подадутъ къ обѣду, въ которомъ часу тотъ или другой ляжетъ спать, даже нèхотя замѣтишь, у кого сапогъ разорвался, или панталоны выпачкались въ смолѣ.

Я писалъ вамъ, что насъ захватили штили въ южномъ тропикѣ; послѣ штилей наконецъ засвѣжело да вѣдь ка́къ! Опять пошло свое: ни ходить, ни сидѣть, ни лежать порядкомъ! Это было въ четвергъ, въ началѣ марта. Не стану повторять, о чемъ уже писалъ, о качкѣ. Только это нагнало на меня такую хандру, что море, казалось, опротивѣло мнѣ навсегда. Хотя это продолжалось всего дней пять, но меня не обрадовалъ и берегъ, который мы увидѣли въ понедѣльникъ. Море къ берегу вдругъ измѣнилось: изъ синяго обратилось въ коричнево-зеленоватое, какъ ботвинье. Это отъ морскихъ растеній, отъ капусты, травъ, животныхъ и т. п. Въ одну изъ ночей оно необыкновенно блистало фосфорическимъ свѣтомъ. Какой видъ! Когда обливаешься вечеромъ, въ темнотѣ, водой, прямо изъ океана, искры сыплются, бѣгутъ, скользятъ по тѣлу и пропадаютъ подъ ногами, на палубѣ. Это мелкія животныя, называемыя, кажется, медузами. Море уже отзывалось землей, несло на себѣ ея слѣды: бѣшено кидаясь на берега, оно оставляетъ рыбъ, ракушки, и уноситъ песокъ, землю и прочее. А какая бездна невидимыхъ и невѣдомыхъ человѣку тварей движется и кипитъ въ этой чашѣ, переполненной жизнью! Тутъ пока преприлежно извѣдывали ихъ альбатросы, чайки и морскія ласточки, летавшіе низко надъ водой. Эти птицы однѣ оживляютъ море: мы видѣли ихъ иногда на разстояніи 500 миль отъ ближайшаго берега. Между ними много такъ называемыхъ у насъ „глупышей“, большихъ птицъ, съ тонкими, стройными, нѣгими крыльями, съ тупой головой и съ крѣпкимъ носомъ. Въ самомъ дѣлѣ у нихъ глуповата физіономія. Онѣ безвкусны, жестки, летаютъ надъ самымъ кораблемъ и часто зацѣпляютъ крыльями за паруса.

7-го или 8-го марта, при ясной, теплой погодѣ, когда качка унялась, мы увидѣли множество какой-то красной массы, плавающей огромными пятнами по водѣ. Наловили

ведра два—икры. Не даромъ видѣли стаи рыбы, шедшей незадолго передъ тѣмъ тучей подъ самымъ носомъ фрегата. Я хотѣлъ продолжать купаться, но это уже были не тропики: холодно, особенно послѣ свѣжаго вѣтра. Ѳаддеевъ такъ съ радости и покатился со смѣху, когда я вскрикнулъ, лишь только онъ вылилъ на меня ведро.

9-го мы думали было войти въ Falsebay, но ночью проскользнули мимо и очутились миль за 15 по ту сторону мыса. Исполинскія скалы, почти совсѣмъ черныя отъ вѣтра, какъ зубцы громадной крѣпости, ограждаютъ южный берегъ Африки. Здѣсь вѣчная борьба титановъ—моря, вѣтровъ и горъ, вѣчный прибой, почти вѣчныя бури. Особенно хороша скала Hanglip. Вершина ея нагибается круто къ срединѣ, а основаніе выдается въ море. Вершины горъ состоятъ изъ песчаника, а основаніе изъ гранита. Наконецъ 10 марта, часу въ шестомъ вечера, идучи снизу по трапу, я взглянулъ вверхъ и остолбенѣлъ: гора такъ и лѣзетъ на насъ.—„Мы на мели?“ спросилъ я дѣда.—„Что вы! Богъ съ вами: типунъ бы вамъ на языкъ—на якорь становимся!“ Въ самомъ дѣлѣ скомандовали:—„изъ бухты вонъ!“ потомъ: „отдай якорь!“—Раздался минутный громъ рванувшейся цѣпи, фрегатъ дрогнулъ и остановился. Мы стали въ полутора верстахъ отъ берега, но онъ состоялъ изъ горы и она показалась мнѣ такъ высока, что скрадывала разстояніе, подавляя высотой домы и церкви Саймонстоуна. А послѣ, когда я увидѣлъ Столовую гору, эта мнѣ показалась пригоркомъ. Къ намъ наѣхали, по обыкновенію, разныя лица, съ рекомендательными письмами отъ датскихъ, голландскихъ и прочихъ кораблей, портные, прачки мужескаго пола и т. п.

Саймонсбей—это небольшой, укромный уголокъ большой бухты Фальсбей. Въ нее надо войти умѣючи, а то какъ разъ стукнешься о каменья, которые почему-то называются „римскими“, или о Ноевъ ковчегъ, большой, плоскій, высовыва-

ющійся изъ воды камень у входа въ заливъ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега, который тоже весь усѣянъ, болѣе или менѣе, крупными каменьями. Начиная съ апрѣля, суда приходятъ сюда; и тѣ, которыя стоятъ въ Столовой бухтѣ, на зиму переходятъ сюда же, чтобы укрыться отъ сильныхъ юго-западныхъ вѣтровъ. Саймонская бухта защищена со всѣхъ сторонъ горами.

Лишь только мы стали на якорь, одна изъ горъ, съ правой стороны отъ города, накрылась облакомъ, которое плотно, какъ парикъ, легло на вершину. А по другому, самому высокому утесу, медленно ползало тоже облако, спускаясь по обрыву, точно слой дыма изъ исполинской трубы. У самаго подножія горы лежатъ домовъ до сорока англійской постройки; между ними видны двѣ церкви, протестантская и католическая. У адмиралтейства англійскій солдатъ стоитъ на часахъ, въ заливѣ качается англійская же эскадра. Въ одномъ изъ лучшихъ домовъ живетъ начальникъ эскадры, коммодоръ Тальботъ.

Скудная зелень едва смягчаетъ угрюмость пейзажа. Сады изъ кедровъ, дубовъ, немножко тополей, немножко виноградныхъ трельяжей, кое-гдѣ кипарисъ и миртъ, да заборы изъ колючихъ кактусовъ и исполинскихъ алоэ, которыхъ корни обратились въ древесину—вотъ и все. Голо, уединенно, мрачно. Въ городѣ однакожъ есть нѣсколько весьма порядочныхъ лавокъ; одну изъ нихъ, помѣщающуюся въ отдѣльномъ домикѣ, можно назвать даже богатою.

Спутники мои безпрестанно съѣзжали на берегъ, нѣкоторые уѣхали въ Капштатъ, а я глядѣлъ на холмы, ходилъ по палубѣ, читалъ было, да не читается, хотѣлъ писать—не пишется. Прошло дня три-четыре, инерція продолжалась. Однажды наши, пріѣхавъ съ берега, разсказывали, что на пристани къ нимъ подошелъ старикъ, и чисто, порусски, сказалъ:—„Здравія желаю, ваше благородіе“.—

„Кто ты такой? откуда?“ спросилъ нашъ офицеръ.—„Русскій“, отвѣчалъ онъ:—„въ 1814 году взятъ Французами въ плѣнъ, потомъ при Ватерлоо дрался съ Англичанами, взятъ ими, завезенъ сюда, женился на черной, имѣю шестерыхъ дѣтей“.—„Откуда ты родомъ?“—„Изъ Орловской губерніи“. Но отъ него трудно было добиться другихъ свѣдѣній—такъ дурно говорилъ онъ уже по-русски. Нашъ фрегатъ обнажили, спустили рангоутъ, сняли ванты—и закипѣла работа. Шлюпки безпрестанно ѣздили на берегъ и обратно. И. А. Т., успѣвшій облечься, въ желтенькое пальто и соломенную шляпу съ голубой лентой, ежедневно уѣзжалъ въ пустой шлюпкѣ и пріѣзжалъ, или лучше сказать, пріѣзжала шлюпка съ мясомъ, зеленью, фруктами и съ нимъ. Соломенная шляпа, какъ цвѣтокъ, видна была между бычачьей ногой и арбузами.

— „Гдѣ мы?“ спросилъ я однажды, скуки ради, Ѳаддеева. Онъ косо и подозрительно поглядѣлъ на меня, предвидя, что вопросъ сдѣланъ не даромъ.—„Не могу знать“, говорилъ онъ, оглядывая съ своимъ равнодушіемъ стѣны. —„Это глупо не знать, куда пріѣхалъ“.—Онъ молчалъ.— „Говори же“.—„Почемъ я знаю?“—„Что жь ты не спросишь?“—На что мнѣ спрашивать?“—„Воротишься домой, спросятъ, гдѣ былъ; что̀ ты скажешь? Слушай же: я тебѣ скажу, да смотри, помни. Откуда мы пріѣхали сюда?“ Онъ устремилъ на меня глаза, съ намѣреніемъ, во что бы ни стало, понять, чего я хочу, и по возможности удовлетворить меня; а мнѣ хотѣлось навести его на какое-нибудь соображеніе.—„Откуда пріѣхали?“ повторилъ онъ вопросъ.— „Ну, да?“—„Изъ Англіи“.—„А Англія-то гдѣ?“ Онъ еще больше косо сталъ смотрѣть на меня. Я вижу, что мой вопросъ тёменъ для него.—„Гдѣ Франція, Италія?“—„Не могу знать“.—„Ну, гдѣ Россія?“—„Въ Кронштадтѣ“, проворно сказалъ онъ.—„Въ Европѣ“ поправилъ я:—„а те-

перь мы пріѣхали въ Африку, на южный ея край, на мысъ Доброй Надежды".—„Слушаю-съ".—„Помни же!"

И географическій урокъ Ѳаддееву былъ развлеченіемъ среди горъ, песковъ, въ захолустьѣ. На фрегатѣ сильно работали: вездѣ лежали снасти, реи; прохода нѣтъ. Только на ютѣ и можно было ходить; тамъ по временамъ играла музыка. Мы лорнировали берегъ, удили рыбу и, между прочимъ, вытащили какую-то толстенькую рыбу, съ круглой головкой, мягкую, безъ чешуи; брюхо у ней желтое, а спина вся въ пятнахъ. Ее посадили въ кадку. Пріѣхалъ кто-то изъ англичанъ и, увидѣвъ ее, торопливо предупредилъ, чтобъ не ѣли.—„Это ядовитая", сказалъ онъ:—„отъ нея умираютъ черезъ пять, десять минутъ. Были примѣры: однажды отравилось нѣсколько человѣкъ съ голландскаго судна. Свиньи иногда ѣдятъ ее, выброшенную на берегъ, повертятся, повертятся потомъ и околѣютъ". Вытаскивали много отличной, вкусной рыбы, похожей видомъ на леща; еще какой-то красной, потомъ плоской; разнообразіе рыбныхъ породъ неистощимо. Еще намъ къ столу навезли превосходнаго винограду, весьма посредственныхъ арбузовъ и отличныхъ крупныхъ огурцевъ.

На четвертый день и я собрался съѣхать на берегъ, съ нашими докторами и съ Б. К. Первые собрались ботанизировать, а мы съ Б. К. мѣшать имъ. По берегамъ кое-гдѣ были разбросаны каменья, но такіе, что изъ каждаго можно построить препорядочный домикъ. Когда я собрался ѣхать, и Ѳаддеевъ явился ко мнѣ:—„Позвольте и мнѣ съ вами, ваше высокоблагородіе", сказалъ онъ.—„Куда?"—„Да въ Африку-то", отвѣчалъ онъ, помня мой урокъ.—„Что ты станешь дѣлать?"—„А вонъ на ту гору охота влѣзть!"

Ступивъ на берегъ, мы попали въ толпу малайцевъ, негровъ и *африканцевъ*, какъ называютъ себя бѣлые, родившіеся въ Африкѣ. Одни работали въ адмиралтействѣ, другіе

праздно глядѣли на море, на корабли, на пріѣзжихъ, или просто такъ, на что случится. За нами шли наши слуги; кто несъ ружье, кто сѣтку ловить насѣкомыхъ, кто молотокъ—разбивать каменья.—„Смотрите“, говорили мы другъ другу:—„уже нѣтъ ничего нашего, начиная съ человѣка; все другое: и человѣкъ, и платье его, и обычай“. Плетни устроены изъ кустовъ кактуса и алоэ: не дай Богъ схватиться за кустъ—что наша крапива! Не только честный человѣкъ, но и воръ, даже любовникъ, не перелѣзутъ черезъ такой заборъ: милліонъ едва замѣтныхъ глазу иглъ вонзится въ руку. И камень не такой, и песокъ рыжій, и травы странныя: одна какая-то кудрявая, другая въ палецъ толщиной, третья бурая, какъ мохъ, та дымчатая. Пошли за городъ, по мелкому и чистому песку, на взморье: подъ ногами хрустѣли раковинки.—„Все не наше, не такое“, твердили мы, поднимая то раковину, то камень. Промелькнетъ воробей—гораздо нарядиѣе нашего, франтъ, а сейчасъ видно, что воробей, какъ онъ ни франти. Тотъ же лётъ, тѣ же манеры, и такъ же копается, какъ нашъ, во всякой дряни, разбросанной по дорогѣ. И ласточки, и вороны есть; но не тѣ: ласточки сѣрѣе, а ворона чернѣе гораздо. Собака залаяла, и то не такъ, отдаетъ чужимъ, какъ будто на иностранномъ языкѣ лаетъ. По улицамъ бѣгали черномазые, кудрявые мальчишки, толпились черныя или коричневыя женщины, малайцы, въ высокихъ соломенныхъ шляпахъ, похожихъ на колокола, но съ болѣе раздвинутыми, или поднятыми нѣсколько кверху полями. Только свинья также неопрятна, какъ и у насъ, и такъ же неистово чешетъ бокъ объ уголъ, какъ-будто хочетъ своротить весь домъ, да кошка, сидя въ палисадникѣ, среди миртъ, преусердно лижетъ лапу и потомъ мажетъ ею себѣ голову.—Мы прошли мимо домовъ, садовъ, по песчаной дорогѣ, миновали крѣпость и вышли налѣво за городъ.

Насъ предупреждали, чтобъ мы не ходили въ полдень

близъ кустовъ: около этого времени выползаютъ змѣи грѣться на солнцѣ; но мы не слушали, шевелили палками въ кустахъ, смѣло прокладывая себѣ сквозь нихъ дорогу. Змѣи, кажется, еще болѣе остерегаются людей, нежели люди ихъ. Я видѣлъ только ящерицу, хотѣлъ прижать ее тростью на мѣстѣ, но зеленая тварь съ непостижимымъ проворствомъ скользнула въ норку. По одной дорогѣ съ нами шли три черныя женщины. Я спросилъ одну, какого она племени:— "Финго!" сказала она:—„мозамбикъ", закричала потомъ, „готтентотъ!" Всѣ три начали громко хохотать. Не разъ случалось мнѣ слышать этотъ наглый хохотъ черныхъ женщинъ. Если пройдете мимо—ничего; но спросите черную красавицу о чемъ-нибудь, напримѣръ, о ея имени, или о дорогѣ, она совретъ и вслѣдъ за отвѣтомъ раздастся хохотъ ея и подругъ, если онѣ тутъ есть.—„Бичуанъ! Каффръ!" продолжала кричать намъ баба. Въ-самомъ-дѣлѣ—баба. Одѣта, какъ наши бабы: на головѣ платокъ, около поясницы что-то въ родѣ юбки, какъ у сарафана, и сверху рубашка; и иногда платокъ на шеѣ, иногда нѣтъ. Нѣкоторыя женщины, изъ коричневыхъ племенъ, поразительно сходны съ нашими загорѣлыми деревенскими старухами; за то черныя ни на что́ не похожи: у всѣхъ толстыя губы, выдавшіяся челюсти и подбородокъ, глаза какъ смоль, съ желтымъ бѣлкомъ, и рядъ бѣлѣйшихъ зубовъ. Улыбка на черномъ лицѣ имѣетъ что-то страшное и злое.

Мы нашли цѣлый музеумъ между каменьями, въ которые яростно бьетъ прибой: раковинъ, моллюсковъ, морскихъ ежей и раковъ. Слизняки такъ прирастаютъ къ каменьямъ, что нѣтъ возможности отодрать ихъ. Они эластичны: только пожмешь, изъ нихъ фонтанами брызжетъ вода. Морской ежъ—это полурастеніе, полуживотное: онъ растетъ и, кажется дышетъ. Это комокъ травянистаго тѣла, которому основаніемъ служитъ зелененькая, травянистая же чашечка.

Весь онъ усѣянъ иглами и ярко блещетъ красками. Нашъ любитель-натуралистъ набралъ ихъ множество, сверхъ того, цвѣтовъ, прутьевъ, листьевъ, раковинъ. Раковины однакожъ, были такъ себѣ, простоваты. Между тѣмъ въ отелѣ я видѣлъ великолѣпныя, разноцвѣтныя и огромныя раковины.— „Это здѣшнія?“ спросилъ я.—„Нѣтъ“, отвѣчали мнѣ:—„съ о. Св. Маврикія“. Я замѣтилъ, что куда ни пріѣдешь, найдешь что нибудь замѣчательное; спросишь, откуда оно, всегда укажутъ дальше, впередъ, а иногда назадъ. Въ Капштатѣ я увидѣлъ въ табачномъ магазинѣ футлярчики для спичекъ, точеные изъ красиваго, двухцвѣтнаго дерева. Я сейчасъ же купилъ нѣсколько на память о мысѣ Доброй Надежды. Я спросилъ, какъ зовутъ дерево?—„Боксъ“, сказалъ англичанинъ.—„А откуда оно?“—„Изъ Англіи“, отвѣчалъ онъ. На о. Св. Маврикія, пожалуй скажутъ, что раковины изъ Парижа. Впрочемъ здѣсь, какъ въ цѣломъ мірѣ, есть провинціальная замашка выдавать свои товары за столичные. Что́ ни спросишь: шляпу, сапоги—это изъ Лондона! отвѣчаютъ вамъ. Я вспомнилъ наши уѣздные города и надписи на блѣдносиней доскѣ *портной изъ Нижняго*. Табачникъ думалъ, что Богъ знаетъ какъ утѣшитъ меня, выдавъ свой товаръ за англійскій.

Воротясь съ прогулки, мы зашли въ здѣшнюю гостинницу Fountain hotel: домъ голландской постройки, съ навѣсомъ, въ видѣ балкона, съ чисто убранными комнатами, въ которыхъ полы были лакированы. Потолокъ въ комнатахъ былъ изъ темнаго дерева, привозимаго съ восточнаго берега, изъ порта Наталь. Доставка его изъ нутри колоніи обходится дорого, оттого дерево употребляется только на мебель и другія, самыя необходимыя подѣлки. За то камень ни почемъ: всѣ домы каменные. Мы видѣли даже нѣсколько очень бѣдныхъ рыбачьихъ хижинъ, по дорогѣ отъ Саймонстоуна до Капштата, построенныхъ изъ костей, выброшен-

ныхъ на берегъ китовъ и другихъ животныхъ. Мы сѣли у окна за жалюзи, потому что хотя и было *уже* (у насъ бы надо сказать *еще)* 15 марта, но день былъ жаркій, солнце пекло какъ у насъ въ Іюлѣ, или какъ здѣсь въ декабрѣ.

На каминѣ и по угламъ вездѣ разложены минералы, раковины, чучелы птицъ, звѣрей, или змѣй, вѣроятно все „съ о. Св. Маврикія". Въ каминѣ лежало множество сухихъ цвѣтовъ, изъ породы *иммортелей*, какъ мнѣ сказали. Они лежатъ, не измѣняясь по многу лѣтъ: черезъ десять лѣтъ такъ же сухи, ярки цвѣтомъ, а также ничѣмъ не пахнутъ, какъ и несорванные. Мы спросили инбирнаго пива и констанскаго вина, произведенія знаменитой Констанской горы. Пиво мальчикъ вылилъ все на Б. К., а констанское вино такъ сладко, что изъ рукъ вонъ. Оно напоминаетъ вкусомъ немного малагу, но только слаще. На стѣнахъ были плохія картинки—неизбѣжная принадлежность станцій и трактировъ всего земнаго шара, какъ я убѣдился теперь. Безъ нихъ скучно на станціи: это большое развлеченіе для путешественника. Припомните, сколько разъ вамъ пришлось улыбнуться, разсматривая на нашихъ станціяхъ, пока запрягаютъ лошадей, простодушныя изображенія лицъ и событій? И тутъ то же самое. Вотъ, напримѣръ, на одной картинкѣ представлена драка солдатъ съ контрабандистами: герои рѣжутъ и колятъ другъ друга, а лица у нихъ сохраняютъ такое спокойствіе, какого въ подобныхъ случаяхъ не можетъ быть даже у англичанъ, которые тутъ изображены, что́ и составляетъ истинный комизмъ такого изображенія. На другихъ картинкахъ представлена скачка съ препятствіями: лошади вверхъ ногами, люди по горло въ водѣ. По этимъ картинкамъ я заключилъ, не видавъ еще хозяевъ, что гостинница англійская. У голландцевъ скачекъ не изображается, за то вездѣ увидишь охоту за тиграми, или лисицами, потомъ портреты королей и королевъ. И тамъ плѣняешься своего рода несо-

образностями: барсъ схватилъ зубами охотника за ногу, а охотникъ, лежа въ тростникѣ, смотритъ въ сторону и смѣется. Вообще можно различать англійскія и голландскія гостиницы съ перваго взгляда. У англичанъ вездѣ виденъ комфортъ, или претензія на него, у голландцевъ—патріархальность, проявляющаяся въ старинной, почернѣвшей отъ времени, но чисто содержимой мебели, особенно въ деревянныхъ пузатенькихъ бюро и шкапахъ, съ дѣдовскимъ фарфоромъ, серебромъ и т. п. По состоянію однѣхъ этихъ гостинницъ безошибочно можете заключить, что голландцы падаютъ, а англичане возвышаются въ здѣшней сторонѣ. У первыхъ все смотритъ скучно, запущенно; у послѣднихъ весело, ново и свѣжо. Мы провели съ часъ, покуривая сигару и глядя въ окно на корабли, въ томъ числѣ на нашъ, на дальнія горы; тѣшились мыслью, что мы въ Африкѣ.—„А вѣдь это самый южный трактиръ отсюда по прямому пути до полюса", сказалъ мнѣ товарищъ—„внесите это въ вашу записную книжку". Я не зналъ, къ какому роду знаній отнести это замѣчаніе и обѣщалъ помѣстить его особо.

Я никакъ не ожидалъ, чтобъ Ѳаддеевъ способенъ былъ на какую-нибудь любезность, но, воротясь на фрегатъ, я нашелъ у себя въ каютѣ великолѣпный цвѣтокъ: горный тюльпанъ, величиной съ чайную чашку, съ розовыми листьями и темнымъ, коричневымъ мхомъ внутри, на длинномъ стеблѣ.—„Гдѣ ты взялъ?" спросилъ я.—„Въ Африкѣ, на горѣ досталъ", отвѣчалъ онъ.

Мы собрались въ семеромъ въ Капштатъ, но съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать поѣздку подальше, въ колонію. И однажды утромъ, взявъ по чемоданчику съ бѣльемъ и платьемъ, да записныя книжки, пустились въ двухъ экипажахъ, т. е. фурахъ, крытыхъ съ боковъ кожей.

Отъ Саймонсбея до Капштата всего 24 англійскихъ мили, или 36 верстъ. Дорога, первыя 12 миль, идетъ по бере-

гу, то у подошвы утесовъ, то песками, или по ребрамъ скалъ, все по шоссе; дорога невеселая, хотя море постоянно въ виду, а надъ головой тѣснятся утесы, усѣянные кустарниками, но все это мрачно, голо. Верхушки утесовъ рѣзко оттѣняются своимъ темносѣрымъ цвѣтомъ песчаника отъ покрытаго травой гранита. Мы видѣли высоко въ ущельяхъ горъ пасущихся коровъ: онѣ казались снизу букашками. Въ одномъ мѣстѣ, направо, есть озерко прѣсной воды. Кое-гдѣ одиноко стоятъ рыбачьи хижины; двѣ-три дачи подъ горой, да маленькая гостинница—вотъ и все. Жизни мало; только чайки плавно носятся по прибрежью, да море вѣчно и неумолкаемо шумитъ и плещетъ. На половинѣ дороги другая гостинница, такъ и называется *Halfway* (половина пути). Нашъ кучеръ остановился тутъ, отпрягъ лошадей и предложилъ намъ потребовать refreshment, т. е. закусить. На дворѣ росло огромное кедровое дерево; главный флигель строился, а гостинница помѣщалась въ другомъ, маленькомъ. Мы заказали завтракъ и пошли въ садъ. При входѣ крупными буквами написано, чтобы ничего не трогали въ саду безъ позволенія садовника. Но трогать было нечего, кромѣ развѣ незрѣлыхъ фигъ, да кукурузы, которую убиралъ негръ. Прочее все давно снято. Хотя погода была жаркая, но ужъ не лѣтняя здѣсь. Листья летѣли съ деревьевъ и усыпали дорожки. Садъ былъ порядочный, онъ же и огородъ. Тутъ посажены были, кромѣ фиговыхъ деревьевъ, бананы, виноградъ, капуста и огурцы. Видно было много цвѣтовъ. Завтракъ состоялъ изъ яичницы, холодной и жесткой солонины, изъ горячей и жесткой ветчины. Яичница, ветчина и картинки въ деревянныхъ рамахъ опять напомнили мнѣ наши станціи. Тутъ, впрочемъ, было богатое собраніе птицъ, чучелы звѣрей; особенно мила головка маленькаго оленя, съ козленка величиной; я залюбовался на нее, какъ на женскую (благодарите, mesdames), да по угламъ красовались еще рога ди-

кихъ буйволовъ огромные, раскидистые, ярко выполированные, напоминавшие тоже головы, конечно не женскія...

Остальная половина дороги, начиная отъ гостиницы, совершенно измѣняется: утесы отступаютъ въ сторону, мили на три отъ берега, и путь, веселый, оживленный, тянется между рядами дачъ, одна другой красивѣе. Въѣзжаешь въ аллею изъ кедровыхъ, дубовыхъ деревьевъ и тополей: мѣстами деревья образуютъ непроницаемый сводъ: кое-гдѣ другія аллеи бѣгутъ въ сторону отъ главной, къ дачамъ и къ фермамъ, а потомъ къ Винбергу, маленькому городку, который видѣнъ съ дороги. Налѣво видна знаменитая по своему виду Констанская гора. Рядомъ съ ней идетъ хребетъ вплоть до Столовой горы. По дорогѣ, то обгоняли насъ, то встрѣчались фуры, кабріолеты, кареты, всадники. Изъ аллеи непримѣтно въѣзжаешь въ Капштатъ. При въѣздѣ берутъ по 8 пенсовъ съ экипажа за шоссе: при выѣздѣ изъ Саймонсбей столько же. По дорогѣ еще есть красивая каменная часовня въ полуготическомъ вкусѣ, потомъ, въ сторонѣ подъ горой, на берегу, выстроено нѣсколько домиковъ для пріѣзжающихъ на лѣто брать морскія ванны. Есть рыбачья слобода, съ рощей вокругъ.

КАПШТАТЪ.

Задолго до въѣзда въ городъ, глазамъ нашимъ открылись три странныя массы горъ, непохожихъ ни на одну изъ видѣнныхъ нами. Одна предлинная, довольно отлогая, съ углубленіемъ въ срединѣ, съ возвышенностями по концамъ; другая высокая, ровная и одинаково широкая и въ основаніи, и наверху. Вершины нѣтъ: она какъ-будто срѣзана и гора оканчивается къ верху площадью, почти ровною основанію. Къ ней прислонилась третья гора, вся въ рытвинахъ, болѣе первыхъ заросшая зеленью.—„Что это?" спросилъ я кучера малайца, указывая на одну гору.—„Tablemountain",

сказалъ онъ (Столовая гора).—„А это?“—„Lion's head“ (Львиная гора). А это?—„Deavilspick“ (Чортовъ пикъ).

Столовая гора названа такъ потому, что похожа на столъ, но она похожа и на сундукъ, и на фортепіано, и на стѣну—на что́ хотите, всего меньше на гору. Бока ея кажутся гладкими, между тѣмъ въ подзорную трубу видны большіе уступы, неровности и углубленія; но они исчезаютъ въ громадности глыбы. Эти три горы, и между ними особенно Столовая, недаромъ пріобрѣли свою репутацію.

Обливаютъ ли ихъ солнечные лучи, лежитъ ли густой туманъ на нихъ, или опоясываютъ облака—во всѣхъ этихъ уборахъ онѣ прекрасны, оригинальны и составляютъ вѣчно занимательное и грандіозное зрѣлище для путешественника. Три странныя формы, какъ три чудовища, облегли городъ. Столовая гора, мрачная, сѣрая, какъ всѣ горы, окаймляющія южный берегъ Африки, состоитъ изъ песчаника, почернѣвшаго отъ солнца и воздуха. Кое-гдѣ зеленѣетъ травка, да кустарниковыя растенія забрались въ промытыя дождемъ рытвины. По подошвѣ кучками разбросаны рощицы и сады, съ дачами и виноградниками. Съ вида кажется невозможнымъ войти въ эту стѣну; между тѣмъ тамъ проложены тропинки, и любопытные, съ проводниками, безпрестанно отправляются туда. И нѣкоторые изъ нашихъ ходили: пошли въ сапогахъ, а воротились босые. Вершина горы, сказывали они, плоская, поросшая кустарникомъ, во всю площадь. Львиная гора похожа, говорятъ, на лежащаго льва: продолговатый холмъ, въ самомъ дѣлѣ напоминаетъ хребетъ какого-то животнаго, но коническій пикъ, которымъ этотъ холмъ примыкаетъ къ Столовой горѣ, вовсе не похожъ на львиную голову. За то коронка пика образуетъ совершенно правильную фигуру спящаго львенка. Товарищи мои замѣтили тоже самое: нельзя нарочно сдѣлать лучше; такъ и хочется снять ее и положить на столъ, какъ presse-papier.

Любуясь на горы, мы незамѣтно очутились у широкаго крыльца двухъэтажнаго дома: это Welch's hotel. У подъѣзда, на нижней ступенькѣ, встрѣтилъ насъ совсѣмъ черный слуга; потомъ слуга малаецъ, не совсѣмъ черный, но и не бѣлый, съ краснымъ платкомъ на головѣ; въ сѣняхъ—служанка, англичанка, побѣлѣе: далѣе, на лѣстницѣ—дѣвушка лѣтъ 20, красавица, положительно бѣлая, и наконецъ—старуха, хозяйка, nec plus ultra бѣлая, т. е. сѣдая. Мы вошли въ чистыя, круглыя, освѣщенныя сверху сѣни, съ прекрасной деревянной лѣстницей и выходомъ прямо на дворикъ, съ балкономъ. Около дворика кругомъ шла шпалера изъ виноградныхъ лозъ, и кисти ягодъ висѣли вездѣ, зрѣлыя и крупныя, янтарнаго цвѣта. Двери направо въ гостиную и налѣво въ столовую были отворены настежъ, съ полуоткрытыми жалюзи и окнами. Вездѣ сумракъ и прохлада. Въ сѣняхъ мы встрѣтили своихъ, которые накапунѣ уѣхали. Они шли гулять; мы сдали вещи слугамъ и присоединились къ нимъ. Слуга спросилъ меня и Б., будемъ ли мы обѣдать. Черезчуръ жесткая солонина и слишкомъ мягкая яичница въ Halfway еще были *присущи* у меня въ памяти, или въ желудкѣ, и я отвѣчалъ:—„Не знаю“.—„Будемъ, будемъ!“ торопливо за себя и за меня рѣшилъ Б. На лѣстницѣ служанка подошла къ намъ и спросила, будемъ ли мы обѣдать? —„Не знаю...“ началъ было я, но Б. не далъ мнѣ договорить. Пока мы сдавали вещи, наши спутники толпой тѣснились у буфета. Я продрался посмотрѣть, что они дѣлаютъ. Вотъ что́: изъ темной комнаты буфета въ свѣтлыя сѣни выходило большое окно; въ немъ, какъ въ рамкѣ, вставлена была прекрасная картинка: хорошенькая дѣвушка, родственница m-rs Welch, Кэролейнъ, то-есть Каролина, та самая, которую мы встрѣтили на лѣстницѣ. Она была прекраснаго роста, съ прекрасной таліей, съ прекрасными глазами и предурными руками—прекрасная дѣвушка! Сквозь

бѣлую, нѣжную кожу, сквозили тонкими линіями синія жилки; глаза большіе, темносиніе и лучистые; ротъ маленькій и граціозный, съ вѣчной, одинаковой для всѣхъ улыбкой. Я послѣ видѣлъ, какъ она обрѣзала палецъ и заплакала: лобъ у ней наморщился, глаза выразили страданіе, а ротъ улыбался: такова сила привычки. Какъ граціозно подавала она каждому счетъ, написанный, хотя дурной рукой, но прекраснымъ почеркомъ! Какъ мило говорила:—„thank you!“ когда, въ замѣнъ счета, ей подавали кучку фунтовъ. А что за прелесть, когда она, какъ сильфида неслышными шагами идетъ по лѣстницѣ, вдругъ остановится по срединѣ ея, обопрется на перила и, обернувшись, броситъ на васъ убійственный взглядъ. Она-то привлекала всѣхъ къ окну: тамъ было постоянное сборище. Она, то во весь ростъ, то сидя, рисовалась на темномъ фонѣ комнаты. Сзади, какъ дополненіе, аксессуаръ комнаты, сидѣла на диванѣ довольно грузная старушка, m-rs Welch. Предоставивъ Каролинѣ улыбаться и разговаривать съ гостями, она постоянно держалась на второмъ планѣ, молча, принимала передаваемые ей Каролиной фунты и со вздохомъ опускала въ карманъ. Увидя насъ, новопріѣзжихъ, обѣ хозяйки въ одинъ голосъ спросили: будемъ ли мы обѣдать. Этотъ вопросъ занималъ весь домъ.

День былъ удивительно хорошъ: южное солнце, хотя и осеннее, не щадило красокъ и лучей; улицы тянулись лѣниво, домы стояли задумчиво въ полуденный часъ и казались вызолоченными отъ жаркаго блеска. Мы прошли мимо большой площади, называемой *Готтентотскою*, усаженной большими елями, наклоненными въ противоположную отъ Столовой горы сторону, по причинѣ знаменитыхъ вѣтровъ, падающихъ съ этой горы на городъ и заливъ.

На площади учатся обыкновенно войска; но ихъ теперь нѣтъ: они еще воюютъ съ Каффрами. Въ концѣ площади биржа—низенькое, не представляющее ничего замѣчатель-

наго зданіе, голландской постройки. Въ немъ большая зала, увѣшанная тысячами печатныхъ увѣдомленій о продажѣ, о покупкѣ, да множество столовъ съ газетами. Рядомъ въ комнатѣ помѣщается библіотека. Мы видѣли много улицъ и площадей, осмотрѣли англійскую и католическую церкви, миновавъ мечеть, помѣщающуюся въ домѣ, который ничѣмъ не отличается отъ другихъ. Но куда ни взглянешь, вездѣ взглядъ упирается, то въ зеленѣющіе бока лежащаго Льва, то въ Столовую гору, то въ Чертовъ пикъ. Городъ какъбудто сдавленъ ими, только къ юго-западу раздвигается безграничный просторъ: тамъ море сливается съ небомъ.

Мы въ концѣ одной улицы замѣтили темную аллею и поворотили туда. Это была длинная, совсѣмъ закрытая вершинами елей дорога для пѣшеходовъ, убитая впрочемъ довольно острыми камешками. Пройдя нѣсколько саженъ, мы подошли ко входу въ ботаническій садъ, въ который входъ дозволенъ за деньги по подпискѣ; но для путешественниковъ онъ открытъ во всякое время безденежно. Что за наслажденіе этотъ садъ! Онъ не великъ: едвали составитъ половину петербургскаго Лѣтняго сада, но за то въ немъ собраны всѣ цвѣты и деревья, растущіе на Капѣ и въ колоніи. Все разсажено въ порядкѣ, посемейно. Мы обошли кругомъ сада, не пропуская ни одного растенія. Сначала идутъ деревья: померанцовыя, фиговыя и другія, потомъ кусты. Миртовые всевозможныхъ породъ, кипарисные, и между ними милліоны мелкихъ цвѣтовъ, яркихъ, блестящихъ. Я припоминалъ наши роскошныя дачи и цвѣтники, гдѣ все это стоитъ, или подъ стекломъ, или въ кадкахъ, а на зиму прячется. Здѣсь круглый годъ все зеленѣетъ и цвѣтетъ. По мѣстамъ посажено было чрезвычайно красивое и невиданное у насъ дерево, называемое по англійски broomtree. Broom значитъ *метла*; дерево названо такъ потому, что у него нѣтъ листьевъ, а есть только тонкіе и чрезвычайно длинные зеле-

ные прутья, которые висятъ, какъ кудри, почти до земли. Они видомъ немного напоминаютъ плакучія ивы, но гораздо красивѣе ихъ. Какая богатая коллекція георгинъ! Вотъ семейство алоэ: особенно красивы зеленыя листья съ двумя широкими желтыми каймами. Семья кактусовъ богаче всѣхъ: она занимаетъ цѣлую лужайку. Что̀ за разнообразіе, что̀ за уродливость и что̀ за красота вмѣстѣ! Я мимо многихъ кустовъ проходилъ съ поникшей головой, какъ мимо буквъ неизвѣстнаго мнѣ языка. Посрединѣ главной аллеи растутъ, образуя кругъ, точно дубы, огромныя грушевыя деревья, съ большими, почти съ голову величиною, грушами, но жесткими, годными только для компота.

Съ одного мѣста изъ сада открывается глазамъ вся Столовая гора. Меня опять поразила эта громада, когда мы были у ея подошвы. Солнце обливало ее лучами; наверху прилипло въ одномъ мѣстѣ облако и лежало тамъ покойно, не шевелясь, какъ глыба снѣгу. Зеленѣющіе бока Льва казались еще зеленѣе. На крестцѣ его вертѣлся телеграфъ, разговаривая съ судами. Я оглядывался въ рытвины Столовой горы, промытыя протоками и образующія видомъ такъ называемыя „ножки стола". На этомъ разстояніи то̀, что̀ издали казалось мхомъ, травкой, являлось цѣлыми лѣсами кустовъ и деревьевъ. Вся гора, взятая нераздѣльно, кажется какой-то мрачной, мертвой, безмолвной массой, а между тѣмъ тамъ много жизни: на подошву ея лѣзутъ фермы и сады; въ лѣсахъ гнѣздятся павіаны (большія черныя обезьяны), кишатъ змѣи, бѣгаютъ шакалы и дикія козы. Гора не высока, всего 3500 футовъ надъ моремъ, но громоздка, широка. Вообще всѣ три горы кажутся покинутыми матеріалами отъ какихъ-то громадныхъ замысловъ и недоконченныхъ нечеловѣческихъ работъ.

Обошедши всѣ дорожки, осмотрѣвъ каждый кустикъ и цвѣтокъ, мы вышли опять въ аллею и потомъ въ улицу, ко-

торая вела въ поле и въ сады. Мы пошли по тропинкѣ и потерялись въ садахъ, ничѣмъ неогороженныхъ, и рощахъ. Дорога подымалась замѣтно въ гору. Наконецъ забрались въ чащу одного сада и дошли до какой-то виллы. Мы вошли на террасу и, усталые, сѣли на каменныя лавки. Изъ дома вышла мулатка, объявила, что господъ ея нѣтъ дома и—по просьбѣ нашей, принесла намъ воды.

Городъ открылся намъ весь оттуда, городъ чисто англійскій, съ немногими исключеніями: высокіе двухъ-этажные домы, съ магазинами внизу улицы пересѣкаются подъ прямымъ угломъ. Кругомъ далеко видны загородные домы и прячущіяся въ зелени фермѣ. Зелень, т. е. деревья, за исключеніемъ мелкихъ кустовъ, только и видна вблизи фермъ, а то всюду голь, все обнажено и изсушено солнцемъ, убито неистовыми, дующими съ моря и съ горъ вѣтрами. Взглядъ далеко обнимаетъ пространство и ничего не встрѣчаетъ, кромѣ бѣлоснѣжнаго песку, разноцвѣтной и разнообразной травы, да однообразныхъ кустовъ, потомъ неизбѣжныхъ горъ, которыя, группами, безпорядочно стоятъ, какъ люди, на огромной площади, то въ кружокъ, то рядомъ, то лицомъ, или спинами другъ къ другу.

Дорогой навязавшійся намъ въ проводники малаецъ принесъ намъ винограду. Мы пошли назадъ все по садамъ, между огромными дубами, изъ рытвины въ рытвину, взобрались на пригорокъ и, спустившись съ него, очутились въ городѣ. Только-что мы вошли въ улицу, кто-то сказалъ:— „Посмотрите на Столовую гору!“—Всѣ оглянулись и остановились въ изумленіи: половины горы не было.

Облако, о которомъ я говорилъ, разрослось, пока мы шли садами, и густымъ слоемъ, точно снѣгомъ, покрыло плотно и непроницаемо всю вершину и спускалось по бокамъ ровно; это *столъ накрывался скатертью.* Мы шли улицей, идущей скатомъ, и безпрестанно оглядывались: ска-

терть продолжала спускаться съ неимовѣрной быстротой, такъ-что мы не успѣли достигнуть середины города, какъ гора была закрыта уже до половины. Я ждалъ, не будетъ ли бури, тѣхъ стремительныхъ вѣтровъ, которые наводятъ ужасъ на стоящія на рейдѣ суда; но жители капштатскіе говорятъ, что этого не бываетъ. Столовая гора можетъ хоть вся закутаться въ саванъ—они не боятся. Бѣда, когда *левъ накинетъ чепчикъ*! Я послѣ самъ имѣлъ случай повѣрить это собственнымъ наблюденіемъ.

Я пристально всматривался въ физіономію города: та же Англія, тѣ же узенькіе, высокіе англійскіе домы, крытые аспидомъ и черепицей, въ два, рѣдкіе въ три этажа. Внизу магазины. Только одно исключеніе допущено въ пользу климата: это большія, во всю ширину дома веранды или балконы, гдѣ жители отдыхаютъ по вечерамъ, наслаждаясь прохладой. Есть нѣсколько домовъ голландской постройки, съ однимъ и тѣмъ же некрасивымъ, тяжелымъ фронтономъ и маленькими окошками, съ тонкимъ переплетомъ въ рамахъ и очень мелкими стеклами. Но остатки голландскаго владычества рѣдки. Я почти не видалъ голландцевъ въ Капштатѣ, но языкъ голландскій однакожъ еще въ большомъ ходу. Особенно на немъ говорятъ всѣ старики, слуги и служанки. На всякомъ шагу бросаются въ глаза богатые магазины суконъ, полотенъ, матерій, часовъ, шляпъ: много портныхъ и ювелировъ, словомъ—это уголокъ Англіи.

Здѣсь, какъ въ Лондонѣ и Петербургѣ, дома стоятъ такъ близко, что не разберешь, одинъ это или два дома; но городъ очень чистъ, смотритъ такъ бодро, весело, живо и промышленно. Особенно любовался я пестрымъ народонаселеніемъ. Англичанинъ—баринъ здѣсь, кто бы онъ ни былъ: всегда изысканно одѣтый, холодно, съ пренебреженіемъ отдаетъ онъ приказанія черному. Англичанинъ сидитъ въ обширной своей конторѣ, или въ магазинѣ, или на биржѣ,

хлопочетъ на пристани, онъ строитель, инженеръ, плантаторъ, чиновникъ, онъ распоряжается, управляетъ, работаетъ, онъ же ѣдетъ въ каретѣ, верхомъ, наслаждается прохладой на балконѣ своей виллы, прячась подъ тѣнь виноградника.

А черный? Вотъ стройный, красивый негръ Финго, или Мозамбикъ, тащитъ тюкъ на плечахъ; это „кули"—наемный слуга, носильщикъ, бѣгающій на посылкахъ; вотъ другой, изъ племени Зулу, а чаще Готтентотъ, на козлахъ ловко управляетъ парой лошадей, запряженныхъ въ кабріолетъ. Тамъ третій, Бичуанъ, ведетъ верховую лошадь; четвертый мететъ улицу, поднимая столбомъ красножелтую пыль. Вотъ Малаецъ, съ покрытой платкомъ головой, по обычаю магометанъ, ѣдетъ съ фурой, запряженной шестью, восемью, до двѣнадцати быковъ и болѣе. Вотъ идётъ черная старуха, въ платкѣ на головѣ, сморщенная, безобразная; другая, безобразнѣе, торгуетъ какой-нибудь дрянью; третья, самая безобразная, проситъ милостыню. Толпа мальчишекъ и дѣвочекъ, отъ самыхъ бѣлыхъ, до самыхъ черныхъ включительно, бѣгаютъ, хохочутъ, плачутъ и дерутся. Волосы у черныхъ—какъ куча сажи. Мулаты, мулатки въ европейскихъ костюмахъ; далѣе пьяные англійскіе матросы, махая руками, крича во все горло, въ шляпахъ и безъ шляпъ, катаются въ экипажахъ или толкутся у пристани. И между всѣмъ этимъ народонаселеніемъ проходятъ и проѣзжаютъ прекрасныя, нѣжныя созданія—англійскія женщины.

Мы пришли на торговую площадь, тутъ кругомъ тѣснѣе толпились дома, было больше товаровъ вывѣшено на окнахъ, а на площади сидѣло много женщинъ, торгующихъ виноградомъ, арбузами и гранатами. Есть множество книжныхъ лавокъ, гдѣ на окнахъ, какъ въ Англіи, разложены сотни томовъ, брошюръ, газетъ; я видѣлъ типографіи, конторы, издающихся здѣсь двухъ газетъ, альманахи, магазинъ рѣд-

костей, т. е. рѣдкостей для европейцевъ: львиныхъ и тигровыхъ шкуръ, слоновыхъ клыковъ, буйволовыхъ роговъ, змѣй, ящерицъ.

Въ городѣ считается около 25 тысячъ всѣхъ жителей, европейцевъ и цвѣтныхъ. Кромѣ черныхъ и малайцевъ, встрѣчается много коричневыхъ лицъ весьма подозрительнаго свойства, напоминающихъ, не то голландцевъ, не то французовъ, или англичанъ: это помѣсь этихъ народовъ съ африканками. Собственно же коренныхъ и извѣстнѣйшихъ племенъ: кафферскаго, готтентотскаго и бушменскаго, особенно послѣдняго, въ Капштатѣ не видать, кромѣ готтентотовъ—слугъ и кучеровъ. Они упрямо удаляются въ свои дикія убѣжища, чуждаясь цивилизаціи и осѣдлой жизни. Впрочемъ, племя бушменовъ малочисленно; они гнѣздятся въ землянкахъ, вырытыхъ среди кустовъ, оттого и названы бушменами (кустъ по-голландски *бушъ*), они и между собой живутъ не обществомъ, а посемейно, промышляютъ ловлей звѣрей, рыбы и воровствомъ. Одинъ изъ новыхъ писателей о Капской колоніи, Торнли Смитъ (Thornley Smith) находитъ у бушменовъ сходство съ Плиніевыми троглодитами, которые жили въ землянкахъ, питались змѣями и, вмѣсто явственной рѣчи, издавали глухое ворчанье. Есть сходство, особенно когда послушаешь, кáкъ бушмены говорятъ: объ этомъ скажу ниже.

Городъ посредствомъ водопроводовъ снабжается отличной водой изъ горныхъ ключей. За это платится жителями извѣстная подать, какъ, впрочемъ, за всѣ удобства жизни. Англичане ввели свою систему сборовъ, о чемъ также будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Уставъ и наглядѣвшись всего, мы часовъ въ шесть воротились въ гостинницу. Тамъ въ длинной столовой, накрытъ былъ большой столъ. Мы разошлись по нумерамъ переодѣться къ обѣду. Я осмотрѣлъ внимательно свой ну-

меръ: это длинная, мрачная комната, съ однимъ пребольшимъ окномъ, но очень высокая. Въ ней постель, по обыкновенію, преширокая, съ занавѣсомъ; дрянной орѣховый столъ, нѣсколько стульевъ, которые скликаютъ другъ друга; обои разодраны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; на потолкѣ красуется пятно. Въ окнѣ одно стекло разбито; на столикѣ стояло маленькое зеркало, въ простой рамкѣ съ ящикомъ. Я обошелъ комнату раза два, поглядѣлъ на свой не развязанный, туго набитый мѣшокъ съ бѣльемъ и платьемъ, и вздохнулъ изъ глубины души.—„Ѳаддеевъ! Филиппъ! гдѣ вы?" сорвалось у меня съ языка воззваніе къ слугамъ. Я позвонилъ: явился мальчикъ лѣтъ двадцати, угреватый, подслѣповатый, и въ комнатѣ вдругъ запахло собакой.—„Воды—бриться!" сказалъ я.—„Yes, sir", отвѣчалъ онъ и не принесъ. Я позвонилъ—и онъ явился съ кружкой воды.—„Щетку", сказалъ я,—для платья!" Тотъ же „yes" въ отвѣтъ и то же непослушаніе. Вдругъ раздался звонокъ—это приглашеніе къ обѣду. Я сошелъ въ сѣни. Малаецъ Ричардъ, поднявъ колоколъ, съ большой стаканъ величиной, вровень съ своимъ ухомъ, и зажмуривъ глаза, звонилъ изо всей мочи на всѣ этажи и нумера, сзывая путешественниковъ къ обѣду. Потомъ вдругъ пересталъ, открылъ глаза, поставилъ колоколъ на круглый столъ въ сѣняхъ и побѣжалъ въ столовую.

Тамъ явились все только наши, да еще служащій въ Ост-Индіи англійскій военный докторъ *Whetherhead*. На столѣ стояло болѣе десяти покрытыхъ серебряныхъ блюдъ, по обычаю англичанъ, и чего тутъ не было! Я сѣлъ на концѣ; передо мной поставили супъ и мнѣ пришлось хозяйничать.

Насъ сѣло за обѣдъ человѣкъ 16. *Whetherhead* сѣлъ подлѣ меня. Я разлилъ всѣмъ супъ, въ томъ числѣ и ему, и между нами завязался разговоръ, сначала по-англійски, но по-

томъ перешелъ на нѣмецкій языкъ, который знакомъ мнѣ больше. Мнѣ казалось, что будто онъ умышленно затрудняется говорить по-нѣмецки. Вскорѣ онъ сталъ говорить и со всѣми. Онъ былъ очень уменъ, любезенъ и услужливъ. Мое хозяйничанье на супѣ и окончилось. Ричардъ снялъ крышку съ другаго блюда: тамъ задымился кусокъ ростбифа. Я трогалъ его длиннымъ и, какъ бритва, острымъ ножомъ, то съ той, то съ другой стороны, сталъ рѣзать и ножъ ушелъ въ глубину до половины куска.—„Не портьте куска“, сказалъ мнѣ Б., млѣя передъ этой горой мяса:—„надо рѣзать искусно“. Я передвинулъ блюдо къ доктору, и тотъ съ умѣньемъ, тонкими ломтями, началъ отдѣлять мясо и раскладывать по тарелкамъ. Но тутъ уже всѣ стали хозяйничать. Почти передъ всякимъ стояло блюдо съ чѣмъ-нибудь. Передъ однимъ кусокъ баранины, тамъ телятина, и почти все au naturel, какъ и любятъ англичане, жаркое, рыба, зелень, и еще карри, подаваемое ежедневно вездѣ, начиная съ мыса Доброй Надежды до Китая, особенно въ Индіи; это говядина, или другое мясо, иногда курица, дичь, наконецъ даже раки, и особенно шримсы, изрѣзанные мелкими кусочками и сваренные съ ѣдкимъ соусомъ, который составляется изъ десяти или болѣе индійскихъ перцовъ. Мало того, къ этому подаютъ еще какую-то особую, чуть не ядовитую сою, отъ которой блюдо и получило свое названіе. Какъ необходимая принадлежность къ нему, подается особо вареный, въ одной водѣ рисъ. Мы, не зная, каково это блюдо, брали довѣрчиво въ ротъ; но тогда начинались различныя задрудненія: одинъ останавливался и недоумѣвалъ, ка̀къ поступить съ тѣмъ, что у него во рту: иной, проглотивъ вдругъ, дѣлалъ гримасу, какъ-будто говорилъ по-англійски; другой поспѣшно проглатывалъ и метался запивать, а нѣкоторые, въ томъ числѣ и Б., мужественно покорились своей участи.

Какъ обыкновенно водится на англійскихъ обѣдахъ,

одинъ посылалъ свою тарелку туда, гдѣ стояли котлеты, другой просилъ рыбы, и обѣдъ съѣдался вдругъ. Ричардъ метался, какъ угорѣлый, и отлично успѣвалъ подавать вовремя всякому, чего кто требовалъ. Онъ же приносилъ, тому бутылку портвейна, другому хересу, а инымъ и стаканъ воды, но рѣдко. Англичанамъ за обѣдомъ вода подается только для полосканья рта. Лишь кликнуть:—„Ричардъ!“ да и кликать не надо: онъ не допуститъ, онъ глазами ловитъ взглядъ, подбѣгаетъ къ вамъ и вы—особенно съ непривычки—непремѣнно засмѣетесь прежде, а потомъ уже скажете, что вамъ нужно: такія гримасы дѣлаетъ онъ, приготовляясь слушать васъ! Вы только намѣреваетесь сказать ему слово, онъ открываетъ глаза, какъ-будто ожидая услышать что-нибудь чрезвычайно важное; и когда начнете говорить, онъ поворачиваетъ голову немного въ сторону, а одно ухо къ вамъ; лице все, особенно лобъ, собирается у него въ складки, губы кривятся на сторону, глаза устремляются къ потолку. Рѣдко можно встрѣтить физіономію подвижнѣе этого лица, напоминающаго нашихъ татаръ.

Когда кончили обѣдъ, Ричардъ мгновенно потаскалъ прочь, одно за другимъ, блюда, потомъ тарелки, ножи, вилки, куски хлѣба, наконецъ потащилъ скатерть. Я такъ и ждалъ, что онъ начнетъ таскать собесѣдниковъ, хотя никто въ этомъ надобности и не чувствовалъ. Онъ не дотронулся однакожъ ни до одного стакана, ни до рюмки, и особенно до бутылки. Потомъ сталъ разставлять передъ каждымъ маленькія тарелки, маленькіе ножи, маленькія вилки, и съ такимъ же проворствомъ началъ носить дессертъ: прекрупный янтарнаго цвѣта виноградъ и къ нему большую хрустальную чашку съ водой, груши, гранаты, фиги и арбузъ. Опять пошла такая же раздача: тому того, этому другаго, нашимъ молодымъ людямъ всего. О пирожномъ я не говорю: оно тоже, что и въ Англіи, т. е. яичница съ вареньемъ, круглый

пирогъ съ вареньемъ, и маленькіе пирожки съ вареньемъ, да еще что-то въ родѣ крема, безъ сахара, но, кажется... съ вареньемъ. Наконецъ Ричардъ и это все утащилъ, но бутылки и рюмки опять оставилъ и скромно удалился. Къ удивленію его, мы удалились отъ бутылокъ еще скромнѣе и, кто постарше, пошли въ гостиную, а большинство—въ буфетъ, къ окну. Тутъ еще дали, кому кофе, кому чаю, и записали на каждаго за все съѣденное и выпитое, кромѣ вина, по четыре шиллинга: это за обѣдъ. Мнѣ подали чаю; я попробовалъ и не зналъ, на что рѣшиться, глотать или нѣтъ. Я сталъ припоминать, на что это похоже: помню, что въ дѣтствѣ, вмѣстѣ съ ревенемъ, мятой, бузиной, ромашкой и другими снадобьями, которыми щедро угощаютъ дѣтей, давали какую-то траву въ родѣ этого чая. Въ Англіи онъ казался мнѣ дуренъ, а здѣсь ни на что не похожъ. Говорятъ, это смѣсь чернаго и зеленаго чаевъ; но это еще не причина, чтобъ онъ былъ такъ дуренъ; прибавьте, что къ чаю подали вмѣсто сахару, песокъ, сахарный конечно, но все-таки песокъ, отъ котораго мутный чай сталъ еще мутнѣе.

Мы пошли опять гулять. Ночь была теплая, темная такая, что ни зги не видать, хотя и звѣздная. Каждый, выходя изъ ярко освѣщенныхъ сѣней по лѣстницѣ на улицу, точно падалъ въ яму. Южная ночь таинственна, прекрасна, какъ красавица подъ черной дымкой: темна, нѣма; но все кипитъ и трепещетъ жизнью въ ней, подъ прозрачнымъ флёромъ. Чувствуешь, что каждый глотокъ этого воздуха есть прибавка къ запасу здоровья; онъ освѣжаетъ грудь и нервы, какъ купанье въ свѣжей водѣ. Тепло, какъ будто у этой ночи есть свое темное, невидимо-грѣющее солнце; тихо, покойно и таинственно; листья на деревьяхъ не колышутся. Мы ходили до пристани и долго сидѣли тамъ на большихъ камняхъ, глядя на воду. Часовъ въ десять взошла луна и освѣтила заливъ. Вдали качались тихо корабли, на-

право бѣлѣла низменная песчаная коса и темнѣли груды дальнихъ горъ.

Я воротился домой, но было еще рано; у окна буфета мистрисъ Вельчъ и Каролина, сидя другъ подлѣ друга на диванѣ, зѣвали поочереди. Я что-то спросилъ, онѣ что-то отвѣчали, потомъ м-съ Вельчъ еще зѣвнула, за ней зѣвнула Каролина. Я хотѣлъ засмѣяться и, глядя на нихъ, самъ зѣвнулъ до слёзъ, а онѣ засмѣялись. Потомъ каждая взяла свѣчу, раскланялись со мной, и одна за другой, медленно пошли на лѣстницу. Въ сѣняхъ, на кругломъ столѣ, я увидѣлъ цѣлый строй мѣдныхъ подсвѣчниковъ и—о ужасъ, сальныхъ свѣчъ! Все это приготовлено для гостей. Меня еще въ Англіи удивило, что такой опрятный, тонкій и причудливый въ житьѣ-бытьѣ народъ, какъ англичане, да притомъ и изобрѣтательный, не изобрѣлъ до сихъ-поръ чего-нибудь вмѣсто дорогихъ восковыхъ свѣчъ. Стеариновыя есть, но очень дурны: спермацетовыя прекрасны, но дороже восковыхъ.—„Мнѣ нужна восковая или спермацетовая свѣчка“, сказалъ я живо. Онѣ обѣ посмотрѣли на меня съ полминуты, потомъ скрылись въ корридоръ; но Каролина успѣла обернуться и еще разъ подарить меня улыбкой, а я пошелъ въ свой 8-й номеръ, держа поодаль отъ себя свѣчу; тамъ отдавало немного пустотой и сыростью.

Я сѣлъ было писать, но англійскій обѣдъ сморитъ сномъ хоть кого; да мы еще набѣгались вдоволь. Я только началъ засыпать, какъ надъ правымъ ухомъ у меня раздалось пронзительное сопрано комара. Я повернулся на другой бокъ—надъ ухомъ раздался дуэтъ, и потомъ тріо, а тамъ все смолкло и вдругъ—укушеніе въ лобъ, не то въ щеку. Вздрогнешь, схватишься за укушенное мѣсто: тамъ шишка. Я думалъ прихлопнуть ночныхъ забіякъ и не разъ издали, тихонько цѣлился ладонью въ темнотѣ, бацъ—больно—только не комару, и вслѣдъ за пощечиной раздавалось опять звон-

кое пѣніе: комаръ юлилъ около другаго уха и пѣлъ такъ тихо и насмѣшливо. Я затворилъ деревянную ставню, но отъ вѣтерка она ходила взадъ и впередъ и постукивала. На другой день утромъ, часовъ въ 8, кто-то стучитъ въ дверь.—„Кто тамъ?“ забывшись, по русски закричалъ я.—„Who is there?“ опомнившись спросилъ я потомъ.—„Чаю или кофе?“—„Чаю... если только это чай, что̀ у васъ подаютъ“. Я всталъ отперетъ дверь и тотчасъ же пожаловался человѣку, принесшему чай, на комаровъ, показывая ему слѣды укушеній. Я попросилъ, чтобъ поскорѣй вставили стекло.—Yes, sir“, отвѣчалъ онъ. Но я зналъ уже, что̀ значитъ это yes.

Только я собрался идти гулять, какъ раздался звонокъ Ричарда; я проворно сошелъ внизъ узнать, что это значитъ. У окна буфета нѣтъ никого и рамка пустая: картинка еще почивала. Только Ричардъ, стоя въ сѣняхъ, закрылъ глаза, склонивъ голову на сторону и держа на ея мѣстѣ колоколъ, такъ и заливается звонитъ—къ завтраку. Было всего 9 часовъ—какой же еще завтракъ?—„Ни я, никто изъ нашихъ не завтракаетъ“, говорилъ я, входя въ столовую, и увидѣлъ всѣхъ нашихъ; другихъ никого и не было. Столъ накрытъ какъ для обѣда; стоитъ блюдъ шесть и дымятся; на другомъ столѣ дымился чай и кофе. Я сѣлъ вмѣстѣ съ другими и поѣлъ рыбы—изъ любопытства, „узнать, что̀ за рыба“, по методѣ Б., да маленькую котлетку. —„Чѣмъ же это не обѣдъ?“ говорилъ я, принимаясь за виноградъ:—„совершенный обѣдъ—только супу нѣтъ“. Послѣ завтрака я не забылъ пожаловаться м-съ Вельчъ на комаровъ и просилъ вставить окно.—„Yes, sir!“ отвѣчала она. И Каролинѣ пожаловался, прося убѣдительно велѣть къ ночи вставить стекло. — „Yes, o yes! сказала она, очаровательно улыбаясь.

Мы пошли по улицамъ, зашли въ контору нашего бан-

кира, потомъ въ лавки. Кто покупалъ книги, кто заказывалъ себѣ платье, обувь, разныя вещи. Книжная торговля здѣсь довольно значительна; лавокъ много; главная изъ нихъ, Робертсона, помѣщается на большой улицѣ. Здѣсь есть своя самостоятельная литература. Я видѣлъ много періодическихъ изданій, альманаховъ, стихи и прозу, карты и гравюры, и купилъ нѣкоторыя изданныя здѣсь сочиненія, собственно о Капской колоніи. Въ книжныхъ лавкахъ продаются и всѣ письменныя принадлежности. Устройство лавокъ, искусство раскладывать товаръ — все напоминаетъ Англію. И здѣсь, какъ тамъ, вы не обязаны купленный товаръ брать съ собою: вамъ принесутъ его на домъ. Другіе магазины еще болѣе напоминаютъ Англію, только съ легкимъ провинціальнымъ оттѣнкомъ. Все попроще, нѣтъ зеркальныхъ, двухъсаженныхъ стеколъ, газу и роскошной мебели. Между тѣмъ здѣсь есть много своихъ фабрикъ и заводовъ: шляпныхъ, стеклянныхъ, бумажныхъ и т. п., которые вполнѣ удовлетворяютъ потребности края. Глядя на это множество разнаго рода лавокъ, я спрашивалъ себя: гдѣ покупатели? Жителей въ Капштатѣ отъ 25 до 30, а въ колоніи какихъ нибудь 200 тысячъ.

Къ полудню солнце начинало сильно печь. Окна закрылись наглухо посредствомъ жалюзи; движеніе пріутихло, т. е. бѣготня собственно, но ѣзда не прекращалась. Экипажи мчались изо всей мо́чи по улицамъ; быки медленно тащили тяжелыя фуры съ хлѣбомъ и другою кладью, а иногда и съ людьми. Въ такой фурѣ я видѣлъ человѣкъ по пятнадцати. Посреди улицъ, какъ въ Лондонѣ, гуськомъ стояли наемные экипажи: кареты четырехъмѣстныя, коляски, кабріолеты въ одну лошадь и парой. Экипажи какъ-будто сейчасъ изъ мастерской; ни одного нѣтъ даже стараго фасона, всѣ выкрашены и содержатся чрезвычайно чисто. Черные кучера ловятъ глазами вашъ взглядъ, но не говорятъ ни слова.

Мы гдѣ-то на перекресткѣ разошлись: кто пошелъ въ магазинъ рѣдкостей, кто въ ванны, или даже въ бани, помѣщающіяся въ одномъ домѣ, на торговой площади, кто куда. Я отправился опять въ темную аллею и ботаническій садъ, который мнѣ очень понравился, между прочимъ и потому, что въ городѣ собственно негдѣ гулять. Я съ новымъ удовольствіемъ обошелъ его весь, останавливался передъ разными деревьями, дивился рогатымъ, неуклюжимъ кактусамъ, и опять съ любопытствомъ смотрѣлъ на Столовую гору. Меня поразило пѣніе множества птицъ, котораго вчера я не слыхалъ, вѣроятно потому, что было поздно. Теперь, напротивъ, утромъ раздавалось столько веселыхъ и незнакомыхъ для сѣвернаго уха голосовъ. Я искалъ глазами пѣвицъ, но онѣ не очень дичились: изъ одного куста въ другой безпрестанно перелетали стаи колибри, рѣзвыхъ и блестящихъ. Онѣ шалили и кокетничали, вертясь на вѣткахъ довольно-низкихъ кустовъ и сверкая переливами всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ. Только я подходилъ шаговъ на пять, какъ они дождемъ проносились подъ носомъ у меня и падали въ ближайшій, шелковичный, или другой кустъ.

Въ отелѣ, въ часъ зазвонили завтракать. Опять разыгрался одинъ изъ существенныхъ актовъ дня и жизни. Послѣ десерта всѣ двинулись къ буфету, гдѣ, въ черномъ платьѣ, съ черной сѣточкой на головѣ, сидѣла Каролина и съ улыбкой наблюдала, какъ смотрѣли на нее. Я попробовалъ-было подойти къ окну, но мѣста были ангажированы, и я пошелъ писать къ вамъ письма, а часа въ три отнесъ ихъ самъ на почту.

Я ходилъ на пристань, всегда кипящую народомъ и суетой. Здѣсь идутъ по длинной, далеко уходящей въ море насыпи, рельсы, по которымъ возятъ тяжести до лодокъ. Тутъ толпится всегда множество матросовъ разныхъ націй, шкиперовъ, и просто городскихъ зѣвакъ.

Есть на что̀ и позѣвать: впереди необъятный заливъ, со множествомъ судовъ; взадъ и впередъ снуютъ лодки; вдали песчаная отмель, а за ней Тигровыя горы. Оглянитесь назадъ: за вами три исполинскія массы горъ и веселый, живой городъ. Тутъ же на плотинѣ, засталъ я множество всякаго цвѣтнаго народа, особенно мальчишекъ, ловившихъ удочками рыбу. Ея такъ много, что не проходитъ минуты, чтобъ кто-нибудь не вытащилъ.

Въ нѣкоторыхъ улицахъ видѣлъ я множество конюшень для верховыхъ лошадей. Въ городѣ и за городомъ безпрестанно встрѣчаешь всадниковъ, иногда цѣлыя кавалькады. Лошади всѣ почти средней величины, но красивы. Требованіе на нихъ такъ велико, что въ воскресенье, если не позаботишься наканунѣ, не достанешь ни одной. Въ этотъ день всѣ изъ города разъѣзжаются по дачамъ. Между прочимъ, въ одномъ мѣстѣ я встрѣтилъ надпись: „контора омнибусовъ"; спрашиваю: куда они ходятъ, и мнѣ называютъ ближайшія мѣста, миль за 40 и за 50 отъ Капштата. А давно ли туда ѣздили на волахъ, въ сопровожденіи толпы Готтентотовъ, на охоту за львами и тиграми? Теперь за львами надо отправляться миль за 400: города, дороги, отели, омнибусы, шумъ и суета оттѣснили ихъ далеко. Но тигры и шакалы водятся до сихъ-поръ вездѣ, рыскаютъ на окрестныхъ къ Капштату горахъ.

Пора однако обѣдать, солнце сѣло: шесть часовъ. Въ отелѣ насъ ожидалъ какой-то высокій, стройный джентльменъ, очень благообразной наружности, съ самыми приличными бакенбардами, украшенными легкой просѣдью, въ голубой курткѣ, съ чернымъ крепомъ на шляпѣ, съ постоянной улыбкой скромнаго сознанія своихъ достоинствъ и съ предлиннымъ бичомъ въ рукахъ.—„Вандикъ", рекомендовался онъ. У меня промелькнулъ цѣлый потокъ соображеній. „Вандикъ"—конечно потомокъ знаменитаго живопис-

ца: дѣдъ или прадѣдъ этого, стоящаго предъ нами Вандика, оставилъ Голландію, переселился въ колонію, и вотъ теперь это сынъ его. Онъ конечно пришелъ познакомиться съ Русскими, рѣдкими гостями здѣсь, какъ и тотъ майоръ, адъютантъ губернатора, котораго привелъ сегодня утромъ докторъ Ведерхедъ...—„Проводникъ вашъ по колоніи“, сказалъ Вандикъ:—„меня нанялъ вашъ банкиръ, съ двумя экипажами и съ осьмью лошадьми. Когда угодно ѣхать?“ Мои соображенія разсѣялись.—„Завтра пораньше“, сказали мы ему.

Докторъ Ведерхедъ за обѣдомъ опять былъ очень любезенъ. Тутъ пришли нѣкоторыя дамы, въ томъ числѣ и его жена. Нехороша—Богъ съ ней: лѣтъ тридцати, figure chiffonnée. Про такія лица прибавляютъ обыкновенно: но очень мила; про эту нельзя сказать этого. Какъ кокетливо ни одѣвалась она, но впалые и тусклые глаза, блѣдныя губы, могли внушить только развѣ состраданіе къ ея болѣзненному состоянію. Изъ ихъ нумера часто раздавались звуки музыки, иногда пѣніе женскаго голоса. Играли на фортепіано прекрасно: говорятъ, это онъ.

Докторъ этотъ съ перваго раза заставилъ подозрѣвать, что онъ не англичанинъ, хотя и служилъ хирургомъ въ полку въ ост-индской арміи. Онъ былъ чрезвычайно воздерженъ въ пищѣ, вина не пилъ вовсе и не могъ нахвалиться нами, что мы почти тоже ничего не пили.—„Я все съ большимъ и большимъ удовольствіемъ смотрю на васъ“, сказалъ онъ, кладя ноги на столъ, заваленный журналами, когда мы перешли послѣ обѣда въ гостиную и дамы удалились.—„Чѣмъ мы заслужили это лестное вниманіе?“—„Скромность, знаніе приличій“... и пошелъ.—„Покорно благодаримъ. А развѣ вы ожидали противнаго?..“—„Нѣтъ: я сравниваю съ нашими офицерами“, продолжалъ онъ:—„на дняхъ пришелъ англійскій корабль, человѣкъ двадцать офицеровъ съѣхали сю-

да и черезъ часъ поставили вверхъ дномъ всю отель. Прежде всего они напились до того, что многіе остались на своихъ мѣстахъ, а другіе и этого не могли, упали на полъ. И каждый день такъ. Вѣдь вы тоже пробыли долго въ морѣ, хотите развлечься, однакожъ никто изъ васъ не выпилъ даже бутылки вина: это просто удивительно!“

Такой отзывъ насъ удивилъ немного: никто не станетъ такъ говорить о своихъ соотечественникахъ, да еще съ иностранцами.—„Неужели въ Индіи англичане пьютъ такъ же много, какъ у себя, и ѣдятъ мясо, пряности?“ спросили мы. —„О, да, ужасно! Вотъ вы видите, какъ теперь жарко: представьте, что въ Индіи такая зима; про лѣто нечего и говорить; а наши, въ этотъ жаръ, съ ранняго утра отправятся на охоту: чѣмъ, вы думаете, они подкрѣпятъ себя передъ отъѣздомъ? Чаемъ и водкой! Пріѣхавъ на мѣсто, рыщутъ по этому жару цѣлый день, потомъ являются на сборное мѣсто къ обѣду и каждый выпиваетъ по нѣскольку бутылокъ портера, или элю и послѣ этого пріѣдутъ домой, какъ ни въ чемъ не бывало; выкупаются только и опять готовы ѣсть.—„И ничего имъ не дѣлается“, отчасти съ досадой прибавилъ онъ:—„ровно ничего, только краснѣютъ, да толстѣютъ; а я вотъ совсѣмъ не пью вина, ѣмъ мало, а долженъ былъ удалиться на полгода сюда, чтобъ полечиться“.

— „Но это даромъ не проходитъ имъ“, сказалъ онъ, помолчавъ:—„они крѣпки до времени, а въ извѣстныя лѣта силы вдругъ измѣняютъ, и вы увидите въ Англіи многихъ индійскихъ героевъ, которые сидятъ по угламъ, не сходя съ креселъ, или таскаются съ однѣхъ минеральныхъ водъ на другія“.—„Долго ли вы пробудете здѣсь?“ спросили мы доктора.—„Я взялъ отпускъ на годъ“, отвѣчалъ онъ:—„мнѣ осталось всего до пенсіи года три. Надо прослужить 17 лѣтъ. Не знаю, зачтутъ ли мнѣ этотъ годъ. Теперь составляются новыя правила о службѣ въ Индіи; мы не знаемъ, что̀ еще

будетъ". Мы спросили, зачѣмъ онъ избралъ мысъ Доброй Надежды, а не другое мѣсто для отдыха.—„Ближайшее", отвѣчалъ онъ,—„и притомъ переѣздъ дешевле, нежели куда-нибудь. Я хотѣлъ ѣхать въ Австралію, въ Сидней, но туда стало много ѣздить эмигрантовъ, и мѣста на порядочныхъ судахъ очень дороги. А насъ двое: я и жена; жалованья я получаю всего отъ 800 до 1000 ф. стерл." (отъ 5 до 6000 р.). —„Куда же отправитесь, выслуживъ пенсію?"—И самъ не знаю; можетъ быть во Францію..."—„А вы знаете по-французски?—„О, да..."—„Въ самомъ дѣлѣ?" И мы живо заговорили съ нимъ, а до тѣхъ поръ, правду сказать, кромѣ А., который отлично говоритъ по-англійски, у насъ рты были точно зашиты. Докторъ говорилъ по французски прекрасно, какъ не говоритъ ни одинъ англичанинъ, хоть онъ живи сто лѣтъ во Франціи.—„Да онъ жидъ, господа!" сказалъ вдругъ одинъ изъ нашихъ товарищей. Жидъ—какая догадка! Мы пристальнѣе всмотрѣлись въ него: лицо блѣдное, волосы русые, профиль... профиль точно еврейскій—сомнѣнія нѣтъ. Несмотря однакожъ на эту догадку, у насъ еще были скептики, оспаривавшіе это мнѣніе.—Да нѣтъ, все въ немъ не англійское: не смотритъ онъ вытаращa глаза; не сжата у него, какъ у англичанъ, и самая мысль, сужденіе, въ какіе-то тиски; не цѣдитъ онъ ее неуклюже, сквозь зубы, по слову. У этого мысль льется такъ игриво и свободно: видно, что умъ не задавленъ предразсудками; не рядится взглядъ его въ англійскій покрой, какъ въ накрахмаленный галстухъ: ну, словомъ, все, какъ только можетъ быть у космополита, то-есть у жида. Выдалъ ли бы англичанинъ своихъ пьяницъ?.. Догадка о его національности оставалась все еще безъ доказательствъ, и докторъ могъ надѣяться прослыть за англичанина или француза, еслибъ самъ себѣ не нанесъ рѣшительнаго удара. Не прошло получаса послѣ этого разговора, говорили о другомъ. Докторъ разспрашивалъ о

службѣ нашей, о чинахъ, всего больше о жалованьѣ, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, быстро спросилъ:—А на какомъ положеніи живутъ у васъ жиды?—Всѣ сомнѣнія исчезли.

Кто бы онъ ни былъ, если и жидъ, но онъ былъ самый любезный, образованный и обязательный человѣкъ.—„Вамъ скучно по вечерамъ", сказалъ онъ однажды:—„здѣсь есть клубъ: вамъ предоставленъ свободный входъ. Вы познакомитесь съ здѣшнимъ обществомъ, почитаете газету, выкурите сигару: все лучше, нежели однимъ сидѣть по нумерамъ. Да вотъ не хотите ли теперь? Пойдемте!"

Мы пошли. Клубъ, какъ всѣ клубы: рядъ освѣщенныхъ комнатъ, кучи журналовъ, толпа лакеевъ и буфетъ. Но, видно, было еще рано: комнаты пусты, только въ бильярдной собралось человѣкъ пятнадцать. Пятеро, безъ сюртуковъ, въ однихъ жилетахъ, играли; прочіе, молча, смотрѣли на игру. Между играющими обращалъ на себя особенное вниманіе пожилой, невысокаго роста человѣкъ, съ просѣдью, одѣтый въ красную куртку, въ синіе панталоны, безъ галстуха.—„Замѣтьте этого джентльмена", сказалъ намъ докторъ и тотчасъ же познакомилъ насъ съ нимъ. Тотъ пожалъ намъ руки, хотѣлъ что-то сказать, но голоса три закричали ему: —„Вамъ, вамъ играть!" и онъ продолжалъ игру.—„Кто жъ это?" спросили мы доктора. Онъ замялся нѣсколько. —„Игрокъ, если хотите", сказалъ онъ.—„Ну, спасибо за знакомство" подумалъ я. Докторъ какъ-будто угадалъ мою мысль.—„Я познакомилъ васъ съ нимъ потому," прибавилъ онъ,—„что это замѣчательный человѣкъ умомъ, образованіемъ, приключеніями, и также счастьемъ въ игрѣ. Вамъ любопытно будетъ поговорить съ нимъ: онъ знаетъ все. У него огромный кредитъ здѣсь, въ Китаѣ, въ Австраліи, и его векселя уважаются, какъ банкирскіе. А этотъ молодой человѣкъ",—продолжалъ докторъ, указывая на другаго джентль-

мена, недурнаго собой, съ усиками,—„замѣчателенъ тѣмъ, что онъ очень богатъ, а между-тѣмъ служитъ въ военной службѣ, просто изъ страсти къ приключеніямъ“.

Мнѣ однакожъ не интересно казалось смотрѣть на катанье шаровъ, и я, предоставивъ своимъ товарищамъ этихъ героевъ, сѣлъ въ уголъ. Мнѣ становилось скучно, я помышлялъ какъ бы уйти. Зову ихъ—нейдутъ:—„Сейчасъ, да погодите“. Я ушелъ потихоньку одинъ, но дома было тоже не весело. Тамъ остался нашъ докторъ, еще натуралистъ, да молодой З. Всѣ они легли спать; натуралистъ, если и не спалъ, то копался съ слизняками, раками, или букашками; онъ чистилъ ихъ, сушилъ и т. п.. Но я придумалъ средство вызвать товарищей изъ клуба. Они послѣ обѣда просили м-съ Вельчъ и Каролину пить чай en famille, вмѣстѣ, какъ это дѣлается у насъ, въ Россіи. Такъ, романтизмъ! Но тѣ и понять не могли, зачѣмъ это, и уклонились. На этомъ основалъ я свою хитрость и отправился въ клубъ. Игрокъ говорилъ съ Б.,—П. съ англійскимъ докторомъ. Долго я ловилъ свободную минуту, наконецъ улучилъ и сказалъ самымъ небрежнымъ тономъ, что я былъ дома и что старуха Вельчъ спрашивала, куда всѣ разбѣжались.—„А ей что?“ спросилъ П.—„Да не знаю“, равнодушно отвѣчалъ я:—„вы просили, кажется, Каролину чай разливать...“

— „Это не я, а Б.“, перебилъ меня П.—„Ну, не знаю, только Каролина сидитъ тамъ за чашками и ждетъ“. Я оставилъ П. и перешелъ къ Б.—„Вы, что ли, просили старуху Вельчъ и Каролину чай пить вмѣстѣ...“—Нѣтъ, не я, а П.“, сказалъ онъ;—„а что?“—„Да чай готовъ и Каролина ждетъ...“ Я хотѣлъ обратиться къ П., чтобъ убѣдить его идти, но его уже не было.—„А этотъ господинъ игрокъ, въ красной курткѣ, вовсе не занимателенъ“, замѣтилъ, зѣвая, Б.—„Лучше гораздо идти лечь спать“. Мы пошли и застали П. въ комнатѣ у хозяекъ: обѣ онѣ зѣвали—старуха со всею

откровенностью, Каролина силилась прикрыть зѣвоту улыбкою. О чаѣ ни тотъ, ни другой не спросили ни меня, ни ихъ: они поняли все. Мы вышли на крыльцо, которое выходитъ на дворъ, сѣли подъ виноградными листьями и напились чаю одни-одинёхоньки. Добрый П. сталъ увѣрять, что онъ ясно видѣлъ мою хитрость, а Б. молчалъ и только на другой день сознался, что вчера онъ готовъ былъ драться со мной.

Утромъ опять явился Вандикъ спросить, готовы ли мы ѣхать; но мы не были готовы: у кого платье не поспѣло, тотъ деньги не успѣлъ размѣнять. Просили пріѣхать въ два часа. Вандикъ, съ неизмѣнной улыбкой, поклонился и ушелъ. Въ два часа явились передъ крыльцомъ двѣ *кареты;* каждая запряжена была четверкой, по двѣ въ рядъ. И малаецъ Ричардъ, и другой, черный слуга, и бѣлый, подслѣповатый англичанинъ, наконецъ сама М-съ Вельчъ и Каролина, всѣ вышли на крыльцо провожать насъ, когда мы садились въ экипажи:—„Good journey, happy voyage!“ говорили онѣ. Моросилъ дождь, когда мы выѣхали за городъ, и, обогнувъ Столовую гору и Чортовъ пикъ, поѣхали по прекрасному шоссе, въ виду залива, между фермъ, хижинъ, болотъ, песку и кустовъ. Еслибъ не декорація горъ впереди и по бокамъ, то хоть спать ложись. Но намъ было не до спанья: мы радовались, что, по обязательности адмирала, съ помощію взятыхъ имъ у банкировъ Томсона и К° рекомендательныхъ писемъ, мы увидимъ много новаго и занимательнаго.

Я припоминалъ все, что́ читалъ еще у Вальяна о Мысѣ и о другихъ: описаніе песковъ, зноя, сраженій со львами, о фермерахъ, и не вѣрилось мнѣ, что я ѣду по тѣмъ самымъ мѣстамъ, что я въ 10,000 миляхъ отъ отечества. Я ласкалъ глазами каждый кустъ и траву, то крупную, сочную, то сухую, какъ вѣникъ. Мы проѣхали мимо обсерваторіи, построенной на луговинѣ, на берегу залива, верстахъ въ

четырехъ отъ города. Я думалъ, что Гершель здѣсь дѣлалъ свои знаменитыя наблюденія надъ луной и двойными звѣздами, но намъ сказали, что его обсерваторія была устроена въ мѣстечкѣ Винбергъ, близь Констанской горы, а эта принадлежитъ правительству. Дождь переставалъ по временамъ и тогда на кустахъ порхало множество разнообразныхъ птицъ. Я замѣтилъ одну, синюю, съ хвостомъ болѣе четверти аршина длиной. Она называется sugarbird (сахарная птица) оттого, что постоянно водится около такъ называемаго сахарнаго кустарника. Дикія канарейки, поменьше немного, погрубѣе цвѣтомъ цивилизованныхъ, и не такъ ярко окрашенныя въ желтый цвѣтъ, какъ тѣ, стаями перелетали изъ куста въ кустъ: мелькали еще какія-то зеленыя, коричневыя птицы. Кромѣ нихъ, медленными кругами носились въ воздухѣ коршуны; близь жилыхъ мѣстъ появлялись и вороны, гораздо ярче колоритомъ нашихъ: черный цвѣтъ былъ на нихъ чернѣе и рѣзко оттѣнялся отъ свѣтлыхъ пятенъ. Около домовъ летали капскіе пѣгіе голуби, ласточки и воробьи. Въ колоніи считается болѣе породъ птицъ, нежели во всей Европѣ, и именно до шестисотъ. Кусты мѣстами были такъ часты, что составляли непроходимый лѣсъ; но они малорослы, а за ними далеко виднѣлись, или необработанныя песчаныя равнины, или дикія горы, у подошвы которыхъ бѣлѣли фермы, съ яркой густой зеленью вокругъ.

КАПСКАЯ КОЛОНІЯ.

Скажите, положа руку на сердце: знаете ли вы хорошенько, что такое Капская колонія? Не сердитесь, ни за этотъ вопросъ, ни за сомнѣніе. Я увѣренъ, что вы знаете исторію Капа и колоніи, немного этнографію ея, статистику, но все это за старое время. А знаете ли вы современную исторію, нравы, все, что̀ случилось въ послѣднія трид-

цать, сорокъ лѣтъ? Я увѣренъ, что не совсѣмъ, или даже совсѣмъ не знаете, кромѣ только развѣ того, что колонія эта принадлежитъ англичанамъ. Я не помню, чтобъ въ нашей литературѣ являлись въ послѣднее время какія-нибудь свѣдѣнія объ этомъ краѣ, не знаю также ничего замѣчательнаго и на французскомъ языкѣ. По-англійски большинство нашей публики почти не читаетъ, между тѣмъ въ Англіи, а еще болѣе здѣсь, въ Капѣ, описаніе Капа и его колоніи образуетъ почти цѣлую, особую литературу. Имена писателей у насъ неизвѣстны, между тѣмъ сочиненія ихъ—подвиги въ своемъ родѣ; подвиги потому, что у нихъ не было предшественниковъ, никто не облегчалъ ихъ трудовъ ранними труженическими изысканіями. Они сами должны были читать исторію края, на пескахъ, на каменныхъ скрижаляхъ горъ, гдѣ не осталось никакихъ слѣдовъ минувшаго. Какихъ трудовъ стоила имъ всякая этнографическая ипотеза, всякое филологическое соображеніе, которое надо было основывать на скудныхъ, почти нечеловѣческихъ звукахъ языковъ здѣшнихъ народовъ! А между-тѣмъ нашлись люди, которые не испугались этихъ неблагодарныхъ трудовъ: они исходили взадъ и впередъ колонію и, несмотря на скудость источниковъ, подъ этимъ палящимъ солнцемъ, написали цѣлые томы. Кто жъ это? Присяжные ученые, труженики, герои науки, жертвы любознанія? Нѣтъ, просто любители, которые занялись этимъ мимоходомъ, сверхъ своей прямой обязанности: миссіонеры и военные. Одни шли съ крестомъ въ эти пустыни, другіе съ мечомъ. Съ ними проникло пытливое знаніе и перо. Сочиненія Содерлендовъ, Барро, Смитовъ, Чезовъ, и многихъ, многихъ другихъ, о Капѣ, образуютъ цѣлую литературу, исполненную безкорыстнѣйшихъ и добросовѣстнѣйшихъ разысканій, которыя современемъ послужатъ основнымъ камнемъ полной исторіи края.

Что̀ же такое Капская колонія? Если обратишься съ этимъ вопросомъ къ курсу географіи, получишь въ отвѣтъ, что пространство занимаемое колоніею, граничитъ къ сѣверу рѣкою Кейскамма, а въ газетахъ, помнится, читалъ, что граница съ-тѣхъ-поръ во второй, или третій разъ мѣняетъ мѣсто, и обѣщаютъ, что она не разъ отодвинется дальше. На картѣ показано, что отъ такого-то градуса и до такого живутъ негры того или другаго племени, а по новѣйшимъ извѣстіямъ оказывается, что это племя оттѣснено въ другое мѣсто. Если прибѣгнешь за справками къ путешественникамъ, найдешь у каждаго ту же разноголосицу показаній, и всѣ они вѣрны, каждое своему моменту, именно моменту, потому-что здѣсь все измѣняется не по днямъ, а по часамъ.

Здѣсь все въ полномъ броженіи теперь: всеодолѣвающая энергія человѣка борется почти съ неодолимою природою, духъ—съ матеріей, жадность пріобрѣтенія—съ скупостью безплодія. Но осадка еще мало, еще нельзя опредѣлить, въ какую физіономію сложатся эти неясныя черты страны и ея народонаселенія. Дѣло мало двинуто впередъ, и наблюдатель, изъ настоящаго положенія, не выведетъ вѣрнаго заключенія о будущей участи колоніи. Ему остается только слѣдить, собирать факты и строить цѣлый міръ догадокъ. Въ матеріалахъ недостатка нѣтъ: настоящій моментъ—самый любопытный въ жизни колоніи. Въ эту минуту обработываются главные вопросы, обусловливающіе ея существованіе, именно о томъ, что̀ ожидаетъ колонію, то-есть останется ли она только колоніею европейцевъ, какъ оставалась подъ владычествомъ голландцевъ, ничего не сдѣлавшихъ для черныхъ племенъ, и представитъ въ будущемъ незанимательный уголокъ европейскаго народонаселенія, или черные, какъ законные дѣти одного отца, наравнѣ съ бѣлыми, будутъ раздѣлять завѣщанное и имъ наслѣдіе свободы, религіи, цивилизаціи? За этимъ слѣдуетъ второй, также важный

вопросъ: принесетъ ли европейцамъ побѣда надъ дикими и природой то вознагражденіе, котораго они въ правѣ ожидать за положенные громадные труды и капиталы, или эти труды останутся только безкорыстнымъ подвигомъ, подъятымъ на пользу человѣчества? На эти вопросы пока нѣтъ отвѣта — такъ мало еще европейцы сдѣлали успѣха въ цивилизаціи страны или, лучше сказать, какъ мало страна покоряется соединеннымъ усиліямъ ума, воли и оружія. Въ другихъ мѣстахъ, куда являлись бѣлые съ трудомъ и волею, подвигъ велъ за собой почти немедленное вознагражденіе: едва успѣвали они миролюбиво, или силой оружія, завязывать сношеніе съ жителями, какъ начиналась торговля, размѣнъ произведеній, и побѣдители, въ самомъ началѣ завоеванія, могли удовлетворить по-крайней-мѣрѣ своей страсти къ пріобрѣтенію. Даже въ Восточной Индіи, гдѣ цивилизація до-сихъ-поръ встрѣчаетъ почти неодолимое сопротивленіе въ духѣ кастъ, каждый занятый пришельцами вершокъ земли, немедленно приносилъ имъ соразмѣрную выгоду богатыми дарами почвы. Въ южной Африкѣ нѣтъ и этого: почва ея неблагодарна, произведенія до-сихъ-поръ такъ скудны, что едва покрываютъ издержки хлопотъ. Винодѣліе, процвѣтающее на морскихъ берегахъ, даетъ только средства къ безбѣдному существованію небольшому числу фермеровъ и скудное пропитаніе нѣсколькимъ тысячамъ черныхъ. Прочіе промыслы, какъ, напримѣръ, рыбная и звѣрная ловля, незначительны и не въ состояніи прокормить самихъ промышленниковъ; для торговли эти промыслы едва доставляютъ нѣсколько неважныхъ предметовъ, какъ-то: шкуръ, роговъ, клыковъ, которые не составляютъ общихъ, отдѣльныхъ статей торга. Самые важные промыслы—скотоводство и земледѣліе; но они далеко еще не достигли того состоянія, въ которомъ можно было бы ожидать отъ нихъ полнаго вознагражденія за трудъ.

А между-тѣмъ, какихъ усилій стоитъ каждый сдѣланный шагъ впередъ! Черныя племена до сихъ-поръ не поддаются, ни силѣ проповѣди, ни удобствамъ европейской жизни, ни очевидной пользѣ ремеслъ, наконецъ ни искушеніямъ золота, словомъ, не признаютъ выгодъ и необходимости порядка и благоустроенности.

Мѣстность страны—неограниченныя пустыя пространства, даетъ имъ средства противиться силѣ оружія. Каждый шагъ выжженной солнцемъ почвы омывается кровью; каждая гора, кустъ, представляютъ естественную преграду бѣлымъ и служатъ защитой и убѣжищемъ черныхъ. Наконецъ, европеецъ старается склонить чернаго къ добру мирными средствами: онъ протягиваетъ ему руку, даритъ плугъ, топоръ, гвоздь—все, что полезно тому; черный, истративъ жизненные припасы и военные снаряды, пожимаетъ протянутую руку, приноситъ за плугъ и топоръ слоновыхъ клыковъ, звѣриныхъ шкуръ, и ждетъ случая угнать скотъ, перерѣзать *враговъ* своихъ, а послѣ этой трагической развязки, удаляется въ глубину страны—до новой комедіи, то-есть до заключенія мира.

Долго ли такъ будетъ? скоро ли европейцы продолжатъ незаметаемый путь въ отдаленныя убѣжища дикарей и скоро ли послѣдніе сбросятъ съ себя это постыдное названіе? Рѣшеніемъ этого вопроса рѣшится и предъидущій, то-есть о томъ, будутъ ли вознаграждены усилія европейца, удастся ли, съ помощью уже недикихъ братьевъ, извлечь изъ скупой почвы, посредствомъ искусства, все, что можетъ только она дать человѣку за трудъ? усовершенствуетъ ли онъ всѣми средствами, какими обладаетъ цивилизація, продукты и промыслы? возведетъ ли послѣдніе въ степень систематическаго занятія туземцевъ? откроетъ ли, или привьетъ новыя отрасли, до-сихъ-поръ чуждыя странѣ?

Теперь на мысѣ Доброй Надежды, по берегамъ, евро-

пейцы пустили глубоко корни; но кто хочетъ видѣть страну и жителей въ первобытной формѣ, тотъ долженъ проникнуть далеко внутрь края, то-есть почти выѣхать изъ колоніи, а это не шутка: граница отодвинулась далеко на сѣверъ и продолжаетъ отодвигаться все далѣе и далѣе.

Природныхъ черныхъ жителей нѣтъ въ колоніи, какъ граждан своей страны. Они тутъ слуги, рабочіе, кучера, словомъ наемники колонистовъ, и то недавно наемники, а прежде рабы. Сильныя и наиболѣе дикія племена, тѣснимыя цивилизаціею и войною, углубились далеко внутрь; другія, послабѣе и посмирнѣе, тѣснимыя первыми изнутри и европейцами отъ береговъ, поддались не цивилизаціи, а силѣ обстоятельствъ и оружія, и идутъ въ услуженіе къ европейцамъ, раздѣляя ихъ образъ жизни, пищу, обычаи, и даже религію, несмотря на то, что въ 1834 г. они освобождены отъ рабства и, кажется, могли бы выбрать сами себѣ мѣсто жительства и промыслъ. Повидимому имъ и въ голову не приходитъ о возможности пользоваться предоставленными имъ правами свободнаго состоянія и сравняться нѣкогда съ своими завоевателями. Путешественникъ почти совсѣмъ не видитъ деревень и хижинъ дикихъ, да и немного встрѣтитъ ихъ самихъ: все занято пришельцами, то-есть европейцами и малайцами, но не тѣми малайцами, которые заселяютъ индійскій архипелагъ: африканскіе малайцы распространились будто бы, по словамъ новѣйшихъ изыскателей, изъ Аравіи, или изъ Египта, до мыса Доброй Надежды. Этотъ важный этнографическій вопросъ еще не рѣшенъ. Судя по чертамъ лицъ ихъ, имѣющихъ много общаго съ лицами обитателей ближайшаго къ намъ Востока, не задумаешься ни минуты причислить ихъ къ сѣверо-восточнымъ племенамъ Африки. Недавно только отведена для усмиренныхъ каффровъ цѣлая область, подъ именемъ Британской Каффраріи, о чемъ сказано будетъ ниже, и предо-

ставлено имъ право селиться и жить тамъ, но подъ вліяніемъ, то-есть подъ надзоромъ англійскаго колоніальнаго правительства. Область эта окружена со всѣхъ сторонъ британскими владѣніями: какъ и долго ли уживутся безпокойныя племена, подъ ферулой европейской цивилизаціи и оружія, сблизятся ли съ своими побѣдителями и просвѣтителями— эти вопросы могутъ быть разрѣшены только временемъ.

Нужно ли говорить, кто хозяева въ колоніи? конечно, европейцы, и изъ европейцевъ, конечно, англичане. Голландцамъ принадлежитъ второстепенная роль, и то потому только, что они многочисленны и давно обжились въ колоніи. Должно ли жалѣть объ утраченномъ владычествѣ голландцевъ и пѣнять на властолюбіе или, вѣрнѣе, корыстолюбіе англичанъ, воспользовавшихся единственно правомъ сильнаго, чтобъ завладѣть этимъ мѣстомъ, которое имъ нужно было, какъ переходный пунктъ на пути въ Остъ-Индію? Если прослѣдить исторію колоніи со времени занятія ся европейцами въ теченіе двухвѣковаго голландскаго владычества и сравнить съ состояніемъ, въ которое она поставлена англичанами съ 1809 года, то не только оправдаешь насильственное занятіе колоніи англичанами, но и порадуешься, что это случилось такъ, а не иначе.

Здѣсь предлагается нѣсколько историческихъ, статистическихъ и другихъ свѣдѣній о Капской колоніи, извлеченныхъ, частью изъ офиціальныхъ колоніальныхъ источниковъ, частью изъ прекрасной нѣмецкой статьи: *Das Cap der guten Hoffnung*, помѣщенной въ 4-мъ томѣ *Gegenwart*, *энциклопедическаго описанія новѣйшей исторіи*. Эта статья составляетъ систематическое и подробное описаніе колоніи въ историческомъ, естественномъ и другихъ отношеніяхъ.

Мысъ Доброй Надежды открытъ былъ въ блистательную эпоху мореплаванія, въ 1493 году, португальцемъ Діазомъ (Diaz), который назвалъ его *Мысомъ Бурь*.

Но португальскій король Іоаннъ II, радуясь открытію новаго, ближайшаго пути въ Индію, далъ Мысу Бурь нынѣшнее его названіе. Послѣ того посѣщали мысъ, въ 1497 году, Васко де-Гама, а еще позже бразильскій вице-король Франциско де-Альмейда, послѣдній, съ цѣлью войти въ торговыя сношенія съ жителями. Но люди его экипажа поссорились съ черными, которые умертвили самого вице-короля и около 70 человѣкъ португальцевъ.

Голландцы, на пути въ Индію и оттуда, начали заходить на мысъ и вымѣнивали у жителей провизію. Потомъ уже Голландская Остъ-Индская компанія, по предложенію врача фонъ-Рибека, заняла Столовую бухту.

Въ 1652 году голландцы заложили тамъ крѣпость и такимъ образомъ возникъ Капштатъ. Они быстро распространились внутрь края, произвольно занимая впустѣ-лежащія земли и оттѣсняя жителей отъ береговъ. Со стороны дикихъ спачала они не встрѣчали сопротивленія. Послѣдніе, за разныя европейскія издѣлія, но всего болѣе за табакъ, водку, желѣзныя орудія и тому подобные предметы, охотно уступали имъ, не только земли, но и то, что составляло ихъ главный промыслъ и богатство—скотъ.

Голландскіе фермеры до-сихъ-поръ владѣютъ большими пространствами земли: это произошло отъ системы произвольной раздачи ея поселенцамъ. Всякій изъ нихъ бралъ столько земли во владѣніе, сколько могъ окинуть взглядомъ. Отъ этого многія фермы и теперь отстоятъ на сутки ѣзды одна отъ другой. Фермеры, удаляясь отъ центра управленія колоніи, почувствовали себя какъ-бы независимыми владѣльцами и не замедлили подчинить своей власти туземцевъ, и именно готтентотовъ. Распространяясь далѣе къ востоку, голландцы встрѣтились съ каффрами, извѣстными подъ общимъ, собирательнымъ именемъ *Амакоза*. Послѣдніе вели кочевую жизнь и, въ эпоху основанія колоніи, прикочевали

съ сѣвера къ востоку, къ рѣкѣ Кей, подъ предводительствомъ знаменитаго вождя Тогу (Toguh), отъ котораго многіе последующіе вожди, и между прочимъ извѣстнѣйшіе изъ нихъ, Гаика и Гница, ведутъ свой родъ.

Каффры, или Амакоза, продолжали распространяться къ западу, перешли большую „Рыбную рѣку" (Fishriver) и заняли нынѣшнюю провинцію Альбани, до „Воскресной рѣки".

Голландцы продолжали распространяться внутрь, не встрѣчая препятствій, потому-что каффры, кочуя по пустымъ пространствамъ, не успѣли еще сосредоточиться въ одномъ мѣстѣ. Имъ даже нравилось сосѣдство голландцевъ, у которыхъ они могли воровать скотъ, по наклонности своей къ грабежу и къ скотоводству, какъ къ промыслу, свойственному всѣмъ кочующимъ народамъ.

Гористая и лѣсистая мѣстность „Рыбной рѣки" и нынѣшней провинціи „Альбани" способствовала грабежу и манила ихъ селиться въ этихъ мѣстахъ. Здѣсь возникли первыя непріязненныя стычки съ дикими, вовлекшія потомъ бѣлыхъ и черныхъ въ нескончаемую доселѣ вражду. Всякій, кто читалъ прежнія извѣстія о голландской колоніи, конечно помнитъ, что они были наполнены безчисленными эпизодами о схваткахъ поселенцевъ съ двумя непріятелями, каффрами и дикими звѣрями, которые нападали съ одной цѣлью: похищать скотъ.

Нельзя не отдать справедливости неутомимому терпѣнію голландцевъ, съ которымъ они старались, при своихъ малыхъ средствахъ, водворять хлѣбопашество и другія отрасли земледѣлія въ этой странѣ; какъ настойчиво преодолѣвали всѣ препятствія, сопряженныя съ такимъ трудомъ, на новой, нетронутой почвѣ.

Они цѣликомъ перенесли сюда все свое голландское хозяйство, и противопоставивъ палящему солнцу, пескамъ, го-

рамъ, разбоямъ и грабежамъ каффровъ, почти одну свою фламандскую флегму, достигли тѣхъ результатовъ, къ какимъ только могло ихъ привести, за недостаткомъ положительной и живой энергіи, это отрицательное и мертвое качество, т. е. хладнокровіе. Они, посредствомъ его, какъ другіе посредствомъ военныхъ или административныхъ мѣръ, достигли чего хотѣли, т. е. заняли земли, взяли въ невольничество, сколько имъ нужно было, черныхъ, привили земледѣліе, добились умѣреннаго сбыта продуктовъ и зажили, какъ живутъ въ Голландіи, тою жизнью, которою жили, столѣтія тому назадъ, не задерживая и не подвигая успѣха впередъ. Они до-сихъ-поръ еще пашутъ тѣмъ же тяжелымъ, огромнымъ плугомъ, какимъ пахали за двѣсти лѣтъ, впрягая въ него до двѣнадцати быковъ; до сихъ поръ у нихъ та же неуклюжая борона. Плодоперемѣнное хозяйство имъ неизвѣстно. Англійскія земледѣльческія орудія кажутся имъ черезчуръ легкими и хрупкими. Скотоводство распространилось довольно-далеко во внутренность края, и фермеры, занимающіеся имъ, зажиточны, но образъ жизни ихъ довольно грубъ и грязенъ. Недостатокъ въ водѣ, ощущаемый внутри края, заставляетъ ихъ иногда кочевать съ мѣста на мѣсто.

Лучшіе и богатѣйшіе изъ голландцевъ—винопроизводители. Винодѣліе введено въ колонію французскими эмигрантами, удалившимися сюда по случаю отмѣны нантскаго эдикта. Въ колоніи, а именно въ западной части, на приморскихъ берегахъ, производится большое количество вина почти отъ всѣхъ сортовъ французскихъ лозъ, отъ которыхъ удержались даже и названія. Вино, кромѣ потребленія въ колоніи, вывозится въ значительномъ количествѣ въ Европу, особенно въ Англію, гдѣ оно служитъ къ замѣну хереса и портвейна, которыхъ Испанія и Португалія не производятъ достаточно для снабженія одной Англіи.

Эмигранты, вмѣстѣ съ искусствомъ виподѣлія, занесли на Мысъ свои нравы, обычаи, вкусъ и нѣкоторую степень роскоши, что все привилось и къ фермерамъ. Близость къ Капштату поддержала въ западныхъ фермерахъ до-сихъ-поръ эту утонченность нравовъ, о которой не имѣютъ понятія восточные, скотопромышленные хозяева.

Но вліяніе эмигрантовъ тѣмъ и кончилось. Сами они исчезли въ голландскомъ народонаселеніи, оставивъ по себѣ потомкамъ своимъ только французскія имена.

Между фермерами, чиновниками и другими лицами колоніи, слышатся фамиліи Руже, Лесюеръ и т. п.; всматриваешься въ нихъ, ожидая встрѣтить что-нибудь, напоминающее французовъ, и видишь чистѣйшаго голландца. Есть еще и доселѣ въ западной сторонѣ цѣлое мѣстечко, населенное потомками этихъ эмигрантовъ и извѣстное подъ названіемъ French Hoek или Hook.

Голландцы многочисленны, сказано выше: дѣйствительно такъ, хотя они уступили первенствующую роль англичанамъ, т. е. почти всю внѣшнюю торговлю, навигацію, самый Капштатъ, который изъ Капштата превратился въ Кэптоунъ, но большая часть мѣстечекъ заселена ими, и фермы почти всѣ принадлежатъ имъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которыя находятся въ нѣкоторыхъ восточныхъ провинціяхъ Альбани, Каледонъ, присоединенныхъ къ колоніи въ позднѣйшія времена и заселенныхъ англійскими, шотландскими и другими выходцами.

Говоря о голландцахъ, остается упомянуть объ отдѣльной, независимой колоніи голландскихъ, такъ-называемыхъ, *буровъ* (boer—крестьянинъ), т. е. тѣхъ же фермеровъ, которую они основали въ 1835 году, выселившись огромной толпой за черту границы. Вотъ какъ это случилось. Прежде, однакожъ, слѣдуетъ напомнить вамъ, что въ 1795 году колонія была занята силою оружія англичанами, которые вос-

пользовались случаемъ завладѣть этимъ важнымъ для нихъ мѣстомъ остановки на пути въ Индію. По амьенскому миру, въ 1802 г., колонія возвращена была Голландіи, а въ 1806 г. снова взята Англіею, за которою и утверждена окончательно вѣнскимъ трактатомъ 1815 г.

Голландцы терпѣливо покорились этому трактату потому только, что имъ оставили ихъ законы и администрацію. Но въ 1827 г. обнародованъ былъ сводъ законовъ въ англійскомъ духѣ и произошли многія важныя перемѣны въ управленіи. Это раздражило колонистовъ. Нѣкоторые изъ нихъ тогда же начали мало-по-малу выселяться изъ колоніи, далѣе отъ береговъ. Потомъ, по заключеніи въ 1835 г. мира съ каффрами, англійское правительство не позаботилось оградить собственность голландскихъ колонистовъ отъ нападенія и грабежа каффровъ, имѣя всѣ средства къ тому, и наконецъ внезапнымъ освобожденіемъ невольниковъ нанесло жестокій ударъ благосостоянію голландцевъ. Правительство вознаградило ихъ за невольниковъ по вест-индскимъ цѣнамъ, тогда какъ въ Капской колоніи невольники стоили вдвое. Деньги за нихъ высылались изъ Англіи, съ разными вычетами, въ Капштатъ, куда приходилось многимъ фермерамъ ѣздить нарочно за нѣсколько сотъ миль. Все это окончательно возстановило голландцевъ, которыхъ цѣлое народонаселеніе двинулось массой къ сѣверу и, перешедши рѣку „Вааль, заняло пустыя, но прекрасныя, едва ли не лучшія во всей южной Африкѣ, пространства. Движеніе это было такъ единодушно, что многіе даже изъ сосѣднихъ къ Капштату голландцевъ бросили свои фермы, не дождавшись продажи ихъ съ аукціона, и удалились съ своими соотечественниками. Они заняли пространства въ 350 миль къ сѣверу отъ рѣки Вааль, захвативъ около полутора градуса южнаго тропика, крайній предѣлъ, до котораго достигла колонизація европейцевъ въ Африкѣ.

Опи хотѣли имѣть свои законы, управленіе, и надѣялись, что съумѣютъ, безъ помощи англичанъ, защититься противъ враговъ. И не обманулись. Страна ихъ, по отзывамъ самихъ англичанъ, находится въ цвѣтущемъ положеніи. „Буры“ раздѣлили ее на округи, построили города, церкви, и ведутъ дѣятельную, патріархальную жизнь, не уступая, по свидѣтельству многихъ англійскихъ путешественниковъ, ни въ цивилизаціи, ни въ образѣ жизни, жителямъ Капштата. Они управляются народнымъ совѣтомъ (Volksraad), имѣютъ училища и т. п. Страна чрезвычайно плодородна, способна къ земледѣлію, винодѣлію, скотоводству, и производитъ множество плодовъ. Ей предстоитъ блистательная торговая будущность, по сосѣдству ея съ англійскимъ портомъ „Наталь“ и занятымъ англичанами пространствомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ: „Orange river sovereignty“.

Англійское правительство умѣло оцѣнить независимость и уважить права этого тихаго и счастливаго уголка и заключило съ нимъ въ январѣ 1852 г. договоръ, въ которомъ, съ утвержденіемъ за бурами этихъ правъ и независимости, предложены условія взаимныхъ отношеній ихъ съ англичанами и также образа поведенія относительно цвѣтныхъ племенъ, обезпеченія торговли, выдачи преступниковъ и т. п. какъ заключаются обыкновенно договоры между сосѣдями.

Водворяя въ колоніи свои законы и администрацію, англичане разсчитывали конечно на быстрый и несомнѣнный успѣхъ, какого достигли у себя дома. Пролагая путь внутрь края оружіемъ, а еще болѣе торговлею, они скоро отодвинули границу, которая до нихъ оканчивалась „Рыбною рѣкою“,—далѣе. Англійскіе губернаторы, смѣнившіе голландскихъ, окруженные бо̀льшимъ блескомъ и болѣе богатыми средствами, обнаружили и болѣе вліянія на дикія племена, вступили въ дѣятельныя сношенія съ каффрами и, то перего-

ворами, то оружіемъ, вытѣснили ихъ изъ предѣловъ колоніи По окончаніи непріязненныхъ дѣйствій съ дикими въ 1819 г., англичане присоединили къ колоніи значительную часть земли, которая составляетъ теперь одну изъ лучшихъ ея провинцій, подъ именемъ „Албаии".

Изъ Англіи и Шотландіи, между тѣмъ, прибыли выходцы и въ бухтѣ „Альгоа" (Algoabay) завели дѣятельную торговлю съ каффрами, вслѣдствіе которой на рѣкѣ „Кейскамма" учредилась ярмарка.

Каффры приносили слоновую кость, страусовыя перья, звѣриныя кожи, и въ замѣнъ, кромѣ необходимыхъ полевыхъ орудій, разныхъ ремесленныхъ инструментовъ, одеждъ, получали, къ сожалѣнію, порохъ и крѣпкіе напитки. Новые пришельцы пріобрѣли значительныя земли и посвятили себя особой отрасли промышленности—овцеводству. Они облагородили грубую туземную овцу: успѣхъ превзошелъ ожиданія, и явилась новая, до-тѣхъ-поръ неизвѣстная статья торговли—шерсть. Еще до-сихъ-поръ не опредѣлено, до какой степени можетъ усилиться шерстяная промышленность, потому-что нельзя еще, по невѣрному состоянію края, рѣшить, ка̀къ далеко можетъ быть она распространена внутри колоніи. Но, по качествамъ своимъ, эта шерсть стоитъ наравнѣ съ австралійскою, а послѣдняя высоко цѣнится на лондонскомъ рынкѣ и предпочитается ост-индской. Вскорѣ возникъ въ этомъ углу колоніи городъ Гремъ (Grahamstown) и портъ Елизабетъ, черезъ который преимущественно производится торговля шерстью.

У англичанъ сначала не было положительной войны съ каффрами, но между тѣмъ происходили безпрестанныя стычки. Можетъ быть англичане успѣли бы въ самомъ началѣ прекратить ихъ, еслибъ они въ переговорахъ имѣли дѣло со всѣми, или по-крайней-мѣрѣ со многими главнѣйшими племенами; но они сдѣлали ошибку, обратясь въ сношеніяхъ

своихъ къ предводителямъ одного главнаго племени, Ганки. Это возбуждало зависть въ мелкихъ племенахъ, которые соединялись между собою и дѣйствовали совокупными силами противъ англичанъ, и вмѣстѣ противъ союзнаго съ ними племени Ганки.

Во всякомъ случаѣ, съ появленіемъ англичанъ, дѣятельность загорѣлась во всѣхъ частяхъ колоніи, торговая, военная, административная. Вскорѣ основали на „Кошачьей рѣкѣ“ (Katriver) поселеніе изъ готтентотовъ; въ самой Каффріи поселились миссіонеры. Послѣдніе, однакожъ, дѣйствовали не совсѣмъ добросовѣстно: они возбуждали и каффровъ, и готтентотовъ къ возстанію, имѣя въ виду образовать изъ нихъ одинъ народъ и обезпечить надъ нимъ свое господство. Колоніальное правительство принуждено было, между тѣмъ, вытѣснить нѣкоторыя, наиболѣе враждебныя племена, сильно тревожившія колонію своими мелкими набѣгами и грабежемъ, изъ занятыхъ ими мѣстъ. Все это повело къ первой, вспыхнувшей въ 1834 году, серьезной войнѣ съ каффрами.

Сверхъ провинціи „Альбани“, англичане пріобрѣли для колоніи два новые округа и назвали ихъ „Альбертъ“ и „Викторія“, и еще большое и богатое пространство земли между старой колоніальной границей и „Оранжевой рѣкой“, такъ-что нынѣшняя граница колоніи простирается отъ устья рѣки „Кейскаммы“ по прямой линіи къ сѣверу, до 30° 30′ ю. ш. по Оранжевой рѣкѣ, и идучи по этой послѣдней, доходитъ до Атлантическаго океана.

Вся колонія раздѣлена на 20 округовъ, имѣющихъ свои мелкія подраздѣленія. Каждый округъ ввѣренъ чиновнику, завѣдывающему судебною и финансовою частями. Для любопытныхъ сообщаются здѣсь названія всѣхъ этихъ провинцій или округовъ, заимствованныя изъ капскихъ офиціальныхъ источниковъ. Капъ, Мельмсбери (Melmsbery), Стелленбошъ, Паарль, Устеръ (Worcester), Свеллендамъ,

Каледонъ, Кленвильямъ, Джорджъ и Бофортъ составляютъ западную часть, а Альбани, портъ Бофортъ, Граафъ-Рейнетъ, Сомерсетъ, Кольсбергъ, Кредокъ, Уитенхагъ (Uitenhage), портъ Елизабетъ, Альбертъ и наконецъ Викторія—восточную.

Съ распространеніемъ владѣній колоніи, Англичане постепенно ввели всю систему англійскаго управленія. Высшая власть ввѣрена губернатору; но какъ губернаторъ въ военное время имѣетъ пребываніе на границахъ колоніи, то гражданская власть возложена на его помощника или намѣстника (lieutenant). Законодательная часть принадлежитъ такъ называемому *Законодательному Совѣту* (Legislative Council), состоящему изъ пяти офиціальныхъ и восьми приватныхъ членовъ. Офиціальные состоятъ изъ самого губернатора, потомъ втораго, начальствующаго по арміи, секретаря колоніи, интенданта и казначея. Остальные выбираются губернаторомъ изъ лицъ колоніи. Проектъ закона вносится дважды въ Совѣтъ: послѣ перваго прочтенія онъ печатается въ капштатскихъ вѣдомостяхъ, послѣ втораго принимается, или отвергается. Въ первомъ случаѣ онъ представляется на утвержденіе лондонскаго министерства. Исполнительною властью завѣдываетъ *Исполнительный Совѣтъ* (Executive Council). Это родъ тайнаго совѣта губернатора, который впрочемъ самъ, не только не подчиненъ ни тому, ни другому совѣтамъ, но онъ можетъ даже пустить предложенный имъ законъ въ ходъ, хотя бы Законодательный Совѣтъ и не одобрилъ его, и примѣнять до утвержденія англійскаго колоніальнаго министра.

Наконецъ англичане ввели также свою систему податей и налоговъ. Можетъ быть нѣкоторые изъ послѣднихъ покажутся преждевременными для молодаго, только-что формирующагося гражданскаго общества, но они по-большей-части оправдываются значительностію издержекъ, которыхъ

требовало и требуетъ содержаніе и управленіе колоніи и особенно частыя и трудныя войны съ каффрами. Впрочемъ, въ 1837 году, нѣкоторые налоги были отмѣнены, напримѣръ налогъ съ дохода, съ слугъ, также съ нѣкоторыхъ продуктовъ. Многіе ошибочно думаютъ, что вообще колоніи, и въ томъ числѣ капская, доходами своими обогащаютъ британскую казну; напротивъ, послѣдняя сама должна была тратить огромныя суммы. Единственная привилегія англичанъ состоитъ въ томъ, что они установили по 12% таможенной пошлины съ иностранныхъ привозныхъ товаровъ и по 5% съ англійскихъ. Но какъ весь привозъ товаровъ въ колонію простирался на сумму около $1^1/_2$ милліона фунт. ст., и именно: въ 1851 году черезъ Капштатъ, Саймонстоунъ, порты—Елизабетъ и Восточный Лондонъ, привезено товаровъ на 1,277,045 фунт. ст., въ 1852 г. на 1,675,686 фунт. ст., а вывезено черезъ тѣ же мѣста, въ 1851 г. на 637,282, въ 1852 г. на 651,483 фунт. ст., и таможенный годовой доходъ составлялъ въ 1849 г. 84,256, въ 1850 г. 102,173 и 1851 г. 111,260 фунт. ст., то нельзя и изъ этого заключить, чтобы англичане черезчуръ эгоистически заботились о своихъ выгодахъ, особенно если принять въ соображеніе, что бо̀льшая половина товаровъ привозится не на англійскихъ, а на иностранныхъ судахъ.

Напротивъ, судя по расходамъ, какихъ требуютъ разныя учрежденія, работы, и особенно войны съ каффрами, надо еще удивляться умѣренности налоговъ. Лучшимъ доказательствомъ этой умѣренности служитъ то, что колонія выдерживаетъ ихъ безъ всякаго отягощенія.

Доходъ колоніи незначителенъ: онъ не всегда покрываетъ ея расходы. Въ 1851 году, дохода было 220,884 фунт. стерл., а расходъ составлялъ 223,115 фунт. ст. Пошлина, какъ въ Англіи, наложена почти на все. Каждый мужчина и женщина, не моложе 16 лѣтъ, кромѣ коронныхъ чинов-

никовъ и ихъ слугъ, платятъ по 6 шиллинговъ въ годъ подати. Таксой обложены также домы, экипажи, лошади, хлѣбъ, вода, рынки, аукціоны, вина. Всѣ публичные акты подлежатъ гербовой пошлинѣ. Даже и тотъ, кто пожелалъ бы оставить колонію, платитъ за это право пошлину. Значительный доходъ получается отъ продажи казенныхъ земель, особенно въ нѣкоторыхъ новыхъ округахъ, напримѣръ: Викторіи и другихъ. Казенныя земли пріобрѣтаются частными лицами, съ платою по два шиллинга за акръ, считая въ моргенѣ два акра. Если принять въ соображеніе, что изъ этихъ доходовъ платится содержаніе чиновниковъ, проводятся исполинскія дороги черезъ каменистыя горы, устроиваются порты, мосты, публичныя заведенія, церкви, училища и т. п., то окажется, что взиманіе податей равняется только крайней необходимости. Все пространство, занимаемое колоніею, составляетъ 118,356 кв. миль, а народонаселеніе простирается до 142,000 душъ мужескаго пола, а всего съ женщинами 285,279 душъ. Черныхъ нѣсколькими тысячами болѣе противъ бѣлыхъ.

Такимъ образомъ, со времени владычества англичанъ, пріобрѣтены три новыя провинціи, открыто на восточномъ берегу три порта: Елизабетъ, Наталь и Восточный Лондонъ, построено много фортовъ, служащихъ защитой и убѣжищемъ отъ набѣговъ каффровъ. Далѣе, по всѣмъ направленіямъ колоніи, проложены и пролагаются вновь шоссе, между портами учреждено пароходство; возникло много новыхъ городовъ, которыхъ имена пріобрѣтаютъ въ торговомъ мірѣ болѣе и болѣе извѣстности, Капштатскій рынокъ каждую субботу наводняется привозимыми изнутри, то сухимъ путемъ, на быкахъ, то изъ порта Елизабетъ и Восточнаго Лондона, на судахъ, товарами для вывоза въ разныя мѣста. Вывозимыя произведенія: *зерновой хлѣбъ и мука, говядина и свинина, рыба, масло, свѣчи, кожи* (конскія и бычачьи),

шкуры (козьи, овечьи, морскихъ животныхъ), *водка*, *вина*, *шерсть*, *воскъ*, *сухіе плоды*, *лошади*, *мулы*, *рога*, *слоновая кость*, *китовый усъ*, *страусовыя перья*, *алоэ*, *винный камень* и другія. Привозимыя товары: *кофе*, *сахаръ*, *порохъ*, *рисъ*, *перецъ*, *крѣпкіе напитки*, *чай*, *табакъ*, *дерево*, *вина*, также *рыба*, *мясо*, *крупичатая мука*, *масло*. Всѣ привозные товары обложены различною таможенною пошлиною. До 600 кораблей увозятъ и привозятъ всѣ эти товары.

Англичане, по примѣру другихъ своихъ колоній, освободили черныхъ отъ рабства, не смотря на то, что это повело за собой вражду голландскихъ фермеровъ и что земледѣліе много пострадало тогда, и страдаетъ еще досихъ-поръ, отъ уменьшенія рукъ. До 30,000 черныхъ невольниковъ обработывали землю, но сдѣлать ихъ добровольными земледѣльцами не удалось: они работаютъ только для удовлетворенія крайнихъ своихъ потребностей, и затѣмъ уже ничего не дѣлаютъ.

Успѣху англичанъ, или, лучше сказать, успѣху цивилизаціи, противоборствуютъ до-сихъ поръ, кромѣ самой природы, два враждебныя обстоятельства, первое: скрытая, застарѣлая ненависть голландцевъ къ англичанамъ, какъ къ побѣдителямъ, къ ихъ учрежденіямъ, успѣхамъ, торговлѣ, богатству. Ненависть эта передается отъ отца къ сыну, вмѣстѣ съ наслѣдствомъ. И хотя между двумя націями нѣтъ открытой вражды, но нѣтъ и единодушія, стало быть и успѣха въ той мѣрѣ, въ какой бы можно было ожидать его при совокупныхъ дѣйствіяхъ. Второе обстоятельство—войны съ каффрами. Съ одной стороны, эти войны оживляютъ колонію: присутствіе войскъ, и сопряженное съ тѣмъ увеличеніе потребленія разныхъ предметовъ, до нѣкоторой степени усиливаетъ торговое движеніе. Живущіе далеко отъ границы фермеры радуются войнѣ, потому-что скорѣе и дороже сбываютъ свои продукты; но, съ другой стороны, военныя

дѣйствія, сосредоточивая все вниманіе колоніальнаго правительства на защиту границъ, парализуютъ его дѣйствія во многихъ другихъ отношеніяхъ. Множество рукъ и денегъ уходитъ на эти неблагодарныя войны, послѣдствія которыхъ, въ настоящее время, не вознаграждаютъ трудовъ и усилій ничѣмъ, кромѣ невѣрныхъ, почти безплодныхъ побѣдъ, доставляющихъ спокойствіе краю только на нѣкоторое время.

Каффры, или Амакоза, со времени безпокойствъ 1819 года, вели себя довольно смирно. Хотя и тутъ не обходилось безъ набѣговъ и грабежей, которые вели за собой небольшія военныя экспедиціи въ Каффрарію: но эти грабежи и военныя стычки съ грабителями имѣли такой частный характеръ, что вообще можно назвать весь періодъ, отъ 1819 до 1830 года, если не мирнымъ, то спокойнымъ. Предводитель одного изъ главныхъ племенъ, Гаика, спился и умеръ: власть его, по обычаю Каффровъ, переходила къ сыну главной изъ женъ его. Но какъ этотъ сынъ, по имени Сандилья, былъ еще ребенокъ, то племенемъ управлялъ старшій сынъ Гаики, Макомо. Онъ имѣлъ пребываніе на берегахъ „Кошачьей рѣки", главнаго притока „Большой Рыбной рѣки". Хотя этотъ участокъ въ 1819 году былъ уступленъ при Гаикѣ колоніи, но Макомо жилъ тамъ безпрепятственно до 1829 года, а въ этомъ году положено было его вытѣснить, частью по причинѣ грабежей, производимыхъ его племенемъ, частью за то, что онъ, воюя съ своими дикими сосѣдями, переступалъ границы колоніи. Можетъ быть, къ этому присоединились и другія причины, но дѣло въ томъ, что племя было вытѣснено, хотя и безъ кровопролитія, но не безъ сопротивленія. На очистившихся мѣстахъ поселены были мирные готтентоты, обнаружившіе склонность къ осѣдлой жизни. Это обстоятельство подало каффрамъ первый и главный поводъ къ открытой враждѣ съ европейцами, которая усилилась еще болѣе, когда, вскорѣ послѣ того англичане разстрѣляли од-

ного изъ значительныхъ вождей, дядю Ганки, по имени Секо, оказавшаго сопротивленіе при отнятіи европейцами у его племени украденнаго скота. Смерть этого вождя привела дикихъ въ ярость; но они еще сдерживали ее. Макомо, съ братомъ своимъ Тіали, перешелъ на берега „Чуми“, притока рѣки „Кейскаммы“, гдѣ племя Ганки жило постоянно, съ согласія пограничныхъ начальниковъ. Но тутъ опять возникли жалобы на грабежъ скота. Макомо старался взбунтовать готтентотскихъ поселенцевъ противъ европейцевъ и былъ, въ 1833 году, оттѣсненъ съ своимъ племенемъ за рѣку въ то время, когда еще хлѣбъ былъ на корню и племя оставалось безъ продовольствія. Англійскіе миссіонеры, между тѣмъ, съ своей стороны, какъ сказано выше, поджигали каффровъ къ разрыву съ европейцами, надѣясь извлечь изъ этого свои выгоды. Война была неизбѣжна и вскорѣ вспыхнула.

Возстали четыре племени, составлявшія около 34,000 душъ однихъ мужчинъ.

Европейцы никакъ не предполагали, чтобъ каффры, послѣ испытанныхъ неудачъ въ 1819 г., отважились на открытую войну, поэтому и не приняли никакихъ мѣръ къ отраженію нападенія, и толпы каффровъ, въ декабрѣ 1834 г., ворвались въ границы колоніи. Войскъ было такъ мало на границѣ, что они не могли противостать дикимъ. Каффры умерщвляли поселенцевъ, миссіонеровъ, осѣдлыхъ готтентотовъ, забирали скотъ и жгли жилища. Они опустошили всю нынѣшнюю провинцію Альбани, кромѣ самого Гремстоуна, часть Винтерберга до моря, всего пространство на 100 миль въ длину и около 80 въ ширину, избѣгая однако же открытаго и общаго столкновенія съ непріятелемъ. Наконецъ узнавъ, что тогдашній губернаторъ, серъ Бенджаменъ д'Урбанъ, прибылъ съ значительными силами въ Гремстоунъ, они, въ январѣ 1835 г., удалились въ свои мѣста, не забывъ

унести все награбленное. Полковники Смитъ и Соммерсетъ (первый былъ потомъ губернаторомъ) съ февраля начали свои дѣйствія. Они должны были отыскивать непріятеля въ ущельяхъ и кустарникахъ, почти недоступныхъ для европейца. Нѣкоторыя племена покорились тотчасъ же, объявивъ себя подданными англійской короны и обѣщая содѣйствовать къ прекращенію безпорядковъ на границѣ, другія отступали далѣе. Наконецъ и тѣ и другія утомились: европейцы—потерей людей, времени и денегъ, каффры теряли свои мѣста, ихъ оттѣсняли отъ ихъ деревень, которыя были выжигаемы, и потому обѣ стороны, въ сентябрѣ 1835 г., вступили въ переговоры и заключили миръ, вслѣдствіе котораго каффры должны были возвратить весь угнанный ими скотъ и уступить бѣлымъ значительный участокъ земли.

До 1846 г. колонія была покойна, то-есть войны не было; но это опять не значило, чтобъ не было грабежей. По мѣрѣ того, какъ каффры забывали о войнѣ, они дѣлались все смѣлѣе; опять поднялись жалобы съ границъ. Губернаторъ созвалъ главныхъ мирныхъ вождей на совѣщаніе о средствахъ къ прекращенію зла. Вожди, обнаруживъ неудовольствіе на эти грабежи, объявили однако же, что они не въ состояніи отвратить безпорядковъ. Тогда въ мартѣ 1846 г. открылась опять война.

Губернаторомъ былъ только-что поступившій, вмѣсто сэръ Джоржа Нэпира, сэръ Перегринъ Метлэндъ. Каффры во множествѣ вторглись въ колонію, по обыкновенію, убивая колонистовъ, грабя имущества и сожигая поселенія. Эта война особенно богата кровавыми и трагическими эпизодами. Каффры избѣгали встрѣчи съ бѣлыми въ открытомъ полѣ и, одержавъ верхъ въ какой-нибудь стычкѣ, быстро скрывались въ хорошо извѣстной имъ странѣ, среди неприступныхъ ущелій и скалъ, или пропустивъ войска далѣе впередъ, они распространяли ужасы опустошенія позади въ предѣлахъ

*

колоніи. Войскъ было мало; поселенцевъ приглашали къ поголовному ополченію, но безъ успѣха. Каффры являлись въ числѣ многихъ тысячъ, отрѣзывали подвозъ провизіи, и войска часто доходили до совершеннаго истощенія силъ. Иногда за стаканъ свѣжей воды платили по шиллингу, за сухарь—по шести пенсовъ, и то не всегда находили и то и другое. Негры племени Финго, помогавшіе англичанамъ, принуждены были ѣсть свои щиты изъ буйволовой кожи, а готтентоты по нѣскольку дней довольствовались тѣмъ, что крѣпко перетягивали себѣ животъ и этимъ заглушали голодъ. Ужасъ былъ всеобщій, такъ-что въ маѣ 1846 г. по всей колоніи служили молебны, прося Бога о помощи. Церкви были биткомъ набиты; множество траурныхъ платьевъ краснорѣчиво свидѣтельствовали о томъ, въ какомъ положеніи были дѣла. Метлэнда укоряли въ недостаткѣ твердости, искусства и въ нераспорядительности.

Въ 1847 году, вмѣсто него, назначенъ сэръ Генри Поттинджеръ, а главнокомандующимъ арміи на границѣ, сэръ Джорджъ Берклей. Давно ощущалась потребность въ разъединеніи гражданской и военной частей, а эта мѣра вскорѣ оказала благодѣтельныя дѣйствія. Вообще въ этой послѣдней войнѣ англичане воспользовались опытами прежней и приняли нѣсколько благоразумныхъ мѣръ къ обезпеченію своей безопасности и доставки продовольствія. Провіантъ и прочее доставлялось до сихъ поръ на мѣсто военныхъ дѣйствій сухимъ путемъ, и плата за одинъ только провозъ составляла около 170,000 фунт. ст. въ годъ, между-тѣмъ какъ всѣ припасы могли быть доставляемы моремъ до самаго устья „Буйволовой рѣки“, что̀ наконецъ и приведено въ исполненіе, и Берклей у этого устья расположилъ свою главную квартиру.

Потомъ запрещенъ былъ всякій торгъ съ каффрами, какъ преступленіе, равное государственной измѣнѣ, потому-что

каффры въ этомъ торгѣ — фактъ, которому съ трудомъ вѣрится—пріобрѣтали отъ англичанъ же оружіе и порохъ.

Когда нѣкоторые вожди являлись съ покорностью, отъ нихъ требовали выдачи оружія и скота, но они приносили нѣсколько ружей и приводили, вмѣсто тысячъ, десятки головъ скота, и когда ихъ прогоняли, они поневолѣ возвращались къ оружію и съ новой яростью нападали на колонію. Такъ точно поступилъ Сандилья, которому губернаторъ обѣщалъ прощеніе, если онъ исполнитъ требуемыя условія; но онъ не исполнилъ, и продолжая тревожить набѣгами колонію, наконецъ удалился въ неприступныя мѣста. Голодъ принудилъ его однакожъ сдаться: онъ, съ нѣкоторыми совѣтниками и вождями, былъ отправленъ въ Гремстоунъ и брошенъ въ тюрьму. Другіе вожди удалились съ племенами своими въ горы, но полковникъ Соммерсетъ неутомимо преслѣдовалъ ихъ и принудилъ къ сдачѣ.

Между-тѣмъ губернаторъ Поттинджеръ былъ отозванъ въ Мадрасъ и мѣсто его заступилъ отличившійся въ войнѣ 1834 и 1835 г. генералъ-майоръ сэръ Герри Смитъ, пріобрѣтшій любовь и уваженіе во всей колоніи. Онъ, по прибытіи, созвалъ плѣнныхъ каффрскихъ вождей, обошелся съ ними презрительно и сурово; одному изъ нихъ, именно Макомо, велѣлъ стать на колѣни и объявилъ, что отнынѣ онъ, Герри Смитъ, главный и единственный начальникъ каффровъ. Послѣ чего, положивъ ногу на голову Макомо, прибавилъ, что такъ будетъ поступать со всѣми врагами англійской королевы. Вскорѣ онъ издалъ прокламацію, объявляя, что все пространство земли отъ рѣки „Кейскаммы“, до рѣки „Кей“, онъ, именемъ королевы, присоединилъ къ англійскимъ владѣніямъ, подъ названіемъ *Британской Каффраріи*. И тутъ же, назначивъ подполковника Мекинпока начальникомъ этой области, объявилъ условія, на основаніи которыхъ каффрскіе вожди „Британской Каффраріи“ должны

впередъ управлять своими племенами, подъ вліяніемъ англійскаго владычества.

Когда всѣ вожди и народъ, обнаруживъ совершенную покорность и раскаяніе, дали торжественныя клятвы свято блюсти обязательства, Герри Смитъ заключилъ съ ними, въ декабрѣ 1847 г., миръ. Отъ суроваго и презрительнаго обращенія онъ перешелъ къ кроткому и дружественному. Онъ уговаривалъ ихъ сблизиться съ европейцами, слушать ученіе миссіонеровъ, учиться по-англійски, заниматься ремеслами, торговать честно, привыкать къ употребленію монеты, доказывая имъ, что все это, и одно только это, то-есть цивилизація, дѣлаетъ бѣлыхъ счастливыми, добрыми, богатыми и сильными.

Энергическія и умныя мѣры Смита водворили въ колоніи миръ и оказали благодѣтельное вліяніе на самихъ каффровъ. Они, казалось, убѣдились въ физическомъ и нравственномъ превосходствѣ бѣлыхъ и въ невозможности противиться имъ, смирились и отдались подъ ихъ опеку. Совѣты, или, лучше сказать, приказанія Смита исполнялись—но долго ли, вотъ вопросъ! Была ли эта война последнею? Къ сожалѣнію, нѣтъ. Это была только вторая по счету: въ 1851 году открылась третья. И кто знаетъ, гдѣ остановится эта нумерація?

Послѣ этого краткаго очерка двухъ войнъ, нужно ли говорить о третьей, которая кончилась въ эпоху прибытія на Мысъ фрегата „Паллада", то есть въ началѣ 1853 года?

Началась она, какъ всѣ эти войны, нарушеніемъ со стороны каффровъ обязательствъ мира и кражею скота. Было нѣсколько случаевъ, въ которыхъ они отказались выдать украденный скотъ и усиливали дерзкія вылазки на границахъ. Вскорѣ въ колоніи убѣдились въ необходимости новой войны. Но прежде, нежели англичане подумали о приготовленіи къ ней, каффры поставили всю Британскую Каффрарію на военную ногу. У нихъ оказалось множество преж-

наго, невыданнаго ими, по условію мира, 1835 г., оружія, и кромѣ того, несмотря на строгое запрещеніе доставки имъ пороха и оружія, привезено было тайно много и того, и другаго черезъ Альгоабей. Губернаторъ сталъ принимать сильныя мѣры, но не хотѣлъ, однакожъ, первый начинать непріязненныхъ дѣйствій. Онъ собралъ всѣ дружественныя племена, уговаривая ихъ поддержать сторону своей государыни, что они и обѣщали. Къ сожалѣнію онъ черезчуръ много надѣялся на вѣрность черныхъ: и дружественныя племена, и учрежденная имъ полиція изъ каффровъ, и наконецъ мирные готтентоты—все это обманывало его, вывѣдывало о числѣ англійскихъ войскъ и передавало своимъ одноплеменникамъ, а тѣ дѣлали засады въ такихъ мѣстахъ, гдѣ англійскіе отряды погибали безъ всякой пользы.

Въ декабрѣ 1850 г. за день до праздника Рождества Христова, каффры первые начали войну, заманивъ англичанъ въ засаду, и послѣ стычки, по обыкновенію ушли въ горы. Тогда началась, не война, а наказаніе каффровъ, которыхъ губернаторъ объявилъ уже не врагами Англіи, а бунтовщиками, такъ какъ они были великобританскіе подданные.

Поселенцы, по обыкновенію, покинули свои мѣста, угнали скотъ и, кто могъ, бѣжалъ дальше отъ границъ Каффраріи. Вся пограничная черта представляла одну картину общаго движенія. Нѣкоторые изъ фермеровъ собирались толпами и укрѣплялись лагеремъ въ полѣ, или избирали убѣжищемъ укрѣпленную ферму.

Безполезно утомлять ваше вниманіе разсказомъ мелкихъ и незанимательныхъ эпизодовъ этой войны: они черезчуръ однообразны. Каффры, послѣ нападенія на какой нибудь фортъ, или отрядъ, одерживали временно верхъ и потомъ исчезали въ неприступныхъ убѣжищахъ. Но англійскія войска неутомимо преслѣдовали ихъ и принуждали сдаваться,

или оружіемъ, или голодомъ. Все это длилось до тѣхъ-поръ, пока у мятежниковъ не истощились военные и съѣстные припасы. Тогда они явились съ повинной головой, согласились на предложенныя имъ условія, и все вошло въ прежній порядокъ.

Кеткартъ, заступившій, въ мартѣ 1852 года, Герри Смита, издалъ, наконецъ, 2 марта 1853 года, въ Вильямстоунѣ, на границѣ колоніи, прокламацію, въ которой объявляетъ, именемъ своей королевы, миръ и прощеніе Сандильи и народу Гаики, съ тѣмъ, чтобы каффры жили, подъ отвѣтственностью главнаго вождя своего, Сандильи, въ Британской Каффраріи, но только далѣе отъ колоніяльной границы, на указанныхъ мѣстахъ. Онъ долженъ представить оружіе и отвѣчать за миръ и безопасность въ его владѣніяхъ, за доброе поведеніе гаикскаго племени и за исполненіе взятыхъ имъ на себя обязательствъ, также повелѣній королевы.

Это прощеніе не простирается однакожъ за предѣлы Британской Каффраріи, и всякій, преступившій извнѣ границу колоніи, будетъ преданъ суду.

Готтентотамъ тоже не позволено, безъ особаго разрѣшенія губернатора, селиться въ Британской Каффраріи.

Выше сказано было, что колонія теперь переживаетъ одинъ изъ самыхъ знаменательныхъ моментовъ своей исторіи: дѣйствительно оно такъ. До-сихъ-поръ колонія была ничто иное, какъ англійская провинція, живущая по законамъ, начертаннымъ ей метрополіею, сообразно духу послѣдней, а не дѣйствительнымъ потребностямъ страны. Не разъ заочныя распоряженія лондонскаго колоніяльнаго министра противорѣчили нуждамъ края и вели за собою мѣстныя неудобства и затрудненія въ дѣлахъ.

Англичане одни завѣдывали управленіемъ колоніи. Англія назначала губернатора и членовъ Законодательнаго Совѣта, такъ-что законъ, какъ объяснено выше, не иначе по-

лучалъ силу, какъ по утвержденіи его въ Англіи. Англичанамъ было хорошо: они были здѣсь какъ у себя дома, но голландцы, и безъ того недовольные англійскимъ владычествомъ, роптали, требуя для колоніи законодательной власти, независимо отъ Англіи. Наконецъ этотъ ропотъ подѣйствовалъ. Англія предоставляетъ теперь право избранія членовъ законодательнаго Совѣта самой колоніи, которая такимъ образомъ получитъ самостоятельность въ своихъ дѣйствіяхъ, и дальнѣйшее ея существованіе можетъ съ этой минуты упрочиваться на началахъ, истекающихъ изъ собственныхъ ея нуждъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на колонію возлагаются и всѣ расходы по управленію, а также предоставляется ей самой распоряжаться военными дѣйствіями съ дикими племенами.

Событіе, весьма важное, которое обезпечиваетъ колоніи почти независимость и могущественное покровительство Британіи. Это событіе еще не состоялось вполнѣ; проектъ представленъ въ парламентъ и конечно будетъ утвержденъ*), ибо вѣроятно всѣ приготовленія къ этому дѣлались съ одобренія англійскаго правительства.

Мы остановились на полчаса въ небольшой гостинницѣ, окруженной палисадникомъ. Гостинницу называютъ по-англійски Mitchel, а по-голландски Clauisriver, по имени рѣчки. Первый встрѣтилъ насъ у дверей баранъ, который мѣтилъ во всякаго изъ насъ рогами, когда мы проходили мимо его, за нимъ въ дверяхъ показался хозяинъ, голландецъ, невысокаго роста, съ безпечнымъ лицомъ.—„Да зачѣмъ же тутъ останавливаться?“ замѣтилъ Н., страстный охотникъ ѣхать впередъ.—„Немного отдохнуть, и вамъ, и лошадямъ“, пріятно улыбаясь, отвѣчалъ Вандикъ, отложив-

*) Онъ утвержденъ былъ въ 1853 году.

шій уже лошадей.—„Да намъ не нужно, мы не устали“. Тутъ я разглядѣлъ другаго кучера: этотъ былъ небольшаго роста, съ насмѣшливымъ и рѣшительнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Я ѣхалъ съ Б. К. и З., въ другомъ „картѣ“ сидѣли П., В. и Г. Гляжу и не могу разглядѣть, кто еще сидитъ съ ними: обезьяна, не обезьяна, но такое же маленькое существо, съ такимъ же маленькимъ, смуглымъ лицомъ, какъ у обезьяны, одѣтое въ большое пальто и широкую шляпу. Это готтентотъ мальчишка, котораго зачѣмъ-то взялъ съ собой Вандикъ.

Мы не успѣли еще расправить хорошенько ногъ, Б. вошелъ уже въ комнату и что-то заказывалъ хозяину и мальчишкѣ-негру. Мы занялись разсматриваніемъ комнаты: въ ней неизбѣжные—рѣзной шкапъ съ посудой, другой съ чучелами птицъ; вмѣсто ковра, шкуры пантеръ, потомъ старинные массивные столы, массивные стулья. Все смотрѣло такъ мрачно; позолоченныя рамки на зеркалахъ почернѣли; вездѣ копоть. На картинахъ охота: слонъ давитъ ногой тигра, собаки преслѣдуютъ барса. Темная закоптѣлая комнатка, убранная по-голландски, смотритъ, однакожъ, на путешественника радушно, какъ небритый и немытый человѣкъ смотритъ исподлобья, но ласковымъ взглядомъ. Такъ и въ этой, и подобныхъ ей комнатахъ, все привѣтливо и пріютно. Тутъ и чашки на виду, пахнетъ корицей, кофе и другими пряностями—словомъ, хозяйствомъ; каминъ долженъ быть очень тепелъ, не похоже на трактиръ, а скорѣе на укромный домикъ какой-нибудь бѣдной тётки, которую вы рѣшились посѣтить въ глуши. Правда, кресло жестковато, да не скоро его и сдвинешь съ мѣста; лакъ и позолота почти совсѣмъ сошли; вмѣсто занавѣсокъ, висятъ лохмотья, и самъ хозяинъ смотритъ такъ жалко, бѣдно, но эта честная, и притомъ гостепріимная бѣдность, которая васъ всегда накормитъ, хотя и жесткой ветчиной, еще болѣе жест-

кой солониной, но она отдаст послѣднее. Глядя на то, какъ патріархально подаютъ тамъ обѣдъ и завтракъ, не вѣрится, чтобы за это взяли деньги: и берутъ ихъ будто нехотя, по необходимости. Только-что мы осмотрѣли всѣ углы, чучелъ, птицъ и звѣрей, картинки, какъ хозяинъ пригласилъ насъ въ другую комнату, гдѣ уже стояли ветчина съ яичницей и кофе.—„Уже? опять?" сказалъ В., умѣренный и скромный нашъ спутникъ, нѣмецъ:—„мы завтракали въ Капштатѣ". Однако сѣлъ и позавтракалъ съ нами.

Часовъ въ пять пустились дальше. Дорога нѣкоторое время шла все по той же болотистой долинѣ. Мы хотя и оставили назади, но не потеряли изъ виду Столовую и Чортову горы. Вправо тянулись пики, идущіе отъ Констанской горы. Вскорѣ, однакожъ, болота и пески замѣнились зелеными холмами, почва стала разнообразнѣе, дальнія горы выказывались грознѣе и яснѣе; надъ ними лежали синія тучи и бѣгала молнія: дождь лилъ довольно сильный. И. А. З. пѣлъ во всю дорогу, или живую плясовую пѣсню, или похоронный маршъ на извѣстныя слова Козлова: *Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ* и т. д. Мы съ Б. курили, или глубокомысленно молчали, изрѣдка обращаясь съ вопросомъ къ Вандику, о какой-нибудь горѣ, или дальней фермѣ. Онъ былъ африканецъ, то есть родился въ Африкѣ, отъ голландскихъ родителей, говорилъ по голландски и по англійски, и не затруднялся отвѣтомъ. Онъ зналъ все въ колоніи: горы, лѣса, даже кусты, каждую ферму, фермера, ихъ слугъ, собакъ, но всего болѣе лошадей. Покупать ихъ, продавать, мѣнять, составляло его страсть и профессію. Это мы скоро узнали. Онъ раскланивался со всякимъ встрѣчнымъ, и съ малайцемъ, и съ готтентотомъ, и съ англичаниномъ; одному кивалъ, передъ другимъ почтительно снималъ шляпу, третьему просто дружески улыбался, а иному что-нибудь кричалъ, съ бранью, грозно.

Дорога шла прекрасная. Отъ Капштата горы нѣкоторое время далеко идутъ по обѣимъ сторонамъ, а миляхъ въ 70 стѣсняются въ длинное ущелье, черезъ которое предстояло намъ ѣхать. Стало темнѣть. Вандикъ придерживалъ лошадей:—„Апплъ!“ кричалъ онъ по временамъ. Мы не могли добиться, что̀ это значитъ: собственное ли имя, или такъ только, окрикъ на лошадей, даже въ какихъ случаяхъ употреблялъ онъ его; онъ кричалъ, когда лошадь пятилась, или слишкомъ рвалась впередъ, или оступалась. Когда мы спрашивали объ этомъ Вандика, онъ только улыбался.

Было часовъ восемъ вечера, когда онъ вдругъ круто поворотилъ съ дороги и подъѣхалъ къ одинокому, длинному, одноэтажному каменному зданію, съ широкимъ во весь домъ крыльцомъ.—„Что это значитъ? какъ? куда?“—„Ужинъ и почлегъ!“ кротко, но твердо замѣтилъ Вандикъ:—„Лошади устали: мы сегодня двадцать миль сдѣлали“. Эта гостиница называется „Фоксъ-андъ-гоундсъ“ (Fox and hounds), то есть „Лисица и собаки“.—„Да что же это?“ протестовалъ, по обыкновенію, пылкій П.:—„это невозможно: поѣдемте дальше“.—„Куда? вѣдь темно и дождь идетъ“ возражали ему любители кейфа.—„Нужды нѣтъ, мы все таки поѣдемъ“.—„Зачѣмъ? вѣдь вы ѣдете видѣть что нибудь, путешествуете, такъ сказать... Что̀ же вы увидите почью?“ Но партія, помѣщавшаяся въ другомъ картѣ и называемая нами „ученою“, все возражала. Возникли несогласія. „Артистическая партія“, то есть мы трое, вошли на крыльцо, а та упрямо сидѣла въ экипажѣ. Между-тѣмъ Вандикъ и товарищъ его, молча, отпрягли лошадей и споръ кончился.

Б. ушелъ изъ комнаты, ученая партія нѐхотя, лѣниво вылѣзла изъ повозки, а я пошелъ бродить около дома. Я спросилъ, какъ называется это мѣсто.

—„Ферстъ-риверъ“, по англійски, или „Эрштъ-риверъ“ (первая рѣка) по-голландски, отвѣчалъ Вандикъ. Если счи-

тать отъ Капштата то она дѣйствительно первая; но какъ рѣка вообще, она конечно послѣдняя. Даже можно сомнѣваться, рѣка ли это.—„Гдѣ же тутъ рѣка?“ спросилъ я Вандика.—„А вотъ“, отвѣчалъ онъ, указывая на то мѣсто, гдѣ я стоялъ:—„вы теперь стоите въ рѣкѣ: это все рѣка“. И онъ указалъ на далекое пространство вокругъ.—„Тутъ песокъ да камни“, сказалъ я.—„Теперь нѣтъ рѣки“, продолжалъ онъ,—„или вонъ, пожалуй, она въ той канавѣ, а зимой это все на нѣсколько миль покрывается водой. Всѣ рѣки здѣсь такія“.

Я вошелъ въ домъ. Что это, гостинница? не совсѣмъ похоже. Первая комната имѣетъ видъ столовой какого-нибудь частнаго дома. Полы лакированы, стѣны оклеены бумажками, посрединѣ круглый столъ, по стѣнамъ два очень недурные дивана новаго фасона. Тутъ лежали въ кучѣ на полу и на диванахъ наши вещи, а хозяевъ не было. Но я услышалъ голоса и черезъ корридоръ прошелъ въ боковую комнату. Это была большая, очень красиво убранная комната, съ длиннымъ столомъ, еще менѣе похожая на трактиръ. На столѣ лежала библія и другія книги, рукодѣлья, тетради и т. п., у стѣны стояло фортепіано. Нетрудно было догадаться, что хозяева были англичане: мебель новая, все свѣжо и вездѣ признаки комфорта. Никто не показывался, кромѣ молодаго коренастаго негра. Чтó у него ни спрашивали, или чтò ни приказывали ему, онъ прежде всего отвѣчалъ смѣхомъ и обнаруживалъ рядъ чистѣйшихъ зубовъ. Этотъ смѣхъ въ привычкѣ негровъ.—„Что жъ, будемъ ужинать, что ли?“ замѣтилъ кто-то.—„Да я ужъ заказалъ“, отвѣчалъ Б.—„Уже?“ замѣтилъ В.—„Чтó жъ вы заказали“?—„Такъ, немного, бездѣлицу: баранины, ветчины, курицу, чай, масла, хлѣбъ и сыръ“.

Послѣ ужина насъ повели въ другія комнаты, безъ лакированныхъ половъ, безъ обоевъ, но за то съ громадными

какъ катафалки, постелями. Въ комнатахъ пахло сыростью, видно въ нихъ не часто бывали путешественники. По стѣнамъ даже ползали незнакомыя намъ насѣкомыя, не родные клопы и тараканы, а какіе-то длинные жуки, со множествомъ ногъ. З., спавшій въ одной комнатѣ со мной, не успѣлъ улечься и уснулъ быстро, какъ-будто утонулъ. Я остался одинъ бодрствующій, но не надолго. Утромъ рано, мы не успѣли еще доспать, а неугомонный П., взявшій на себя роль нашего ментора, ходилъ по нумерамъ и торопилъ вставать и ѣхать дальше.

По холмамъ, по прекрасной дорогѣ, въ прекрасную погоду, мы весело ѣхали дальше. Все было свѣжо кругомъ, послѣ вчерашняго дождя. Песокъ не поднимался пылью, а лежалъ смирно, въ видѣ глины. Горы не смотрѣли такъ угрюмо и непріязненно, какъ наканунѣ; онѣ старались высказать, что̀ было у нихъ получше, хотя хорошаго, правду сказать, было мало, какъ солнце ни золотило ихъ своими лучами. Немногія изъ нихъ могли похвастать зеленою верхушкой, или скатомъ, а у большей части были одинакіе, вывѣтрившіеся, сѣрые бока, которые разнообразились, у одной рытвиной, у другой горбомъ, у третьей отвѣснымъ обрывомъ. Хотя я и зналъ по описаніямъ, что Африка, не исключая и южной оконечности, изобилуетъ песками и горами, но воображеніе рисовало мнѣ темныя дебри, пріюты львовъ, тигровъ, змѣй. Напрасно, однакожъ, я глазами искалъ этихъ лѣсовъ: они растутъ по морскимъ берегамъ, а внутри, начиная отъ самаго мыса и до границъ колоніи, то-есть верстъ на тысячу, почва покрыта мелкими кустами на песчаной почвѣ, да искусственно воздѣланными садами около фермъ, а за границами, кромѣ рѣдкихъ оазисовъ, и этого нѣтъ. Но въ это утро, въ половинѣ марта, кусты „протеа“ глядѣли веселѣе, зелень казалась зеленѣе, такъ-что нѣмецкій спутникъ нашъ замѣтилъ, что тутъ должно быть много „скот-

ства“. Въ самомъ дѣлѣ, скотоводство процвѣтало здѣсь, какъ впрочемъ и во всей колоніи. Лошади бѣжали бодрѣе, даже Вандикъ сидѣлъ ясенъ и свѣжъ, какъ майскій цвѣтокъ, сказалъ бы я въ сѣверномъ полушаріи, а по здѣшнему надо сказать—сентябрьскій.

Не сживаюсь я съ этими противоположностями: все мнѣ кажется, что теперь весна, а здѣсь готовятся къ зимѣ, тоесть къ дождямъ и вѣтрамъ, говорятъ, что фрукты отошли, кромѣ винограда, всѣ. Развернулъ я въ книжной лавкѣ, въ Капштатѣ, изданный тамъ кипсекъ—стихи и проза. Развертываю мѣстами и читаю:—„прошли и для нея, этой гордой красавицы, дни любви и нѣги, миновалъ цвѣтущій *сентябрь* и жаркій *декабрь* ея жизни; наступали грозныя и суровыя *іюльскія* непогоды“ и т. д. А въ стихахъ:—„гнететъ ли меня палящее *сѣверное* солнце, или леденитъ мою кровь холодное, суровое дуновеніе *южнаго* вѣтра, я терпѣливо вынесу все, но не вынесу, ни палящей ласки, ни холоднаго взора моей милой“. Далѣе, въ одномъ описаніи какого-то раззорившагося богача, сказано:—„теперь онъ бѣденъ: жилищемъ ему служилъ маленькій павильонъ, огражденный только колючими кустами кактуса и алоэ, да осѣненный, насажденными когда-то имъ самимъ, миндальными, абрикосовыми и апельсинными деревьями и густою чащею виноградныхъ лозъ. Пищей ему служили виноградъ, миндаль, гранаты и апельсины съ этихъ же деревъ, или молоко единственной его коровы. Думалъ ли онъ, насаждая эти деревья для забавы, что плодами ихъ онъ будетъ утолять мучительный голодъ? Служилъ ему одинъ старый и преданный негръ...“ Вотъ она какова, африканская бѣдность: всякій день свѣжее молоко, къ дессерту quatre mendiants прямо съ дерева, въ услуженіи негръ... Чего бы стоила такая бѣдность въ Петербургѣ?

Если природа не очень разнообразила путь нашъ, то жи-

вая и пестрая толпа прохожихъ и проѣзжихъ всѣхъ племенъ, цвѣтовъ и состояній, дополняла картину, въ которой безъ этого оставалось много пустаго мѣста. Безконечные обозы тянулись къ Капштату, или оттуда, съ людьми и товарами. Длинныя фуры, и еще болѣе длинные цуги быковъ, запряженныхъ попарно, отъ шести до двѣнадцати въ каждую фуру, тянулись непрерывною процессіей по дорогѣ. Волы эти кромѣ длиннаго бича, ничѣмъ не управляются. Готтентотъ кучеръ сидитъ обыкновенно на козлахъ, и если надо ему взять направо, онъ хлопаетъ бичемъ съ лѣвой стороны, и наоборотъ. Иногда волы еле-еле передвигаютъ ноги, а въ другой разъ, образуя цугомъ своимъ кривую линію, бѣгутъ крупной рысью. При встрѣчѣ съ экипажами, волы неохотно и довольно медленно даютъ дорогу; въ такомъ случаѣ изъ фуры выскакиваетъ обыкновенно мальчикъ-готтентотъ, которыхъ во всякой фурѣ бываетъ всегда по нѣскольку, и тащитъ весь цугъ въ сторону. Намъ попадалось особенно много пестро и нарядно одѣтаго народа, мужчинъ и женщинъ, пѣшихъ, верхами и въ фурахъ, все малайцевъ. Головы у всѣхъ были обвязаны бумажными платками, больше красными, клѣтчатыми. Мы и наканунѣ видѣли ихъ много, особенно въ фурахъ. Такая фура очень живописна: представьте себѣ длинную телѣгу сажени въ три, съ круглымъ сводомъ изъ парусины, набитую до того этимъ магометанскимъ народомъ, что нѣкоторые мужчины и дѣти, не помѣщаясь подъ холстиной, едва втиснуты туда, въ кучу публики, и торчатъ, какъ сверхкомплектныя полѣнья, въ возахъ съ дровами. Пары три воловъ медленно и важно выступаютъ съ этимъ звѣринцемъ. По вечерамъ обозы располагаются на бивуакахъ; отпряженные волы паслись въ кустахъ, пламя трескучаго костра далеко распространяло зарево и дымъ, путешественники группой сидѣли у дымящагося котла. Вандикъ объяснилъ намъ, что малайцы эти возвращаются изъ мѣстечка „Крамати“,

миляхъ въ 25 отъ Капштата, куда собираются въ одинъ изъ этихъ дней на поклоненіе похороненному тамъ какому-то своему пророку. Всѣ эти караваны богомольцевъ напоминали немного таборы нашихъ цыганъ, съ тою только разницею, что малайцы честны, трудолюбивы, и потому не голы и не дики на видъ.

Кромѣ малайцевъ, попадались готтентоты и негры. Первые везли, или несли тяжести, шли на работу въ поденьщики, или съ работы. Между неграми мы встрѣчали многихъ съ котомками на палкахъ, по одѣтыхъ хорошо.—„А это что?“ спросилъ я у Вандика.—„Это black people, черные, съ войны идутъ домой“. Война съ каффрами только-что кончилась; нѣкоторыя изъ негритянскихъ племенъ участвовали въ ней по приглашенію англійскаго правительства.

Много проѣзжало омнибусовъ, городскихъ каретъ, фермеровъ верхами, ѣхавшихъ, или въ городъ, или оттуда. Было довольно весело, такъ-что П. А. З. ни разу не затягивалъ похороннаго марша, а пѣлъ все про любовь. Мы переговаривались съ ученой партіей, указывая другъ другу, то на красивый пейзажъ фермы, то на гору, или на выползшую на дорогу ящерицу; спрашивали названіе травъ, деревьевъ, и въ свою очередь разсказывали про птицъ, которыхъ видѣли по дорогѣ, восхищались ихъ разнообразіемъ и красотой. Ученые съ улыбкой посматривали на насъ и другъ на друга, наконецъ объяснили намъ, что они не видали ни одной птицы и что, конечно, мы-такъ-себѣ, думаемъ, что если ужъ заѣхали въ Африку, такъ надо и птицъ видѣть. Между-тѣмъ птицы поминутно встрѣчались, и мы удивлялись, какъ это они не видали ни одной. А дѣло было просто: мы ѣхали впереди, а они сзади; птицы улетали, какъ только приближался нашъ картъ, такъ-что второй не заставалъ ихъ на мѣстѣ.

Часовъ въ десять утра, мы пріѣхали въ мѣстечко Сом-

мерсетъ, длиннымъ рядомъ построившееся у самой дороги, у подошвы горы. Все было зелено здѣсь: одноэтажные, каменные голландскіе домики, съ черепичными кровлями, едва были видны изъ-за дубовъ и сосенъ; около каждаго былъ палисадникъ, съ олеандровыми и розовыми кустами, съ толпой георгинъ и другихъ цвѣтовъ. Гора вдали, какъ декорація, зеленѣла сверху до подошвы. Весь этотъ пейзажъ—какъ будто не африканскій; слишкомъ свѣжъ, зеленъ, тѣнистъ и разнообразенъ для Африки. Мы пошли по мѣстечку къ горѣ. Едва сдѣлали шаговъ сто, какъ спутникъ нашъ В. идетъ съ кѣмъ-то подъ-руку и живо разговариваетъ. Это былъ нѣмецъ, миссіонеръ. Онъ совѣтовалъ намъ ѣхать по другой дорогѣ, гдѣ въ одномъ мѣстѣ растетъ нѣсколько камфарныхъ деревьевъ, довольно-рѣдкихъ здѣсь. Мы воротились къ станціи, къ такому же, какъ и прочіе, низенькому дому, съ цвѣтникомъ.

Собираемся, ищемъ Б.—нѣтъ; заглянули въ одну комнату направо, родъ гостиной: тамъ двѣ какія-то путешественницы, а въ столовой Б. уже завтракаетъ. Онъ бы не прочь и продолжать, но ученая партія на этотъ разъ пересилила и мы отправились проселкомъ, по незавидной, изрытой вчерашнимъ дождемъ дорогѣ. Вскорѣ мы выбрались однакожъ опять на шоссе и ѣхали по долинѣ, мимо множества фермъ. Сады ихъ окаймляли дорогу тѣнистыми дубами, кустами алоэ, но всего болѣе айвой, которая росла непроходимыми кустами, съ желтыми фруктами. Вы знаете айву? Это что-то въ родѣ крѣпкаго, кисловатаго яблока, съ терпкостью, отъ которой вяжетъ во рту; его ѣсть нельзя; изъ него дѣлаютъ варенье и т. п. Но З. выскочилъ изъ карта, набралъ цѣлую шляпу и ѣлъ. Вандикъ нарвалъ и далъ лошадямъ: тѣ тоже ѣли—больше никто. На вопросъ мой:— „хорошо ли?“ З. ничего не сказалъ. Онъ еще принадлежитъ къ счастливому возрасту перехода отъ юношества къ возму-

жалости, оттого въ немъ на половину того и другаго. Кое-что въ немъ окрѣпло и выработалось: онъ любитъ и отлично знаетъ свое дѣло, серьёзно понимаетъ и исполняетъ обязанности, строгъ къ самому себѣ и въ приличіяхъ—это возмужалость. Но безпеченъ насчетъ всего, что́ лежитъ внѣ его прямыхъ занятій; читаетъ, гуляетъ, спитъ, ѣстъ, съ одинаковымъ расположеніемъ, не отдавая ничему особаго преимущества—это остатки юношества. Возьметъ книгу, все равно какую, и оставитъ ее безъ сожалѣнія; ляжетъ и уснетъ, гдѣ ни попало и когда угодно; ѣстъ все безъ разбора, особенно фрукты. Послѣ ананаса и винограда онъ съѣстъ, пожалуй, рѣпу, виноградъ ѣстъ съ шелухой, „чтобъ больше казалось“. Онъ очень милъ; у него много природнаго юмора и онъ мастерски владѣетъ шуткой. Существо вѣчно поющее, хохочущее и разсказывающее, никогда никого неоскорбляющее и никѣмъ неоскорбляемое. Мы всѣ очень любимъ его. Ему также все равно, гдѣ ни быть: придутъ ли въ прекрасный портъ, или станутъ на якорь у безплодной скалы; гуляетъ ли онъ на берегу, или смотритъ на кораблѣ за работами—онъ, или дѣлаетъ дѣло, тогда молчитъ и дѣлаетъ комически-серьёзное лицо, или поетъ и хохочетъ. Онъ сію минуту уживается въ быту, въ который поставленъ. Благодаря ему, мы ни минуты не соскучились въ поѣздкѣ по колоніи: это былъ драгоцѣнный спутникъ.

День чудесный. Стало жарко. Лошади лѣнивой рысью тащились по песку; колеса визжали, жаръ морилъ; мы съ Б. К. молчали. Вандикъ, отъ нечего дѣлать, хлесталъ бичомъ по выползавшимъ на дорогу ящерицамъ. З. сначала билъ весело ногами о свою скамью: не въ его натурѣ было долго и смирно сидѣть на одномъ мѣстѣ. Онъ пѣлъ долго: *Сѣни новыя, кленовыя*, а потомъ мало-по-малу прималчивалъ, задирая, то меня, то Б., шуткой. Но насъ морили жаръ и тяжесть, и онъ, наскучивъ молчаніемъ, сморщился

и затянулъ: *Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ.* Мы, молча, слушали, отмахиваясь отъ мухъ, оводовъ, и глядя по сторонамъ на большія горы, которыя толпой какъ-будто шли намъ на встрѣчу. Вдругъ съ лѣвой стороны, изъ чащи кустовъ, шагахъ во ста отъ насъ впереди, выскочило какое-то красивое, бѣлое, съ черными пятнами, животное; оно однимъ махомъ перебросилось черезъ дорогу и стало неподвижно. — „Roe—buk! roe—buk!“ сказалъ Вандикъ, указывая кнутомъ. Налѣво, откуда выскочилъ козелъ, кусты тихо шевелились: тамъ притаилось маленькое стадо дикихъ козъ, которыя не смѣли слѣдовать за козломъ. И козелъ, и козы, замѣтивъ насъ, оставались въ нерѣшимости. Козелъ стоялъ, какъ окаменѣлый, въ полуоборотъ; закинувъ немного рога на спину и навостривъ уши, глядѣлъ на насъ.— „Какъ бы поближе подъѣхать и не испугать ихъ?“ сказали мы.—„Надо вдругъ всѣмъ закричать, что́ есть мо́чи“, научилъ Вандикъ:—„и они на нѣсколько времени оцѣпенѣютъ на мѣстѣ“. Зачѣмъ это онъ сказалъ! Боже мой, какъ мы заорали! особенно З. не пожалѣлъ легкихъ, и Вандикъ тоже. Но неуспѣлъ затихнуть нашъ крикъ, какъ козелъ скакнулъ въ кусты и вмѣстѣ съ козами бросился назадъ. Мы всѣ вопросительно поглядѣли на Вандика.—„Что жъ ты, землякъ, худо знаешь натуральную исторію?“ замѣтилъ З.— „Аппль!“ крикнулъ Вандикъ на лошадь и мы поѣхали дальше. Но долго еще видѣли, ка́къ мчались козы въ кустахъ, шевеля вѣтвями, и потомъ бросились бѣжать въ гору, а мы спустились съ горы. Мѣстность значительно начала измѣняться: горы все ближе къ намъ; мы ѣхали по ихъ отлогостямъ, то взбираясь вверхъ, то опускаясь.

Къ обѣду мы подъѣхали къ прекрасной рѣчкѣ, обставленной такими пейзажами, что даже самъ приличный и спокойный Вандикъ съ улыбкой указалъ намъ на одинъ живописный оврагъ, осѣненный деревьями.—„Very nice place!“

(прекрасное мѣсто) замѣтилъ онъ. Мы переѣхали рѣчку черезъ длинный каменный мостъ, съ одной аркой, еще несовсѣмъ конченный.—„Кто строитъ этотъ мостъ?“ спросилъ я.—„Стелленбошскій каретникъ“, отвѣчалъ онъ.—„Какъ такъ: гдѣ же онъ учился?“—„А нигдѣ; онъ даже никуда не выѣзжалъ отсюда“. Прямо съ моста мы въѣхали какъ-будто въ садъ. Насъ съ экипажами совсѣмъ поглотила зелень, тѣнь и свѣжесть. Все сады, сады, такъ-что домовъ не видно: это мѣстечко „Стелленбошъ“. Широкія-преширокія улицы пересѣкались подъ прямыми углами. Красивѣе и больше дубовъ я нигдѣ не видалъ: подъ ними прятались низенькіе одноэтажные домы, голландской постройки. Улицы такъ длинны, что конца нѣтъ: версты двѣ и болѣе.

Мы долго мчались по этимъ аллеямъ, и наконецъ въ самой длинной и, повидимому, главной улицѣ остановились передъ крыльцомъ. Бѣлыхъ жителей не видно по улицамъ ни души: еще было рано и жарко, только черные бродили кое-гдѣ, или проѣзжали верхомъ, да работали. Мы вошли въ пустыя, прохладныя комнаты, убранныя просто, почти бѣдно. Мы отворили дверь изъ залы и остановились на порогѣ передъ оригинальной картиной фламандской школы. Комната была высокая, съ деревяннымъ поломъ, заставлена ветхими деревянными, совершенно почернѣвшими отъ времени шкапами и разной домашней утварью. У стѣны стоялъ диванъ, отчасти съ провалившимся сидѣньемъ; передъ нимъ круглый столъ, покрытый грубой скатертью; кругомъ стѣнъ простыя скамьи и табуреты. На одной скамьѣ сидѣла очень старая старуха, въ голландскомъ чепцѣ, безъ оборки, и макала сальныя свѣчки; другая, пожилая женщина, сидѣла за прялкой; третья, молодая дѣвушка, съ буклями, совершенно бѣлокурая и совершенно бѣлая, цвѣта топленаго молока, съ бѣлыми бровями и свѣтлоголубыми, съ бѣлизной, глазами, суетилась по хозяйству. Служанкой была плотная

и высокая мулатка. Сросшiяся брови и маленькiй лобъ не мѣшали ей кокетливо играть своими черными, какъ деготь, глазами. Все остановилось, какъ мы вошли. Всѣ встали съ мѣстъ. Хозяйки привѣтливой улыбкой отвѣчали на наши поклоны и принялись суетиться, убирать свѣчи, прялку, всю утварь, очищая намъ мѣсто сѣсть.—„Что̀ у васъ есть къ обѣду?“ спросилъ В. — „Мы изготовимъ“, отвѣчали онѣ.—„Есть говядина, баранина?“ — „Говядины нѣтъ, а есть курица и свинина. — „А зелень есть?“ — И зелень есть“.—„А фрукты“, спросилъ З.,—„виноградъ, напримѣръ, апельсины, бананы?“ — „Апельсиновъ и банановъ нѣтъ, а есть арбузы и фиги“.—„Хорошо, хорошо. Давайте арбузовъ и фигъ, и еще нѣтъ ли чего?“.

Поднялась возня: мы поставили вверхъ дномъ это мирное хозяйство. Дверцы шкаповъ пошли хлопать, миски, тарелки звенѣть; на кухнѣ затрещалъ огонь; женщины забѣгали взадъ и впередъ. Я вышелъ на дворъ, на широкое крыльцо, густо осѣненное, какъ вездѣ здѣсь, виноградными лозами. Кисти крупнаго, желтаго винограда, соблазнительно висѣли по трельяжу. Негръ съ лѣсенкой, переходилъ отъ одной кисти къ другой и рѣзалъ лучшiя намъ къ обѣду. Черная, какъ поношенный атласъ, старуха-негритянка, съ платкомъ на головѣ, чистила ножи. Увидѣвъ меня, она высунула мнѣ языкъ. За мной показался З.: и ему тоже. Ему ужасно понравилось это и онъ пригласилъ меня смотрѣть, ка̀къ она будетъ привѣтствовать другихъ нашихъ товарищей, которые шли за нами. Хозяйка, замѣтивъ, ка̀къ встрѣчаетъ насъ арабка, показала на нее, потомъ на свою голову, и поводила пальцомъ по воздуху взадъ и впередъ, давая знать, что та не въ своемъ умѣ. Маленькiй дворъ былъ дополненiемъ этого хозяйства. Туда же успѣлъ забраться Вандикъ съ обоими экипажами. Онъ, съ помощью мальчишки и другаго кучера, отпрягъ лошадей и привязалъ ихъ въ тѣни,

по разнымъ угламъ. Хозяйство было небольшое, но полное, у этой африканской Коробочки. Свиньи и домашнія птицы ходили по двору, а рядомъ зеленѣлъ садъ. Яркая зелень банана рѣзко оттѣнялась на фонѣ темнозеленыхъ фиговыхъ и грушевыхъ деревьевъ. Изъ-за забора глядѣли красные цвѣты шиповника.

Мы съ Б. пошли гулять на улицу. Вездѣ зелено: все сады да аллеи. Мы дошли до конца улицы и уперлись въ довольно-большую протестантскую церковь, съ оградой. Направо стоялъ большой домъ, казенный: домъ здѣшняго правленія; передъ нимъ дубы достигли необыкновеннаго роста и объема. Вѣроятно эти деревья ровесники мѣстечку, а оно старше почти всѣхъ другихъ въ колоніи: оно основано двѣсти лѣтъ назадъ и названо въ честь тогдашняго губернатора, по имени Стелленъ, и жены его, урожденной Бошъ. Любуясь зеленью садовъ, мы повернули налѣво, въ узенькую улицу и вышли за городъ. Съ одной стороны передъ нами возвышалась гора, мѣстами голая, мѣстами съ зеленью; кругомъ была долина, одна изъ самыхъ обработанныхъ; вдали фермы. Мы воротились въ городъ и пошли по узенькому ручью, въ которомъ черныя бабы полоскали бѣлье. По ручью стояли мазанки готтентотовъ и негровъ; кое-гдѣ мелочныя лавочки. Улицы все—шоссе. У одного дома европейской наружности, по видимому, почтоваго, стояло нѣсколько каретъ, колясокъ и картъ; около нихъ толпились путешественники обоихъ половъ—все англичане.

Мы застали уже накрытый столъ, и хозяйки, стоя вокругъ, приглашали насъ сѣсть: мы не заставили долго просить себя. Онѣ ласково смотрѣли на насъ и походили, въ своихъ, старинпаго покроя, платьяхъ, съ блѣдными лицами и грустными взглядами, на полинявшіе портреты добрыхъ предковъ. Чего только не было наставлено на столѣ: это лавочка съѣстныхъ припасовъ. Миски и тарелки разнокали-

берныя; у графиновъ разныя пробки, а у судковъ и вовсе нѣтъ; перечница съ отбитой головкой—бѣдность и радушіе. Какъ много Б. съѣлъ мяса и живности, З. фруктовъ, я всего—и говорить нечего. Арбузы, продолговатые, формой похожіе на дыни, были и красны, и сладки, такъ-что мы заказали себѣ ихъ на дорогу.

Стелленбошъ славится въ колоніи своею зеленью, фруктами и здоровымъ воздухомъ. Отъ этого сюда стекаются инвалиды и иностранцы, нанимаютъ домы и наслаждаются тѣнью и прогулками. Въ недѣлю два раза ходятъ сюда изъ Капштата омнибусы; ѣзды всего по прямой дорогѣ часовъ пять. Окрестности живописны: все холмы и долины. Почва состоитъ изъ глины, наноснаго ила, желѣзняка и гранита. Въ самомъ Стелленбошѣ считается около четырехъ, а въ округѣ около пяти тысячъ жителей. Мѣстечко замѣчательно еще школой, одной изъ лучшихъ въ колоніи. Оттуда вышло нѣсколько хорошихъ учителей для другихъ мѣстъ. Преподаютъ все, что̀ входитъ въ кругъ классическаго воспитанія. Кто знаетъ, какой дубъ учености выростетъ современемъ въ этой старинной, но еще молодой и формирующейся на новый ладъ колоніи? Можетъ быть Стелленбошская коллегія будетъ современемъ африканскимъ Геттингеномъ, или Оксфордомъ. „Молодая колонія“ я сказалъ: да, потому-что, лѣтъ какихъ-нибудь тридцать назадъ, здѣсь, ни о дорогахъ, ни о страховыхъ компаніяхъ, ни объ улучшеніи быта черныхъ, не думали. И нынче еще, упорный въ ненависти къ англичанамъ, голландскій фермеръ, опустивъ поля шляпы на глаза, въ сѣрой курткѣ, трясется верстъ сорокъ на клячѣ верхомъ, вмѣсто того, чтобъ сѣсть въ омнибусъ, который, за три шиллинга, часа въ четыре, привезетъ его на мѣсто. А фермеры эти не бѣдны: у нѣкоторыхъ хозяевъ отъ семи до восьми тысячъ руб. сер. годоваго дохода. Въ стелленбошскомъ округѣ главное произведеніе все-таки вино, потомъ пшеница, дубъ, картофель, и т. п. предметы.

Часовъ въ пять, когда жара спала, все оживилось: жалюзи открылись; на крыльцахъ появилось много добрыхъ голландскихъ фигуръ, мужскихъ и женскихъ. Я встрѣтилъ нашего доктора, и съ нимъ двухъ, если не нѣмцевъ, то изъ нѣмцевъ. Два датчанина, братья, докторъ и аптекарь, завели его къ себѣ въ домъ, показывали садъ. Я познакомился съ ними и мы пошли за городъ, къ мосту, черезъ мостъ по полю, и уже темнымъ вечеромъ, почти ощупью, воротились въ городъ. Датчане завели насъ къ себѣ и непремѣнно хотѣли угостить главнымъ капскимъ произведеніемъ, виномъ. Это былъ для меня трудный подвигъ: пить, да еще послѣ обѣда! А они подали три-четыре бутылки и четыре стакана:—„Вотъ это фронтиньякъ, это ривезальтъ“ говорили они, наливая то того, то другаго вина, и я нашелъ въ одномъ сходство съ chambertin: вино было точно изъ бургундскихъ лозъ. Хозяева сказали, что пришлютъ намъ нѣсколько бутылокъ вина въ Капштатъ, въ нашу гостинницу. Они проводили насъ до нашей квартиры.

Тишина и теплота ночи были невыразимо-пріятны: ни вѣтерка, ни облачка; звѣзды такъ и глазѣли съ неба, сильно мигая; на балконахъ вездѣ люди и говоръ. Изъ нашей гостинницы неслись веселые голоса; изъ оконъ лился свѣтъ. Всѣ были дома, сидѣли около круглаго стола и пили микстуру съ пескомъ, то-есть чай съ сахаромъ. Это пародія на то, что̀ мы пьемъ у себя подъ именемъ чая. За столомъ было новое лицо: пожилой, полный человѣкъ, съ румянымъ, добрымъ, смѣющимся лицомъ.—„Г. Ферстфельдъ, мѣстный докторъ“, сказалъ намъ II.—„Что жъ онъ на насъ такъ странно смотритъ и откуда вы его взяли?“ спросилъ я.—„Самъ пришелъ: узналъ, что русскіе пріѣхали, пришелъ посмотрѣть; никогда, говоритъ, не видалъ“.

Докторъ и самъ подтвердилъ это. Онъ порядочно говорилъ по-французски и откровенно объяснилъ, что онъ такъ

много слышалъ и читалъ о русскихъ, что не могъ превозмочь любопытства и пришелъ познакомиться съ нами.—„Я занимаюсь немного естественными науками, геологіей, и неестественными: френологіей; люблю также этнографію. Поэтому мнѣ очень интересно взглянуть на русскій типъ“, говорилъ онъ, поглядывая съ величайшимъ вниманіемъ на Б. К., на нашего доктора В. и на П.: а они всѣ трое были не русскаго происхожденія.—„Такъ вотъ какой типъ!“ говорилъ онъ, продолжая глядѣть на нихъ. Мы едва крѣпились отъ смѣху.—„А это какой типъ?“ спросилъ я, указывая на З.—„Это...“ онъ серьезно и долго вглядывался въ него:—„это... монгольскій“. Мы было-засмѣялись, но докторъ, кажется, правъ: у З. дѣйствительно татарскія черты.—„Ну, а этотъ“, показывали мы на Г. Онъ долго думалъ.—„Онъ десять лѣтъ жилъ въ Китаѣ“, замѣтилъ кто-то про Г.—„А вѣдь онъ похожъ на китайца!“ замѣтилъ Ферстфельдъ. Мы хохотали, и онъ съ нами. Г. былъ изъ малороссіянъ. Чисто-русскіе были только З. и я.—„Да, русскіе сильны: о! о нихъ много-много слуху!“ говорилъ онъ. Онъ ожидалъ, кажется, увидѣть богатырей, а можетъ-быть, людей немного звѣрской наружности, и удивился, когда узналъ, что Г. занимается тоже геологіей, что у насъ много ученыхъ, есть литература.

Это все такъ заняло его, что онъ и не думалъ уходить; а пора было спать. Вандикъ на отрѣзъ отказался ѣхать:—„Дорога дурна“, объявилъ онъ улыбаясь. Голландскій докторъ настаивалъ, чтобъ мы непремѣнно посѣтили его на другой день, и объявилъ, что самъ поѣдетъ проводить насъ миль за десять и завезетъ въ гости къ пріятелю своему, фермеру.

На ночь насъ развели по разнымъ комнатамъ. Но какъ особыхъ комнатъ было только три, и въ каждой по одной постели, то пришлось по одной постели на двоихъ. Но постели таковы, что на нихъ могли бы лечь и четверо. На дру-

гой день, часу въ восьмомъ, Ферстфельдъ явился за нами въ кабріолетѣ, на парѣ прекрасныхъ лошадей.

Мы выѣхали по свѣжей утренней прохладѣ и проѣзжали по дорогѣ между фермами, какъ между дачами, по зеленымъ холмамъ. Я забылъ сказать, что наканунѣ у одной дачи намъ указали камфарное дерево. Мы вышли и нарвали себѣ нѣсколько вѣтокъ, съ листьями и плодами, величиной съ крупную горошину, отъ которыхъ вдругъ, въ экипажахъ разлился запахъ, напоминающій зубную боль и подушечки. Дерево не очень красиво; оно показалось мнѣ похожимъ немного на нашу осину, только листья другіе, продолговатые, толще и глаже; при треніи они издавали сильный запахъ камфары. Ферстфельдъ останавливалъ наше вниманіе на живописныхъ мѣстахъ: то указывалъ холмъ, густо-поросшій кустарникомъ, то бѣлѣющуюся на скатѣ горы въ рытвинѣ, ферму съ виноградниками. Мы выходили изъ экипажей и бродили по сторонамъ, собирая, кто каменья, кто травы, или цвѣты. Между-тѣмъ, приглядываясь къ лошадямъ у нашего экипажа, я видѣлъ какую-то разницу, какъ будто одна лошадь не прежняя.—„Это не прежняя лошадь“, сказалъ я Вандику, который, въ своей голубой курткѣ, въ шляпѣ съ крепомъ, прямо и неподвижно, съ голыми руками, сидѣлъ на козлахъ.—„Нѣтъ“.—„Гдѣ жъ та?“—„Промѣнялъ“.—„Развѣ эта лучше? Вѣрно она не ладитъ съ другой, все шалитъ дорогой“.—„Выгодно промѣнялъ“, съ улыбкой сказалъ Вандикъ.—„Я хотѣлъ вымѣнять еще бѣленькую лошадку, veri nice horse!“ (славная лошадка!) прибавилъ потомъ.—„Что жъ не вымѣнялъ?“—„Не отдаютъ; да не уйдетъ она отъ меня!“

Эти шесть миль, которыя мы ѣхали съ докторомъ, большею частью по побочнымъ дорогамъ, были истиннымъ истязаніемъ, несмотря на живописные овраги и холмы: дорогу размыло дождемъ, такъ-что по горамъ образовались глубокія

рытвины, и экипажи наши не катились, а перескакивали черезъ нихъ. Надо отдать справедливость Вандику: онъ въ искусствѣ владѣть возжами стоитъ, если не выше, то такъ же высоко, какъ его соименникъ въ искусствѣ владѣть кистью. Вотъ гора и на ней три рытвины, какъ три вѣтви, идутъ въ разныя стороны, а между рытвинами значительный горбъ— это задача. Какъ бы, кажется, не поломать тутъ колесъ, и даже реберъ, и какъ самымъ смирнымъ лошадямъ не потерять терпѣніе и не взбѣситься, карабкаясь то на горбъ, то оступаясь въ яму? Можетъ быть оно такъ бы и случилось у другаго кучера, но Вандикъ заберетъ въ руки и расположитъ всѣ возжи между полуаршинными своими пальцами и начнетъ играть ими, какъ струнами, трогая то первую, то третью, или четвертую. Отъ этихъ искусныхъ маневровъ, двѣ переднія лошади идутъ по горбу, а рытвина остается между ними; если же онѣ и спускаются въ нее, то такъ тихо и осторожно, какъ-будто пасутся на лугу. Иногда имъ приходится лѣпиться по косогору налѣво, а экипажъ спускается съ двумя другими лошадьми въ рытвину направо и колышется, какъ челнокъ на гладкихъ, округленныхъ волнахъ. И это поминутно. Когда мы стали жаловаться на дорогу, Вандикъ улыбнулся и указывая бичемъ на ученую партію, кротко молвилъ:—„А капитанъ хотѣлъ вчера ѣхать по этой дорогѣ ночью!“ Ручейки, ничтожные наканунѣ, раздулись такъ, что лошади шли по брюхо въ водѣ. Солнце всходило высоко; утренній вѣтерокъ замолкалъ; становилось тихо и жарко; кузнечики трещали, стрекозы начали рѣять по травѣ и кустамъ; къ намъ врывался по временамъ въ картъ оводъ, или шмель, кружился надъ лошадьми и несся дальше, а не то, такъ затрепещетъ крыльями надъ головами нашими большая, какъ птица, черная или красная бабочка, и вдругъ упадетъ въ сторону, въ кусты.

З. только-было запѣлъ: *Не билъ барабанъ*, пока мы взби-

рались на холмъ, но не успѣлъ кончить первой строфы, какъ мы вдругъ остановились, лишь только въѣхали на вершину, и очутились передъ широкимъ крыльцомъ большаго одноэтажнаго дома, передъ которымъ уже стоялъ кабріолетъ Ферстфельда. Кругомъ насъ расположены были строенія, сараи и разныя службы. Налѣво отъ дому, по холму, идетъ довольно-большой садъ, сзади дома виноградники, и тоже садъ, дальше дикіе кусты. Это была голландская ферма Эльзенборъ, принадлежащая пріятелю доктора.

Ферстфельдъ пошелъ въ домъ, а мы остались у крыльца. Чрезъ минуту онъ возвратился съ хозяиномъ и приглашалъ насъ войти. На порогѣ стоялъ высокій, съ просѣдью, старикъ, съ нависшими бровями, въ длинной суконной курткѣ, закрывавшей всю поясницу, почти въ такомъ же длинномъ жилетѣ, въ широкихъ нанковыхъ, падавшихъ складками около ногъ панталонахъ. Отъ дома и отъ него такъ и повѣяло Поль Поттеромъ, Міерисомъ, Теньеромъ. Онъ, протянувъ руку, стоялъ, не шевелясь, на порогѣ, но смотрѣлъ такъ кротко и ласково, что у него улыбались всѣ черты лица. На крыльцѣ лежало безчисленное множество тыквъ: шагая между ними, мы добрались до хозяина и до его руки, которую потрясли всѣ поочереди.

Наконецъ мы у голландскаго фермера въ гостяхъ, на Капѣ, въ Африкѣ! Сколько описаній читалъ я о фермерахъ, о ихъ житьѣ-бытьѣ; какъ жадно слѣдилъ за приключеніями, за битвами ихъ съ дикими, со звѣрями, не думая, что когда нибудь... Мы вошли въ большую залу, изъ которой пахнуло на насъ прохладой. Въ дверяхъ гостиной встрѣтили насъ три новыя явленія: хозяйка въ бѣломъ чепцѣ, съ узенькой оборкой, въ коричневомъ платьѣ; дочь, хорошенькая дѣвочка лѣтъ 13, глядѣла на насъ такъ молодо, свѣжо, съ дѣтскимъ застѣнчивымъ любопытствомъ, въ такомъ костюмѣ, какъ мать, и еще какая-то женщина, гостья, или родствен-

ница. Онѣ знаками пригласили насъ войти въ гостиную. Я не вѣрилъ глазамъ: ужели это фермеръ, крестьянинъ? Гостиная была еще больше залы; въ ней царствовалъ полумракъ, какъ въ модномъ будуарѣ; посреди стоялъ массивный, орѣховаго дерева столъ, заваленный разными рѣдкостями, раковинами и т. п. предметами. По угламъ гнѣздились тяжелые, но красивые старинные диваны и кресла; по срединѣ комнаты группировались крытыя штофомъ козетки; не было уже шкаповъ и посуды. У оконъ и дверей висѣли плотныя шелковыя драпри изъ матерій, какихъ не дѣлаютъ нынче; чистота была неимовѣрная: жаль было ступать ногами по этимъ лакированнымъ поламъ. Я боялся сѣсть на козетку: на ней, кажется, никто никогда не сидѣлъ; видно, комнаты выметаются, чистятся, показываются гостямъ, потомъ опять выметаются и запираются надолго. Мы сначала молчали, разглядывая другъ друга. Мы видѣли, что хозяева ни за что не начнутъ сами разговора.

Наконецъ П. заговорилъ по-голландски, извинялся въ нечаянномъ и, можетъ быть, нескромномъ посѣщеніи. Старикъ неторопливо, безъ увѣреній, безъ суеты, кротко возразилъ, что онъ „радъ такимъ гостямъ, издалека“. И видно, что въ самомъ дѣлѣ былъ радъ. Боже мой! какъ я давно не видалъ такого быта, такихъ простыхъ и добрыхъ людей, и какъ радъ былъ бы подольше остаться тутъ!—„Что жъ они, дадутъ ли завтракать? съ любопытствомъ шепнулъ мнѣ Б.:—„этого требуетъ гостепріимство“.—„Да вѣдь вы завтракали“.—„Вы кофе называете завтракомъ—это смѣшно“, возразилъ онъ;—„я разумѣю бифстексъ, котлеты, дичь. Здѣсь вѣрно дичи много и „скотства“ должно быть не мало!“ заключилъ онъ, пародируя фразу нашего спутника В.

Изъ хозяевъ никто не говорилъ по-англійски, еще менѣе по-французски. Дѣдъ хозяина, и самъ онъ, по словамъ его, отличались нерасположеніемъ къ англичанамъ, которые „на-

дѣлали имъ много зла„ т. е. выкупили черныхъ, уняли и унимаютъ каффровъ и другія хищныя племена, учредили новый порядокъ въ управленіи колоніей, провели дороги и т. п. Явился сынъ хозяина, здоровый, краснощекій фермеръ, лѣтъ 25-ти, въ сѣрой курткѣ, сѣрыхъ панталонахъ и сѣромъ жилетѣ. Онъ тоже молча перещупалъ намъ всѣмъ руки. Отецъ съ сыномъ предложили намъ посмотрѣть ферму и мы вышли опять на крыльцо. Тутъ только я замѣтилъ, какимъ великолѣпнымъ виноградныйъ деревомъ было оно осѣнено. Корень его, уродливымъ, переплетшимся, какъ множество змѣй, стволомъ, выходилъ изъ подъ-каменнаго пола и опутывалъ вѣтвями, какъ сѣтью, трельяжъ балкона, образуя густую зеленую бесѣдку; листья фистонами лѣпились по рѣшеткѣ и стѣнамъ. Большія кисти винограда, какъ лампы, висѣли въ разныхъ мѣстахъ потолка. Мы заглядѣлись на дерево.—„Этому дереву около 90 лѣтъ“, сказалъ хозяинъ:— „оно посажено моимъ дѣдомъ въ день его свадьбы“.—„Зачѣмъ эта тыква здѣсь? спросили мы“.—Это къ обѣду чернымъ“. — „А много ихъ у васъ?“—„Нѣтъ, теперь всего двадцать человѣкъ, а во время работъ нанимаемъ до сорока; они дòроги. Англичане избаловали ихъ и пріучили къ праздности. Они выработаютъ себѣ, сколько надо, чтобъ прожить немного на свободѣ, и уходятъ; къ постоянной работѣ несклонны, шатаются, пьянствуютъ, пока крайность не принудитъ ихъ опять къ работѣ“.—„У старика до тысячи фунтовъ стерлинговъ доходу въ годъ“, шепнулъ намъ Ферстфельдъ. Мы съ бòльшимъ вниманіемъ стали смотрѣть на старика и его суконную куртку.—„Времена не совсѣмъ хороши для насъ“, продолжалъ старикъ:—„сбыта мало. Вотъ только и хорошо, когда война, какъ теперь“.—„Отчего же такъ?“ — „Потребленія больше: до 12,000 одного англійскаго войска: хлѣбъ и вино идутъ отлично; цѣны славныя: все въ два съ половиной раза дѣлается дороже“.—„Сколько

на хорошей фермѣ выдѣлывается вина въ годъ?„ спросилъ я.—„Около двухсотъ пипъ“ отвѣчалъ хозяинъ. (Пипу надо считать во 114 галоновъ, а галонъ—въ 5 бутылокъ).—„Куда сбывается вино?“—„Больше въ Англію, да немного въ самую колонію и на острова, на Маврикій“.—„Но почти весь испанскій хересъ и портвейнъ идутъ въ Англію“, замѣтилъ я:—„что же дѣлаютъ изъ здѣшняго?“—„Дѣлаютъ хересъ, портвейнъ“, сказалъ Ферстфельдъ. — „потому-что настоящаго испанскаго вина не достаетъ“.—„Да вѣдь отсюда далеко возить, дорого обходится“.—„Отъ 35 до 40 дней на нынѣшнихъ судахъ, особенно на паровыхъ“.

Несмотря на отдаленность, здѣшнее вино, и съ процессомъ поддѣлки подъ испанскія вина, все-таки обходится англичанамъ дешевле тѣхъ.

Мы пошли въ садъ. Виноградъ разсаженъ былъ на большомъ пространствѣ и довольно-низокъ ростомъ. Уборка уже кончилась. Мы шли по аллеѣ изъ каштановъ, персиковыхъ и фиговыхъ деревьевъ. Все было обнажено, только на миндальныхъ деревьяхъ кое-гдѣ оставались позабытые орѣхи. Хозяйскій сынъ рвалъ ихъ и подавалъ намъ. Они были толстокорые, но за то вкусны и свѣжи. Какая разница съ продающимся у насъ, залежавшимся и высохшимъ миндалемъ! Проходя по двору, обратно въ домъ, я увидѣлъ, что Вандикъ и товарищъ его распорядились ужъ распречь лошадей, которыя гуляли по двору и щипали траву.

Хозяева извинялись, что по случаю ранняго и кратковременнаго нашего посѣщенія, не успѣютъ угостить насъ хорошенько, и просили отвѣдать наскоро приготовленнаго сельскаго завтрака. Мы пришли въ свѣтлую, пространную столовую, на стѣнѣ которой красовался вырѣзанный изъ дерева голландскій гербъ. Посрединѣ накрытъ былъ длинный столъ и уставленъ множествомъ блюдъ съ фруктами. У. З. глаза разбѣжались, а Б. сдѣлалъ гримасу. Тутъ дымились

чайники, кофейники той формы, какъ вы видите ихъ на фламандскихъ картинахъ. На блюдахъ лежалъ виноградъ нѣсколькихъ сортовъ, фиги, гранаты, груши, арбузы. Потомъ маленькія булки, горячія до того, что нельзя взять въ руку, и отличное сливочное масло. Тутъ же яйца, творогъ, картофель, сливки и нѣсколько бутылокъ стараго вина—все произведеніе фермы. Хозяева наслаждались, глядя, съ какимъ удовольствіемъ мы, особенно З., переходили отъ одного блюда къ другому. Чрезъ полчаса столъ опустошенъ былъ до основанія. Вино было, старый фронтиньякъ, отличное.— „Что это“, ворчалъ Б.:—„даже ни цыпленка! Охота таскаться по этакимъ мѣстамъ!“

Мы распрощались съ гостепріимными, молчаливыми хозяевами и съ смѣющимся докторомъ.—„Я надѣюсь съ вами увидѣться“, кричалъ докторъ:—„если не на возвратномъ пути, такъ я пріѣду въ Саймонстоунъ: тамъ у меня служитъ братъ, мы вмѣстѣ поѣдемъ на самый мысъ смотрѣть соль въ горахъ, которая тамъ открылась“.

Дорога нѣкоторое время шла дурная, по размытымъ дождями оврагамъ и буеракамъ, посреди яркой зелени кустовъ и крупной травы. Потомъ выѣхали мы опять на шоссе и покатились довольно-быстро. Горы обозначались все яснѣе, и вскорѣ выдвинулись изъ-за кустовъ и холмовъ двѣ громады и росли, по мѣрѣ нашего приближенія, все выше и выше. Дорога усажена была сплошной стѣной айвы; нашъ молодой пріятель и лошади опять поѣли ея. Мы подъѣхали къ самымъ горамъ и къ лежащему у подошвы ихъ мѣстечку Paarl по-голландски, а по-русски „перлъ“. Это мѣсто дѣйствительно перлъ во всей колоніи, по красотѣ мѣстоположенія, по обилію и качеству произведеній, особенно вина.

Взглядъ не успѣвалъ ловить подробностей этой большой, широко-раскинувшейся картины. Прямо лежитъ на отлогости горы мѣстечко, съ своими, идущими, частью правиль-

нымъ амфитеатромъ, частью безпорядочно перегибающимися по холмамъ улицами, съ утопувшими въ зелени маленькими домиками, съ виноградниками, полями маиса, съ близкими и дальними фермами, съ бѣгущими во всѣ стороны дорогами. На лѣво гора Паарль, которая, картинною разнообразностью пейзажей, яркой зеленью, не похожа на другія здѣшнія горы. Полуденное солнце обливало ее всю ослѣпительнымъ блескомъ. На покатости ея, недалеко отъ вершины, сверкали какія-то три свѣтлыя полосы. Сначала я принялъ ихъ за кристаллизацію соли, потомъ за горный хрусталь, но мнѣ показалось, что онѣ движутся. Солнечные лучи такъ ярко играли въ этихъ стальныхъ полосахъ, что больно было глазамъ.—„Что это такое?“ спросилъ я Вандика.—„Каскады“, отвѣчалъ онъ:—„теперь они чуть-чуть льются, а зимой текутъ потоками: very nice!“ Ну, для каскадовъ это не слишкомъ грандіозно! Они напоминаютъ тѣ каскады, которые дѣлаютъ изъ стекла въ столовыхъ часахъ. На южной оконечности горы издалека былъ видѣнъ, какъ будто руками человѣческими обточенный, громадный камень: это diamond—*алмазъ*, камень-пещера, въ которой можно пообѣдать человѣкамъ пятнадцати. По горѣ, между густой зеленью, мѣстами выбѣгали и опять прятались тропинки, по которымъ, казалось, могли бы ползать развѣ муравьи; а кое-гдѣ выглядывала угрюмо изъ травы кучка сѣрыхъ камней, образуя горбъ, тамъ рытвина, заросшая кустами. Мы въѣхали въ самое мѣстечко и я съ сожалѣніемъ оторвалъ взглядъ отъ живописной горы.

Домики, что̀ за домики—игрушки! Площадки, обвитыя виноградомъ, палисадники, съ непроницаемой тѣнью дубовыхъ вѣтвей, съ кустами алоэ, съ цвѣтами—все, кажется, пріюты счастья, мирныхъ занятій, домашнихъ удовольствій! Мы быстро мчались изъ одного сада въ другой, то есть изъ улицы въ улицу, переѣзжая съ холма на холмъ. Деревья

какъ будто кокетничали передъ нами, рисуясь, что̀ шагъ, то новыми группами:—„Мы остановимся здѣсь?“ спросилъ я Вандика, видя, что онъ гонитъ лошадей такъ, какъ-будто хочетъ проѣхать мѣстечко насквозь. Но Вандикъ и не слыхалъ моего вопроса: онъ устремилъ глаза на какой-то предметъ. Я посмотрѣлъ, куда онъ такъ пристально глядитъ: внизу террасы, по которой мы ѣхали, на лугу паслась лошадь—вотъ и все.—„Странно“, ворчалъ Вандикъ:—„я не знаю, чья эта лошадь“. Мы проѣхали террасу и лугъ, а онъ привсталъ на козлахъ и оглядывался назадъ.—„Въ прошедшій разъ ея не было здѣсь“ продолжалъ онъ ворчать, и озабоченный, шибче погналъ лошадей.—„Какое большое мѣстечко!“ сказалъ я опять.—„Шесть миль занимаетъ“, отвѣчалъ Вандикъ:—„мы здѣсь остановимся“, продолжалъ онъ, какъ-будто на мой прежній вопросъ,—„и я сбѣгаю узнать, чья это лошадь ходитъ тамъ на лугу: я ее не видалъ никогда“.—„Да развѣ ты знаешь всѣхъ лошадей?“—„О, yes!“ съ улыбкою отвѣчалъ онъ:—„десятка два я продалъ сюда и еще больше покупалъ здѣсь. А эта...“ говорилъ онъ, указывая бичомъ назадъ, на лугъ... „Аннлъ!“ вдругъ крикнулъ онъ, видя, что одна изъ переднихъ лошадей отвлекается отъ своей должности, протягивая морду къ стоявшимъ по сторонамъ дороги деревьямъ.

Въ концѣ этой террасы, при спускѣ съ горы, близь выѣзда изъ мѣстечка, мы вдругъ остановились у самаго кокетливаго домика и спѣшили скрыться отъ жары, въ отворенныя настежъ двери, куда манили сумракъ и прохлада. Мы съ Б. первые вбѣжали въ комнату и перепугали внезапнымъ появленіемъ какую-то скромно-одѣтую, несовсѣмъ красивую дѣвушку, которая собиралась что-то доставать изъ шкапа. Она потупила глаза и робко стояла на мѣстѣ.—„Можно приготовить намъ завтракъ?“ спросилъ Б. по англійски.—„Yes“ отвѣчала она.—„А обѣдъ?“—„Yes“.—„Такъ прика-

жите приготовить обѣдъ, да... получше, побольше... всего". —„А постели нужно?" спросила она.—„Нѣтъ" отвѣчали мы.—„А у васъ есть и комнаты для пріѣзжихъ?"—„Plenty (много)". Дѣвушка внезапно скрылась, и наши спутники, и мы расположились, кто въ комнатахъ, кто на балконѣ. Вандикъ отпрягъ лошадей и опрометью побѣжалъ съ горы справляться, чья лошадь ходитъ по лугу.

Комнаты вовсе не показывали, чтобъ это была гостинница. Въ первой, куда мы вошли, стоялъ диванъ, передъ нимъ столъ, кругомъ кресла. На стѣнахъ всѣ принадлежности охоты: ружья, яхташи, кинжалы, рога, бичи. Въ слѣдующей, куда мы сейчасъ же проникли, стояло фортепьяно, круглый, крытый суконной салфеткой столъ; на немъ лежало множество хорошенькихъ бездѣлокъ. По стѣнамъ висѣли картинки съ видами мыса Доброй Надежды. Все не только чисто, прилично прибрано, но со вкусомъ и комфортомъ. Кто же здѣсь живетъ, чѣмъ занимается? думали мы, глядя на все кругомъ. Живетъ конечно англичанинъ, заключили сами же потомъ: занимается охотой, какъ видно, и между прочимъ содержитъ отель; или, пожалуй, содержитъ отель и, между прочимъ, занимается охотой. Но кто же эта дѣвушка: дочь, служанка? Наши, то есть П. и Г., собрались идти на гору посмотрѣть виды, попытаться, если можно, снять ихъ; докторъ тоже ушелъ, вѣроятно искать нѣмцевъ. Я и Б. остались, и З. остался было съ нами, но спутники увели его почти насильно, навязавъ ему нести какія-то принадлежности для съемки видовъ. Чрезъ полчаса однакожъ онъ, кинувъ гдѣ-то ихъ, ушелъ тайкомъ и воротился въ гостинницу. Жаръ такъ и палилъ.

Не успѣли мы расположиться въ гостиной, какъ вдругъ явились, вмѣсто одной, двѣ, и даже двѣ съ половиною дѣвицы: прежняя, потомъ сестра ея, такая же зрѣлая дѣва, и еще сестра, лѣтъ двѣнадцати. Ситцевое платье исчезло, вмѣ-

сто его появились кисейные спенсеры, съ прозрачными рукавами, легкія изъ муслинъ-де-лепь юбки. Сверхъ того, у старшей была синева около глазъ, а у второй на носу и на лбу по прыщику; у обѣихъ видъ невинности на лицѣ. Напротивъ маленькая дѣвочка смотрѣла совсѣмъ мальчишкой: бойко глядѣла на насъ, бѣгала, шумѣла. Сестры сказывали, что она, между прочимъ, водитъ любопытныхъ проѣзжихъ на гору показывать *Алмазъ*, каскады, и вообще пейзажи.

Дѣвицы вошли въ гостиную, открыли жалюзи, сѣли у окна и просили насъ тоже садиться, какъ хозяйки не отеля а частнаго дома. Больше никого не было видно.—„А кто это занимается у васъ охотой?“ спросилъ я.—„Па“, отвѣчала старшая.—„Вы однѣ съ нимъ живете?“—„Нѣтъ; у насъ есть ма“, сказала другая. Разговоръ остановился пока на этомъ. Дѣвицы сидѣли потупя глаза, а мы мучительно выработывали въ головѣ англійскія фразы полюбезнѣе. Дѣвицы, казалось, ожидали этого.—„А обѣдъ скоро будетъ готовъ?“ вдругъ спросилъ Б., послѣ долгаго молчанія. —„Да“.—„Спросите есть ли у нихъ виноградъ“, прибавилъ З.:—„если есть, такъ чтобъ побольше подали; да нельзя ли банановъ, арбузовъ?...“ Меня занимали давно два какіе-то красные шарика, которые я видѣлъ на столѣ, на блюдечкѣ.—„Что это такое?“ спросилъ я.—„Ядъ“, скромно отвѣчала одна.—„Для кого вы держите его?“—„На гдѣ-то досталъ: такъ...“—„Это вы занимаетесь музыкой?“—„Да“, отвѣчала старшая.—„Нельзя ли спѣть?“ стали мы просить. Она начала немного жеманиться, но потомъ сѣла за фортепьяно и пѣла много и долго: то шотландскую мелодію, то южный, полуиспанскій, полуитальянскій романсъ. Не спрашивайте, хорошо ли она пѣла. Скажу только, что Б., который сначала было затруднялся, по просьбѣ хозяекъ, пѣть, смѣло сѣлъ и, Боже мой, какъ и что онъ пѣлъ! Только и позволительно пѣть такъ передъ обѣдомъ, съ голоду, и притомъ

въ Африкѣ. Къ счастью, среди пѣнія, въ гостиную заглянула черная, курчавая голова и оскаливъ зубы, сказала африканскимъ барышнямъ что-то по-голландски. Б., нужды нѣтъ, что сидѣлъ спиной къ дверямъ, сейчасъ догадался, что это значитъ.—„Обѣдъ готовъ“, сказалъ онъ.—„Другихъ еще нѣтъ“, возразили мы.—„Нужды нѣтъ, мы ѣсть не станемъ, посмотримъ только“. Между множествомъ наставленныхъ на столѣ жареныхъ и вареныхъ блюдъ, говядины, баранины, ветчины, свинины и т. п., привлекло наше вниманіе одно блюдо, съ салатомъ изъ розоваго лука. Мы попробовали, да и не могли отстать: лукъ сладковатый, слегка-ѣдокъ, и только напоминаетъ запахъ нашего лука. Большой салатникъ вскорѣ опустѣлъ.—„Еще салату!“ приказалъ Б., и когда наши воротились, мы принялись, какъ слѣдуетъ, за супъ и своимъ порядкомъ дошли опять до третьяго салатника.

Послѣ обѣда пробовали ходить, но жарко: надо было достать бѣлыя куртки. Онѣ и есть въ чемоданѣ, да прошу до нихъ добраться безъ помощи человѣка!—„Нѣтъ, ужъ лучше пусть жарко будетъ!.. заключили нѣкоторые изъ насъ.

Подлѣ отеля былъ новый, двухъэтажный домъ, внизу двери открыты настежъ. Мы заглянули: магазинъ. Тутъ все: шляпы, перчатки, готовое платье и проч. Торгуютъ голландцы. Въ мѣстечкѣ учреждены банки и другія общественныя заведенія. Паарльскій округъ производитъ лучшее вино, послѣ констанскаго, и много водки. Здѣсь дѣлаютъ также *карты*, то-есть дорожные капскіе экипажи, въ какихъ и мы ѣхали. Я видѣлъ щегольски-отдѣланные, неуступающіе городскимъ картамъ. Вандикъ купилъ себѣ новый „картъ“, кажется, за сорокъ фунтовъ. Тотъ, въ которомъ мы ѣхали, еле-еле держался. Онъ самъ не разъ изъявлялъ опасеніе, чтобъ онъ не развалился гдѣ нибудь на косогорѣ. Однакожъ онъ въ новомъ насъ не повезъ.

Здѣсь есть компанія омнибусовъ. Омнибусъ ходитъ сюда два раза изъ Кэптауна. Когда вы будете на мысѣ Доброй Надежды, я вамъ совѣтую не хлопотать, ни о лошадяхъ, ни объ экипажѣ, если вздумаете посмотрѣть колонію: просто отправляйтесь, съ маленькимъ чемоданчикомъ, въ Long-street въ Капштатѣ, въ контору омнибусовъ; тамъ справитесь, куда и когда отходятъ они, и за четвертую часть того, что намъ стоило, можете объѣхать вдвое больше.

Часу въ пятомъ мы распрощались съ дѣвицами и съ толстой ихъ *ма*, которая явилась послѣ обѣда получить деньги, и отправились далѣе, къ мѣстечку Веллингтону, принадлежащему къ Паарльскому округу и отстоящему отъ Паарля на девять англійскихъ миль.

Оба эти мѣста населены голландцами, оголландившимися французами, и отчасти англичанами. Да гдѣ же народъ— черные? гдѣ природные жители края? Напрасно вы будете искать глазами чернаго народонаселенія, какъ граждан, въ городахъ. О деревняхъ я не говорю: ихъ вовсе нѣтъ, все мѣстечки и города; въ немногихъ изъ нихъ есть предмѣстья, состоящія изъ бѣдныхъ, низенькихъ мазанокъ, гдѣ живутъ нанимающіеся въ городахъ чернорабочіе. Я смотрѣлъ во всѣ стороны въ поляхъ, и тоже не видалъ нигдѣ ни хижины, никакого человѣческаго гнѣзда на скалѣ: все фермы, на которыхъ помѣщаются только работники, принадлежащіе къ нимъ. Осѣдлыхъ черныхъ жителей по близости къ Капштату нѣтъ. Они, вмѣстѣ со звѣрями, удаляются все внутрь, какъ-будто заманивая бѣлыхъ проникать дальше и дальше и вносить Европу внутрь Африки. Европейцы уже касаются тропиковъ. Мы, конечно, не доживемъ до той поры, когда, одни изъ Алжира, а другіе отъ Капштата, сойдутся гдѣ-нибудь внутри; но нѣтъ сомнѣнія, что сойдутся. Никакіе львы и носороги, ни Абдель-Кадеры и Сандильи, ни даже—что хуже того и другаго—сама Сахара не помѣшаютъ этому.

Ужъ о-сю-пору омнибусы ходятъ по колоніи, водку дистиллируютъ; есть отели, магазины, барышни въ букляхъ, фортепьяно—далеко ли до полнаго успѣха? Есть проектъ желѣзной дороги внутрь колоніи и посланъ на утвержденіе лондонскаго министерства; но боятся, что не окупится постройка: еще рано. До-сихъ-поръ одни только готтентоты оказали нѣкоторую склонность къ осѣдлости, къ земледѣлію, и особенно къ скотоводству, и изъ нихъ составилась цѣлая область. Тамъ они у себя хозяева. Пашутъ хлѣбъ, разводятъ скотъ, и подъ защитой англійскихъ штыковъ, менѣе боятся набѣговъ каффровъ.

Мы ѣхали широкой долиной. На глазомѣръ она простиралась верстъ на пять въ ширину. Нельзя нарочно правильнѣе обставить горами, какъ обставлена эта долина. Она вся заросла кустами и сѣдой травой, похожей на полынь. Въ одномъ мѣстѣ, подъѣхали къ рѣчкѣ, порядочно раздувшейся отъ дождей. Надо было переправляться въ бродъ; напрасно Вандикъ понукалъ лошадей: онѣ не шли.—„Аниль!“ крикнетъ онъ, направляя ихъ въ воду, но переднія двѣ, только коснутся ногами воды и вдругъ возьмутъ направо, или налѣво, къ берегу. Вандикъ крикнулъ что-то другому кучеру, и изъ другого карта выскочилъ нашъ коричневый спутникъ, мальчишка готтентотъ, засучилъ панталоны и потащилъ лошадей въ воду; но вскорѣ ему стало очень глубоко и онъ воротился на свое мѣсто, а лошади ушли по брюхо. Дно было усыпано мелкимъ булыжникомъ и колеса производили такую музыку, что даже заставили замолчать З., который пѣлъ на всю Африку: *„Ненаглядный ты мой, какъ люблю я тебя!“* или *„У Антона дочка“* и т. д.

Весело и бодро мчались мы подъ теплыми, но нежгучими лучами вечерняго солнца, и на закатѣ, вдругъ прямо изъ кустовъ, въѣхали въ Веллингтонъ. Это мѣстечко построено въ ямѣ, тѣсно, бѣдно и неправильно. Съ сотню голландскихъ

домиковъ, мазанокъ, разбросано между кустами, дубами, огородами, виноградниками и полями съ маисомъ и другаго рода хлѣбомъ. Здѣсь болѣе, нежели гдѣ-нибудь, живетъ черныхъ. Проѣхали мы черезъ какой-то переулокъ, узенькій, огороженный плетнемъ и кустами кактусовъ и алоэ, и выѣхали на большую улицу. На верандѣ одного дома сидѣли двѣ или три дѣвицы и прохаживался высокій, плотный мужчина, съ просѣдью.—„Вонъ и мистеръ Бенъ!“ сказалъ Вандикъ. Мы поглядѣли на мистера Бена, а онъ на насъ. Онъ продолжалъ ходить, а мы поѣхали въ гостинницу—маленькій и дрянной домикъ, съ большой, красивой верандой. Я тутъ и остался. Вечеръ былъ тихъ. Съ неба уже сходилъ румянецъ. Кое-гдѣ прорѣзывались звѣзды.

— „Пойдемте къ Бену съ визитомъ“, сказалъ Б.—„Да прежде надо спросить хозяина, что онъ дастъ намъ ужинать“. Кто же тутъ хозяинъ? Тутъ ихъ было два: одинъ вертѣлся на балконѣ, въ передникѣ, не совсѣмъ причесанный и бритый англичанинъ, и давно распоряжался переноской нашихъ вещей въ комнаты. Другой въ пальто и круглой шляпѣ, на улицѣ у крыльца, принималъ дѣятельное участіе въ нашемъ водвореніи въ гостинницу. Кромѣ ихъ, мальчишка-негръ и дѣвчонка-негритянка хлопотали около вещей.—„Нѣтъ, мнѣ не хочется къ Бену“, отвѣчалъ я Б.:—„жаль оставить балконъ. Теперь поздно: завтра утромъ“.

Между-тѣмъ ночь сошла быстро и незамѣтно. Мы вошли въ гостиную, маленькую, бѣдно-убранную, съ портретами королевы Викторіи и принца Альберта, въ парадномъ костюмѣ ордена Подвязки. Тутъ же былъ и портретъ хозяина: я узналъ такимъ образомъ, который настоящій: это—небритый, въ рубашкѣ и передникѣ; говорилъ въ носъ, топалъ, ходя, такъ, какъ-будто хотѣлъ продавить полъ. Едва мы усѣлись около круглаго стола, какъ вбѣжалъ хозяинъ и объявилъ, что г. Бенъ желаетъ насъ видѣть.

Мы отдали ему рекомендательное письмо отъ нашего банкира изъ Капштата. Онъ прочелъ и потомъ изъявилъ опасеніе, что намъ, по случаю воскресенья, не удастся видѣть всего замѣчательнаго.—„Впрочемъ ничего“, прибавилъ онъ:—„я постараюсь кое-что показать вамъ“.

Разговоръ зашелъ о геологіи, любимомъ его занятіи, которымъ онъ пріобрѣлъ себѣ уже репутацію въ Англіи и готовился, неизданными трудами, пріобрѣсти еще болѣе громкое имя.—„Я покажу вамъ свою геологическую карту“, сказалъ онъ и ушелъ за ней домой. Черезъ четверть часа онъ воротился съ огромной и великолѣпной картой, гдѣ подробно означены формаціи всѣхъ горъ, отъ самаго Мыса до внутреннихъ границъ колоніи. Карта начерчена изящно. Трудился одинъ Бенъ; помощниковъ въ этой глуши у него не было. Онъ работалъ около пятнадцати лѣтъ надъ этимъ трудомъ и послалъ копію въ Лондонъ. Вся почва горъ въ колоніи состоитъ изъ глинистаго сланца, гранита и песчаника. Мы залюбовались картой и выпросили ее оставить у насъ до утра.—„Она вѣроятно уже печатается ученымъ обществомъ“, сказалъ Бенъ,—„и вы, по возвращеніи, найдете ее готовою“.

Вторая спеціальность Бена—открытіе и описаніе ископаемыхъ животныхъ колоніи, между которыми встрѣчается много двузубыхъ змѣй. Онъ намъ показывалъ скелеты этихъ животныхъ и нѣсколько ихъ подарилъ. Третья и главная спеціальность его—прокладываніе дорогъ. Онъ гражданскій инженеръ и завѣдываетъ цѣлымъ округомъ.

Бенъ замѣчательный человѣкъ въ колоніи. Онъ съ раннихъ лѣтъ живетъ въ ней, и четыре раза, то одинъ, то съ товарищами, ходилъ за крайніе предѣлы ея, за Оранжевую рѣку до 20° широты, частью для геологическихъ изслѣдованій, частью изъ страсти къ путешествіямъ и приключеніямъ. Онъ много разсказывалъ о встрѣчахъ со львами и носорога-

ми. О тиграхъ онъ почти не упоминалъ: не стоитъ, по словамъ его. Только разсказывалъ одинъ анекдотъ, какъ тигръ таскалъ изъ-за загородки лошадей и какъ однажды устроили ему въ заборѣ такой проходъ, чтобъ тигръ, пролѣзая, дернулъ веревку, привязанную къ ружейному замку, а дуло приходилось ему прямо въ лобъ. Но тигръ смекнулъ, что проходъ, котораго наканунѣ не было, устроенъ не даромъ: онъ перепрыгнулъ черезъ заборъ, покушалъ, и такимъ же образомъ переправился обратно. О львахъ Бенъ говорилъ съ уваженіемъ, хвалилъ ихъ за снисходительность. Однажды онъ, съ тремя товарищами, охотился за носорогомъ, выстрѣлилъ въ него—звѣрь побѣжалъ; они пустились преслѣдовать его и вдругъ замѣтили, что въ сторонѣ, подъ деревьями, лежатъ два льва и съ любопытствомъ смотрятъ на бѣгущаго носорога и на мистера Бена съ товарищами, не трогаясь съ мѣста. Охотники съ большимъ уваженіемъ прошли мимо лѣсныхъ владыкъ.

Еще страннѣе происшествіе случилось съ Беномъ. Онъ, съ товарищами же, ходилъ далеко внутрь на большую охоту и попалъ на племя, которое воевало съ другимъ. Начальникъ принялъ его очень ласково и угощалъ нѣсколько дней. А когда Бенъ хотѣлъ распроститься, тотъ просилъ его принять участіе въ войнѣ и помочь ему завладѣть непріятелемъ. Бенъ отвѣчалъ, что онъ, безъ разрѣшенія своего правительства, сдѣлать этого не можетъ.—„Ну, такъ всѣ твои ружья, быки и телѣги—мои“, отвѣчалъ дикій. Всѣ убѣжденія были напрасны и Бенъ отправился на войну. Къ счастью, она не долго продолжалась. Обѣ сражавшіяся стороны не имѣли огнестрѣльнаго оружія, и непріятели, при первыхъ выстрѣлахъ, бѣжали, оставивъ свои жилища въ рукахъ побѣдителей.—„Вамъ вѣроятно очень непріятно было стрѣлять въ несчастныхъ?“ спросили мы.—„Нѣтъ, ничего“, отвѣчалъ Бенъ:—вѣдь я стрѣлялъ холостыми зарядами. Никому и въ

голову не пришло повѣрить меня. Они не умѣютъ обращаться съ ружьями".

Бенъ высокаго роста, сложенъ плотно и сильно; ходитъ много, шагаетъ крупно и твердо, какъ слонъ, въ гору ли, подъ гору ли—все равно. Ѣстъ много, какъ рабочій, пьетъ еще больше; съ лица красноватъ и лысъ. Онъ отъ ученыхъ разговоровъ легко переходитъ къ шуткѣ, поетъ такъ, что мы хоромъ не могли перекричать его. Еслибъ онъ не былъ гражданскій инженеръ и геологъ, то конечно былъ бы африканскій Рубини: у него изумительный фальцетто. Онъ намъ пѣлъ шотландскія пѣсни и баллады. Ученая партія овладѣла имъ совсѣмъ, и П., конечно, много дополнитъ въ печати бесѣду нашу съ г. Беномъ.

Пока мы говорили съ нимъ, Б. исчезъ. Вскорѣ хозяинъ тихонько подошелъ ко мнѣ и гнусливо что-то сказалъ на-ухо. Я не понялъ.—„Васъ зовутъ", повторилъ онъ.—„Кто? гдѣ?"—„На улицѣ".—„Это что за новость? у меня здѣсь знакомыхъ нѣтъ". Однако пошелъ. На улицѣ темнота, какъ сажа въ трубѣ: я едва нашелъ ступени крыльца. Изъ глубины мрака вышелъ человѣкъ, въ шляпѣ и пальто, и взялъ меня за руку. Это второй, подставной хозяинъ. Отъ него сильно пахло водкой.—„Что вамъ надо?" спросилъ я. —„Пойдемте, пойдемте, я покажу вамъ балъ". Какой балъ? думалъ я, идучи ощупью за нимъ: и отчего онъ показываетъ его мнѣ? Онъ провелъ меня мимо трехъ-четырехъ домовъ по улицѣ и вдругъ свернулъ въ сторону.—„Stop, stop: ничего не вижу", говорилъ я, упираясь ногами. — „Идите, тутъ ничего нѣтъ, только канава… вотъ она". И мы оба прыгнули: онъ зналъ, куда, я—нѣтъ, но остался на ногахъ. Меня поразили звуки музыки, скрипки и еще какихъ-то духовыхъ инструментовъ. Мы подошли къ толпѣ, освѣщенной фонарями, висѣвшими на дверяхъ. Толпа негровъ и готтентотовъ, мужчинъ и женщинъ, плясала. Вотъ и балъ. Всѣ

были пьяны и неистово плясали, но молча. Посреди нихъ стоялъ нашъ главный артистъ, Б.—„Что вы тутъ дѣлаете?" спросилъ я, продравшись къ нему.—„Изучаю нравы", отвѣчалъ онъ:—„n'est ce pas que c'est pittoresque?"—„Гм! pittoresque": думалось мнѣ:—„да, пожалуй, но собственнаго, мѣстнаго, негритянскаго тутъ было только: черныя тѣла, да гримасы, все же прочее... Да это кадриль, или что-то въ родѣ: шень, балансе". Мы долго смотрѣли, какъ веселились, послѣ труднаго, рабочаго дня, черные. Изъ дома, кажется питейнаго, слышались нестройные голоса. Я молча, задумавшись о чемъ-то, смотрѣлъ на пляску.—„Ужинать пора", сказалъ вдругъ Б. и мы пошли.

Подойдя къ гостинницѣ, я видѣлъ, что *кто-то* въ темнотѣ по улицѣ преслѣдуетъ *кого-то*. Оба, преслѣдующій и преслѣдуемый, вбѣжали на крыльцо. Оказалось, что это самъ хозяинъ загоняетъ свою дѣвчонку-негритянку домой, какъ отставшую овцу.—„Что это вы дѣлаете? зачѣмъ ее гоните?" спросилъ я. — „Негодная дѣвчонка": отвѣчалъ онъ,—„все вертится на улицѣ по вечерамъ, а тутъ шатаются бушмены и тихонько вызываютъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, воруютъ съ ними вмѣстѣ и дѣлаютъ разныя другія проказы".—„Нельзя ли поймать гдѣ-нибудь бушмена? мнѣ давно хочется посмотрѣть это племя".—„Нѣтъ, не поймаешь, хотя ихъ тутъ много прячется по ночамъ", сказалъ хозяинъ съ досадой, грозя на поля и огороды:—„они, съ закатомъ солнечнымъ, выползаютъ изъ своихъ норъ и дѣлаютъ безпорядки".

Наши еще разговаривали съ Беномъ, когда мы пришли. З. по обыкновенію залегъ спать съ восьми часовъ и проснулся только поѣсть винограду за ужиномъ. Мы поужинали и легли. Здѣсь было немного комнатъ, и тѣ маленькія. Въ каждой было по двѣ постели, каждая для двоихъ.

Утромъ явился г. Бенъ и торопилъ ѣхать, чтобъ засвѣт-

ло проѣхать ущелье. Онъ, какъ былъ вчера—въ зеленомъ сюртукѣ, нанковыхъ панталонахъ, въ черномъ жилетѣ, съ лорнеткой на ленточкѣ и въ шляпѣ, безъ перчатокъ—такъ и пустился съ нами въ дорогу. Онъ сѣлъ съ ученой партіей.—„Ну, трогай, землякъ!“ сказалъ З. Вандику. У Вандика опять перемѣна: вмѣсто чалой, запряжена пѣгая лошадь.—„А чалую промѣнялъ?“ спросилъ я.—„Yes“, съ улыбкой отвѣчалъ онъ.—„Зачѣмъ же: развѣ та не годилась?“—„О, нѣтъ, я ее на обратномъ пути опять куплю, а эту, пѣгую, я промѣняю съ барышомъ въ Устерѣ“.

Славная дорога, славныя мѣста! Какъ мы въѣхали изъ кустовъ въ Веллингтонъ, такъ и выѣхали изъ него прямо въ кусты. Тутъ уже начиналось созданіе Бена—шоссе. Налѣво была гора Гринбергъ, зеленая не по одному названію. Она очень красива, съ большими отлогостями, живописными холмами и оврагами. Она похожа на гору, какія есть вездѣ. Это общее мѣсто по части горъ. За-то бывшія впереди горы уже ни на что не походили. Громады все росли передъ нами, выставляя, одна за другой, дикія, голыя вершины. Онѣ, казалось, все болѣе и болѣе жались другъ къ другу; и когда подъѣдешь къ нимъ вплоть, онѣ смыкаются сплошной стѣной, какъ-будто толпа богатырей, которые стѣснились, чтобъ дать отпоръ нападенію и не пускать сквозь. Какъ же мы проѣдемъ черезъ плеча этихъ великановъ? думалъ я, видя, что мы ѣдемъ прямо на эту массу.—„Гдѣ дорога?“ спросилъ я Вандика. Онъ молча показалъ на тропинку и бичомъ провелъ по воздуху извилину параллельно ей. Эта дорога для экипажей—невѣроятно! Тропинка бѣжала кругомъ горы, пропадала, потомъ вдругъ являлась выше, пропадала опять и такъ далѣе.

Мы стали подниматься: лошади пошли не такой крупной рысью, какой ѣхали по долинѣ. Онѣ было пытались идти и шагомъ, но грозный „апилъ“ и хлопанье бича застав-

ляли ихъ постоянно бѣжать. З. затянулъ: *Близко города Славянска, на верху крутой горы.* Мы ѣхали пока еще по горамъ довольно-отлогимъ, въ родѣ Гринбергъ. Дорога прорѣзана въ глинистомъ сланцѣ. Справа у насъ глиняная стѣна отвѣсно стояла надъ головой, слѣва внизу зіяли овраги, но эти пропасти еще не были грозны: онѣ какъ-будто улыбались намъ. На днѣ ихъ текли ручьи, росла густая зелень, въ которой утопалъ глазъ. Особенно я помню одинъ живописный оврагъ, весь заросшій лѣсомъ. Внизу, въ самой глубинѣ его, въ группѣ деревьевъ, прятался бѣлый домикъ. Во всѣ стороны по горамъ шли тропинки и одна конная дорога. Домикъ этотъ—прежняя квартира мистера Бена.

Онъ жилъ тутъ съ семействомъ года три и каждый день, пѣшкомъ и верхомъ, пускался въ горы, когда еще дорога только-что начиналась.

Мы все поднимались, но это замѣтно было для глазъ и почти вовсе незамѣтно для лошадей—такъ дорога идетъ раскидисто и отлого; лошади не переставали бѣжать легкой рысью. По дорогѣ могли проѣхать два экипажа, но это пространство размѣрено съ такою точностью, что сверхъ этого и мыши негдѣ было бы пройти. Края пропастей уставлены каменьями, расположенными близко одинъ отъ другаго. Каменья эти, на взглядъ, казались не велики, такъ-что З. брался каждый изъ нихъ легко сбросить съ мѣста.—„И что за пропасти: совсѣмъ нестрашныя", говорилъ онъ:—„этакихъ у насъ въ Псковской губерніи, сколько хочешь!" День былъ жаркій и тихій. По дорогѣ никакого движенія, нигдѣ ни души. Дорога не совсѣмъ кончена и открыта для публики два дня въ недѣлю.

Хотя горы были еще не высоки, но чѣмъ болѣе мы поднимались на нихъ, тѣмъ замѣтно становилось свѣжѣе. Легко и отрадно было дышать этимъ тонкимъ, прохладнымъ воздухомъ. Тамъ и солнце ярко сіяло, но не пекло. Нако-

нецъ мы остановились на одной площадкѣ.—„Здѣсь высота надъ моремъ около 2000 футовъ“, сказалъ Бенъ, и пригласилъ выйти изъ экипажей.

Мы вышли, оглянулись назадъ и остановились неподвижно передъ открывшейся картиной: вся паарльская долина лежала передъ нами, мѣстами облитая солнечнымъ блескомъ, а мѣстами прячущаяся въ тѣни горъ. Веллингтонъ лежалъ какъ будто у ногъ нашихъ, несмотря на то, что мы были миляхъ въ пяти отъ него. Далѣе бѣлѣлись изъ-за зелени домики Паарля, на который гора бросала исполинскую тѣнь; кругомъ вездѣ фермы. Кусты казались травой, а большіе дубы фермъ—мелкими кустами. Мы стояли молча и неподвижно. Саженяхъ въ пятидесяти отъ насъ, плавно проплылъ въ воздухѣ, не шевеля крыльями, орелъ; махнувъ раза три мѣрно крыльями надъ торчавшими голыми вершинами, онъ, какъ камень, ринулся внизъ и пропалъ между скалъ.

Тутъ Г. расположился снять фотографическіе виды и взять нѣсколько образчиковъ камней. Бенъ въ первый разъ только спросилъ объ имени каждаго изъ насъ, и мы тутъ же, на горѣ, обмѣнялись съ нимъ карточками. Б. и З., съ мѣшкомъ и молоткомъ, полѣзли на утесы. Но прежде З. попробовалъ, съ разрѣшенія мистера Бена, столкнуть который-нибудь изъ камней въ бездну, но увидѣлъ, что каждый камень чуть не больше его самого. Н. пустился въ длинную бесѣду съ Беномъ, а я пошелъ впередъ, чтобъ расправить ноги, уставшія отъ постояннаго сидѣнья въ экипажѣ. Я долго шелъ, поминутно останавливаясь посмотрѣть на долину. Вскорѣ она заслонилась утесомъ и я шелъ среди мертвой тишины, по шоссе. Дорога все еще шла сквозь глинистыя горы.

Чрезъ полчаса нагнали меня наши экипажи. Я былохотѣлъ сѣсть, но они, не обращая на меня вниманія, пром-

чались мимо, повернули за утесъ направо и чрезъ пять минутъ стукъ колесъ внезапно прекратился. Они гдѣ-то остановились.

Я обогнулъ утесъ и на широкой его площадкѣ глазамъ представился рядъ низенькихъ строеній, обнесенныхъ валомъ и рѣшетчатымъ заборомъ—это тюрьма. По валу и на дворѣ ходили часовые, съ заряженными ружьями, и не спускали глазъ съ арестантовъ, которые, съ скованными ногами, сидѣли и стояли, группами и по одиночкѣ, около тюрьмы. Изъ тридцати-сорока преступниковъ, которые тутъ были, только двое бѣлыхъ, остальные всѣ черные. Бѣлые стыдливо прятались за спины своихъ товарищей.

Здѣсь была полная коллекція всѣхъ племенъ, населяющихъ колонію. Черный цвѣтъ, отъ самаго чернобархатнаго съ глянцемъ, какъ лакированная кожа, переходилъ, постепенными оттѣнками, до смугло-желтаго. Самые черные были негры племенъ Финго, Мозамбикъ, Бичуановъ и Сулу. У этихъ племенъ лицо бо̀льшею частью круглое, съ правильными чертами, съ выпуклымъ лбомъ и щеками, съ толстыми губами; волосы, сравнительно съ другими, длинны, хотя и курчавы. Негры всѣ здороваго тѣлосложенія; мускулы у нихъ правильны и красивы — это африканскіе Адонисы; зрачки у нихъ подернуты желтоватою влагою и покрыты сѣтью жилокъ. Кафры, не уступая имъ въ пропорціональности членовъ, превышаютъ ихъ ростомъ. Это самое рослое племя—атлеты. Но лицомъ они не такъ красивы, какъ первые; у нихъ лобъ и виски плоскіе, скулы выдаются; лицо овальное, взглядъ выразительный и смѣлый; они блѣднѣе негровъ; цвѣтъ болѣе темно-шеколадный, нежели черный. Готтентоты еще блѣднѣе. Они коричневаго цвѣта; впрочемъ, какъ многочисленное племя, они довольно разнообразны. Я видѣлъ готтентотовъ тусклаго, но совершенно чернаго цвѣта. У нихъ какъ у каффровъ, лобъ вдавленъ, скулы напро-

тивъ, выдаются; носъ у нихъ больше, нежели у другихъ черныхъ. Вообще лицо измято, обильно перерѣзано глубокими чертами; видъ старческій; волосы скудны. Они малорослы, худощавы, ноги и руки у нихъ тонкія, такъ, тряпка тряпкой, между тѣмъ это самый дѣятельный народъ. Они отличные земледѣльцы, скотоводы, хорошіе слуги, кучера и чернорабочіе.

Толпа окружила насъ и съ бо̀льшимъ любопытствомъ глядѣла на насъ, нежели мы на нее. Особенно негры и каффры смотрѣли открыто, бойко и смѣло, безъ запинки отвѣчали на вопросы. Нерѣдко дружный хохотъ раздавался между ними отъ какой-нибудь шутки, и что̀ за зубы обнаруживались тогда!—„Есть ли у васъ бушмены?“ спросилъ я. — „Трое“, отвѣчалъ смотритель. — „Нельзя ли посмотрѣть?“ Онъ что-то крикнулъ: въ углу, у забора, кто-то пошевелился. Смотритель закричалъ громче: въ углу зашевелилось сильнѣе. Между черными начался говоръ, смѣхъ. Двое или трое пошли въ уголъ и вытащили оттуда бушмена. Какое жалкое существо! Онъ шелъ тихо, едва передвигая скованныя ноги, и глядѣлъ внизъ; другіе толкали его въ спину и подвели къ намъ. Насмѣшки сыпались градомъ; смѣхъ не умолкалъ. Передъ нами стояло существо, едва имѣвшее подобіе человѣка, ростомъ съ обезьяну. Желтосмуглое, старческое лицо имѣло форму треугольника, основаніемъ кверху, и покрыто было крупными морщинами. Крошечный носъ на крошечномъ лицѣ былъ совсѣмъ приплюснутъ: губы, нетолстыя, неширокія, были какъ будто раздавлены. Онъ казался какимъ-то юродивымъ старикомъ, облысѣвшимъ, обеззубѣвшимъ, давно пережившимъ свой вѣкъ и выжившимъ изъ ума. Всего замѣчательнѣе была голова: лысая, только покрытая рѣдкими клочками шерсти, такими мелкими, что нельзя ухватиться за нихъ двумя пальцами.—„Какъ тебя зовутъ?“ спросилъ смотритель. Бушменъ мол-

чалъ. На лицѣ у него было тупое, безсмысленное выраженіе. Едва ли онъ имѣлъ, казалось, сознаніе о томъ, гдѣ онъ, что съ нимъ дѣлаютъ. Смотритель повторилъ вопросъ. Бушменъ поднялъ на минуту глаза и опустилъ опять. Я давно слышалъ, что языкъ бушменовъ весь состоитъ изъ смѣси гортанныхъ звуковъ съ прищелкиваніемъ языка, и потому недоступенъ для письменнаго выраженія. Мнѣ хотѣлось повѣрить это и я просилъ заставить его сказать что-нибудь по-бушменски.—„Какъ *отецъ* по вашему?“ спросилъ смотритель. Бушменъ поднялъ глаза, опустилъ и опять поднялъ, потомъ медленно раскрылъ ротъ, показалъ блѣдно-красныя челюсти, щелкнулъ языкомъ и издалъ двѣ гортанныя ноты.— „*А мать?*“ спросилъ смотритель. Бушменъ опять щелкнулъ и издалъ двѣ, уже другія ноты. Вопросы продолжались. Отвѣты измѣнялись, или въ нотахъ, или въ способѣ прищелкиванья. Совершенно звѣриный способъ объясняться! И это мой *братъ, ближній!* думалъ я, болѣзненно наблюдая это, какое-то недосозданное, жалкое существо.—„Они должны-быть, совсѣмъ безъ смысла“, сказалъ я:—„умъ у нихъ кажется вовсе не развитъ“.—„Нельзя сказать“, отвѣчалъ смотритель:—„они дики и нелюдимы, потому-что живутъ въ своихъ землянкахъ посемейно, но они очень смышлены, особенно мастера слукавить и стащить что нибудь. Кромѣ того, они славно ловятъ звѣрей, птицъ и рыбу. Звѣрей они убиваютъ ядовитыми стрѣлами. Вообще они проворны и отважны, но безпечны и не любятъ работы. Если имъ удастся пріобрѣсти нѣсколько штукъ скота кражей, они ѣдятъ безъ мѣры; дни и ночи проводятъ въ этомъ; а когда все съѣдятъ, туго подвяжутъ себѣ животы и сидятъ по недѣлямъ безъ пищи“.

Вывели и прочихъ бушменовъ: точно такіе же малорослые, загнанные, съ безсмысленнымъ лицомъ, старички, хотя имъ было не болѣе, какъ по тридцати лѣтъ.

*

Чѣмъ больше я вглядывался въ готтентотовъ и бушменовъ, тѣмъ больше убѣждался, что они родня между собой. Готтентоты отрекаются отъ этого родства, но черты лица, отчасти языкъ, цвѣтъ кожи—все убѣждаетъ, что они одного корня. Однимъ, вѣроятно, благопріятствовали обстоятельства и они пріучились жить обществомъ, заниматься честными и полезными промыслами, словомъ, быть порядочными людьми; другіе остаются въ дикомъ, почти въ скотскомъ состояніи, избѣгаютъ даже другъ друга и ведутъ себя негодяями. Сколько и въ семьяхъ, среди цивилизованнаго общества, встрѣчается примѣровъ братьевъ, жизнь которыхъ сложилась такъ, что одинъ—образецъ порядочности, другой отверженецъ семьи!—„За что они содержатся?" спросилъ я.—„За воровство, какъ и большая часть арестантовъ", отвѣчалъ смотритель.—„Подолгу ли содержатъ ихъ въ тюрьмѣ?"—„Отъ трехъ до пятнадцати лѣтъ".—„Что они дѣлаютъ, чѣмъ ихъ занимаютъ?"—„А дорогу-то, по которой вы ѣдете", сказалъ мистеръ Бенъ,—„кто жъ дѣлаетъ, какъ не они? Вотъ завтра вы увидите ихъ за работой".

Мы заглянули въ длинный деревянный сарай, гдѣ живутъ преступники. Онъ содержится чисто. Оконъ нѣтъ. У стѣнъ идутъ постели рядомъ, на широкихъ доскахъ, устроенныхъ, какъ у насъ палати въ избахъ, только ниже. Тамъ мы нашли большое общество сидѣвшихъ и лежавшихъ арестантовъ. Я спросилъ, можно ли, какъ это у насъ водится, дать денегъ арестантамъ, но мнѣ отвѣчали, что это строго запрещено.

Мы поблагодарили смотрителя и г. Бена за доставленное намъ печальное удовольствіе и отправились далѣе.—„Это еще не послѣднее удовольствіе: впереди три", сказалъ мистеръ Бенъ. „Напрасно мы не закусили здѣсь! говорилъ Б.,—„вѣдь съ нами есть мясо, куры..." Но мы уже ѣхали дальше. З. громко пѣлъ: *„Зачѣмъ, зачѣмъ обворожила,*

коль я душѣ твоей не милъ"... Потомъ вдругъ пускался разсказывать, то дѣтскую шалость, отрывокъ изъ воспитанія, то начертить чей-нибудь портретъ, характеръ, или просто передразнить кого-нибудь. Мы любили слушать его. Память у него была баснословная, такъ-что онъ передавалъ малѣйшія детали происшествія. Вотъ Б. К., напротивъ, ничего не помнилъ, ни мѣстности, ни лицъ, и тоже никогда не смотрѣлъ впередъ. Онъ жилъ настоящимъ мгновеніемъ, за то ужъ жилъ вполнѣ. Никто скорѣе его не входилъ въ чужую идею, никто тоньше не понималъ юмора и не сочувствовалъ картинѣ, звуку, всякому артистическому явленію.

Мы стали въѣзжать въ самое ущелье. Зеленые холмы и овраги смѣнились дикими каменными утесами, черными или сѣдыми. Дорога прорублена была по окраинамъ скалъ. Горы близко тѣснились черезъ ущелье другъ къ другу. Солнце не достигало до насъ. Мы съ изумленіемъ смотрѣли на угрюмыя громады, которыя висѣли надъ нами. Въ пустынѣ царствовало страшное безмолвіе, такъ-что и З. пересталъ пѣть. Мы изрѣдка мѣнялись между собою словомъ и съ робостью перебѣгали глазами отъ утеса къ утесу, отъ пропасти къ пропасти. Мы какъ-будто попали въ западню, хотя намъ ничего не угрожало.

Представьте себѣ надъ головой сплошную каменную стѣну горъ, которая заслоняетъ небо, солнце, и которой не видать вершины. По этимъ горамъ брошены другія, меньшія горы; онѣ, упавъ, раздробились, разсыпались и покатились въ пропасти, но вдругъ будто были остановлены на пути и повисли надъ бездной. То видишь точно цѣлый городъ, съ обрушившимися отъ какого-нибудь страшнаго переворота башнями, столбами и основаніями зданій, то толпы слоновъ, носороговъ и другихъ животныхъ, которыя дрались въ общей свалкѣ и вдругъ окаменѣли. Тамъ, кажется, сидятъ группой изваянія великановъ. Здѣсь, на горѣ, чуть-чуть дер-

жится скала, цѣпляясь за гору однимъ угломъ, и всѣмъ основаніемъ виситъ надъ бездной. Далѣе и далѣе все стѣны горъ и все разбросанные на нихъ громадные обломки, похожіе на монастыри, на исполинскіе надгробные памятники, точно слѣды страшнаго опустошенія.

Кажется довольно одного прикосновенія къ этимъ глыбамъ, чтобъ они полетѣли внизъ, между-тѣмъ здѣсь Архимедовъ рычагъ безсиленъ. Нужно по-крайней-мѣрѣ землетрясеніе, или мистера Бена, чтобъ сдвинуть ихъ съ мѣста.

Внизу зіяютъ пропасти, уже не съ зелеными оврагами и чуть-чуть журчащими ручьями, а продолженіе тѣхъ же горъ, съ грудами отторженныхъ сѣрыхъ камней и съ мутно-желтыми стремительными потоками, или мертвымъ и грязнымъ болотомъ на днѣ. Ѣдешь по плечу исполинской горы и, несмотря на всю увѣренность въ безопасности, съ невольнымъ смущеніемъ глядишь на громады, которыя какъ-будто сдвигаются все ближе и ближе, грозя раздавить путниковъ. Взглянешь внизъ, въ бездну, футовъ на 200, на 300, и съ содроганіемъ отвернешься; взглянешь на верхъ, а тамъ такія же бездны опрокинуты надъ головой. Всѣ эти массы истерзаны какъ-будто небеснымъ гнѣвомъ и разбросаны по прихоти нечеловѣческой фантазіи.—„Что“, спросилъ я у З.,— „есть въ Псковской губерніи такія пропасти?“—„Страшновато!“ шепталъ онъ, съ судорожнымъ, нервическимъ хохотомъ, косясь пугливо на бездну. Потомъ вдругъ, чтобъ ободрить себя и показать, что ему ни почемъ, горланилъ: „*Люди добрые, внемлите*“... Но потомъ морщился и уныло затягивалъ: „*Не билъ барабанъ*“ и постепенно затихалъ.

Мы проѣхали черезъ продолбленный насквозь и лежащій на самой дорогѣ утесъ, потомъ завернули за скалу и ждали, что́ тамъ будетъ: мы очутились надъ бездной, глубже и страшнѣе всѣхъ, которыя миновали. Въ добавокъ къ этому, дорога здѣсь была сдѣлана пока только для одного экипажа;

охранительныхъ каменьевъ по сторонамъ не было и лошади шли по самой окраинѣ. „*Вы всю... грусть мою... поймите*“, запѣлъ было, но уже вполголоса, З. и смолкъ. По узенькой, недодѣланной дорогѣ, по которой еще кое-гдѣ валялись приготовленные для работъ каменья и воткнутъ былъ заступъ, надо было заворотить налѣво.—„Что жъ вы не поете?“ спросилъ я.—„Постойте, дайте проѣхать, вы видите“... Съ мучительнымъ ощущеніемъ проѣхали мы поворотъ и вздохнули свободно, когда дорога опять расширилась. —„Есть ли здѣсь животныя?“ спросилъ я Вандика.—„О, много!“—„Какихъ же?“ — „Бабуановъ (павіановъ, большихъ черныхъ обезьянъ). Я удивляюсь“, прибавилъ Вандикъ, оглядываясь по сторонамъ, что ихъ нѣтъ сегодня:—„они стадами скачутъ по скаламъ, и лишь завидятъ людей и лошадей, поднимаютъ страшный крикъ“.—„Можетъ-быть, оттого нѣтъ, что сегодня воскресенье“, замѣтилъ З.—„Слава Богу, впрочемъ, что нѣтъ. Еслибъ хоть одна лошадь испугалась и зашалила, такъ намъ пришлось бы плохо“.—„Есть еще волки, тигры“, сказалъ Вандикъ. — „Волки—здѣсь? быть не можетъ! Волки—сѣверное животное“, замѣтили мы. —„Знаю“, съ улыбкою отвѣчалъ Вандикъ,—„но здѣсь такъ называютъ гіенъ, а я, по привычкѣ, назвалъ ихъ волками“. Вандикъ былъ образованный кучеръ.

Мистеръ Бенъ послѣ подтвердилъ слова его и прибавилъ, что гіенъ и шакаловъ водится множество вездѣ въ горахъ, даже поблизости Капштата. Ихъ отравляютъ стрихниномъ. —„И тигровъ тоже много“, говорилъ онъ:—„ихъ еще на прошлой недѣлѣ видѣли здѣсь въ ущельѣ. Но здѣшніе тигры мелкіе, съ большую собаку“. Это видно по шкурамъ, которыя продаются въ Капштатѣ.

Скоро мы подъѣхали къ живописному мѣсту. Горы вдругъ раздвинулись на минуту и образовался поперечный разрѣзъ. Солнце тотчасъ воспользовалось этимъ и ярко освѣ-

тило глубокій оврагъ до дна. Дно и бока оврага заросли травой и кустами. Внизу текъ ручей. Отъ утеса къ утесу черезъ разрѣзъ велъ мостъ—чудо инженернаго искусства. Онъ, какъ скала, плотно сложенъ изъ квадратныхъ плитъ песчаника. Длиной онъ футовъ сорокъ, а внизъ опускался сплошной каменной стѣной, футовъ на 70, и упирался въ дно оврага. Налѣво отъ моста, въ ущельѣ, заросшемъ зеленью, журчалъ каскадъ и падалъ внизъ. Мы остановились и пошли по уступу скалы—кто пить, кто ловить насѣкомыхъ и собирать травы. Во всемъ ущельѣ, простирающемся на 14 англійскихъ миль, сдѣлано до сорока каменныхъ мостовъ и мостиковъ; можно судить, сколько употреблено тутъ дарованія, соображеній и физическаго труда! Каменья надо было таскать сверху, или снизу; многія скалы рвать порохомъ. Бенъ намъ показывалъ слѣды такихъ взрывовъ и обѣщалъ показать, на возвратномъ пути, и самые взрывы.

За мостомъ ущелье въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опять сжималось, но уже замѣтно было, что оно должно скоро кончиться. Здѣсь природа веселѣе; по горамъ росла обильная зелень. Даже брошенные по скатамъ каменья обросли кустами и травой, со множествомъ цвѣтовъ. Много попадалось птицъ, жужжали милліоны насѣкомыхъ; на камняхъ часто видѣли мы разноцвѣтныхъ ящерицъ, которыя выползали на солнце погрѣться. Въ одномъ мѣстѣ прямо изъ скалы, чуть-чуть, текла струя свѣжей, холодной воды; подъ ней вставленъ былъ арестантами желѣзный желобокъ.—„Зимой это большой каскадъ“, сказалъ Бенъ:—„ихъ множество тутъ; вонъ тамъ, тутъ!“ говорилъ онъ, указывая рукой въ разныя мѣста. Сколько грандіозна была та часть ущелья, которую мы миновали, столько же улыбалась природа здѣсь. Тутъ были живописныя уклоненія скалъ въ сторону, образующія тѣнистые уголки, природные гроты.

Вскорѣ мы подъѣхали къ самому живописному мѣсту.

Мы только спустились съ одной скалы и передъ нами представилась широкая расчищенная площадка, обнесенная валомъ. На площадкѣ выстроено нѣсколько флигелей. Это другая тюрьма. Въ нѣкоторомъ разстояніи, особо отъ тюремныхъ флигелей, стоялъ маленькій домикъ, гдѣ жилъ сынъ Бена, онъ же смотритель тюрьмы и помощникъ своего отца. Кругомъ тѣснились скалы, выглядывая одна изъ-за другой, какъ-будто вставали на цыпочки. Площадка была на полугорѣ; внизъ шли тоже скалы, обросшія густой зеленью и кустами и уставленныя прихотливо разбросанными каменьями. На днѣ живописнаго оврага текъ большой ручей, черезъ который строился каменный мостъ. Рядомъ съ мостомъ шла плотина, служившая преградой ручью, на время, пока строился мостъ. Черезъ эту плотину шла и временная дорога. Берега ручья, скаты горы—все потонуло въ зелени. Бенъ съ улыбкой смотрѣлъ, какъ мы молча наслаждались великолѣпной картиной, поворачиваясь медленно то на ту, то на другую сторону. Потомъ оглянулись и замѣтили, что уже мы давно на дворѣ, что Вандикъ отпрягъ лошадей и передъ нами стояли двое молодыхъ людей: сынъ Бена, бѣлокурый, краснощекій молодой человѣкъ, и другой, пасторъ-миссіонеръ. Мы познакомились и вошли въ домъ. Мы велѣли вынуть изъ экипажей провизію и вино, сынъ Бена тоже засуетился готовить завтракъ.

Но прежде мы отправились смотрѣть тюрьму. Все то же, только поменьше арестантовъ. Они сидѣли и лежали на дворѣ и всѣ старались помѣститься на солнцѣ. Особенно одинъ старикъ-негръ привлекъ мое вниманіе: у него болѣла нога и онъ лежалъ, растянувшись, по срединѣ двора и опершись на локоть, лицомъ прямо къ солнцу. Спереди голова у него была совсѣмъ лысая и лучи играли на ней, какъ на маковкѣ башни. Былъ полдень, жара такъ и палила, особенно тутъ, въ ущельѣ, гдѣ воздухъ спертъ и камни сильно отра-

жаютъ лучи.—„Зачѣмъ ихъ выводятъ на солнце?“ спросили мы:—„вѣдь это вредно“.—„Нѣтъ“, отвѣчалъ Бенъ:—„они любятъ и охотнѣе работаютъ въ солнечный жаркій день, нежели въ пасмурный“. Я спросилъ у многихъ имена; готтентотовъ звали: Саломонъ, Каллюръ; бушменовъ—Вильденсонъ и Когельманъ. Но эти имена даны уже европейцами, а я просилъ, чтобъ они сказали мнѣ, какъ ихъ зовутъ на ихъ природномъ языкѣ. Бушмены, казалось, поняли о чемъ ихъ спрашиваютъ: они постояли молча, потупивъ глаза въ землю. Миссіонеръ повторилъ вопросъ; тогда они, попорядку, сначала одинъ, потомъ другой, помычали и щелкнули языкомъ. Записать эти звуки не было возможности. Я обратился къ каффрамъ. Одинъ бойко произнесъ имя „Дольфъ“, другой—„Дай“. Потомъ я спросилъ одного чернаго, какого онъ племени и какъ его зовутъ. Онъ сказалъ, что отецъ у него мозамбикъ, мать другаго племени, но не сказалъ какого, и зовутъ его „Лакиди“. Всѣ они разумѣютъ и кое-какъ объясняются по англійски. Одѣты они, кто въ курткѣ, кто въ рубашкѣ и шароварахъ.

Мы пошли во флигель къ Бену. Тамъ молодой, черный какъ деготь, негръ, лѣтъ двадцати и красавецъ собой, тоесть съ крутыми щеками, выпуклымъ лбомъ и висками, толстогубый, съ добрымъ выраженіемъ въ глазахъ, прекрасно сложенный, накрывалъ на столъ. Онъ мнѣ очень понравился.—„Вы нанимаете этого негра?“ спросилъ я сына Бена.—„Нѣтъ“, отвѣчалъ онъ:—„это тоже арестантъ, военноплѣнный, дрался за каффровъ и недавно взятъ въ плѣнъ. Я его не мѣшаю съ другими арестантами: онъ очень смиренъ и послушенъ“.—„Долго они работаютъ?“—„Съ восхожденія солнца до захожденія; тутъ много времени уходитъ въ ходьбѣ на мѣсто и обратно“. Пока мы говорили съ Беномъ, З., миссіонеръ и нашъ докторъ ходили въ ручей купаться, потомъ принялись за мясо, утокъ и проч.

Часа въ три пустились дальше. Дорога шла теперь по склону и лошади бѣжали веселѣе. Ущелье все расширялось, открывая горизонтъ и дальнія мѣста.—„Ничего теперь не боюсь!“ весело говорилъ З. и запѣлъ вмѣстѣ съ птицами, которыя щебетали и свистали гдѣ-то въ вышинѣ. Кругомъ горы теряли съ каждымъ шагомъ угрюмость и мы незамѣтно выѣхали изъ ущелья, переѣхали рѣчку, мостикъ, и часовъ въ пять остановились на полчаса у маленькой мызы Клейнбергъ. Тутъ была третья и послѣдняя тюрьма, меньше первыхъ двухъ; она состояла изъ одного только флигеля, окруженнаго рѣшеткой; за ней толпились черные. Мыза вся состояла изъ одноэтажнаго домика, съ плантаціями маиса вокругъ и съ виноградникомъ. На дворѣ росло огромное дерево, къ которому на длинной веревкѣ привязана была большая обезьяна, павіанъ. Не смотря на короткую остановку, кучера наши отпрягли лошадей. Хозяинъ мызы, по имени Леру, потомокъ французскаго протестанта; жилище его смотрѣло скудно и жалко. Напрасно Б. К. заглядывалъ: нѣтъ ли чего-нибудь пообѣдать. За-то Леру вынесъ намъ множество банокъ... со змѣями, потомъ камни, шкуры тигровъ и т. п.—„Ну, послѣднія времена пришли!“ говорилъ Б.:—„просишь у ближняго хлѣба, а онъ даетъ камень, вмѣсто рыбы—змѣю“. Мы сѣли на стульяхъ, на дворѣ, и смотрѣли, какъ обезьяна, то влѣзала на дерево, то старалась схватить котораго-нибудь изъ бѣгавшихъ мальчишекъ, или собакъ. Ни тѣхъ, ни другихъ она терпѣть не могла, какъ сказали намъ хозяева. Дѣтей не пускали къ ней, а собакъ, напротивъ подталкивали. Надо было видѣть, какъ она схватитъ пребольшую собаку и начнетъ такъ поворачивать и кусать ее, что та съ визгомъ едва вывернется изъ лапъ ея и бѣжитъ спрятаться. Потомъ обезьяна сядетъ, подгорюнится и смотритъ на насъ. Кучера стали бросать въ нее каменья, но она увертывалась такъ ловко, что ни одинъ не попадалъ.

Солнце ужъ садилось, когда мы поѣхали дальше, къ Устеру, по одной, еще неконченной дорогѣ. Песокъ, груды камней и рытвины—вотъ что предстояло намъ. Мы переправились въ бродъ черезъ рѣку, остановились на минуту около какого-то шалаша, гдѣ продавали прохожимъ хлѣбъ, кажется, еще водку, и гдѣ наши купили страусовыхъ яицъ, величиной съ маленькую дыню.

Недалеко отъ Устера, мы объѣхали кругомъ холма, который гдѣ-нибудь въ саду могъ представлять большую гору: это—куча каменьевъ, поросшихъ кустарниками, въ которыхъ, говорятъ, много змѣй, оттого она и называется Шлянгенхель, то есть Змѣиная горка. Вообще колонія изобилуетъ змѣями; между ними много ядовитыхъ, и между прочимъ извѣстная кобракапелла. Въ Стелленбошѣ Ферстфельдъ сказывалъ намъ, что, за нѣсколько дней передъ нами, восьмилѣтняя дѣвочка сунула руку въ нору ящерицы, какъ казалось ей, но оттуда выскочила очковая змѣя и ужалила ее. Дѣвочка чрезъ полчаса умерла. На мызѣ Клейнбергъ говорили, что въ окрестностяхъ водится большая, желтая, толстая змѣя, которая, нападая на кого-нибудь, становится будто на хвостъ и перекидывается назадъ.

Совсѣмъ стемнѣло, когда мы стали подъѣзжать къ Устеру. Дорога ужасная: пески, каменья, безпрестанныя ямы. Иногда мы получали такіе толчки, что экипажъ откидывало въ сторону. Темнота адская; мы не видѣли куда ѣхали: передъ глазами стояла какъ-будто стѣна. Лошади бѣжали чуть-чуть замѣтной рысью.—„Какъ бы въ оврагъ не свалиться“ говорили мы.—„Нѣтъ не свалимся“, отвѣчалъ Вандикъ:—„на камень можетъ-быть, попадемъ не разъ, и въ рытвину колесо заѣдетъ, но въ оврагъ не свалимся: одна изъ переднихъ лошадей куплена мною, недѣли двѣ назадъ, въ Устерѣ: она знаетъ дорогу“.—„Да вотъ, въѣзжаемъ, вотъ зданія какія-то!“ сказалъ Б. Въ самомъ-дѣлѣ мы поро-

впялись съ какими-то темными массами, которыя Б. принялъ за домы; но это оказались деревья. Мы продолжали трястись и пробирались ощупью. Черезъ четверть часа З. сказалъ:—„Вотъ теперь-такъ пріѣхали: я вижу бѣлую стѣну неподалеку“. — „Это Устеръ?“ спросили Вандика. „Нѣтъ, это ферма“, сказалъ онъ:—„отъ нея еще мили четыре до Устера“. Ахъ, какое наказаніе! Мѣстами мы проѣзжали большія пространства булыжника: это значитъ ѣхали по высохшему руслу рѣки. Колеса такъ визжали въ каменьяхъ, что нельзя было разговаривать. Мы еще нѣсколько разъ ошиблись, принимая то кусты, то ближайшіе холмы за городскія зданія. Потомъ намъ надоѣло и ѣхать, и ошибаться: мы соскучились и сидѣли молча, только хватались за бока, когда получали толчокъ. Наконецъ, черезъ добрый часъ ѣзды отъ фермы, Вандикъ вдругъ остановилъ лошадей и спросилъ кого-то и что-то по-голландски. Ему крикнуло въ отвѣтъ голосовъ двадцать.—„Что это? гдѣ мы?“ спрашиваемъ Вандика.—„Въ городѣ“ отвѣчалъ онъ;—„да вотъ не вижу улицы, не знаю, какъ проѣхать къ отелю“. Я напрягъ зрѣніе въ темнотѣ и отличилъ силуэты темныхъ фигуръ, которыя стояли около нашего экипажа.—„Что это за народъ?“—„Blackpeople“, отвѣчалъ Вандикъ, пуская лошадей дальше. Вдругъ черные что-то дружно крикнули намъ вслѣдъ, лошади испугались и сильно дернули впередъ.— „Аппілъ!“ закричалъ Вандикъ, и обратясь, тоже что-то крикнулъ чернымъ. Показались огни, и мы уже свободно мчались по широкой, безконечной улицѣ, съ низенькими домами по обѣимъ сторонамъ, и остановились у ярко освѣщеннаго отеля, въ концѣ города.—„Ухъ, уфъ, ахъ, охъ!“ раздавалось по мѣрѣ того, какъ каждый изъ насъ вылѣзалъ изъ экипажа. Отель этотъ былъ лучше всѣхъ, которые мы видѣли, какъ и самъ Устеръ лучше всѣхъ мѣстечекъ и городовъ по нашему пути. Въ гостиной, куда входишь прямо съ пло-

щадки, было все чисто, какъ у порядочно-живущаго частнаго человѣка: прекрасная новая мебель, крашеные полы, круглый столъ, на немъ два большіе бронзовые канделябра и ваза съ букетомъ цвѣтовъ.

Очевидно, что хозяева англичане. Мистеръ Бенъ съ Б. отправились хозяйничать, хлопотать объ ужинѣ, П. ухаживалъ около Бена, стараясь отблагодарить его постояннымъ вниманіемъ за предпринятую имъ для насъ поѣздку. Я сѣлъ на балконъ и любовался темной и теплой ночью, дышалъ и не надышался безмятежнымъ, чистымъ воздухомъ. Вдали на темномъ фонѣ неба, лежали массы еще темнѣе: это горы. Г. вышелъ на балконъ, долго вслушивался и вдругъ какъ-будто свалился съ крыльца въ тьму кромѣшную и исчезъ.—„Куда вы?“ кричалъ я ему въ слѣдъ.—„Тутъ должна быть близко канава“, отвѣчалъ онъ:—„слышите, какъ лягушки квакаютъ, точно стучатъ чѣмъ-нибудь; вѣрно не такія, какъ у насъ; хочется поймать одну“. Въ-самомъ-дѣлѣ кузнечики и лягушки взапуски отличались одни предъ другими.

Ужинъ, благодаря двойнымъ стараніямъ Бена и Б., былъ, если не отличный, то обильный. Ростбивъ, бифстексъ, ветчина, куры, утки, баранина, съ приправой горчицъ, перцевъ, сой, пикулей и другихъ отравъ, которыя страшно употребить и наружно, въ видѣ пластырей, и которыя англичане принимаютъ внутрь, совсѣмъ загромоздили столъ, такъ что виноградъ, фиги и миндаль стояли на особомъ столѣ. Было весело. Бенъ много разсказывалъ; Б. много ѣлъ, мы много слушали, З. послѣ дессерта много дремалъ.

Послѣ долгой бесѣды за ужиномъ, насъ развели по комнатамъ. Я съ З. заняли большой нумеръ, съ двумя постелями, Б. и П. спали отдѣльно въ этомъ же домѣ, а мистеръ Бенъ, Г. и докторъ отправились во флигель, выстроенный внутри двора и обращенный дверями къ садику. Оконъ въ

нихъ комнатахъ не было, да и жарко было бы отъ солнца. А кому нуженъ свѣтъ, тотъ могъ отворить дверь. Оно, какъ видите, просто, первобытно, по-африкански. З. спалъ мертвымъ сномъ, даже прислуга—негръ и дѣвка, долго гремѣвшіе ложками и тарелками, угомонились. Тишина воцарилась мертвая. Я тоже наконецъ хотѣлъ лечь спать, но прежде посвятилъ нѣсколько минутъ тщательному осмотру своей кровати. Она была большая, двуспальная, какъ вездѣ въ англійскихъ владѣніяхъ, но такой, какъ эта, я еще не видывалъ. Она была подъ балдахиномъ изъ темной шерстяной матеріи, висѣвшей тяжелыми фестонами, съ кистями и бахрамой. На задней доскѣ кровати стоялъ какой-то щитъ; на немъ вырѣзано было изображеніе какъ-будто короны и герба. Занавѣски, мрачнаго цвѣта, съ крупными складками, плотно закрывали высокую постель. Я раза три обошелъ вокругъ этого катафалка и не зналъ, какъ приступить къ угрюмому ложу; робость напала на меня. Мнѣ пришелъ на память древній зàмокъ и мрачная комната, въ которой гостилъ и почевалъ какой-нибудь Плантагенетъ или Стюартъ. И съ тѣхъ-поръ комната чтится, какъ святыня: она на-глухо заперта и постель оставлена въ своемъ тогдашнемъ видѣ; никто не дотрогивался до нея, а я вдругъ лягу! Однакожъ надо было лечь. Я раздвинулъ занавѣски и передо мной представилась цѣлая гора пуховиковъ, съ неизмѣнной длинной и круглой подушкой. Нѣсколько одѣялъ, сложенныхъ вмѣстѣ, были такъ массивны, что я насилу ихъ поднялъ. Хотѣлъ влѣзть и не могъ: высоко. Два раза пытался я добраться до средины постели и два раза скатывался долой. Такъ и остался на краю. Я сталъ уже засыпать, какъ вдругъ услышалъ шорохъ. Что это? ужъ не тѣнь ли королевская идетъ на свой старый ночлегъ? Шорохъ все сильнѣе и сильнѣе; вскорѣ по балдахину началась мелкая и частая бѣготня—мышей. Ну, это не бѣда. Я хотѣлъ-было зас-

нуть, но вдругъ мнѣ пришло въ голову сомнѣніе: вѣдь мы въ Африкѣ; здѣсь вонъ и деревья, и скотъ, и люди, даже лягушки не такія, какъ у насъ; можетъ-быть, чего добраго, и мыши не такія: можетъ быть онѣ.... Не рѣшивъ этого вопроса, я засыпалъ, но бѣготня и пискъ разбудили меня опять; открою глаза и вижу, что къ окну приблизится съ улицы какая-то тѣнь, взглянетъ и медленно отодвинется, и вдругъ опять сонъ осилитъ меня, опять разбудятъ мыши, опять явится и исчезнетъ тѣнь въ окнѣ.... Точно какъ въ дѣтствѣ бывало, когда еще нервы не окрѣпли: печь кажется въ темнотѣ мертвецомъ, висящее всегда въ углу платье—небывалымъ явленіемъ. Послѣ этого сравненія, мелькнувшаго у меня въ головѣ, какъ ни рѣзво бѣгали мыши, какъ ни настойчиво заглядывала тѣнь въ окно, я не далъ себѣ труда дознаваться, какія мыши были въ Африкѣ и кто заглядывалъ въ окно, а крѣпко-накрѣпко заснулъ.

Рано утромъ все уже было на ногахъ, а я еще все спалъ. Даже Б., и тотъ всталъ и приходилъ два раза сказать, что breakfast на столѣ. Пришелъ Н. и тоже торопилъ вставать: —„Пора-де ѣхать“.—„Да куда это съ-этихъ-поръ?“—„Визиты дѣлать“.—„Какіе, кому въ Устерѣ визиты дѣлать?“—„А къ Русскому, который здѣсь живетъ. Ужъ мистеръ Бенъ завтракаетъ. Вставайте: онъ поведетъ насъ“, торопилъ неотвязчивый Н.—„Потомъ“, говорилъ онъ,—„вчера здѣшній magistrate (судья), котораго мы видѣли въ Бенсклюфѣ (ущелье Бена) просилъ заѣхать къ нему; потомъ отправимся на минеральныя воды“.—„Потомъ еще куда?“ перебилъ я: „и все въ одинъ день!“ Но Н. заказалъ верховыхъ лошадей и велѣлъ заложить наши экипажи. Я одѣлся, вышелъ въ поле и тутъ только увидѣлъ, какимъ прекраснымъ пейзажемъ горъ ограниченъ Устеръ. Громады были мѣстами зелены, мѣстами изрыты и дики, съ наростами сѣдыхъ камней, съ группами деревьевъ, съ фермами и виноградниками.

Равнина вокругъ горъ была частью песчана, частью зелена и уставлена фермами. День начинался блестящій и жаркій. Пока еще была свѣжая прохлада, я сдѣлалъ маленькую прогулку по полямъ, съ маисомъ и виноградомъ, и воротился на балконъ, кругомъ обсаженный розовыми кустами, миртами и другими, уже отцвѣтшими деревьями.

Вскорѣ раздался топотъ: готтентотъ пріѣхалъ верхомъ на одной лошади, а двухъ велъ порожнихъ, потомъ явились и наши кучера.

Въ ожиданіи товарищей, я прошелся немного по улицѣ и разсмотрѣлъ, что городъ выстроенъ весьма правильно и чистота въ немъ доведена до педантизма. На улицѣ не увидишь ничего лишняго, брошеннаго. Канавки, идущіе по обѣимъ сторонамъ улицъ, мостики, содержатся какъ будто въ какомъ-нибудь паркѣ. „Скучный городъ!" говорилъ З. съ тоской, глядя на эту чистоту. При постройкѣ города не жалѣли мѣста: улицы такъ широки и длинны, что въ-самомъ-дѣлѣ, безъ густаго народонаселенія, немного скучно на нихъ смотрѣть.

Впрочемъ, это только слава, что великъ городъ. Будетъ великъ, когда въ черту его войдутъ цѣлыя поля! Однѣхъ площадей, или скверовъ, здѣсь около 24; каждая площадь имѣетъ до 11 акръ, сказывалъ Бенъ. Въ городѣ теперь пока, и съ его уѣздомъ, около 5,000 жителей. Онъ еще ждетъ народонаселенія, какъ и вся колонія. Проѣзжая эти пространства, гдѣ на далекое другъ отъ друга разстояніе разбросаны фермы, невольно подумаешь, что пора бы уже этимъ фермамъ и полямъ сблизиться такъ, чтобы они касались другъ друга, какъ въ самой Англіи, чтобъ сосѣднія нивы раздѣлялись только канавой, а не степями, чтобъ ни одинъ клочекъ не пропалъ даромъ... Но гдѣ взять народонаселенія? Здѣсь нѣтъ золота и толпа не хлынетъ сюда, какъ въ Калифорнію и Австралію. Здѣсь нужны люди, которые бы шли на под-

виг; или надо обмануть пришельцовъ, сказать, что кладъ зарыть въ землѣ, какъ сдѣлалъ земледѣлецъ передъ смертью съ своими дѣтьми, чтобы они изрыли ее всю. На это мало найдется охотниковъ. Англійское правительство хотѣло помочь горю и послало цѣлый грузъ неохотниковъ — ссыльныхъ; но жители Капштата толпою вышли на пристань и грозили закидать ихъ каменьями, если они выйдутъ на берегъ. Черные еще въ дѣтствѣ: они пока, какъ дѣти, кусаютъ пекущуюся о нихъ руку. Народонаселеніе въ Устерѣ смѣшанное. Здѣсь довольно и черныхъ. Для нихъ есть особая церковь, которыхъ всего двѣ; обѣ англійскія. Жители занимаются земледѣліемъ, почти во всѣхъ видахъ. До-сихъ-поръ мало было сбыта, потому что трудно возить продукты въ горахъ. Съ устройствомъ дороги черезъ ущелье, Устеръ, и всѣ ближайшія къ Бенсклюфу мѣста, должны подняться. Кромѣ хлѣба, здѣсь много и плодовъ; особенно хвалятъ яблоки и груши. Тѣ, которыя мы видѣли, нельзя ѣсть: онѣ, правда, велики, но жестки и годны на варенье, или въ компотъ. Другіе плоды всѣ уже отошли.

Около города текутъ двѣ рѣки: Гексъ и Бреееде. Изъ Гекса вода чрезъ акведуки, миль за пять, идетъ въ городъ. Жители платятъ за это удобство маленькую пошлину.

Товарищи воротились отъ мнимаго русскаго. Онъ изъ нѣмцевъ, по имени Вейнертъ, жилъ долго въ Москвѣ, въ качествѣ учителя музыки, или что-то въ этомъ родѣ, получилъ за службу пенсіонъ и удалился, по болѣзни, сначала куда-то въ Германію, потомъ на мысъ Доброй Надежды, ради климата. Онъ по-русски помнилъ нѣсколько словъ, все остальное забылъ, но любилъ русскихъ и со слезами привѣтствовалъ гостей. Онъ боленъ, кажется, параличемъ, одинокъ и въ тоскѣ доживаетъ вѣкъ. Вотъ что́ сказали мнѣ, воротясь отъ Вейнерта, товарищи, прибавивъ, что вечеромъ онъ самъ придетъ.

Становилось однако жарко; надо было отправляться къ минеральнымъ источникамъ и прежде еще заѣхать къ Лесюеру, судьѣ, съ визитомъ. Б., П. и Г. поѣхали верхомъ, а мы въ экипажахъ. Въ концѣ улицы стоялъ большой двухъэтажный, очень красивый домъ, съ высокимъ крыльцомъ и закрытыми жалюзи. Мы постучались: негритянка отворила намъ двери и мы вошли почти ощупью въ темныя комнаты. Негръ открылъ жалюзи и ввелъ насъ въ чистую, большую гостиную, убранную по старинному, въ голландскомъ вкусѣ, такъ же какъ на мызѣ Эльзенборгъ. Чрезъ минуту явился хозяинъ, въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ и галстукѣ. Онъ молча, церемонно подалъ намъ руки и заговорилъ по-англійски о нашей экспедиціи, разспрашивалъ о фрегатѣ, о числѣ людей и т. п. Типъ француза не исчезъ въ немъ: черты, окладъ лица, ясно говорили о его происхожденіи, но въ походкѣ, въ движеніяхъ ужъ поселилась, не то что флегма, а какая-то принужденность. По-французски онъ не зналъ ни слова. Пришелъ зять его, молодой докторъ, очень любезный и разговорчивый. Онъ говорилъ по-англійски и по-нѣмецки; ему отвѣчали и на томъ и на другомъ языкѣ. Онъ изъявилъ, какъ и всѣ почти встрѣчавшіеся съ нами иностранцы, удивленіе, что русскіе говорятъ на всѣхъ языкахъ. Эту пѣсню мы слышали вездѣ.—„Вы не русскій“, сказали мы ему,—„однакожъ вотъ говорите же по нѣмецки, по-англійски и по-голландски, да еще, вѣроятно, на какомъ-нибудь изъ здѣшнихъ мѣстныхъ нарѣчій“.

Хозяева повели насъ въ свой садъ: это былъ лучшій, который я видѣлъ послѣ капштатскаго ботаническаго. Садъ старый, тѣнистый, съ огромными величавыми дубами, исполинскими грушевыми и другими фруктовыми деревьями, между-прочимъ, персиковыми и гранатовыми; тутъ были и шелковичныя деревья, и бананы, виноградъ. Меня поразило особенно фиговое дерево, подъ которымъ могло помѣститься

болѣе ста человѣкъ. Подъ тѣнью его мы совсѣмъ спрятались отъ солнца. „Что это не подчуютъ ничѣмъ?“ шепталъ З., посматривая на крупныя фиги, выглядывавшія изъ-за листьевъ, на бананы и на кисти кое-гдѣ еще оставшагося винограда. Хозяева какъ-будто угадали его мысль: они предложили попробовать фиги, но предупредили, что, можетъ-быть, онѣ не совсѣмъ спѣлы. Мы попробовали и бросили ихъ въ кусты, а З. съѣлъ не одну, упрекая насъ „черезчуръ въ нѣжномъ воспитаніи“.

Источники отстоятъ отъ Устера на $4^1/_2$ англійскія мили. Все это пространство занято огромной луговиной, которая зимой покрывается водой. Эта луговина, вмѣстѣ съ источниками, называется Brandt Vallei. Мы ѣхали песками по рѣчному дну, по которому мѣстами росла трава. Вскорѣ подъѣхали и къ самой рѣчкѣ. Она была довольно широка и глубока. Кучера не знали брода, но въ это время переходили рѣку готтентоты съ волами: по ихъ слѣдамъ проѣхали и мы. Много было возни съ лошадьми. Мальчишка-готтентотъ долженъ былъ сначала ихъ вести, Вандикъ безпрестанно кричать „апплъ“. Верховыя лошади тоже упрямились. У нашихъ всадниковъ ноги по колѣни ушли въ воду. Они не предвидѣли этого обстоятельства, а то, можетъ-быть, и не поѣхали бы верхомъ. Одинъ изъ нихъ, натуралистъ, хотѣлъ, кажется, избавиться этого неудобства, громоздился, громоздился на сѣдлѣ, подбирая ноги, и кончилъ тѣмъ, что, къ немалому нашему удовольствію, упалъ въ воду. Жара была невыносимая; лошади по песку скоро ѣхать не могли и всадники не знали, куда дѣться отъ солнца; они раскраснѣлись ужасно и успѣли загорѣть. Я изъ глубины коляски, изъ-подъ полотнянаго крова, возсылалъ благодарственныя моленія небу, что не ѣду верхомъ.

Но вотъ и пріѣхали. Видимъ: въ одномъ мѣстѣ изъ травы валитъ, какъ изъ миски съ супомъ, густой паръ и сте-

лется по долинѣ, обозначая путь ключа. Около водъ стояла небольшая, бѣдная ферма, гдѣ мы оставили лошадей. У самыхъ источниковъ росли прекрасныя деревья: тополи, дубы, ели, айва, кусты папоротника, шиповника и густая сочная трава. По тропинкѣ, сквозь кусты, пробрались мы не безъ труда къ круглому небольшому бассейну, въ который струился горячій ключъ, и опустили въ него руки. Горячо, но можно продержать нѣсколько секундъ: брали воду въ ротъ: ни вкуса, ни запаха. Мы опускали туда яйцо, З. айву: но ни яйцо, ни айва не варились. Зять Лесюера, докторъ, сказывалъ, что какъ ни горяча вода, но она не только не варитъ ничего, но даже не годится для бритья, не размягчаетъ бороды.—„Гдѣ же холодный ключъ?“ спросилъ я. —„А вотъ“, сказали мнѣ, указывая подъ ноги.—„Гдѣ?“— „Да вотъ“.—„Это?“ Я посмотрѣлъ, не пролили ли гдѣ по близости изъ ушата воду, и та бы стремительнѣе потекла. На сажень отъ горячаго источника, струилась изъ-подъ дерева нить воды и тихо пропадала въ травѣ — вотъ вамъ и минеральный ключъ! Вòды эти помогаютъ болѣе всего отъ ревматизма; но больныхъ было всего трое; они жили въ двухъ, трехъ хижинахъ, построенныхъ далеко отъ истока ключей. П., Бенъ и докторъ вошли туда, а я остался. Ужасно было переходить горячую, открытую равнину, подъ вертикальными, полуденными лучами солнца.

Я предпочелъ остаться въ тѣни деревьевъ и сталъ помогать натуралисту ловить насѣкомыхъ. Онъ былъ близорукъ до слѣпоты и ему надо было ползать въ травѣ, чтобъ увидѣть насѣкомое. Я замѣтилъ множество огромныхъ, ярко-красныхъ кузнечиковъ, которые не прыгали, какъ наши, а летали; но ихъ удобно было ловить: они летѣли недолго и тотчасъ опускались. Онъ пряталъ ихъ въ карманы, клалъ въ бумажки, въ фуражку—вездѣ. Но все это ни къ чему не повело: на другой день нельзя было войти къ нему въ комна-

ту, что̀ случалось довольно-часто, по милости змѣй, ящерицъ и потрошеныхъ птицъ.—„Что это у васъ за запахъ такой?“ —„Да вонъ“, говорилъ онъ, „африканскіе кузнечики протухли: жирны очень, нельзя съ ними ничего сдѣлать: ни начинить ватой, ни въ спиртъ посадить—нѣжны“.

Наши товарищи, путешествующіе съ самоотверженіемъ, едва дотащились назадъ послѣ посѣщенія больныхъ. Удивительно, какъ и эти трое больныхъ запаслись ревматизмомъ въ климатѣ, въ которомъ непростительно простудиться! Будь эти воды въ Европѣ, около нихъ возникло бы цѣлое мѣстечко; а сюда изъ другихъ частей свѣта ѣздятъ лѣчиться однимъ только воздухомъ; между-тѣмъ въ окружности Устера есть около восьми мѣстъ съ минеральными источниками. Мы взяли въ бутылку воды, нѣкоторые изъ всадниковъ пересѣли въ экипажъ и мы покинули это живописное мѣсто, оживленное сильною растительностью.

Въ Устерѣ сейчасъ сѣли за tiffing, второй завтракъ, потомъ пошли гулять, а кому жарко, тотъ сѣлъ въ тѣни деревьевъ, на балконѣ дома. Часовъ въ пять, когда жара спала, пошли по городу, встрѣтили доктора, зятя Лесюера. Онъ повелъ насъ въ церковь, выстроенную самимъ пасторомъ для черныхъ. Другая видна была вправо отъ большой улицы, на площадкѣ; но та была заперта.—„Скучный городъ Устеръ!“ твердилъ З., идучи съ нами;—„домой хочу, на фрегатъ: тамъ теперь ванты перетягиваютъ—славно, весело!“ Въ этихъ немногихъ сло̀вахъ высказался морякъ: онъ любилъ свое дѣло. Мы вошли въ церковь черныхъ. Проще ничего быть не можетъ: деревянная, довольно-большая зала, безъ всякихъ украшеній, съ хорами. Вдоль отъ алтаря до выхода, въ два ряда стояли скамьи грубой работы. Впереди, ближе къ алтарю, было поставлено поперегъ церкви нѣсколько скамеекъ получше.—„А это для кого?“ спросилъ я. —„Это для бѣлыхъ, которые бы вздумали придти сюда“.—

„Зачѣмъ это отличіе въ церкви?“ замѣтилъ я.—„Можетъ-быть, черные мысленно дѣлаютъ не совсѣмъ выгодное заключеніе о смиреніи своихъ наставниковъ“.—„Нѣтъ, тутъ другая причина“, сказалъ докторъ:—„съ черными нельзя вмѣстѣ сидѣть: отъ нихъ пахнетъ: они мажутъ тѣло растительнымъ масломъ, да и испарина у нихъ имѣетъ особенный запахъ“.

Въ-самомъ-дѣлѣ, въ тюрьмахъ, когда насъ окружали черные, пахло не совсѣмъ хорошо, такъ-что Б., болѣе всѣхъ насъ заслужившій отъ З. упрекъ въ „нѣжномъ воспитаніи“, смотрѣлъ на нихъ, стоя поодаль.

Мы вошли къ доктору, въ его маленькій домикъ, имѣвшій всего комнаты три-четыре, но очень уютный и чисто убранный. Хозяинъ предложилъ намъ Капскаго вина и сигаръ. У него была небольшая коллекція предметовъ натуральной исторіи. Между прочимъ онъ подарилъ нашему доктору корень алоэ особой породы, который растетъ безъ всякаго грунта. Посади его въ пустой стаканъ, въ банку, поставь просто на окно, или повѣсь на стѣну и забудь — онъ будетъ рости, не завянетъ, не засохнетъ. Такъ онъ росъ и у доктора, на стѣнѣ, и года въ два обвилъ ее всю вокругъ.

Когда мы пришли въ свой отель часу въ седьмомъ, столовая ужъ ярко освѣщена была многими канделябрами. Столъ блисталъ, какъ банкетъ. Это былъ не вчерашній импровизированный обѣдъ, а обдуманный и приготовленный съ утра. Тутъ были супы, карри, фаршированныя мяса и птицы, сосиски, зелень. Нашъ скромный докторъ такъ и обомлѣлъ, когда вошелъ въ столовую. Онъ былъ, по строгой умѣренности и простотѣ нравовъ, живой контрастъ съ Б., у котораго гастрономическія наклонности были развиты до тонкости. — „Вѣдь ужъ мы, кажется, обѣдали“, замѣтилъ онъ:—„четыре блюда *имѣли*“.—„То былъ tiffing, т. е.

второй завтракъ, а не обѣдъ, замѣтилъ Б. Вчера безъ обѣда, и сегодня тоже—слуга покорный!“

Обѣдъ тянулся до полуночи. Здѣсь Бенъ показалъ себя и живымъ собесѣдникомъ: онъ пѣлъ своимъ фальцетто шотландскія и англійскія пѣсни на весь Устеръ, такъ-что я видѣлъ сквозь жалюзи множество глазъ, смотрѣвшихъ съ улицы на нашъ пиръ. Мы тоже пѣли, и хоромъ, и по одиночкѣ, съ аккомпаньементомъ фортепіано, которое тутъ было въ углу. —„Thank you, thank you“, повторялъ Бенъ послѣ каждой русской пѣсни, каждаго, немилосердо растерзаннаго итальянскаго мотива.

Въ срединѣ обѣда, вдругъ вошелъ къ намъ въ столовую пожилой человѣкъ, сильно разбитый ногами. Одну изъ нихъ онъ немного приволакивалъ.—„Сдраствуйте, каспада“ сказалъ онъ:—„карашо, карашо“ прибавилъ потомъ, не знаю къ чему. Мы разступились и дали ему мѣсто за столомъ. Это былъ Вейнертъ, quasi-русскій, съ которымъ наши познакомились утромъ. Онъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на каждаго изъ насъ, не различая, съ кѣмъ ужъ онъ видѣлся, съ кѣмъ нѣтъ, вздыхалъ, жалѣлъ, что уѣхалъ изъ Россіи, просилъ взять его съ собой, а подъ конецъ обѣда, выпивъ нѣсколько рюмокъ вина, совсѣмъ ослабѣлъ, плакалъ, говорилъ смѣсью разныхъ языковъ, примѣшивая безпрестанно *карашо, карашо*. Онъ напоминалъ мнѣ старые наши провинціальные нравы: одного изъ тѣхъ гостей, которые заберутся съ утра, сидятъ до поздняго вечера, и отъ котораго не знаютъ, какъ освободиться. Отъ него уходятъ, намекаютъ ему, что пора домой, шепчутся, а онъ все сидитъ особенно если еще выпьетъ. Мы, одинъ за однимъ, разошлись по своимъ комнатамъ, а гость пошелъ къ хозяевамъ, и мы еще долго слышали, ка́къ онъ тамъ хныкалъ, вздыхалъ и ка́къ раздавались около него смѣхъ и разговоры. Ужъ было за полночь, когда я изъ окна видѣлъ, какъ онъ съ фонарикомъ въ рукахъ, шелъ домой.

На другой день утромъ, мы поѣхали обратно. У Змѣиной горки, завидѣли мы вдали, въ полѣ, какую-то большую бѣлую птицу, видомъ напоминающую аиста, которая величаво шагала по травѣ.—„Секретарь, секретарь!“ кричала намъ ученая партія. Мы всѣ повыскакали изъ экипажей и побѣжали по кустамъ смотрѣть птицу, которая носитъ это имя. Замѣтивъ приближающихся людей, птица начала учащенными шагами описывать круги по травѣ, все меньше и меньше, и когда мы подошли на столько, что могли разглядѣть ее, она взмахнула крыльями и скрылась. Птица „секретарь“ извѣстна тѣмъ, что ведетъ дѣятельную войну съ змѣями. У ней толстыя сильныя ноги и острые когти. Она однимъ ударомъ ноги раздробляетъ голову кобракапеллѣ, или подхватитъ ее въ когти, взлетитъ повыше и броситъ на камень.

Садясь въ экипажъ я замѣтилъ, что у насъ опять новая лошадь.—„Гдѣ же та?“ спросилъ я Вандика.—„Вонъ она!“ отвѣчалъ онъ, указывая назадъ. Я увидѣлъ сзади нашихъ экипажей всадника: нашъ готтентотъ-мальчишка ѣхалъ верхомъ. Затѣмъ онъ и былъ взятъ въ поѣздку, какъ объяснилось теперь.—„А что жь съ этой лошадью станешь дѣлать?“ спросилъ я.—„Промѣняю въ Паарлѣ на ту, которую видѣлъ на лугу“.—„А ту въ Капштатъ возьмешь?“—„Нѣтъ, промѣняю въ Стелленбошѣ на маленькую, бѣленькую“.—„Какъ же, мальчишка все будетъ ѣхать сзади, каждый разъ на новой лошади?“—„Yes“, отвѣчалъ Вандикъ съ усмѣшкой.

Только мы проѣхали Змѣиную горку и З. затянулъ-было: „*Что ты, дѣва молодая, не отходишь отъ окна*“, какъ мистера Бена кто-то будто кольнулъ. Онъ остановилъ повозку, быстро выскочилъ и еще быстрѣе побѣжалъ въ кусты. З. съ хохотомъ сталъ дѣлать лукавыя замѣчанія. Но за Беномъ также быстро повыскакали и прочіе спутники. Хохотъ и лукавыя замѣчанія удвоились. Я подумалъ: не опять ли пока-

зался „секретарь“? Оказалось, что Бенъ хотѣлъ осмотрѣть поле для новой дороги, которую долженъ былъ прокладывать отъ ущелья до Устера. Мы не хотѣли отстать и пошли за ними. Но трава была такъ густа, кусты такъ непроницаемы, Змѣиная горка такъ близка и разсказы о змѣяхъ такъ живы, что молодой нашъ спутникъ, обыкновенно не робкій, хохочущій и среди опасностей, пустился однакожъ такими скачками впередъ, вслѣдъ за первой партіей, что мы съ Б. остановились и преслѣдовали его дружнымъ хохотомъ. Онъ скакалъ черезъ кусты, бѣжалъ, спотыкался, опять скакалъ, какъ будто за нимъ бросились въ погоню всѣ обитатели Змѣиной горки. Среди этихъ скачковъ онъ отвѣчалъ намъ также хохотомъ.

Вскорѣ все пришло въ прежній порядокъ. Мы тряслись по плохой дорогѣ рысью, за нами трясся мальчишка готтентотъ, З. заливался и пѣлъ: „*Развѣ ждешь ты? да кого же? не солдата ли пѣвца?*“ Мы съ Б. симпатизировали каждому живописному рву, группѣ деревьевъ, руслу изсохшей рѣчки и наслаждались молча. Изъ другого карта слышался живой разговоръ. Такъ въѣхали мы опять въ ущелье, и только, гдѣ становились поугрюмѣе, З. опять морщился и запѣвалъ мрачно: „*Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ*“. На мызѣ Клейнбергъ, сынъ Бена встрѣтилъ насъ верхомъ. Здѣсь взяли мы купленныхъ змѣй, тигровую шкуру, подразнили обезьяну и поѣхали ко второй тюрьмѣ, къ жилищу молодаго Бена.

По дорогѣ вездѣ работали черные арестанты, съ непокрытой головой, прямо подъ солнцемъ, не думая прятаться въ тѣнь. Солдаты, не спуская съ нихъ глазъ, держали заряженныя ружья на второмъ взводѣ. Въ одномъ мѣстѣ мы застали людей, которые ходили по болотистому дну пропасти и чего-то искали. Вандикъ поговорилъ съ ними по-голландски и сказалъ намъ, что тутъ наканунѣ утонулъ

пьяный человѣкъ и вотъ теперь ищутъ его и не могутъ найти.

Къ обѣду пріѣхали мы къ молодому Бену и расположились обѣдать и кормить лошадей. Погода была такъ же хороша, какъ и за три дня, когда мы тутъ были. Но картина угрюмыхъ скалъ, рѣки, ущелья и моста оживлена была присутствіемъ множества людей. Черные тѣснились на дворѣ, по скаламъ, но болѣе всего на мосту, который строился.— „Вотъ посмотрите“, сказалъ намъ мистеръ Бенъ:—„сейчасъ взрывъ будетъ“. Мы обратили взглядъ на людей, толпившихся за мостомъ, около кучи камней. Вдругъ люди всѣ бросились бѣжать отъ камней въ разныя стороны и каждый присѣлъ не подалеку, кто за пень, кто за камень, и смотрѣли оттуда что̀ будетъ. Раздался взрывъ, какъ глухой пушечный выстрѣлъ. Почва приподнялась немного подъ каменьями и нѣкоторые изъ нихъ подскочили, а другіе просто покатились въ сторону. Сдѣлано было при насъ нѣсколько такихъ взрывовъ.

Опять мы разсматривали и разспрашивали, съ помощью миссіонера, черныхъ, о ихъ именахъ, племени, мѣсторожденіи. Наконецъ стали снимать съ нихъ портреты, сначала по одиночкѣ, потомъ Г. хотѣлъ снять одну общую картину со всего этого живописнаго уголка ущелья. Изъ черныхъ составили группу на дворѣ. Мистеръ Бенъ, съ сыномъ, и миссіонеръ стояли возлѣ нихъ. Мы съ Б. взобрались на ближайшую скалу, которая была прямо надъ флигелемъ Бена и тоже входила въ картину. Насъ просили не шевелиться. Но мы украдкой покуривали, въ твердомъ убѣжденіи, что Г. по близорукости не разглядитъ.

Впрочемъ, изъ этой великолѣпной картины, какъ и изъ многихъ другихъ, ничего не выходило. Приготовленіе бумаги для фотографическихъ снимковъ требуетъ, какъ извѣстно, величайшей осторожности и вниманія. Надо имѣть со-

вершенно темную комнату, долго приготовлять разные составы, давать время бумагѣ вылеживаться, и соблюдать другія, подобныя этимъ условія. Несмотря на самопожертвованіе Г., съ которымъ онъ трудился, ничего этого соблюсти было нельзя.

Передъ обѣдомъ, черные принесли намъ убитую ими еще утромъ, какую-то ночную змѣю. Она немного менѣе аршина, смугло-бѣлая, очень красивая на видъ. Ее удавили, принесли на тесемкѣ и повѣсили на ручкѣ замка у двери. Ее трогали, брали въ руки, но признаковъ жизни не замѣчали. Глаза у ней закрылись, мелкіе и частые зубы были наружѣ. Она висѣла уже часа два. Мнѣ вздумалось дотронуться ей до хвоста горящей сигарой: вдругъ змѣя начала биться, извиваться, поджимать и опускать хвостъ. Другіе стали повторять то же самое. Потомъ посадили ее въ спиртъ.

Послѣ обѣда мы распрощались съ молодымъ Беномъ и отправились въ Веллингтонъ, куда пріѣхали поздно вечеромъ. Топающій хозяинъ опять поставилъ весь домъ вверхъ дномъ, опять наготовилъ баранины, ветчины, чаю—и опять все дурно.

Утромъ, передъ отъѣздомъ изъ Веллингтона, мы пошли съ визитомъ къ г. Бену благодарить его за обязательное вниманіе къ намъ. Бенъ представилъ насъ своимъ дочерямъ, четыремъ зрѣлымъ „африканкамъ“, то-есть рожденнымъ въ Африкѣ. Жена у него была голландка. Онъ вдовецъ. Около дѣвицъ было много собаченокъ—признакъ исчезающихъ надеждъ на любовь и супружество. Зрѣлыя дѣвы, переставъ мечтать, сосредоточиваютъ потребность любить—на кошкахъ, на собаченкахъ, души, болѣе нѣжныя—на цвѣтахъ. Старшая дочь была старая дѣва. Третья, высокая, стройная дѣвушка, очень недурна собой, прочія — такъ-себѣ. Онѣ стали предлагать намъ кофе, завтракъ, но мы поблагодарили, отговариваясь скорымъ отъѣздомъ. Мистеръ Бенъ пред-

ложилъ посмотрѣть его музей ископаемыхъ. Нѣсколько небольшихъ остововъ пресмыкающихся онъ предложилъ взять для петербургскаго музеума натуральной исторіи.

На прощанье онъ сказалъ намъ, что мы теперь видѣли полный образчикъ колоніи.—„Вся она такая: тѣ же пески, мѣстами болота, кусты и крупныя травы".

Мы ѣхали по знакомой уже дорогѣ рысью. Пріѣхали въ Паарль. Вандикъ повезъ насъ другой дорогой, которая идетъ по нижнимъ террасамъ мѣстечка. Я думалъ, что онъ хочетъ показать намъ весь Паарль, а оказалось, что ему хотѣлось только посмотрѣть, ходитъ ли еще на лугу лошадь, которая его такъ озадачила въ первый проѣздъ. Только-что онъ привезъ насъ въ знакомую гостинницу, какъ отпрягъ лошадей и скрылся. На этотъ разъ насъ встрѣтила *ма*. *Па* былъ тоже дома. Это сухощавый и молчаливый англичанинъ, весьма благовидной наружности и съ приличными манерами. Онъ, казалось, избѣгалъ путешественниковъ и ни во что не вмѣшивался, какъ человѣкъ, непривыкшій содержать трактиръ. Можетъ-быть, это въ-самомъ-дѣлѣ не его ремесло; можетъ быть его принудили обстоятельства. Все это можетъ быть; но дѣло въ томъ, что насъ принимали и угощали *ма* и вторая дѣвица. Первая была, по словамъ сестры, больна и лежала въ постели. Мы пожалѣли и велѣли ей кланяться.

По дорогѣ отъ Паарля, готтентотъ-мальчишка, ѣхавшій на вновь вымѣненной въ Паарлѣ лошади, безпрестанно исчезалъ дорогой въ кустахъ и гонялся за маленькими черепахами. Онъ поймалъ двѣ: одну далъ въ нашъ картъ, а другую ученой партіи, но мы и свою сбыли туда же, потому-что у насъ за ней никто не хотѣлъ смотрѣть, а она ползала вездѣ, карабкаясь вонъ изъ экипажа, и падала.

Вечеромъ мы нагрянули въ Стелленбошъ, заранѣе обѣщая себѣ обильный ужинъ, виноградъ, арбузы, покойный ночлегъ и выразительные взгляды толстой, черноглазой му-

латки. Но домъ былъ весь занятъ: изъ Капштата ѣхали какіе-то новобрачные домой, на ферму, и ночевали въ той самой комнатѣ, гдѣ мы спали съ З. Намъ, однакожъ предложили ужинъ и фрукты, и даже взгляды мулатки, все, кромѣ ночлега. Хозяйка для спанья заняла комнаты въ домѣ напротивъ, и мы шумно отправились на новый ночлегъ, въ огромную, съ нѣсколькими постелями комнату, не зная, чей домъ, что̀ за люди живутъ въ немъ. Видѣли только, что вечеромъ сидѣло на балконѣ какое-то семейство.

На другой день рано мы уѣхали. Мальчишка-готтентотъ трясся сзади уже на бѣленькой стелленбошской лошадкѣ. Паарльская была запряжена у насъ въ картѣ, а устерская осталась въ Стелленбошѣ.

Къ обѣду, то-есть часовъ въ пять, мы запыленные, загорѣлые, небритые, остановились передъ широкимъ крыльцомъ Welch's Hotel въ Капштатѣ и застали въ сѣняхъ толпу нашихъ. „Каролина" была въ своей рамкѣ, въ своемъ черномъ платьѣ, которое было ей такъ къ лицу, съ сѣточкой на головѣ. Пошли разспросы, толки, новости, съ той и съ другой стороны. Хозяйки встрѣтили насъ, какъ старыхъ друзей. Ричардъ сначала сморщился, потомъ осклабился отъ радости, неимовѣрно скривилъ ротъ и носъ на сторону, хотѣлъ-было и лобъ туда-же, но не могъ, видно платокъ на головѣ крѣпко завязанъ; у него только складки на лбу изъ горизонтальныхъ сдѣлались вертикальными. Каролина улыбалась намъ пріятнѣе, нежели вновь прибывшимъ изъ Капштата товарищамъ. Слуги вмигъ растащили наши вещи по нумерамъ и мы были прочно водворены въ отелѣ, какъ-будто и не выѣзжали изъ него. Молодая служанка Алиса, какъ всѣ англійскія служанки, бросалась изъ угла въ уголъ, съ легкостью птицы летала по лѣстницамъ, тамъ отдавала приказаніе слугамъ, тутъ отвѣчала на вопросъ, мимоходомъ комунибудь улыбалась, или отмахивалась отъ черезчуръ настой-

чивыхъ любезностей какого-нибудь кругосвѣтнаго путешественника.

Шумной и многочисленной толпой сѣли мы за столъ. Однихъ русскихъ было человѣкъ двѣнадцать, да нѣсколько семействъ англичанъ. Я успѣлъ замѣтить только бѣлокураго, полнаго пастора, съ женой и съ дѣтьми. Нельзя не замѣтить: крикъ, шумъ, вездѣ дѣти, въ сѣняхъ, по ступенямъ лѣстницы, въ нумерахъ, на крыльцѣ—и все пастора. Настоящій Авраамъ—послѣ божественнаго посѣщенія.

Какъ только я пришелъ въ свой нумеръ, тотчасъ посмотрѣлъ, вставлено ли стекло. Нѣтъ. Я съ жалобой къ хозяйкѣ:—„Что жъ стекло-то?" спросилъ я съ укоромъ. Я такъ и ждалъ, что старуха скажетъ: „праздники были, нельзя", но вспомнилъ, что у протестантовъ ихъ почти нѣтъ. Что жъ она скажетъ мнѣ? думалъ я: „что забыла, что жаль деньги тратить; живетъ и такъ". Она молчала. Я повторилъ свою жалобу.—„Война съ каффрами все мѣшаетъ", сказала она. Ну, я никакъ не ожидалъ такой отговорки: совершенно мѣстная!—„Всѣ мастеровые заняты... никакъ не могла найти. Вотъ завтра пошлю". Но стекло, ни завтра, ни послѣ завтра, ни во вторичный мой пріѣздъ въ Капштатъ, вставлено не было, да и теперь, я увѣренъ, также точно, какъ и прежде, въ него дуетъ вѣтеръ и хлещетъ дождь, а въ хорошую погоду летаютъ комары. А все говорятъ на русскаго человѣка: онъ безпеченъ, небреженъ, живетъ на авось; чѣмъ „каффрская война" лучше нашихъ праздниковъ?

Жизнь наша опять потекла прежнимъ порядкомъ. Раннимъ утромъ всякій занимался чѣмъ нибудь въ своей комнатѣ: кто приводилъ въ порядокъ коллекцію собранныхъ растеній, животныхъ и минераловъ, кто записывалъ видѣнное и слышанное, другіе читали описаніе капской колоніи. Послѣ тиффинга всѣ расходились по городу и окрестностямъ, потомъ обѣдали, потомъ смотрѣли на „картинку" и шли спать.

На другой день по возвращеніи въ Капштатъ, мы предприняли прогулку около Львиной горы. Точно такая же дорога, какъ въ Бенсклюфѣ, идетъ по хребту Льва, начинаясь въ одной части города и оканчиваясь въ другой. Мы взяли двѣ коляски и отправились часовъ въ одиннадцать утра. День начинался солнечный, безоблачный и жаркій до-нельзя. Дорога шла по берегу моря, мимо дачъ и фермъ. Здѣсь пока, до начала горы, растительность была скудная, и дачи съ опаленною кругомъ травою и тощими кустами, смотрѣли жалко. Онѣ съ закрытыми своими жалюзи, какъ-будто съ закрытыми глазами, жмурились отъ солнца. Кругомъ немногія деревья и цвѣтники, неудачная претензія на садъ, дѣлали эту наготу еще разительнѣе. Только одни исполинскіе кусты алоэ, вдвое выше человѣческаго роста, не боялись солнца и далеко раскидывали свои сочные и колючіе листья. Они сплошнымъ заборомъ окружали дачи. На покатостяхъ горы природа измѣняется: начинается густая зелень и тѣснѣе идутъ фермы и дачи. Одна изъ нихъ называется Green Point. Она построена на скатѣ зеленой оконечности Львиной горы. Сюда ѣздятъ изъ города любоваться моремъ и горой. Мы поѣхали въ гору. Она идетъ отлого, по прекрасному шоссе, мѣстами въ тѣни густыхъ каштановыхъ и дубовыхъ аллей. Бока горы заросли лѣсомъ до самаго моря. Въ лѣсу, во всѣхъ направленіяхъ, идутъ конныя дороги и тропинки. Не послѣднее наслажденіе проѣхаться по этой дорогѣ, смотрѣть внизъ на этотъ кудрявый, тѣнистый лѣсъ, на голубую гладь залива, на дальнія горы и на громадный зеленый холмъ надъ вашей головой слѣва. Внизу, между каменьями, о которые съ яростью плещутся вѣчные буруны, кое-гдѣ въ затишьяхъ, въ прозрачной водѣ, я видѣлъ стаями игравшую рыбу, разной величины и формы.

Но жарко, очень жарко; лошади начинали останавливаться. Пока мы выходили изъ коляски на живописныхъ

мѣстахъ, я видѣлъ, что мальчишка-негръ, кучеръ другой коляски, безпрестанно подбѣгалъ къ нашему, негру же изъ племени Бичуанъ, и все что-то шептался съ нимъ. Лишь только мы въѣхали на самую высокую точку горы, лошади вдругъ совсѣмъ остановились и будто не могли идти далѣе. Кучера стали будто погонять ихъ, а онѣ бѣсились и рвались къ пропастямъ. Понятна кучерская тактика. Я погрозилъ мальчишкѣ-негру не заплатить ему всѣхъ условленныхъ денегъ.—„T'is hot, very hot, sir (очень жарко)", бормоталъ онъ:—„лошади не могутъ идти". Подъ нами, въ полугорѣ, было какое-то деревянное зданіе, въ родѣ бесѣдки, едва замѣтное въ чащѣ зелени.—„Что это за домъ?" спросили мы. —„Трактиръ ротонда", сказали кучера:—„здѣсь путешественники заѣзжаютъ освѣжиться и отдохнуть". Б. только-что услыхалъ объ „освѣженіи," какъ пустился сквозь чащу лѣса, цѣликомъ, внизъ, устраняя тростью вѣтви. Мы за нимъ, и скоро, измученные, добрались до трактира, который окруженъ открытой круглой галлереей, отчего и называется ротондой.

Здѣсь царствовала такая прохлада, такая свѣжесть отъ зелени и съ моря, такой величественный видъ на море, на лѣса, на пропасти, на дальній горизонтъ неба, на качающіяся вдали суда, что мы, въ радости, перестали сердиться на кучеровъ и велѣли дать имъ вина, въ благодарность за счастливую идею завести насъ сюда. Садикъ, кромѣ дубовъ, елей и кедровъ, былъ наполненъ фруктовыми деревьями и цвѣточными кустами. Толстая голландка принесла намъ лимонаду и вина. Мы закурили сигары и погрузились взглядомъ въ широкую, покойно лежавшую передъ нами картину, горячую, полную жизни, игры, красокъ!

Кучера, несмотря *на водку*, рѣшительно объявили, что день черезчуръ жарокъ и дальше ѣхать кругомъ всей горы нѣтъ возможности. Что съ ними дѣлать: браниться?—не по-

можетъ. Заводить процесъ за десять шиллинговъ—выиграешь только десять шиллинговъ, а кругомъ Льва все-таки не поѣдешь. Мы велѣли той же дорогой ѣхать домой.

Надо было, однакожъ, съѣздить въ Саймонстоунъ и узнать пообстоятельнѣе, когда идемъ въ море. Мы вдвоемъ съ С., взявъ Вандика, отправились въ Саймонстоунъ на парѣ, въ той же каретѣ, которая возила насъ по колоніи. Дорогой ничего не случилось особеннаго, только С., проѣхавшій тутъ одинъ разъ, напередъ разсказывалъ всѣ подробности мѣстности, всякую отмель, бухту, ферму: удивительный глазъ и славная память! Да еще сынъ Вандика, мальчикъ лѣтъ шести, котораго онъ взялъ такъ, прокататься, долгомъ считалъ высовывать голову во всѣ отверстія, сдѣланныя въ покрышкѣ экипажа для воздуха, и въ одно изъ нихъ высунулся такъ неосторожно, что выпалъ вонъ, и прямо носомъ. Пустыня огласилась неистовымъ крикомъ. Къ счастью, въ африканскихъ пустыняхъ нынче почти вездѣ есть трактиры. Тамъ шалуна обмыли, дали примочки, и потомъ Вандикъ, съ первымъ встрѣтившимся экипажемъ, который былъ, конечно, знакомъ ему, отослалъ сына домой.

Въ Саймонстоунѣ я засталъ у насъ большія приготовленія къ обѣду и балу, который давали англичанамъ, въ отплату за ихъ обѣдъ и балъ и за дружескій пріемъ. Я перепугался: балъ и обѣдъ! Въ этихъ двухъ явленіяхъ выражалось все, отчего такъ хотѣлось удалиться изъ Петербурга на время, пожить иначе, по возможности безъ повтореній, а тутъ вдругъ балъ и обѣдъ! О. А. также втихомолку смущался этимъ. Онъ не былъ въ Капштатѣ и отчаявался уже быть. Я подговорилъ его уѣхать, и дня черезъ два, съ тѣмъ же Вандикомъ, который былъ еще въ Саймонстоунѣ, мы отправились въ Капштатъ.

Но О. А. имѣлъ, что французы называютъ, du guignon. Къ вечеру сталъ подувать порывистый вѣтерокъ, горы заку-

тались въ облака. Вскорѣ облака заволокли все небо. А я подготовлялъ-было его увидѣть Столовую гору, назначилъ пунктъ, съ котораго ее видно, но передъ нами стояли горы темныхъ тучъ, какъ-будто стѣны, за которыми прятались и Столъ, и Левъ.—„Ну, завтра увижу“, сказалъ онъ,—торопиться нечего“. Вѣтеръ дулъ сильнѣе и сильнѣе и наносилъ дождь, когда мы вечеромъ, часовъ въ семь, подъѣхали къ отелю.

Утромъ я вошелъ къ О. А.: окно его комнаты обращено было прямо къ Столовой горѣ.—„Ну, смотрите же теперь“, сказалъ я,—„какова гора...“ и открылъ ставни. Но горы не было: мрачная, туманная пелена закрывала все. Дулъ вѣтеръ, въ окно летѣли брызги дождя. Досадно, надо было подождать полудня: авось разгуляется. Алиса принесла намъ чаю, потомъ мы пошли еще въ столовую опять пить чай, съ аккомпаньементомъ котлетъ, рыбы, дичи и фруктовъ.—„It rains“ (дождь идетъ), сказала m-rs Welch.—„Да“, съ упрекомъ отвѣчалъ я ей:—„и въ моей комнатѣ тоже“. Каролина еще почивала. Я повелъ О. А. смотрѣть городъ. Мы ходили по грязнымъ улицамъ и мокрымъ троттуарамъ, заходили въ магазины, прошли по ботаническому саду, но окрестностей не видали: за двѣсти сажень всѣ предметы прятались въ туманѣ. О. А. зашелъ въ книжный магазинъ, да тамъ и сѣлъ. И та книга ему нравится, и другая нужна; тамъ увидитъ изданіе, котораго у него нѣтъ, и купитъ книгу. Насилу я вытащилъ его домой. Тамъ застали суматоху: пасторъ уѣзжалъ въ Англію. Въ сѣняхъ лежали грудой чемоданы, узлы, ящики; толпились няньки, дѣти—и все исчезло. Стало просторнѣе, но не надолго. Мы завтракали въ пятеромъ: докторъ съ женой, еще какіе-то двое молодыхъ людей, изъ которыхъ одного звали капитаномъ, да еще англичанинъ, большой ростомъ, большой крикунъ, большой говорунъ, держитъ себя очень прямо, никог-

да не смотритъ подъ ноги, въ комнатѣ всегда сидитъ въ шляпѣ. Черезъ часъ, съ пришедшаго изъ Индіи парохода, явились другіе путешественники и толпой нахлынули въ отель.

Трактиръ стоитъ на распутіи міра. Мысъ Д. Н. крайняя точка, перекрестокъ путей въ Европу, Индію, Китай, Филиппинскіе острова и Австралію. Отъ этого, сегодня вы обѣдаете въ обществѣ двадцати человѣкъ, невольно заводите знакомство, иногда успѣетъ зародиться, въ теченіе нѣсколькихъ дней, симпатія; каждый день вы съ большимъ удовольствіемъ спѣшите свидѣться за столомъ, или въ общей прогулкѣ, съ новымъ и неожиданнымъ пріятелемъ. Но въ одно прекрасное утро приходите, и, вмѣсто шумнаго общества, или вмѣсто знакомыхъ, обѣдаете въ кругу новыхъ лицъ; вмѣсто веселаго разговора царствуетъ печальное, принужденное молчаніе.—„Гдѣ же тѣ?“ Вамъ подаютъ газету: тамъ напечатано, что сегодня въ Англію, въ Австралію, или въ Батавію, отправился пароходъ, во столько-то силъ, съ такимъ то грузомъ и съ такими-то пассажирами.

Послѣ завтрака я повезъ О. А. по городу и окрестностямъ. Напрасно мы глядѣли на Столовую гору, на Льва: ихъ какъ-будто и не бывало никогда: на ихъ мѣстѣ виситъ темнобурая туча, и больше ничего. Я велѣлъ ѣхать къ Green-point. Мы проѣхали четыре, пять верстъ по берегу; дальше ѣхать было не зачѣмъ: ничего не видать. Вѣтеръ свирѣпствовалъ, море бушевало. Мы оставили коляску на дорогѣ и сошли съ холма къ самому морю. Тамъ лежали, частью въ водѣ, частью на берегу, громады камней, нѣкогда сброшенныхъ съ горныхъ вершинъ. О нихъ яростно бились буруны. Я нигдѣ не видалъ такихъ буруновъ. Они, какъ-будто рядъ гигантскихъ всадниковъ, наскакивали съ шумомъ, похожимъ на пушечные выстрѣлы, и съ облакомъ пѣны, на каменья, прыгали черезъ нихъ, какъ взбѣсившіеся кони

черезъ пропасти и преграды, и наконецъ, обезсиленные, падали клочьями грязной, желтой пѣны на песокъ. Мы долго не могли отвести глазъ отъ этой монотонной, но грандіозной картины.

За обѣдомъ мы нашли вновь прибывшее большое общество. Старый полковникъ ост-индской службы, съ женой, прослужившій свои лѣта въ Индіи и возвращавшійся въ Англію. Онъ высокій, худощавый старикъ, въ синей курткѣ, похожъ болѣе на шкипера купеческаго судна. Жена его, высокая, худощавая женщина, съ блѣдно-русыми волосами. Она, волосокъ къ волоску, расположила скудную свою шевелюру и причесалась почти до мозгу. Подлѣ меня сидѣлъ другой старикъ, тоже возвращавшійся изъ Индіи, важный чиновникъ, весьма благообразный, совсѣмъ сѣдой. Какъ бы онъ годился быть дядей, который *возвращается изъ Индіи*, съ огромнымъ богатствомъ, и подоспѣваетъ кстати помочь племяннику жениться на бѣдной дѣвицѣ, какъ, бывало, писывали въ романахъ! Онъ одѣтъ чисто, даже изысканно, на пальцѣ у него большой перстень—совершенный дядя! Онъ давно посматривалъ на меня, а я на него. Я видѣлъ, что онъ не безъ любопытства глядитъ на русскихъ. Вижу, что ему хочется заговорить, узнать, можетъ-быть, что нибудь о Россіи. Предъ нимъ стоялъ портвейнъ, передо мной хересъ. Наконецъ старикъ заговорилъ.—„Позвольте мнѣ выпить съ вами рюмку вина?“ сказалъ онъ.—„Съ удовольствіемъ“, отвѣчалъ я, и мы налили—онъ мнѣ портвейну, котораго я въ ротъ не беру, а я ему хересу, котораго онъ не любитъ. Послѣ этого водворилось молчаніе. Мы жевали. Опять я вижу, онъ цѣлится спросить меня.—„Какова дорога отъ Саймонстоуна сюда?“ спросилъ онъ наконецъ.—„Очень хорошая!“ отвѣтилъ я и затѣмъ онъ больше меня ни о чемъ не спрашивалъ. Еще за столомъ сидѣла толстая претолстая барыня, лѣтъ сорока пяти, съ большими, темными, медлен-

но мигающими глазами, которые она поминутно обращала на капитана. Она крѣпко была затянута въ корсетъ. Платье сидѣло на ней въ обтяжку и обнаруживало круглыя, массивныя плечи, руки и прочее, чѣмъ такъ щедро одарила ее природа. *Кушала* она очень мало и чуть-чуть кончикомъ губъ брала въ ротъ маленькіе кусочки мяса, или зелень. Были тутъ вчерашніе двое молодыхъ людей.—„Yes, y-e-s!“ поддакивала безпрестанно полковница, пока ей говорилъ кто-нибудь. О. А., отъ скуки, въ промежуткахъ двухъ блюдъ, считалъ, сколько разъ скажетъ она yes.—„Въ семь минутъ 33 раза“ шепталъ онъ мнѣ.

Послѣ обѣда „картинка“ красовалась въ рамкѣ, еще съ дополненіемъ: подлѣ Каролины, Алиса, или Элейсъ, какъ наши звали Alice, издѣваясь надъ англійскимъ произношеніемъ. Я подошелъ одинъ любезничать съ ними. Цѣль этой любезности была—выхлопотать себѣ на вечеръ восковую свѣчу. Дня три я напрасно просилъ, даже далъ денегъ Алисѣ, чтобъ купила свѣчъ. Хозяйки прислали деньги назадъ, а свѣчей не прислали. Наконецъ рѣшились дать мнѣ не сальную свѣчу. Получивъ желаемое, я ушелъ къ себѣ и только сѣлъ за столъ писать, какъ вдругъ слышу голосъ О. А., который, чистѣйшимъ русскимъ языкомъ, кричитъ:— „Нѣтъ ли здѣсь воды, нѣтъ ли здѣсь воды?“ Сначала я не обратилъ вниманія на этотъ крикъ, но вспомнивъ, что, кромѣ меня и натуралиста, въ городѣ русскихъ никого не было, я сталъ вслушиваться внимательнѣе. Голосъ его приближался все болѣе и болѣе и выражалъ тревогу.—„Нѣтъ ли здѣсь воды? воды, воды скорѣе!“ кричалъ онъ почти съ отчаяніемъ. Я выскочилъ изъ-за стола, гляжу, онъ бѣжитъ по корридору прямо въ мою комнату; въ рукахъ у него громъ и молнія, а около него распространяется облако смраднаго дыма. Я испугался.—„Что̀ это такое?“—„Нѣтъ ли здѣсь воды? воды скорѣе!“ твердилъ онъ. У него загорѣ-

лась цѣлая тысяча спичекъ и онъ до того оторопѣлъ, что, забывшись, по-русски требовалъ воды, тогда какъ во всѣхъ комнатахъ, въ томъ числѣ и у него, всегда стояло по цѣлому кувшину. Спички продолжали шипѣть и трещать у него въ рукахъ.—„Вотъ вода!“ сказалъ я, показывая на умывальникъ,—„ и у васъ въ комнатѣ есть вода“.—„Не догадался!“ отвѣчалъ онъ. Я сталъ звать Алису вынести остатки фейерверка, и потомъ уже далъ полную волю смѣху.— „Не зовите, не зовите“, перебилъ онъ меня:—„стыдно будетъ„.—„Стыдъ не дымъ, глаза не выѣстъ“, сказалъ я,— „а отъ дыма вашего можно въ обморокъ упасть“.

На другой день за завтракомъ, сошлось насъ опять всего пятеро, или шестеро: полковникъ съ женою, англичанинъ-крикунъ, да мы. Завтракали по-домашнему. Полковница разливала чай и кофе. Она говорила по-французски и между нами завязался живой разговоръ. Сначала только и было толку, что о вчерашнемъ фейерверкѣ. Я, еще проходя мимо буфета, слышалъ, какъ крикунъ спросилъ у м-съ Вельчъ, что за смрадъ распространился вчера по отелю; потомъ онъ спросилъ полковницу, слышала ли она этотъ запахъ.—„Yes, o yes, yes!“ наладила она разъ десять сряду.—„Отвратительно, невыносимо!“ продолжалъ крикунъ.—„Yes, y-e-s“ жалобно, съ придыханіемъ повторила полковница.—„Разъ, два, три, четыре!“ считалъ О. А., сколько разъ она скажетъ yes.—„А знаете ли, что̀ значитъ этотъ yes?„ спросилъ я его. —„Это значитъ подтвержденіе, наше *да*,“ отвѣчалъ онъ.— „Такъ, но знаете ли, что̀ оно подтверждаетъ? что вчера отвратительно пахло сѣрой...“—„Что вы: ахти!“ встрепенувшись, заговорилъ онъ, и чтобъ скрыть смущеніе, взялъ всю яичницу къ себѣ въ тарелку.—„А вы слышали этотъ запахъ?“ приставалъ крикунъ, обращаясь къ полковнику и поглядывая на насъ.—„Не правда ли, что похоже было, какъбудто въ домѣ пожаръ?“ спросилъ онъ опять полковницу.—

„Yes, yes," отвѣчала она.—„Пять, шесть!" считалъ печально О. А.

Вскорѣ она заговорила со мной о фрегатѣ, о нашемъ путешествіи. Узнавъ, что мы были въ Портсмутѣ, она живо спросила меня, не знаю ли я тамъ въ Southsea церкви св. Евстафія.—„Какъ же, знаю", отвѣчалъ я, хотя и не зналъ, про которую церковь она говоритъ: ихъ тамъ не одна.— „Прекрасная церковь", прибавилъ я.—„Yes.... oui, oui," потомъ, прибавила она.—„Семь", считалъ О. А., довольный, что разговоръ перемѣнился:—„я ужъ кстати и oui сочту", шепталъ онъ мнѣ.

Тучи въ этотъ день были еще гуще и непроницаемѣе. О. А. надо было ѣхать назадъ. Съ сокрушеннымъ сердцемъ сѣлъ онъ въ карету Вандика и поѣхалъ, не видавъ Столовой горы.—„Это меня за что-нибудь Богъ наказалъ!" сказалъ онъ уѣзжая. Едва прошелъ часъ, полтора, я былъ въ ботаническомъ саду, какъ вдругъ вижу: Столовая гора понемногу раздѣвается отъ облаковъ. Сначала показался уголъ, потомъ вся вершина, наконецъ и основаніе. По зелени ея заблистало солнце, въ пять минутъ все высохло, кругомъ меня по кустáмъ щебетали колибри, и весь Капштатъ, съ окрестностями, облился яркимъ золотымъ блескомъ. Мнѣ вчужѣ стало обидно за О. А.

Мы одни оставались съ натуралистомъ; но пришла и наша очередь ѣхать. Намъ дано знать, что работы на фрегатѣ кончены, провизія доставлена и черезъ два дня онъ снимется съ якоря. Мы послали за Вандикомъ. Онъ пріѣхалъ верхомъ на бѣленькой стелленбошской лошадкѣ, въ своей траурной шляпѣ, съ улыбкой вошелъ въ комнату и опираясь на бичъ, по прежнему остановился у дверей.—„Отвези въ послѣдній разъ въ Саймонстоунъ," сказалъ я не безъ грусти:—„завтра утромъ пріѣзжай за нами".—„Yes, sir," отвѣчалъ онъ:—„а знаете ли," прибавилъ потомъ,—„что при-

шло еще русское судно?“—„Какое? когда?“—„Вчера вечеромъ“, отвѣчалъ онъ. Оказалось, что это былъ нашъ транспортъ „Двина“, который мы видѣли въ Англіи.

Жаль было намъ уѣзжать изъ Капской колоніи: въ ней было привольно, мы пригрѣлись къ этому мѣсту. Другіе говорятъ, что если они плаваютъ долго въ морѣ, имъ хочется берега; а поживутъ на берегу, хочется въ море. Мнѣ совсѣмъ не такъ: если мнѣ гдѣ-нибудь хорошо, я начинаю пускать корни. Удобна ли квартира, покойно ли кресло, есть хорошій видъ, прохлада—мнѣ не хочется дальше. Меня влечетъ уютный домикъ съ садомъ, съ балкономъ, останавливаетъ добрый человѣкъ, хорошенькое личико. Сколько страстишекъ успѣетъ забраться въ сердце! сколько тонкихъ, сначала неосязаемыхъ нитей, протянется оттуда въ разныя стороны! Поживи еще—и эти нити окрѣпнутъ, обратятся въ такъ называемыя „узы“. Жаль будетъ покинуть знакомый домъ, улицу, любимую прогулку, добраго человѣка. Такъ и мнѣ ужъ становилось жаль бросать мой 8-ой нумеръ, готтентотскую площадь, ботаническій садъ, видъ Столовой горы, нашихъ хозяевъ, и между прочимъ еврея-доктора.

Долго мнѣ будутъ сниться широкія сѣни, съ прекрасной „картинкой“, крыльцо съ виноградными лозами, длинный столъ съ собесѣдниками со всѣхъ концовъ міра, съ гримасами Ричарда; долго будетъ чудиться и „yes“, и бѣготня Алисы по лѣстницамъ, и крикунъ-англичанинъ, и мое окно, у котораго я любилъ работать, глядя на сѣрые уступы и зеленые скаты Столовой горы и Чертова пика. Особенно еще какъ вспомнишь, что впереди море, море и море!

— „Good bye!“ прощались мы печально на крыльцѣ съ старухой Вельчъ, съ Каролиной. Ричардъ, Алиса, корявый слуга и малаецъ-поваръ—всѣ вышли проводить и взять обычную дань съ путешественниковъ—по нѣскольку шиллинговъ. Дорогой встрѣтили доктора, верхомъ, съ женой, и на

вопросъ его, совсѣмъ ли мы уѣзжаемъ:—„Нѣтъ,“ обманулъ я его, чтобъ не выговаривать еще разъ good bye, которое звучитъ не веселѣй нашего „прощай“.

Скоро мы выѣхали изъ города и катились по знакомой аллѣе, изъ дубовъ и елей, между дачъ. Но что́ это меня все безпокоитъ? Нельзя прижаться спиной: что-то лежитъ сзади; подъ ногами тоже что-то лишнее.—„Вы не прижимайтесь очень спиной,“ говорилъ мнѣ натуралистъ:—„тамъ у меня птицу раздавите“. Я подвинулся на свою сторону и только собрался опереться бокомъ къ экипажу.—„Ахъ, поосторожнѣе, пожалуйста!“ живо предупредилъ онъ меня:—„тамъ змѣя въ банкѣ, разобьете!“ Я сталъ протягивать ноги.—„Постойте, постойте!“ торопливо заговорилъ онъ:—„тутъ ящикъ съ букашками, подъ стекломъ. Да у васъ руки пусты: чтобы вамъ подержать его въ рукахъ!“ Этого только недоставало! Бѣда ѣздить съ натуралистами! У самого у него въ рукахъ была какая-то коробочка, кругомъ все узелки, пачки, въ углу торчали вѣтки и листья. Когда ѣхали по колоніи, такъ еще онъ везъ сомнительную змѣю: не знали, околѣла она, или нѣтъ.

Доѣхавъ до мѣстечка Винбергъ, мы свернули въ него и отправились посѣтить одного изъ каффрскихъ предводителей, Сейоло, который содержался тамъ подъ крѣпкимъ карауломъ.

Славное это мѣстечко Винбергъ! Это большой паркъ, съ веселыми небольшими дачами. Вы ѣдете по аллеямъ, между дубами, каштанами, тополями. Домики едва выглядываютъ изъ гущи садовъ и цвѣтниковъ. Это все лѣтнія жилища горожанъ, большею частью англичанъ-негоціантовъ. Дорога превосходная, воздухъ отрадный; сквозь деревья мелькаютъ вдали пейзажи горъ, фермы. Особенно хороша Констанская гора, вся покрытая виноградниками, съ фермами, дачами у подошвы. Мы быстро катились по дорогѣ.

Вдругъ я вспомнилъ, что къ Сейоло надо привезти какой-нибудь подарокъ, особенно табаку, а у меня ничего нѣтъ.—„Гдѣ бы купить, Вандикъ?“ спросилъ я. Вандикъ молча завернулъ въ узенькую аллею и остановился у воротъ какой-то хижины.—„Что это?“—„Лавочка“.—„Гдѣ же?“ —„Да вотъ“. Ну, эта лавочка можетъ служить выраженіемъ первобытной идеи о торговлѣ и о магазинѣ, какъ эта идея только зародилась въ головѣ того, кому смутно представлялась потребность продавать и покупать. Подъ навѣсомъ изъ травы reet, сколочено было нѣсколько досокъ, образующихъ полки; ни боковыхъ стѣнъ, ни дверей, не было. На полкахъ была глиняная посуда, свѣчи, мыло, кофе, еще какіе-то предметы общаго потребленія, и наконецъ табакъ и сигары. Все это валялось вмѣстѣ, безъ обертки, кое-какъ. —„Дайте мнѣ сигаръ?“ спросилъ я у высокаго, довольно чисто одѣтаго англичанина. Онъ подалъ мнѣ нѣсколько пачекъ.—„Еще нѣтъ ли у васъ чего нибудь?“ говорилъ я, оглядывая лавочку.—„Are you of the country (вы здѣшній)?“ спросилъ меня продавецъ.—„Нѣтъ, а что?“—„То-то я васъ никогда не видалъ, да и по разговору слышно, что вы иностранецъ. Чего вамъ еще и зачѣмъ?“ прибавилъ онъ.—„Хочу подарить что-нибудь Сейоло“ сказалъ я, закуривъ сигару. И не радъ былъ, что закурилъ: давно я не куривалъ такой дряни.—„Такъ это вы ему покупаете сигары?“ вдругъ спросилъ онъ.—„Да.“ Англичанинъ молча отобралъ у меня всѣ пачки и положилъ назадъ на полку.—„Не стоитъ ему давать такихъ хорошихъ сигаръ: онъ толку не знаетъ,“ прибавилъ онъ потомъ:—„а вотъ лучше подарите ему это“. Онъ подалъ мнѣ чернаго листоваго табаку, приготовленнаго въ видѣ прессованной дощечки для куренія и для жеванія.— „Онъ вамъ будетъ гораздо благодарнѣе за это, нежели за то“, говорилъ хозяинъ, отдирая мнѣ часть дощечки.—„Я всю возьму,“ сказалъ я,—„да и то мало, дайте еще“.—„До-

вольно," рѣшительно сказалъ англичанинъ:—„больше не дамъ". Не знаю, какъ и когда, съ такимъ способомъ торговли, разбогатѣетъ этотъ купецъ.

Въ полуверстѣ отъ мѣстечка, на голой, далеко расчищенной кругомъ площадкѣ, стояло бѣлое небольшое зданіе, обнесенное каменной стѣной. У дверей стояли часовые и нѣсколько какихъ-то джентльменовъ. — „Можно видѣть Сейоло?" спросили мы. Джентльмены вѣжливо поклонились, ввели насъ въ сѣни, изъ которыхъ мы вышли на маленькій дворъ, къ желѣзной рѣшеткѣ. Они отперли дверь и пригласили насъ войти. Мы вошли. Маленькое, обнесенное стѣной пространство усыпано было желтымъ пескомъ. Въ углу навѣсъ; тамъ видны были постели. На пескѣ, прямо на солнцѣ, лежали два тюфяка, поодаль одинъ отъ другаго. На одномъ лежалъ Сейоло, на другомъ его жена. Когда мы подошли и кивнули ему головой, онъ привсталъ, сѣлъ на тюфякѣ и протянулъ намъ руку. Жена его смотрѣла на насъ, опершись на локоть, и тоже первая подала руку. Я отдалъ Сейоло табакъ и сигары. Онъ взялъ и, не поглядѣвъ, что́ было въ бумагѣ, положилъ подлѣ себя. Потомъ мы молча стали разглядывать другъ друга. Я любовался и имъ, и его женой; они, я думаю, нами не любовались. Онъ мужчина лѣтъ тридцати, высокаго роста вершковъ четырнадцати, атлетическаго сложенія, стройный, темно-коричневаго, матоваго цвѣта. Одѣтъ онъ былъ въ жакетѣ и синихъ панталонахъ; ноги у него босыя, грудь открыта на распашку. Она —въ ситцевомъ платьѣ европейскаго покроя, въ чулкахъ и башмакахъ, голова повязана платкомъ. Она свѣтлѣе мужа цвѣтомъ. Ей всего лѣтъ девятнадцать, или двадцать. У ней круглое смугло-желтое лицо, темно каріе глаза, съ выраженіемъ доброты, и маленькая, стройная нога. Они съ любопытствомъ слѣдили за каждымъ нашимъ движеніемъ и изрѣдка усмѣхались, продолжая лежать. Намъ хотѣлось пого-

ворить, но переводчика не было дома. У моего товарища былъ портретъ Сейоло, снятый имъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, посредствомъ фотографіи. Онъ сдѣлалъ два снимка: одинъ себѣ, а другой такъ, на случай. Я взялъ портретъ и показалъ его, сначала Сейоло: онъ посмотрѣлъ и громко захохоталъ, потомъ передалъ женѣ.—„Сейоло, Сейоло!" заговорила она, со смѣхомъ указывая на мужа, опять смотрѣла на портретъ и продолжала смѣяться. Потомъ отдала портретъ мнѣ. Сейоло взялъ его и сталъ пристально разсматривать.

Наконецъ пора было уходить. Сейоло подалъ намъ руку и ласково кивнулъ головой. Я взялъ у него портретъ и отдалъ женѣ его, дѣлая ей знакъ, что оставляю его ей въ подарокъ. Она, повидимому, была очень довольна, подала мнѣ руку и съ улыбкой кивала намъ головой. И ему понравилось это. Онъ, отъ удовольствія привсталъ и захохоталъ. Мы вышли и поблагодарили джентльменовъ.

Я вспомнилъ, что нѣкоторые изъ моихъ товарищей, видѣвшіе уже Сейоло, говорили, что жена у него нехороша собой, съ злымъ лицомъ и т. п., и удивлялся, какъ взгляды могутъ быть такъ различны въ опредѣленіи даже наружности женщины!—„Видѣли Сейоло!" съ улыбкой спросилъ насъ Вандикъ.—„Да: у него хорошенькая жена", сказалъ я, желая узнать, какого онъ мнѣнія о ней.—„Да которая? у него ихъ семь".—„Семь? что ты?"—„Да, семь; недавно адъютантъ его привезъ ему одну, а другую взялъ. Онѣ поочереди пріѣзжаютъ къ нему и проводятъ съ нимъ недѣли по три, по четыре". Мы съ натуралистомъ посмотрѣли другъ на друга, засмѣялись и поѣхали дальше.

Сейоло—одинъ изъ второстепенныхъ вождей. Онъ взятъ въ плѣнъ въ нынѣшнюю войну. Его слѣдовало повѣсить, но губернаторъ смягчилъ приговоръ, замѣнивъ смертную казнь заключеніемъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ англичане воюютъ съ

каффрами, то есть съ 1835 года, эти дикари поступаютъ совершенно одинаково, по принятой ими однажды системѣ. Они грабятъ границы колоніи, угоняютъ скотъ, жгутъ фермы, жилища поселянъ, и бѣгутъ далеко въ горы. Тамъ многія племена соединяются и воюютъ съ ожесточеніемъ, но не нападаютъ въ полѣ на массы войскъ, а на отдѣльные небольшіе отряды, истребляютъ ихъ, берутъ въ плѣнъ и прячутся. Когда наконецъ англичане доберутся до нихъ и въ неприступныхъ убѣжищахъ, тогда они смиряются, несутъ повинныя головы, выдаютъ часть оружія и скота и навремя затихаютъ, грабя изрѣдка, при случаѣ. Ихъ обязываютъ къ миру, къ занятіямъ, къ торговлѣ: они все обѣщаютъ, а потомъ, при первой оказіи, запасшись опять оружіемъ, дѣлаютъ то же самое. И этому долго не будетъ конца. Силой съ ними ничего не сдѣлаешь. Они подчинятся современемъ, когда выучатся наряжаться, пить вино, увлекутся роскошью. Ихъ побѣдятъ не порохомъ, а комфортомъ. Эти войны имѣютъ, кажется, одинъ характеръ съ нашими войнами на Кавказѣ.

Сейоло нападалъ на отряды, отбивалъ скотъ, убивалъ плѣнныхъ англичанъ, и когда увидѣлъ, что ему придется плохо, что, рано или поздно, не избѣжитъ ихъ рукъ, онъ добровольно сдался начальнику войскъ, полковнику Меклину, и отданъ былъ подъ военный судъ.

Чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ Саймонстоуну, тѣмъ становилось скучнѣе. Особенно напала на меня тоска, когда я завидѣлъ рейдъ и нашъ фрегатъ, вооруженный, съ вытрѣленными брамстеньгами, вытянутымъ такелажемъ, совсѣмъ готовый выйти въ море. Мы кое-какъ плелись по песчаной отмели, по которой раскатывался приливъ. Чуть валъ ударитъ посильнѣе—и обдастъ шумной пѣной колеса нашего экипажа, лошади фыркали и бросались въ сторону. — „Апилъ!“ кричалъ Вандикъ и опять пускалъ ихъ по морскому песку.

11 апрѣля вечеромъ, при свѣтѣ луны, мы поѣхали съ У. и П. на шлюпкѣ къ В. А. К., на шкуну „Востокъ", которая снималась съ якоря.

Не помню, писалъ ли я вамъ, что эта шкуна, купленная адмираломъ въ Англіи, для совмѣстнаго плаванія съ нашимъ фрегатомъ, должна была соединиться съ нами на мысѣ Доброй Надежды. Теперь адмиралъ посылалъ ее впередъ.

Вечеръ былъ лунный, море гладко, какъ стекло; шкуна шла подъ малыми парами. У выхода изъ Фальсбэя мы простились съ К. надолго и пересѣли на шлюпку. Фосфорный блескъ былъ такъ силенъ въ водѣ, что весла черпали какъ-будто растопленное серебро, въ воздухѣ разливался запахъ морской влажности. Небо сквозь рѣдкія облака слабо теплилось звѣздами, затмѣваемыми луннымъ блескомъ. Половина залива ярко освѣщалась луной, другая таилась въ тѣни.

На другой день, 12-го апрѣля, ушли и мы. Было тихо, хорошо, но не надолго.

Май, 1853 года.
Индійскій океанъ.

V.

ОТЪ МЫСА ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ ДО ОСТРОВА ЯВЫ.

Штормъ.—Святая недѣля.—Тридцать дней на Индійскомъ океанѣ.—Жары.—Смерчь.—Анжерскій рейдъ.—Вечеръ на Явѣ.—Китайцы и Малайцы.

От мыса Доброй Надежды предположено было идти по дугѣ большаго круга: спуститься до 38° южной широты и идти по параллели до 105° восточной долготы; тамъ под-

пяться до точки пересѣченія 30° южной широты. Мы ушли изъ Фальсбэя 12 апрѣля.

Индійскій океанъ встрѣтилъ насъ еще хуже, нежели Атлантическій: тамъ дулъ хоть крѣпкій, но попутный вѣтеръ, а здѣсь и крѣпкій, и противный, обратившійся въ штормъ, который на берегу называютъ *бурей*.

Знаменитый мысъ Доброй Надежды какъ-будто совѣстится передъ путешественниками за свое приторное названіе, и долгомъ считаетъ всякому изъ нихъ напомнить, что у него было прежде другое, больше ему къ лицу. И въ-самомъ-дѣлѣ, рѣдкое судно не испытываетъ шторма у древняго *мыса Бурь*.

Я ничего не зналъ, что̀ замышляетъ противъ насъ Мысъ и покойно сидѣлъ въ общей каютѣ послѣ обѣда, на диванѣ, у бизань-мачты. *Свистали* нѣсколько разъ *всѣхъ наверхъ рифы брать*. Я ужъ не спрашивалъ теперь, что̀ это значитъ.—„Свѣжѣетъ!“ говорилъ, то тотъ, то другой офицеръ, сходя сверху. А это такъ же обыкновенно на морѣ, какъ еслибъ сказать на берегу: „дождь идетъ, или пасмурно, ясно“. Началась качка, и довольно-сильная—и это ни почемъ. Любитель-натуралистъ, по обыкновенію, отправился въ койку мучиться морскою болѣзнію; слуги ловили стулья, стаканы, и все, что начало метаться съ мѣста на мѣсто; *принайтавливали* мебель въ каютахъ. Пошелъ дождь и началъ капать въ каюту. Мѣсто, гдѣ я сидѣлъ, было самое покойное, и я удерживалъ его до послѣдней крайности. Ревъ вѣтра долеталъ до общей каюты, размахи судна были все больше и больше. Штормъ былъ классическій, во всей формѣ. Въ теченіи вечера, приходили раза два за мной сверху, звать посмотрѣть его. Разсказывали, какъ, съ одной стороны, вырывающаяся изъ-за тучъ луна озаряетъ море и корабль, а съ другой, нестерпимымъ блескомъ играетъ молнія. Они думали, что я буду описывать эту картину. Но какъ на мое

покойное и сухое мѣсто давно ужъ было три или четыре кандидата, то я и хотѣлъ досидѣть тутъ до ночи; но не удалось. Часовъ въ десять вечера, жестоко поддало, валъ хлынулъ и разлился по всѣмъ палубамъ, на которыхъ и безъ того много скопилось дождевой воды. Она потоками устремилась въ люки, которыхъ не закрывали для воздуха. Цѣлые каскады начали хлестать въ каюту, на столъ, на скамьи, на полъ, на насъ, не исключая и моего мѣста, и меня самого. Всѣ поджали ноги, или разбѣжались, куда кто могъ. Младшій и самый веселый изъ нашихъ спутниковъ, З., вскочилъ на скамью и, съ неизмѣннымъ хохотомъ, ухвативъ гдѣ-то изъ угла кота, бросилъ его подъ каскады. Мальчишка-голландецъ горько заплакалъ, думая, что насталъ послѣдній часъ. Б. выглянулъ изъ своей каюты и закричалъ на дневальныхъ, чтобъ сводили воду шваброй въ трюмъ. Я стоялъ въ водѣ на четверть выше ступни и не зналъ, куда дѣться, что̀ дѣлать. А я былъ въ башмакахъ: отъ сапогъ мы должны были отказаться еще въ сѣверномъ тропикѣ. Я хотѣлъ пробраться вверхъ, въ свою, или капитанскую каюту, и ждалъ, пока вода сбудетъ.

— „Что вы тутъ стоите? пойдемте вверхъ“, сказалъ мнѣ И. Н. С. и, ухвативъ меня мимоходомъ, потащилъ съ собою бѣгомъ.

По трапамъ еще стремились потоки, но у меня ноги ужъ были по колѣни въ водѣ—нечего разбирать, какъ бы посуше пройти. Мы выбрались наверхъ: темнота ужасная, вой вѣтра еще ужаснѣе: не видно было, куда ступить. Вдругъ молнія. Она освѣтила, кромѣ моря, еще озеро воды на палубѣ, толпу народа, тянувшаго какую-то снасть, да протянутые леера, чтобъ держаться въ качку. Я шагалъ въ водѣ черезъ веревки, сквозь толпу; добрался кое-какъ до дверей своей каюты, и тамъ, ухватясь за кнехтъ, чтобъ не бросило куда-нибудь въ уголъ, пожалуй, на пушку, остановился посмо-

трѣть хваленый штормъ. Молнія какъ молнія, только безъ грома, или его за вѣтромъ не слыхать. Луны не было.

— „Гдѣ жъ она? подайте луну!“ сказалъ я дѣду, который приходилъ за мной звать меня вверхъ.

— „Нѣтъ, ужъ она въ Америку ушла“, сказалъ онъ:— „еще бы вы до завтра сидѣли въ каютѣ!“

Нечего дѣлать, надо было довольствоваться одной молніей. Она сверкала часто и такъ близко, какъ-будто касалась мачтъ и парусовъ. Я посмотрѣлъ минутъ пять на молнію, на темноту и на волны, которыя все силились перелѣзть къ намъ черезъ бортъ.

— „Какова картина?“ спросилъ меня капитанъ, ожидая восторговъ и похвалъ.

— „Безобразіе, безпорядокъ!“ отвѣчалъ я, уходя весь мокрый въ каюту, перемѣнить обувь и бѣлье.

Но это было не легко, при качкѣ, безъ Ѳаддеева, который гдѣ-нибудь стоялъ на брассахъ, или присутствовалъ вверху, на покахъ рей: онъ одинъ зналъ, гдѣ что̀ у меня лежитъ. Я отворялъ то тотъ, то другой ящикъ, а ящики лѣзли вонъ и толкали меня прочь. Хочешь сѣсть на стулъ— качнетъ, и сядешь мимо. Я легъ и заснулъ. Вѣтеръ смягчился и задулъ попутный; судно понеслось быстро.

На другой день стало потише, но все еще качало, такъ-что въ страстную среду не могло быть службы въ нашей церкви. Остальные дни страстной недѣли и утро перваго дня Пасхи прошли покойно. Замѣчательно, что въ этотъ день мы были на меридіанѣ Петербурга.

—„Это и видно“, замѣтилъ кто-то:—„дождь льетъ совершенно по-нашему“.

Кажется, это въ первый разъ случилось—служба въ православной церкви, въ южномъ полушаріи, на волнахъ, послѣ только-что утихшей бури. Въ первый день Пасхи, когда мы обѣдали у адмирала, вдругъ съ трескомъ, звономъ,

вылетѣла изъ полупортика рама, стекла разбились въ дребезги, и кудрявый, сѣдой валъ, какъ самъ Нептунъ, влетѣлъ въ каюту и разлился по полу. Большая часть вскочила изъ-за стола, но насъ трое усидѣли. Я одною рукою держалъ тарелку, а другою стаканъ съ виномъ. Ноги мы поджали. Пришли матросы и вывели швабрами нежданнаго гостя вонъ.

Дальнѣйшее тридцати-одно-дневное плаваніе по Индійскому океану было довольно-однообразно. Начало мая не лучше, какъ у насъ: небо постоянно облачно; рѣдко проглядывало солнце. Ни тепло, ни холодно. Нѣкоторые, однакожъ, одѣлись въ суконныя платья—и умно сдѣлали. Я упрямился, ходилъ въ лѣтнемъ, за то у меня не разъ схватывало зубы и високъ. Ожидали зюйд-вестовыхъ вѣтровъ и громаднаго волненія, которому было гдѣ разгуляться въ огромномъ бассейнѣ, чистомъ отъ самаго полюса; но вѣтры стояли нордовые, и все-таки благопріятные. Мы неслись верстъ по семнадцати, иногда даже по двадцати въ часъ, и такъ избаловались, что чуть пойдемъ десять или двѣнадцать верстъ, ужъ ворчимъ. Волненіе ни то, ни сё: не такое сильное, чтобъ мѣшало жить, но безпокойное на столько, что не давало ничѣмъ заняться, кромѣ чтенія.

Мы видѣли много вблизи и вдали игравшихъ китовъ, стаи птицъ, которымъ указано по картѣ сидѣть въ такомъ-то градусѣ широты и долготы, и онѣ въ самомъ-дѣлѣ сидѣли тамъ: все альбатросы, чайки и другія морскія птицы, съ лежащихъ въ 77° восточной долготы, пустыхъ, каменистыхъ островковъ, „Амстердама“ и „св. Павла“. Мы прошли мимо ихъ ночью. Наконецъ стали подниматься постепенно къ сѣверу и дошли до точки пересѣченія 105° долготы и 30° широты, и 10-го мая пересѣкли тропикъ Козерога. Ждали пассата, а дулъ чистый S, и только въ 18° получили пассатъ.

Я надѣялся на эти тропики, какъ на каменную гору: я

думалъ, что настанетъ, какъ въ Атлантическомъ океанѣ, умѣренный жаръ, ровный и постоянный вѣтеръ; что мы войдемъ въ безмятежное царство вѣчнаго лѣта, голубаго неба, съ фантастическимъ узоромъ облаковъ, и синяго моря. Но ничего похожаго на это не было: вѣтеръ, качка, такъ что полупортики у насъ постоянно были закрыты.

— „Що-сь, воно не тее, эти тропики!“ сказалъ мнѣ одинъ спутникъ, жившій долго въ Малороссіи, который тоже надѣялся на такое же плаваніе, какъ отъ Мадеры до мыса Доброй Надежды.

Правда, съ сѣвера въ иные дни несло жаромъ, но не такимъ, который нѣжитъ нервы, а духотой, паромъ, какъ изъ бани. Дожди иногда лились потоками, но нисколько не прохлаждали атмосферы, а только разводили сырость и мокроту.

13-го мая мы прошли въ виду необитаемаго острова „Рождества“, похожаго немного фигурой на нашъ Гохландъ.

Но вотъ стало проглядывать солнце, да ужъ такъ, что хоть бы и ненадо. Пора вынимать бѣлое пальто и фуражку. Чѣмъ ближе къ берегу, тѣмъ хуже, жарче. Завидѣли берега Явы, хотѣли войти въ Зондскій проливъ между Явой и островкомъ „Принца“, въ двѣ мили шириною, покрытымъ лѣсомъ краснаго дерева. На немъ двѣ-три маленькія деревушки; но теченіемъ отнесло дальше. Пришлось войти прямо въ ворота, минуя калитку. При входѣ въ проливъ начались мертвые штили. Вода, какъ зеркало, небо безмятежно —такъ и любуется другъ другомъ: ни что не дохнетъ въ природѣ. Берегъ—одна зеленая кайма. Кажется, чего бы? дождались и тишины, и тепла; но въ это тепло хорошо сидѣть на балконѣ загороднаго дома, въ тѣни непроницаемой зелени, а не тутъ, подъ зноемъ 25° въ тѣни по Реом. Купались, да что толку: температура воды отъ 20 до 22°, ничего

не прохлаждаетъ. Дышешь тяжело, ляжешь—волосы и лицо мокнутъ.—„Що-сь воно не тее„ повторялъ мой Малороссіянинъ, отирая лицо.

И ночи не приносили прохлады, хотя и были великолѣпны. Каждую ночь, на горизонтѣ, во всѣхъ углахъ, играла яркая зарница. Небо млѣло избыткомъ жара, и по вечерамъ носились въ немъ, въ видѣ пыли, какіе-то атомы, помрачавшіе немного огнистыя зори, какъ-будто сѣмена и зародыши жаркой производительной силы, которую такъ обильно лили здѣсь на землю и воду солнечные лучи. Мы часто видѣли метеоры, пролетавшіе по горизонту. Въ этомъ воздухѣ, природа, какъ-будто явно и открыто для человѣка, совершаетъ процесъ творчества; здѣсь можно непосвященному глазу слѣдить, какъ образуются, растутъ и зрѣютъ ея чудеса; подслушивать, *какъ растетъ трава*. Творческія мечты ея такъ явны, какъ вдохновенныя мысли на лицѣ художника. Авось услышимъ, какъ растетъ—хоть сладкій картофель, или табакъ. По ночамъ реомюръ показывалъ только градусомъ меньше противъ дня.

Однажды я, въ изнеможеніи, сѣлъ въ капитанской каютѣ на диванъ и нечаянно заснулъ. Слышу крикъ, просыпаюсь—свѣтло. Спрашиваю, который часъ: шестой, говорятъ.—Зарядить пушку ядромъ!“ кричитъ вахтенный. Что это, кого тамъ? подумалъ я. Въ это время пришли съ вахты сказать, что видѣнъ пароходъ не пароходъ, а Богъ знаетъ что. Я бросился наверхъ, вскочилъ на пушку, смотрю: близко, въ полуверстѣ, мчится на насъ—въ-самомъ-дѣлѣ „Богъ знаетъ что“: черный, крутящійся столпъ съ дымомъ, похожій пожалуй, и на пароходъ; но съ неба, изъ облака, тянется къ нему какая-то темная, узкая полоса, будто рукавъ; все ближе, ближе.—„Готова ли пушка?“ закричалъ вахтенный.—„Готова!“ отвѣчали снизу. Но явленіе начало блѣднѣть, разлагаться, и вскорѣ, саженяхъ въ

ста-пятидесяти отъ насъ, пропало безъ всякаго слѣда. Извѣстно, что смерчи или водяные столпы разбиваютъ ядрами съ кораблей, иначе они, налетѣвъ на судно, могутъ сломать рангоутъ, или изорвать паруса. Отъ ядра они разлетаются и разрѣшаются обильнымъ дождемъ. Мы еще видѣли послѣ раза два такія явленія, но они близко не подходили къ намъ.

Штили держали насъ дня два почти на одномъ мѣстѣ, наконецъ 17 мая нашего стиля, по чуть-чуть засвѣжевшему вѣтерку, мимо низменнаго, потерявшагося въ зелени берега, добрались мы до Анжерскаго рейда и бросили якорь. Чрезъ нѣсколько часовъ прибылъ туда же испанскій транспортъ, который везъ изъ Испаніи отрядъ войскъ въ Маниллу.

Я очень радъ, что наконецъ пріѣхалъ къ такому берегу, у котораго нѣтъ никакого прошедшаго и никакой исторіи. Не нужно шевелить книгъ, справляться и преважно увѣрять васъ, что городъ, государство, основаны тогда-то, заняты тѣмъ-то и т. п. Что такое Анжеръ? Малайское селеніе, неподверженное никакимъ перемѣнамъ. О немъ упоминаетъ еще Тунбергъ: Оно то же было при немъ, что и теперь. На рейдѣ, у Анжера, останавливаются налиться водой, запастись зеленью, суда, которыя не хотятъ идти въ Батавію, гдѣ свирѣпствуютъ гибельныя, особенно для иностранцевъ, лихорадки. Батавія лежитъ на сутки ѣзды отсюда сухимъ путемъ. Мы мечтали съѣздить туда, пробыть тамъ день и вернуться. Думали, что тутъ есть и шоссе, и удобные экипажи. Ничего этого не было. Въ двѣ недѣли разъ отправляется изъ Анжера почта въ Батавію; почтальонъ ѣдетъ верхомъ.

— „А можно ли нанять экипажи?“ спросили мы.

— „Нѣтъ, нанять нельзя, а можно получить даромъ“, говорятъ малайцы.

— „Ну, нечего дѣлать, хоть даромъ, все равно. Да у кого же?“

— „У коменданта есть колясочка, у таможеннаго чиновника тоже: попросить, такъ они дадутъ“.

— „Мы сейчасъ же пойдемъ къ нимъ“...

— „Да ихъ нѣтъ въ Анжерѣ: они уѣхали въ городокъ, лежащій на пути въ Батавію, въ трехъ часахъ ѣзды отъ Анжера“.

— „А когда будутъ?“

— „Завтра или послѣ завтра“.

Всѣ наши мечты рушились.

Между-тѣмъ насъ окружило множество малайцевъ и индійцевъ, коричневые, красноватые, полуголые, безъ шляпъ, и въ коническихъ тростниковыхъ, или черепаховыхъ шляпахъ, собрались они въ лодкахъ около фрегата. Всѣ они кричали, показывая—одинъ обезьяну, другой—корзинку съ кораллами и раковинами, третій — кучу ананасовъ и банановъ, четвертый—живую черепаху, или попугаевъ.

Жаръ несносный; движенія никакого, ни въ воздухѣ, ни на морѣ. Море—какъ зеркало, какъ ртуть: ни малѣйшей ряби. Видъ пролива и обоихъ береговъ поразителенъ подъ лучами утренняго солнца. Какіе мягкіе, нѣжащіе глазъ цвѣта небесъ и воды! Какъ ослѣпительно-ярко блещетъ солнце и разнообразно играетъ лучами въ водѣ! Въ иномъ мѣстѣ пучина кипитъ золотомъ, тамъ какъ-будто горитъ масса раскаленныхъ угольевъ: нельзя смотрѣть: а подальше, кругомъ до горизонта, распростерлась лазурная гладь. Глазъ глубоко проникаетъ въ прозрачные воды. Земли нѣтъ: все лѣса и сады, густые какъ щетка. Деревья сошли съ берега и тѣснятся въ воду. За садами вдали видны высокія горы, но не обожженныя и угрюмыя, какъ въ Африкѣ, а всѣ заросшія лѣсомъ. Направо явайскій берегъ, налѣво, среди пролива, зеленый островокъ, а сзади, на дальнемъ планѣ, синѣетъ Суматра.

Наши толпой бросились на берегъ. Меня капитанъ при-

гласилъ ѣхать съ собой, немного погодя, пока управятся на суднѣ. Наконецъ, часу во второмъ, мы поѣхали втроемъ. До берега было версты двѣ. Едва мы отъѣхали сажень сто, какъ вдругъ видимъ, наши матросы тащатъ изъ воды акулу. Они дотащили ее уже до пушекъ.—„Вернемся на минуту посмотрѣть“, сказали мои товарищи. Я былъ противъ этого: меня манилъ берегъ и я неохотно возвращался. Но мы не успѣли обернуть шлюпки, какъ акула сорвалась и бухнула въ воду. Туда и дорога! Я обрадовался, мы продолжали путь и вскорѣ въѣхали въ мутную, узенькую рѣчку, съ каменною пристанью.

Направо видно большое, низенькое кирпичное зданіе, обнесенное валомъ, на которомъ стояло нѣсколько орудій небольшаго калибра. Надъ домомъ лѣниво висѣлъ голландскій флагъ; у воротъ, какъ сонныя мухи, чуть ползали, отъ зноя, часовые съ ружьями. Это была крѣпость и жилище коменданта. Мы не знали, куда намъ направиться. Налѣво отъ дома, за рѣчкой, сквозь деревья, видѣнъ былъ рядъ хижинъ, за ними густой лѣсъ, прямо лѣсъ, направо за крѣпостью лѣсъ. Мы вошли на дворъ крѣпости: онъ былъ сквозной, насквозь видѣнъ опять лѣсъ. Мы вышли на довольно-широкую дорогу и очутились въ непроходимомъ тропическомъ лѣсу, съ блестящею декораціею кокосовыхъ пальмъ, которыя, то тянулись длиннымъ строемъ, то, сбившись въ кучу, вмѣстѣ съ кустами, представляли непроницаемую зеленую чащу.

Нельзя богаче и нарядпѣе одѣть землю, какъ она одѣта здѣсь. Право, глядя на эти лѣса, не повѣришь, чтобъ случай игралъ здѣсь группировкой деревьевъ. Тутъ пальмы, какъ по обдуманному плану, перемѣшаны съ кустами; тамъ будто тоже съ умысломъ оставлена лужайка, или небольшое болото, поросшее тѣмъ крупнымъ, желтымъ тростникомъ, изъ котораго у насъ дѣлаются такія славныя трости. Посмо-

тришь ли на каждую пальму отдѣльно: какая оригинальная красота! Она граціозно наклонилась; листья какъ длинные, правильными прядями расчесанные волосы; подъ ними висятъ тяжелыя кисти огромныхъ орѣховъ. Все, кажется, убрано заботливою рукою человѣка, который долго и съ любовью трудился надъ отдѣлкою каждой вѣтви, листка, всякой мелкой подробности. А между тѣмъ это дѣвственные, дикіе лѣса. Человѣкъ почти не касался ихъ. Бѣдный малаецъ только-что врубается въ чащу, отнимая пространство у звѣрей. Мы видѣли новыя, заброшенныя въ глушь лѣса, еще строющіяся хижины, подъ пальмами и изъ пальмъ, крытыя пальмовыми же листьями. Къ этимъ хижинамъ едва-едва протоптаны свѣжія дорожки. Мы шли, прислушиваясь къ каждому звуку, къ крику насѣкомыхъ, неизвѣстныхъ намъ птицъ, и пугали другъ друга.

— „Тигръ!“ скажетъ кто-нибудь.—„Змѣя!“ говоритъ другой. Всѣ невольно быстро оглянутся и потомъ засмѣются сами надъ собой.

Я хотѣлъ-было напомнить дѣтскую басню о лгунѣ; но какъ я солгалъ первый, то мораль была мнѣ не къ лицу. Однакожъ пора было вернуться къ деревнѣ. Мы шли съ часъ все прямо, и хотя шли въ тѣни лѣса, всѣ въ бѣломъ съ ногъ до головы и легкомъ платьѣ, но было жарко. На обратномъ пути встрѣтили нѣсколько малайцевъ, мужчинъ и женщинъ. Вдругъ до насъ донеслись знакомые голоса. Мы взяли направо въ лѣсъ, прямо на голоса и вышли на широкую поляну.

Тамъ были всѣ наши. Но что это они дѣлаютъ? По полянѣ текла та же мутная рѣчка, въ которую мы въѣхали. Здѣсь она дугообразно разлилась по луговинѣ, прячась въ густой травѣ и кустахъ. Кругомъ росли рѣдкія пальмы. Трое или четверо изъ нашихъ спутниковъ, скинувъ пальто и жилеты, стояли подъ пальмами и упражнялись въ сби-

ванiи палками кокосовыхъ орѣховъ. Усерднѣе всѣхъ старался нашъ молодой спутникъ по Капской колонiи, И. А. З.; прочiе стояли вокругъ и смотрѣли, въ ожиданiи паденiя орѣховъ. Крики и хохотъ раздавались по лѣсу. Шагахъ въ пятидесяти оттуда, на вязкомъ берегу, въ густой травѣ, стояли по колѣни въ тинѣ два буйвола. Они, склонивъ головы, пристально и робко смотрѣли на эту толпу, не зная, что имъ дѣлать. Ихъ тутъ нечаянно застали: это было видно по ихъ позѣ и напряженному вниманiю, съ которымъ они сторожили минуту, чтобъ уйти; а уйти было некуда: направо ли, налѣво ли, все надо проходить чрезъ толпу, или идти въ рѣчку.

Наконецъ полетѣлъ одинъ орѣхъ, другой, третiй. Только лишь толпа замѣтила насъ, какъ всѣ бросились къ намъ и заговорили разомъ.

— „Крокодила видѣли!“ кричалъ одинъ.—„Вотъ этакой величины!“ говорилъ другой, разводя руками.

— „Какой страшный! какiе зубы!“

— „Гдѣ жъ онъ?“ спросили мы.

— „Вотъ, вотъ здѣсь“.

И потащили насъ къ мостику и къ рѣчкѣ.

— „Мы только вошли на мостикъ“... началъ одинъ.

— „Нѣтъ, еще мы вонъ гдѣ были“... говорилъ другой.

— „Да нѣтъ, господа, я прежде всѣхъ увидалъ его; вы еще тамъ, въ деревнѣ были, а я... Постойте, я все видѣлъ, я все разскажу по порядку“.

— „Куда жъ онъ дѣвался?“ спросили мы.

— „Въ кусты ушелъ, вотъ сюда“, закричали всѣ, показывая на кусты, которые совсѣмъ закрывали берегъ близъ мостика.

— „Онъ показался на поверхности воды, проплылъ подъ мостикомъ. Мы закричали, погнались за нимъ; онъ перепугался и ушелъ туда. Вотъ, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ“...

— „Вѣрно ящерица!“ замѣтилъ я, отчасти съ досады, что не видалъ крокодила. Меня не удостоили и отвѣта.

— „Пойдемте же въ кусты за нимъ!“ приглашалъ я, но не пошелъ. И никто не пошелъ. Кусты стѣснились въ такую непроницаемую кучу и смотрѣли такъ подозрительно, что можно было побиться объ закладъ, что тамъ гнѣздился, если не крокодилъ, такъ непремѣнно змѣя, и вѣроятно не одна: ихъ множество на Явѣ.

— „Ка̀къ жаль, что вы не видали крокодила!“ сказалъ мнѣ одинъ изъ молодыхъ спутниковъ, которому непремѣнно хотѣлось выжить изъ меня сомнѣніе, что это былъ не крокодилъ.

— „Ну, что жъ, увижу у Зама, какъ вернусь въ Петербургъ“, сказалъ я: „тамъ маленькій есть; выростетъ до-тѣхъ-поръ“.

Мы пошли въ деревню. Она вся состояла изъ бамбуковыхъ хижинъ, крытыхъ пальмовыми листьями и очень похожихъ на хлѣвы.

Оконъ въ хижинахъ не было, да и не нужно: оттуда сквозь стѣны можно видѣть, что̀ дѣлается наружѣ, за то и снаружи видно все, что дѣлается внутри. А внутри ничего не дѣлается: малаецъ лежитъ на цыновкѣ, или ребятишки валяются, какъ поросята.

Малайцы толпились по улицамъ почти голые; рѣдкіе были въ панталонахъ. Они довольствовались кускомъ грубой ткани, накинутой на плечи, или обвязанной около поясницы. Рты у всѣхъ какъ-будто окровавлены, отъ бетеля, который они жуютъ и который раздражаетъ десны. Мы наткнулись на маленькій рынокъ. На берегу рѣчки росло роскошнѣйшее изъ тропическихъ деревьевъ—*баніанъ*. Толстый стволъ, состоящій изъ множества крѣпко сросшихся вмѣстѣ корней оканчивается густой шапкой темной зелени, съ толстыми маслянистыми листьями. Отъ вѣтвей вертикально тя-

нутся растительныя нити и, вростая въ землю, пускаютъ корни, изъ которыхъ образуются новыя деревья. Дай волю —и почва заросла бы этими гигантами растительнаго царства, подавляющими все вокругъ. Анжерское дерево покрывало вѣтвями весь рынокъ. Человѣкъ около пятидесяти сидѣли на цыновкахъ и продавали готовый бетель на листьяхъ банана, какіе-то водяные плоды, въ родѣ орѣховъ и желудей, рыбу, табакъ.

Вечеръ наступалъ быстро. Небо млѣло заревомъ и атомами; ни одного облака на немъ. Мы шли по деревнѣ, видѣли въ первый разъ китайцевъ, сначала ребятишекъ съ полуобритой головой, потомъ старухъ, съ цѣлымъ стогомъ волосъ на головѣ, поддерживаемыхъ большою бронзовою булавкой. Встрѣтились у пристани съ толпой испанцевъ, которые съѣхали съ транспорта погулять. Мы раскланялись, спросили другъ друга, кажется, о здоровьѣ (о погодѣ здѣсь не разговариваютъ), о цѣли путешествія, и разошлись. Мы пошли въ лавку: да̀, здѣсь есть лавка, разумѣется, китайская. Представьте себѣ мелочную лавку гдѣ-нибудь у насъ въ уѣздномъ городѣ: точь-въ-точь какъ въ Анжерѣ. И тутъ свѣчи, мыло, связка банановъ, какъ у насъ бы связка луку, потомъ чай, сахарный тростникъ и песокъ, ящики, коробочки, зеркальца и т. п. Купецъ, сѣдой китаецъ, въ синемъ халатѣ, съ косой, въ очкахъ и туфляхъ, да два прикащика, молодые, съ длинными предлинными, какъ черныя змѣи, косами, съ длинными же, смуглоблѣдными, истощенными лицами и съ ногтистыми, какъ у птицъ когти, пальцами. Всѣ они говорили по-китайски, по-малайски и по-англійски, но не по-голландски. Долго ли англичане владѣли Явой и какъ давно, а до-сихъ-поръ слѣдъ ихъ не пропадаетъ здѣсь!

Намъ подали по чашкѣ чаю. Узнавъ, что у нихъ есть лимонный сиропъ, мы съ неистовствомъ принялись за лимо-

надъ. Охотники до рѣдкостей покупали длинныя трости, раковины и т. п. Тутъ мы раздѣлились партіями и разсыпались по деревнѣ и окрестностямъ. Въ переулкахъ тѣ же хижины, большая часть на сваяхъ, отъ сырости и насѣкомыхъ. Хижины прячутся въ банановикѣ и подъ пальмами кокоса и *areca*. Скоро и хижины кончились; мы пошли по огромному, огороженному, вѣроятно, для скота, лугу и дошли до болота и обширнаго оврага, заросшаго сплошнымъ лѣсомъ. Стало совсѣмъ темно; только звѣзды лили блѣдный, но пронзительный свѣтъ. Нѣсколько человѣкъ ощупью пошли по опушкѣ лѣса, а другіе, въ томъ числѣ и я, предпочли идти къ китайцу пить чай. Мы вытащили изъ лавки всѣ табуреты на воздухъ и усѣлись за маленькими столиками.

Что это за вечеръ! Это волшебное представленіе, роскошное, обаятельное пиршество, надъ которымъ, кажется, всѣ искусства истощили свои средства, а здѣсь и признаковъ искусства не было. Какими красками блещутъ послѣдніе лучи угасающаго дня и сумрака воцаряющейся ночи! Въ пространствѣ носятся какіе-то звуки; лѣсъ дышетъ своею жизнью; слышатся, то шепотъ, то внезапный, осторожный шелестъ его обитателей: звѣрь ли пробѣжитъ, порхнетъ ли вдругъ съ вѣтки испуганная птица, или змѣй пробирается по сухимъ прутьямъ? Вблизи бродятъ надъ рѣчкой темные силуэты людей. Въ берега плещется вода. Тепло, сильно пахнетъ чѣмъ-то пряным.

—„Смотрите“, сказалъ я сосѣду своему:—„видите, звѣзда плыветъ въ чащѣ баніана?“—„Это вѣтви колышатся“, отвѣчалъ онъ:—„а сквозь нихъ видны звѣзды... Вонъ другая, третья звѣзда, а вонъ и мимо насъ несется одна, двѣ, три—нѣтъ, это не звѣзды“.—„Витулъ!“ закричалъ я проходившему мимо матросу,—„поймай вонъ эту звѣзду!“ Витулъ покрылъ ее фуражкой и принесъ мнѣ, потомъ бросился за другой, за третьей, и наловилъ нѣсколько продолгова-

тыхъ цвѣтныхъ мухъ. Въ концѣ хвоста, снизу, у нихъ ярко сіяетъ бенгальскимъ, зеленовато-блѣднымъ огнемъ, прекрасная звѣздочка. Блескъ этихъ звѣздъ сіялъ ярче свѣчъ, но недолго. Минуты черезъ двѣ, три, муха ослабѣвала и свѣтъ постепенно угасалъ.

Мы часа два наслаждались волшебнымъ вечеромъ, и неохотно, медленно, почти ощупью, пошли къ берегу. Былъ отливъ и шлюпки наши очутились на мели. Мы долго шли по плотинѣ, и не спуская глазъ съ чудеснаго берега, долго плыли по рейду. Гребцы едва шевелили веслами, разгребая спящую воду. Пробужденная, она густымъ золотомъ обливала весла. Вдругъ насъ поразилъ нестерпимый запахъ гнили. Мы сначала не догадывались, что это значитъ; потомъ ужъ вспомнили о кораллахъ и ракушкахъ, которыя издаютъ сильный противный запахъ. Вѣроятно мы ѣхали надъ коралловой банкой.

На другой день утромъ мы ушли, не видавъ ни одного европейца, которыхъ всего трое въ Анжерѣ. Мы плыли дальше по проливу, между влажными, цвѣтущими берегами Явы и Суматры. Мѣстами, на гладкомъ зеркалѣ пролива, лежали какъ корзинки съ зеленью, маленькіе островки, означенные только на морскихъ картахъ, подъ именемъ *Двухъ братьевъ*, *Трехъ сестеръ*. Кое-гдѣ были отдѣльно брошенные каменья, безъ имени, и тѣ обросли густою зеленью.

Природа—нѣжная артистка здѣсь. Много любви потратила она на этотъ, можетъ быть, самый роскошный уголокъ міра. Мѣстами даже казалось слишкомъ убрано, слишкомъ сладко. Мало поэтическаго безпорядка, нѣтъ небрежности въ творчествѣ, не видать минутъ забвенія, усталости въ творческой рукѣ, нѣтъ отступленій, въ которыхъ часто больше красоты, нежели въ цѣломъ планѣ созданія. Ѣдешь какъ будто среди неизмѣримыхъ, воздѣланныхъ садовъ и парковъ всесвѣтнаго богача. Страстное, горячее дыханіе

солнца вѣчно охраняетъ эти мѣста отъ холода и непогоды, а другой дѣятель, могучая влага, умѣряетъ силу солнца, питаетъ почву, родитъ нѣжные плоды и... убиваетъ человѣка испареніями.

Прощайте, роскошные, влажные берега: дай Богъ никогда не возвращаться подъ ваши деревья, подъ жгучее небо и на болотистые пары! Довольно взглянуть одинъ разъ: жарко, и какъ-разъ лихорадку схватишь!

20 мая, 1853 года.
Анжерскій рейдъ.

VI.

СИНГАПУРЪ.

Приходъ на рейдъ. — Малайцы и индійцы. — Прогулка по городу и окрестностямъ.—Европейскій, малайскій и китайскій кварталы.— Продажа опіума. — Ананасы, мангу и мангустаны. — Кокосовые орѣхи. — Значеніе Сингапура. — Кумирни. — Купецъ Вампоа и его вилла.

Съ 21-го мая по 2-е іюня 1853.

Гдѣ я, о, гдѣ я, друзья мои? Куда бросила меня судьба отъ нашихъ березъ и елей, отъ снѣговъ и льдовъ, отъ злой зимы и безхарактернаго лѣта? Я подъ экваторомъ, подъ отвѣсными лучами солнца, на межѣ Индіи и Китая, въ царствѣ вѣчнаго, безпощадно-знойнаго лѣта. Глазъ, привыкшій къ необозримымъ полямъ ржи, видитъ плантаціи сахара и риса; вѣчно-зеленая сосна смѣнилась неизмѣнно-зеленымъ бананомъ, кокосомъ: клюква и морошка уступили мѣсто ананасамъ и мангу. Я на родинѣ ядовитыхъ перцовъ, пряныхъ кореньевъ, слоновъ, тигровъ, змѣй, въ странѣ бритыхъ и бо-

родатыхъ людей, изъ которыхъ одни не вѣдаютъ шапокъ, другіе носятъ кучу ткани на головѣ; одни вѣчно гомозятся за работой, съ молотомъ, съ ломомъ, съ иглой, съ рѣзцомъ; другіе едва даютъ себѣ трудъ съѣсть горсть рису и перемѣнить мѣсто въ цѣлый день; третьи, объявивъ вражду всякому порядку и труду, на легкихъ „проа“ отважно рыщутъ по морямъ и насильственно собираютъ дань съ промышленныхъ мореходцевъ.

Осторожно и медленно, какъ-будто высматривая тайнаго врага въ засадѣ, подходили мы въ темнотѣ къ сингапурскому рейду. Указанія знаменитаго Горсбурга, изслѣдовавшаго глубины и свойства этихъ морей, и лотъ, были нашими ежеминутными руководителями. Наконецъ отдали якорь—и напряженное вниманіе, заботливое выпытываніе мѣстности и суетливая дѣятельность людей на фрегатѣ, тотчасъ же замѣнились беззаботностью отдыха. Подъ покровомъ черной, но прекрасной, успокоительной ночи, какъ подъ шатромъ, хорошо было и спать мертвымъ сномъ уставшему матросу, и разговаривать за чайнымъ столомъ офицерамъ. Наверху царствуетъ торжественное, но не мертвое безмолвіе, хотя нѣтъ движенія въ воздухѣ, нѣтъ ни малѣйшей зыби на водѣ. Но сколько жизни покоится въ этой мягкой, нѣжной теплотѣ, передъ которой вы довѣрчиво, безъ опасенія, открываете грудь и горло, какъ передъ ласками добрыхъ людей довѣрчиво открываете сердце! Сколько прелести таится въ этомъ неимовѣрно-яркомъ блескѣ звѣздъ и въ этомъ морѣ, которое тихонько ползетъ цѣлой массой то впередъ, то назадъ, движимое теченіемъ,—даже въ темныхъ глыбахъ скалъ и въ бахромѣ вѣнчающихъ ихъ вершины лѣсовъ.

Все кажется, что среди тишины зрѣетъ въ природѣ дума, огненные глаза сверкаютъ сверху такъ выразительно и умно, внезапный, тихій всплескъ воды какъ-будто промолвился отвѣтомъ на чей-то вопросъ; все кажется, что среди тишины и

живой, теплой мглы, раздастся какой-нибудь таинственный и торжественный голосъ. Чего-то ждешь, о чемъ-то думаешь, что-то чувствуешь, чего ни опредѣлить, ни высказать не можешь. Только сердце трепещетъ отъ силы необъяснимаго, страстнаго ощущенія: даже нервамъ больно! Подъ этимъ небомъ, въ этомъ воздухѣ, носятся фантастическіе призраки; подъ крыльями такихъ ночей только снятся жаркіе сны и необузданныя поэтическія грезы, о нисхожденіи Брамы на землю, о жаркой любви боговъ къ смертнымъ— всѣ эти страстные образы, въ которыхъ воплотилось чудовищное плодородіе здѣшней природы.

Начиная съ Зондскаго пролива, мы все наслаждались такими ночами. Небо, какъ книга здѣсь, которую не устанешь читать: она здѣсь открытѣе и яснѣе, какъ-будто само небо ближе къ землѣ. Мы съ Б. К. подолгу стояли на вахтенной скамьѣ, любуясь по ночамъ звѣздами, ярко-игравшей зарницей, и особенно метеорами, которые, блестя бенгальскими огнями, нерѣдко бороздили небо во всѣхъ направленіяхъ.

Вдругъ однажды, среди ночной тишины, раздался подлѣ фрегата шумъ веселъ.—„Что это такое? лодка въ открытомъ морѣ?" спросилъ я и сталъ пристально смотрѣть въ полупортикъ. И Ѳаддеевъ, который, сидя верхомъ на пушкѣ, доставалъ изъ-за борта воду и окачивалъ меня, сталъ тоже смотрѣть. Въ лодкѣ сидѣло трое, но кто—нельзя было разобрать въ темнотѣ.—„Кто бы это былъ?" спрашивалъ я, не зная, что, подумать объ этомъ явленіи.—„Опять Чухны, ваше высокоблагородіе!" сказалъ Ѳаддеевъ равнодушно, разумѣя малайцевъ, которыхъ онъ видѣлъ на Явѣ.—„Или Литва" замѣтилъ другой матросъ, еще равнодушнѣе. Малайцы привезли нѣсколько ананасовъ и предлагали свои услуги, какъ лоцмана̀. Мы, шутя, дѣлали предположенія: не пираты ли это, которые подосланы своею шайкою вывѣдать, ка-

кого рода судно идетъ, сколько на немъ людей и оружія, чтобъ потомъ рѣшить, напасть на него или нѣтъ. Это обыкновенная тактика здѣшнихъ пиратовъ. Однажды они явились, также въ числѣ трехъ-четырехъ человѣкъ, на палубу голландскаго судна, съ фруктами, напитанными ядомъ, и отравивъ экипажъ, потомъ нагрянули цѣлой ватагой и овладѣли судномъ. Людей, какъ это они всегда дѣлаютъ, отвели, на одинъ изъ Зондскихъ острововъ въ плѣнъ, а судно утопили.

Одинъ малаецъ взобрался на палубу и остался почевать у насъ, другіе два почевали въ лодкѣ, которая прицѣпилась за фрегатъ и шла за нами. Это было 24-го мая, часовъ въ одиннадцать утра; мы вошли въ Сингапурскій проливъ, лавируя. Пошелъ дождь, да еще со шкваломъ, и освѣжилъ атмосферу. Мы отдохнули отъ жара: реомюръ показывалъ 23½° въ тѣни, между тѣмъ малаецъ озябъ. На немъ была ситцевая юбка, на плечахъ родъ рубашки, а поверхъ всего кусокъ красной бумажной ткани; на головѣ неизбѣжный платокъ, какъ у нашихъ бабъ; ноги голыя. Это ужъ полный костюмъ; прочіе большею частію ходятъ полунагіе. Малаецъ прятался подъ навѣсомъ юта, потомъ, увидѣвъ дверь моей каюты отворенною, поставилъ туда сначала одну ногу, затѣмъ другую и спину, а голова была еще наружѣ.—„Холодно?" спросилъ я его.—„Yes" отвѣчалъ онъ и вошелъ совсѣмъ въ каюту. Но мнѣ показалось не естественно озябнуть, при двадцати слишкомъ градусахъ тепла, оттого я не могъ проникнуться состраданіемъ къ его положенію и махнулъ ему рукою, чтобъ онъ шелъ вонъ, лишь только онъ загородилъ мнѣ свѣтъ. Два его товарища, лежа въ своей лодкѣ, нисколько не смущались тѣмъ, что она черпала, во время шквала, и кормой, и носомъ; одинъ лѣниво выливалъ воду ковшомъ, а другой еще лѣнивѣе смотрѣлъ на это.

Вечеромъ стали подходить къ Сингапуру. Любопытно

взглянуть на эту кучу толпящихся на маленькомъ клочкѣ разноцвѣтныхъ и разноязычныхъ народовъ, среди которыхъ американецъ Вильксъ насчитываетъ до двадцати однихъ азіатскихъ племенъ.

25-го мая. Утро. Солнце блещетъ, и все блещетъ съ нимъ. Какія картины вокругъ! какая жизнь, суматоха, шумъ! Что за лица! какіе языки! Кругомъ насъ острова, всѣ въ зелени; прямо, за лѣсомъ мачтъ, на возвышенностяхъ, виды городскія зданія. Джонки, лодки, китайцы и индійцы, проѣзжаютъ съ берега на суда и обратно, пересѣкая другъ другу дорогу. Направо и налѣво отъ насъ—все дико; непроходимый кокосовый лѣсъ смотрится въ заливъ; сзади море.

Утромъ рано стучится ко мнѣ въ каюту И. И. Б. и просовываетъ въ полуотворенную дверь руку, съ какимъ-то темно-краснымъ фруктомъ, видомъ и величиной похожимъ на небольшое яблоко.—„Попробуйте“, говоритъ. Я разрѣзалъ плодъ: подъ красною мякотью скрывалась бѣлая, кислосладкая сердцевина, состоящая изъ нѣсколькихъ отдѣленій, съ крупнымъ зерномъ въ каждомъ изъ нихъ. Прохладительно, свѣжо, тонко и сладко, съ легкой кислотой. Это мангустанъ, а по англійскому произношенію „мангустэнъ“. Англичане не могутъ не исковеркать слова.

Ко мнѣ въ каюту толпой стали ломиться индійцы, малайцы, китайцы, съ аттестатами отъ судовъ разныхъ націй, все портные, прачки, коммиссіонеры. На палубѣ настоящій базаръ: разноплеменные гости разложили товары, и каждый горланилъ на своемъ языкѣ, предлагая матеріи, раковины, обезьянъ, птицъ, кораллы.

Я заглянулъ за бортъ: тамъ цѣлая флотилія лодокъ, нагруженныхъ всякой всячиной, всего болѣе фруктами. Ананасы лежали грудами, какъ у насъ рѣпа и картофель—и какіе! Я не думалъ, чтобъ они достигали такой величины и красоты. Сейчасъ разрѣзалъ и началъ ѣсть: сокъ текъ по

*

рукамъ, по тарелкѣ, капалъ на полъ. Хотѣлъ писать письмо къ вамъ, но меня тянуло на палубу. Я покупалъ, то раковину, то другую бездѣлку, а болѣе вглядывался въ эти новыя для меня лица. Чтó за живописный народъ индійцы, и что за неживописный—китайцы! Первые стройны, развязны, свободны въ движеніяхъ; у нихъ, въ походкѣ, въ мимикѣ, есть какая-то торжественная важность, лѣнь и грація. Говорятъ они горломъ, почти не шевеля губами. Грація эта неизъисканная, неумышленная: будь тутъ хоть капля сознанія, нельзя было бы не расхохотаться, глядя, кáкъ они медленно и осторожно ходятъ, какъ гордо держатъ голову, кáкъ размѣренно машутъ руками. Но это къ нимъ идетъ: торопливость была бы имъ не къ лицу.

Вся верхняя часть тѣла у индійцевъ обнажена, но они чѣмъ-то мажутся, чуть ли не кокосовымъ масломъ, иначе никакая кожа не устоитъ противъ этого солнца. На бедрахъ у нихъ родъ юбки изъ бумажной синей, или красной матеріи. Въ ушахъ серьги непремѣнно, у иныхъ по двѣ, въ верхней и нижней части уха, а у одного продѣта въ ухо какая-то серебряная шпилька, у другаго сережка въ правой ноздрѣ. Этотъ былъ старъ, одѣтъ въ бѣлую юбку, а верхняя часть тѣла прикрыта красной матеріей; на головѣ чалма. Стали всѣхъ ихъ собирать въ одинъ уголъ судна, на шкафутъ, чтобъ они не бродили вездѣ; старикъ усердно помогалъ въ этомъ. Матросы, прогнавъ всѣхъ, наконецъ прòгнали и его самого туда же.

Китайцы свѣтлѣе индійцевъ, которые всѣ темно-шоколаднаго цвѣта, тогда какъ тѣ просто смуглы; у нихъ тѣло почти какъ у насъ, только глаза и волосы совершенно черные. Они тоже ходятъ полуголые. У многихъ старческія физіономіи, бритыя головы, кромѣ затылка, отъ котораго тянется длинная коса, болтаясь въ ногахъ. Морщины и отсутствіе усовъ и бороды дѣлаютъ ихъ чрезвычайно-похожими

на старухъ. Ничего мужественнаго, бодраго. Лица точно вылиты одно въ другое.

А что за физіономіи на лодкахъ! Вотъ старый индіецъ, черный, съ сѣдыми бакенбардами и бородой, растущей ниже губъ, кругомъ подбородка. А вотъ малаецъ, цвѣта красной мѣди, гребетъ двумя вмѣстѣ связанными веслами, толкая ихъ впередъ отъ себя. Одни лежали прямо подъ солнцемъ, другіе сидѣли на пяткахъ, непостижимымъ для европейца образомъ. Ко мнѣ ужъ не разъ подходилъ одинъ говорящій по-французски индіецъ. — „Откуда ты родомъ?“ спросилъ я. Онъ мнѣ сказалъ непонятное и неизвѣстное мнѣ названіе.—„Да ты индіецъ?“ — „Нѣтъ!“ заговорилъ онъ, сильно качая головой.—„Ну малаецъ?“ Онъ еще сильнѣе сталъ отрекаться.—„Кто жъ ты, изъ какой страны?“—„Исламъ, мусульманъ“.—„Да это твоя религія; а родомъ?“—„Исламъ, мусульманъ“ твердилъ онъ.—„Ну, изъ какого ты города?“—„Пондишери“.—„А! такъ какъ же не индіецъ?“ Онъ махалъ головой.—„Индусъ вонъ!“ говорилъ онъ, показывая на такого же, какъ и онъ самъ:—„а я исламъ“.—„А! тѣ браминской вѣры“.—„Да́! да́! Брама́, индусъ!“ повторялъ онъ.

Тотчасъ послѣ обѣда судно опустѣло: всѣ уѣхали. Мнѣ предложилъ капитанъ ѣхать съ нимъ, но просилъ подождать, пока онъ распорядится на фрегатѣ. А лодки все не уѣзжали отъ насъ, сбывая фрукты. У всѣхъ каюты завалены были ананасами; кокосы валялись подъ ногами. Всякій матросъ вооруженъ былъ ножомъ и ананасомъ; за любой у насъ на Сѣверѣ, заплатили бы отъ пяти до семи рублей серебромъ, а тутъ онъ стоитъ два пенса; за шиллингъ давали дюжину, за испанскій талеръ—сотню. Но отъ ананасовъ началъ чесаться у многихъ языкъ (въ буквальномъ смыслѣ), губы щипало кислотой. Многіе предпочитали ананасамъ мангу: онъ фигурой похожъ на крупную желтую сливу,

только съ толстой кожей и съ большой косточкой внутри; мясо состоитъ изъ волоконъ оранжеваго цвѣта, напитанныхъ вкуснымъ сокомъ.

Кромѣ фруктовъ, индійцы продавали платье европейское, рубашки, сапоги, китайскіе ларчики для чая, для рукодѣлья, и т. п.

Я, въ ожиданіи съѣзда на берегъ, облокотившись *на сѣтки*, смотрѣлъ на индійскія лодки, на разнообразныя группы разноцвѣтныхъ тѣлъ. Часовъ въ пять, передъ захожденіемъ солнца, мухаммедане стали тутъ же, на лодкахъ, дѣлать омовеніе и творить намазъ. Одинъ молодой, умывшись, взялъ какой-то старый грязный платокъ, разостлалъ его передъ собой и, обратясь на западъ, къ Меккѣ, началъ творить земные поклоны. Онъ, сидя на пяткахъ, шевелилъ губами и повременамъ медленно оборачивалъ голову направо, налѣво, назадъ, и не обращалъ вниманія на зрителей съ фрегата. Онъ молился около получаса, и едва кончилъ, за нимъ медленно поднялся другой и еще медленнѣе началъ дѣлать тоже.

Капитанъ готовъ былъ не прежде, какъ въ шесть часовъ. Когда мы подъѣзжали къ берегу, было уже темно, а ѣхать надо рейдомъ около трехъ верстъ. На берегу насъ встрѣтили фіакры (легкія кареты, запряженныя одной маленькой лошадкой, на какихъ у насъ ѣздятъ дѣти). Мы, однакожъ, ѣхать не хотѣли, а индійцы все-таки шли за нами. Между-тѣмъ мы не знали куда идти: газъ еще туда не проникъ и на улицѣ ни зги не видно. Пошли налѣво: намъ прекратила путь рѣчка и какой-то павильонъ; на другой сторонѣ мелькали огни, освѣщавшіе, повидимому, ряды лавокъ. Мы знали, что есть и мосты, но какъ попасть на нихъ? Къ счастью, встрѣтились два нѣмца и проводили насъ въ London-Hotel. Вечеръ былъ очень теменъ. Меня поразилъ приторно-сладкій и сильный запахъ, будто мускуса, довольно-противный.

Насѣкомыя сильно трещали въ травѣ, такъ-что это походило больше на пѣніе птицъ. Мы спросили въ отелѣ содовой воды и чаю и усѣлись на верху, на балконѣ. Мои товарищи вздумали все-таки идти гулять; я было-пошолъ съ ними, но какъ надо было идти ощупью, то мнѣ скоро надоѣло это, и я вернулся на балконъ допивать чай. Тутъ приходило и уходило нѣсколько, повидимому, живущихъ въ нумерахъ трактира англичанъ и американцевъ. Они садились на кресла и обѣ ноги клали на столъ (ихъ манера сидѣть), требовали себѣ чаю и молчали. Чай—микстура, съ сильнымъ запахомъ и вкусомъ—точно лекарственной травы.

Съ наступленіемъ ночи опять стало нервамъ больно, опять явилось неопредѣленное безпокойство до тоски, отъ остроты наркотическихъ испареній, отъ теплой мглы, отъ тѣснившихся въ воображеніи призраковъ, отъ смутныхъ думъ. Нѣтъ, не вынесешь долго этой жизни, среди розъ, ядовъ, баядерокъ, пальмъ, подъ отвѣсными стрѣлами, которыя злобно мечетъ солнечный шаръ!

Отъ нечего дѣлать я оглядывалъ стѣны и вдругъ вижу: надъ дверью что-то ползетъ, дальше на потолкѣ тоже, надъ моей головой, кругомъ по стѣнамъ, въ углахъ—вездѣ. „Чтó это?“ спросилъ я слугу-португальца.—Онъ отвѣчалъ мнѣ что-то—я не понялъ. Я подошелъ ближе и разглядѣлъ, что это ящерицы, вершка въ полтора и два величиной. Онѣ полезны въ домахъ, потому-что истребляютъ насѣкомыхъ.

Наконецъ мои товарищи вернулись. Они сказали, что нагулялись вдоволь, хотя ничего и не видѣли. Пошли въ столовую и принялись опять за содовую воду. Они не знали, куда дѣться отъ жара, и велѣли мальчишкѣ-китайцу махать привѣшеннымъ къ потолку, во всю длину столовой, исполинскимъ вѣеромъ. Это просто широкій кусокъ полотна съ кисейной бахрамой; отъ него къ дверямъ протянуты снурки, за которые слуга дергаетъ и освѣжаетъ комнату. Но

глядя на эту затѣю, не можешь отдѣлаться отъ мысли, что это—искусственная, временная прохлада, что вотъ только перестанетъ слуга дергать за веревку, сейчасъ на васъ опять какъ-будто падѣнутъ въ банѣ шубу.

Посидѣвъ немного, мы пошли къ капитанской гичкѣ. За нами потянулась толпа индійцевъ, полагая, что мы наймемъ у нихъ лодку. Обманувшись въ ожиданіи, они всячески старались услужить: одинъ зажегъ фитиль посвѣтить, когда мы садились, другой подалъ руку и т. п. Мы дали имъ нѣсколько центовъ (мѣдныхъ монетъ), полученныхъ въ сдачу въ отелѣ, и отправились.

Возвращеніе на фрегатъ было самое пріятное время въ прогулкѣ: было совершенно-прохладно; ночь тиха; кругомъ, на чистомъ горизонтѣ, рѣзко отдѣлялись черные силуэты пиковъ и лѣсовъ и ярко блистала зарница—вѣчное украшеніе небесъ въ здѣшнихъ мѣстахъ. Прямо на голову текли лучи звѣздъ, какъ серебряныя нити. Но вода была лучше всего: весла съ каждымъ ударомъ черпали чистѣйшее серебро, которое каскадомъ сыпалось и разбѣгалось искрами далеко вокругъ шлюпки.

27 мая. Мы собрались вчетверомъ сдѣлать прогулку поосновательнѣе, и поѣхали часовъ въ 11 утра, но и то было ужъ поздно. Хотѣли ходить, но не было никакой возможности. Мимоѣздомъ, на рейдѣ, мы осмотрѣли китайскую джонку. Издали она дразнила наше любопытство: корма и носъ несоотвѣтственно-высоко поднимались надъ водой. Того и гляди, кажется, рухнутъ эти непрочныя пристройки на курьихъ ножкахъ, похожія на голубятни. Джонка была выкрашена голубымъ, краснымъ и желтымъ цвѣтами. На носу, съ обѣихъ сторонъ, нарисовано по рыбьему глазу: китайцамъ все хочется сдѣлать эти суда похожими на рыбу. Мы подъѣхали; лодки очистили намъ дорогу; китайцы приняли насъ съ улыбкою. Ихъ было человѣкъ пять; одни по-

луголые, другіе неопрятно одѣтые. Мы вошли прямо мимо кухонной печи, около которой возился поваръ. Насъ обдало удушливымъ, вонючимъ паромъ изъ трубы. Джонка нагружена была разнымъ деревомъ, которое везла въ Китай, краснымъ, сандальнымъ и другими. Эти дерева были такъ скользки, что мы едва могли держаться на ногахъ. Мы взобрались по лѣсенкѣ на корму. Тамъ, въ углубленіи, была кумирня, съ идолами, а по бокамъ грязныя каюты. Одинъ китаецъ чесалъ другому—повидимому, хозяину—косу. Они молча смотрѣли на насъ и предоставляли намъ ходить и смотрѣть. Все было слѣплено изъ дощечекъ, жердочекъ, цыновокъ; паруса тоже изъ цыновокъ. Руль неуклюжій, неотесанный, уродливый. Мы ушли и свободно вздохнули на катерѣ, дивясь, какъ люди могутъ пускаться на такихъ судахъ въ море, до этихъ мѣстъ, за 1,800 морскихъ миль отъ Кантона! Послѣ ужъ, качаясь въ штиляхъ китайскихъ морей, или несомые плавно попутнымъ муссономъ, мы поняли, отчего ходятъ далеко джонки. За-то сколько ихъ погибаетъ въ ураганы!

Въѣхавъ прямо въ рѣчку и миновавъ множество джонокъ и яликовъ, сновавшихъ взадъ и впередъ, то съ кладью то съ пассажирами, мы вышли на набережную, застроенную каменными лавками, совершенно-похожими на наши гостиные дворы: тѣ же арки, сквозныя лавки, амбары, кучи тюковъ, бочки и т. п.; тотъ же шумъ и движеніе. Купцы, большею частью, китайцы; товары продаютъ оптомъ и отправляютъ изъ Китая въ Европу, или, обратно, выписываютъ изъ Европы въ Китай. Но вотъ наконецъ добрались и до мелкихъ торговцевъ. Китайцы, въ такихъ же костюмахъ, въ какихъ мы ихъ видѣли на Явѣ, сидѣли въ лавкахъ. Бѣлая бумажная кофта, въ родѣ женскихъ ночныхъ кофтъ, и шаровары черные, а болѣе синіе, у богатыхъ атласные, потомъ бритая передняя часть головы и длинная до пятъ коса,

природная, или искусственная, отсутствіе шляпы и присутствіе вѣера, замѣняющаго ее—вотъ ихъ костюмъ. Китаецъ носитъ вѣеръ въ рукѣ, и когда выходитъ на солнце, прикрываетъ имъ голову. Впрочемъ простой народъ, работающій на воздухѣ, носитъ плетеныя изъ легкаго тростника шляпы, конической формы, съ преширокими полями. На Явѣ я видѣлъ малайцевъ, которые покрываютъ себѣ голову просто спинною костью черепахи. Европейцы ходятъ... какъ вы думаете, въ чемъ? Въ полотняныхъ шлемахъ! Эти шлемы совершенно похожи на шлемъ донъ-Кихота. Отчего же не видать соломенныхъ шляпъ? чего бы, кажется, лучше: Манилла такъ близка, а тамъ превосходная солома. Но потомъ я опытомъ убѣдился, что солома слишкомъ жидкая защита отъ здѣшняго солнца. Шлемы эти дѣлаются двойные, съ пустотой внутри и маленькимъ отверстіемъ для воздуха. Другіе, особенно шкипера, носятъ соломенныя шляпы, но обвиваютъ поля и тулью ея бѣлой матеріей, въ видѣ чалмы.

Мы прошли каменные ряды и дошли наконецъ до деревянныхъ, которые въ то же время и домы китайцевъ. Верхній этажъ занятъ жильемъ, а нижній лавкой. Здѣсь собрано все, чтобъ оскорбить зрѣніе и обоняніе. Голые китайцы, въ однѣхъ юбкахъ, или шароварахъ, а иные только въ повязкахъ кругомъ поясницы, сидя, въ лавкахъ, или наружѣ у порога, чесали длинныя косы другъ другу, или брили головы и подбородки. Они проводятъ за этимъ цѣлые часы; это —ихъ кейфъ. Нѣкоторые, сидя, клали голову на столикъ, а цирюльникъ, обривъ, прилежно начиналъ поколачивать потомъ еще по спинѣ, долго и часто, этихъ сибаритовъ. Это, кажется, походило на то, какъ у насъ щекотятъ пятки или перебираютъ суставы въ баняхъ охотникамъ до такихъ удовольствій.

Но видъ этихъ бритыхъ до нельзя головъ и лицъ, голыхъ, смугло-желтыхъ тѣлъ, этихъ, то старческихъ, то хотя и мо-

лодыхъ, по гладкихъ, мягкихъ, лукавыхъ, безъ выраженія энергіи и мужественности, физіономій, и наконецъ подробности образа жизни, семейный и внутренній быть, вышедшій на улицу—все это очень своеобразно, но не привлекательно.

Самый родъ товаровъ, развѣшенныхъ и разложенныхъ въ лавкахъ, тоже, большею частію, заставляетъ отворачивать глаза и носъ. Тамъ видны сырые, печеные и вяленые мяса, рыба, раки, слизняки и т. п. дрянь. Тутъ же подвижная лавочка, съ жаровней и кастрюлей, съ какой-нибудь лапшой, или киселемъ, студенью и т. п. вещами, въ которыя пристально не хочется вглядываться. Или сейчасъ же рядомъ совсѣмъ противное: лавка съ фруктами и зеленью такъ и тянетъ къ себѣ: ананасы, мангустаны, арбузы, манго, огурцы, бананы и т. п. навалены грудами. Среди этого, увидишь стараго китайца, съ сѣдой косой, голаго но въ очкахъ; онъ сидитъ и торгуетъ. Въ другомъ мѣстѣ вдругъ пахнётъ чеснокомъ и тѣмъ неизбѣжнымъ, похожимъ на мускусъ запахомъ, который, кажется, издаетъ сандальное и другія пахучія дерева̀. Къ этому еще прибавьте кокосовое масло, табакъ и опіумъ—отъ всего этого теряешься. Все это сильно растворяется въ жаркомъ индійскомъ воздухѣ и разносится всюду.

Мы вырвались изъ китайскаго города и, черезъ деревянный высокій мостъ, перешли на европейскую сторону. Здѣсь совсѣмъ другое: просторъ, чистота, прекрасная архитектура домовъ, совсѣмъ закрытыхъ шпалерою изъ мелкой, стелющейся, какъ плющъ, зелени, съ голубыми цвѣтами; двѣ церкви, протестантская и католическая, обнесенныя большими дворами, густо засаженными фиговыми, мускатными и другими деревьями и множествомъ цвѣтовъ. Къ намъ присталъ индіецъ, навязываясь въ проводники. Мы велѣли ему вести себя на холмъ, къ губернаторскому дому. Дорога

идетъ по великолѣпной аллеѣ, между мускатными деревьями, и померанцовыми, розовыми кустами. Трава вся состояла изъ mimosa pudica (нетронь-меня). Отъ прикосновенія зонтикомъ къ травѣ, она мгновенно сжималась по нашимъ слѣдамъ.

Не было возможности дойти до вершины холма, гдѣ стоялъ губернаторскій домъ: жарко, потъ струился по лицамъ. Мы полюбовались съ полугоры рейдомъ, городомъ, котораго европейская правильная часть лежала около холма, потомъ велѣли скорѣе вести себя въ отель, подъ спасительную сѣнь, добрались до балкона и заказали завтракъ, но прежде выпили множество содовой воды и едва пришли въ себя. Несмотря на зонтикъ, солнце жжетъ безъ милосердія ноги, спину, грудь—все, куда только падаетъ его лучъ.

Европейское общество состоитъ изъ консуловъ всѣхъ почти націй. Они живутъ въ прекрасныхъ домахъ, на эспланадѣ, идущей по морскому берегу. Всѣхъ европейцевъ здѣсь до четырехсотъ человѣкъ, китайцевъ сорокъ, индійцевъ, малайцевъ и другихъ азіатскихъ племенъ до двадцати тысячъ: это на всемъ островѣ. Въ городѣ я видѣлъ много европейскихъ домовъ въ упадкѣ: на нѣкоторыхъ приклеены бумажки съ надписью: *отдаются въ наемъ*. Самая биржа, старое зданіе, съ обвалившейся штукатуркой, не обновляется съ тѣхъ поръ, какъ возникъ Гонъ-Конгъ. Говорятъ, отъ этого Сингапуръ нѣсколько потерялъ въ торговомъ отношеніи. Нѣкоторые европейцы, особенно англичане, перенесли кругъ своей дѣятельности туда. Китайцы тоже нѣсколько рѣже стали ѣздить въ Сингапуръ, имѣя возможность сбывать свои товары тамъ, у самыхъ воротъ Китая.

Впрочемъ Сингапуръ, какъ складочное мѣсто между Европой, Азіей, Австраліей и островами Индійскаго архипелага, не заглохнетъ никогда. Притомъ онъ служитъ пріютомъ малайскимъ и китайскимъ пиратамъ, которые еще

весьма сильны и многочисленны въ здѣшнихъ моряхъ. Большую часть награбленныхъ товаровъ они сбываютъ здѣсь, являясь въ видѣ мирныхъ купцовъ, а оружіе и другія улики своего промысла прячутъ на это время въ какой-нибудь маленькой бухтѣ ненаселеннаго острова. Бельчеръ говоритъ, что сингапурскіе китайцы занимаются выдѣлкой оружія собственно для нихъ. Поэтому истребить пиратовъ почти нѣтъ возможности: у нихъ на нѣкоторыхъ островахъ есть такъ хорошо укрѣпленныя мѣста, что могутъ противиться всякой вооруженной силѣ. Да и какъ проникнуть къ нимъ большія военныя суда, когда бухты эти доступны только легкимъ разбойничьимъ проа?—„Можетъ быть, тутъ половина пиратовъ", думалъ я, глядя на сновавшія по рейду длинныя барки, съ парусами изъ цыновокъ.

На биржѣ толпятся китайскіе, армянскіе, персидскіе купцы и, разумѣется, англичане. Народонаселеніе кипитъ и движется. Вотъ китаецъ, почти нищій, нагой, бѣжитъ проворно, въ своей тростниковой шляпѣ, и несетъ на ниткѣ какую-нибудь дрянь на обѣдъ, или кусокъ рыбы, или печенки, какія-то внутренности; вотъ другой, съ водой, съ ананасами на лоткѣ, или другими фруктами, третій везетъ кладь на парѣ горбатыхъ быковъ. Вотъ выступаютъ, въ бѣлыхъ, кисейныхъ халатахъ, персіяне; вотъ парси, съ блѣднымъ матовымъ цвѣтомъ лица и лукавыми глазами; далѣе армянинъ, въ европейскомъ пальто; тамъ карета промчалась съ китайцами изъ лавокъ въ ихъ кварталъ; тутъ англичанинъ ѣдетъ верхомъ.

Позавтракавъ, мы послали за каретами и велѣли ѣхать за городъ. Кареты и кучера—не послѣдняя достопримѣчательность города и тотчасъ бросится въ глаза. Я ужъ говорилъ, что едва вы ступите со шлюпки на берегъ, васъ окружатъ нѣсколько кучеровъ, съ своими каретами. Послѣднія безъ рессоръ, но покойны, какъ люльки; внутри собственно

два мѣста; но если потѣсниться, то окажется, пожалуй, и четыре. Подушки и стѣнки обиты цыновками. Карету въ одинъ конецъ, поближе, нанимаютъ за полдоллара, подальше—за долларъ, и на цѣлый день—тоже долларъ. Для кучера мѣста нѣтъ: онъ что́ есть мо̀чи бѣжитъ рядомъ, держа лошадь за узду, тогда какъ, по этой нестерпимой жарѣ, европеецъ едва сидитъ въ каретѣ. Въ Сингапурѣ нѣтъ мостовой, а есть убитыя пескомъ и укатанныя аллеи, какъ у насъ гдѣ нибудь въ Елагинскомъ паркѣ. Индіецъ, полуголый съ маленькимъ передникомъ, бритый, въ чалмѣ, или съ большими волосами, смотря по тому, какой онъ вѣры, бѣжитъ ровно, граціозно, далеко и медленно откидывая ноги назадъ, улыбаясь и показывая рядъ отличныхъ зубовъ. Ночью ихъ обязали ѣздить съ фонарями, иначе здѣсь ни зги не видать.

Они помчали насъ сначала по предмѣстьямъ, малайскому, индійскому и китайскому. Малайскія жилища—просто сквозныя клѣтки изъ бамбуковыхъ тростей, прикрытыя сухими кокосовыми листьями, едва достойныя называться сараями, на сваяхъ, отъ сырости, и отъ насѣкомыхъ тоже. У китайцевъ побогаче—сплошные ряды домовъ въ два этажа: внизу лавки и мастерскія, вверху жилье, съ жалюзи. Индійцы живутъ въ мазанкахъ.

Кругомъ все заросло пальмами *areca*, или кокосовыми; обработанныхъ полей съ хлѣбомъ немного: есть плантаціи кофе и сахара, и то мало: мѣста нѣтъ; все болота и густые лѣса. Рисъ, главная пища южной Азіи, привозится въ Сингапуръ съ Малаккскаго и Индійскаго полуострововъ. Но за то сколько деревьевъ! хлѣбное, тутовое, мускатное, померанцы, бананы и другія.

Мы ѣхали по берегу той же, протекающей по городу рѣки, которая по немъ, или городъ по ней, называется Сингапуръ. Она мутна и не радуетъ глазъ, притомъ очень узка, но не мелка.

По берегу тянулись мазанки и хижины, изъ которыхъ выглядывалъ, то индіецъ, то малаецъ. Въ одномъ мѣстѣ, на большомъ лугу, мы видѣли группу мужчинъ, женщинъ и дѣтей, въ яркихъ рѣжущихъ глаза красныхъ и синихъ костюмахъ: они собирали что-то съ деревьевъ. Тамъ высунулась изъ воды голова буйвола; тамъ бѣдный и давно небритый китаецъ, подъ плетеной шляпой, тащитъ, обливаясь потомъ, ношу: тамъ нѣсколько ихъ сидятъ около походной лавочки, или въ своихъ магазинахъ, на пяткахъ, въ кружокъ, и уплетаютъ двумя палочками вареный рисъ, держа чашку у самаго рта, и время отъ времени, достаютъ изъ другой чашки, съ темною жидкостью, этими же палочками необыкновенно-ловко какіе-то кусочки и ѣдятъ. Мы переѣхали нѣсколько мостиковъ; вдали, на холмахъ, видны европейскія дачи, выглядывавшія изъ гущи кипарисовъ, банановъ и пальмовыхъ рощъ. Наконецъ въѣхали опять въ китайскій кварталъ и опять насъ охватили разные запахи.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надъ лавками я видѣлъ надпись по-англійски: *дозволенная продажа опіума.* Мы хотѣли взглянуть, какъ курятъ опіумъ, и вошли въ лавочку; но тамъ только продавали его. Насъ подвозили ко многимъ такимъ лавочкамъ; это были отвратительнѣйшія, неопрятныя клѣтушки, гдѣ нагіе китайцы предлагали намъ купить отравы. Наконецъ кули повелъ насъ черезъ одну лавченку въ темный чуланъ: тамъ, на грязной цыновкѣ, лежалъ одинъ курильщикъ; онъ безпрестанно палочкой черпалъ опіумъ и клалъ его въ крошечное отверстіе круглой большой трубки. Но духота, вонь и жаръ, отъ помѣщавшейся рядомъ китайской кухни, были такъ сильны, что мы, не дождавшись дѣйствія опіума, бѣжали вонъ и вздохнули свободно, выѣхавъ изъ китайскаго квартала.

Нѣкоторымъ нужно было что-то купить, и мы велѣли везти себя въ европейскій магазинъ; но собственно-евро-

пейскихъ магазиновъ нѣтъ: европейцы ведутъ оптовую торговлю, привозятъ и увозятъ грузы, а розничная торговля вся въ рукахъ китайцевъ. Лавка была большая, въ двѣ комнаты: и чего-чего въ ней небыло! Полотна, шелковыя матеріи, сигары, духи, мыло, помада, наконецъ китайскія рѣзныя вещи, чай и т. п.

Между-прочимъ вдругъ намъ бросилось въ глаза, на кускѣ холста, русское клеймо: *фабрика А. Перлова.* Это дукъ.—„Откуда? ка́къ?“ спросили мы прикащика-англичанина.—Это англійскій дукъ“, сказалъ онъ, — „а клеймо русское“. Я нарочно мѣшкалъ въ лавкѣ: мнѣ хотѣлось дать отдохнуть кучерамъ; но они, кажется, всего меньше думали сами объ этомъ. Мнѣ сначала было совѣстно ѣхать и смотрѣть, ка́къ они бѣгутъ, но черезъ полчаса я привыкъ смотрѣть, а они—бѣжать.—„Куда бы еще пойти? что́ посмотрѣть?“ говорили мы.—„Ахъ! да вѣдь мы нѣкоторымъ образомъ въ Индіи: здѣсь должны быть слоны; надо посмотрѣть, поѣздить на нихъ“.—„Есть здѣсь слоны?“ спросили мы у кули.—„Есть“, отвѣчалъ онъ.—„Гдѣ жъ они? много ихъ?“ —„Одинъ“.—„Одинъ! Ну, для такого островка и одного довольно! А можно поѣздить на немъ?“—„Нѣтъ, нельзя, онъ на сахарномъ заводѣ работаетъ“.

Часа въ четыре, покружась еще по улицамъ, походивъ по эспланадѣ, полюбовавшись садами около европейскихъ домовъ, мы вернулись въ London hotel—и сейчасъ подъ вѣеръ. Стали звонить къ обѣду. Хотя у насъ еще не успѣлъ пробудиться аппетитъ, однакожъ мы съ Б. К. отправились „посмотрѣть, что́ ѣдятъ“ какъ онъ говорилъ. Но я всегда въ этихъ случаяхъ замѣчалъ, что онъ придаетъ слишкомъ-много значенія глаголу *смотрѣть*. Столовая помѣщалась въ особой, выстроенной на дворѣ деревянной, открытой со всѣхъ сторонъ галлереѣ, какія у насъ дѣлаются для игры въ кегли; да тутъ же, кстати, на дворѣ была и другая такая

же галлерея для этой игры. Длинный предлинный столъ, надъ нимъ вѣеръ, висящій съ потолка вдоль всего стола, и въ углу два, не очень мягкіе, некрасивые дивана, составляли все убранство залы. Мы застали уже человѣкъ до пятнадцати англичанъ и американцевъ: они, по обыкновенію, пили-себѣ, какъ будто въ Англіи, хересъ, портвейнъ и эль.

Обѣдъ, по англійскому обычаю, былъ весь на столѣ. Намъ подали горячее: я попробовалъ—что-то родное.—„Да это уха“ сказалъ я Б.—„Супъ изъ рыбы“ поправилъ онъ педантически. Потомъ подали рыбу, но она показалась мнѣ несвѣжа, и отличную вареную зелень. Всякій бралъ, чего хотѣлъ, а выбрать было изъ чего: стояло блюдъ десять. Свинина была необыкновенной бѣлизны, свѣжести и вкуса. Надо отдать справедливость здѣшнимъ свиньямъ: на взглядъ онѣ некрасивы, хуже нашихъ: низенькія, вмѣсто щетины, съ маленькою, рѣдкою и мягкою шерстью, похожей на пухъ, черезъ которую сквозитъ жиръ; спина вогнута, а брюхо касается земли. Онѣ не могутъ почти ходить отъ жиру, но вкусомъ необычайно нѣжны. За-то же здѣсь и обращаются съ ними весьма нѣжно. Я видѣлъ, ихъ везли цѣлый возъ на двухъ буйволахъ: каждая свинья помѣщалась въ особой, круглой плетенкѣ, сдѣланной по росту свиньи. Отъ этого не слышно пронзительнаго визга, какой у насъ иногда раздается по всей улицѣ. Въ другой разъ, два китайца несли на плечахъ, съ признаками большой осторожности, и даже, кажется, уваженія, такую корзину, въ которой небрежно покоилась свинья.

На всѣ такія мѣста, какъ Сингапуръ, то-есть торговыя и складочныя, я смотрю несовсѣмъ-благосклонно, или, лучше, несовсѣмъ-весело. На всемъ лежитъ печать случайности и необходимости, вынужденной обстоятельствами. Встрѣчаешь европейца и видишь, что онъ пріѣхалъ сюда на самое короткое время, для крайней надобности; даже у того, кто

живетъ тутъ лѣтъ десять, написано на лицѣ: „только крайность заставляетъ меня томиться здѣсь, а то вотъ при первой возможности уѣду“. И на домѣ, кажется, написано: „меня бы не было здѣсь, еслибъ консулъ не былъ нуженъ: лишь только его не станетъ, я сейчасъ же сгорю, или развалюсь“.

Мы съ Б. дѣлали наблюденія надъ всѣми сидѣвшими за столомъ лицами, которыя стеклись съ разныхъ концовъ міра „для стяжаній“, и тихонько сообщали другъ другу свои замѣчанія. Между-прочимъ наше вниманіе поразилъ одинъ молодой человѣкъ своей наружностью.—„Посмотрите, какой красавецъ!“ сказалъ баронъ, указывая на англичанина. —„Непростительно-хорошъ!“ отвѣчалъ я. Въ-самомъ-дѣлѣ, тонкій, нѣжный, матовый цвѣтъ кожи, голубые глаза, съ трепещущей влагой задумчивости, кудри мягкія, какъ лёнъ, легкія, граціозно-вьющіяся и осѣняющія нѣжное лицо; голосъ тихій. О, какой это счастливецъ бѣжалъ изъ Европы? Что̀ повлекло его сюда? уже ли золото? Быть бы ему между васъ, женщины; но изъ васъ только однѣ англичанки могутъ заплатить ему такой же красотой. Это британскій типъ красоты, нѣжной, чистой и умной, если можно такъ выразиться: тутъ не было никакихъ розъ, ни лилій, ни бровей дугой; все дѣло было въ чистотѣ и гармоніи линій и оттѣнковъ, какъ въ отлично-составленномъ букетѣ.

Я смотрѣлъ на красавца, слѣдилъ за его разговоромъ и мимикой; мнѣ хотѣлось замѣтить, знаетъ ли онъ о своей красотѣ, цѣнитъ ли ее, словомъ—фатъ ли онъ. Но тутъ не было женщинъ, а это только и можно узнать при нихъ. Бѣда такому красавцу: если уроду нужно много нравственныхъ достоинствъ, чтобъ не колоть глазъ своимъ безобразіемъ, то красавцу нужно ихъ чуть-ли не больше, чтобъ заставить простить себѣ красоту. Сколько надо одного ума, чтобъ не знать о ней! Но этого не бываетъ; надо искусствен-

по дойти до потери сознанія о ней, забывать ее, то-есть, безпрестанно помнить, что надо забывать.

Мы посидѣли до вечера въ отелѣ, бесѣдуя съ сѣдымъ американскимъ шкиперомъ, который подсѣлъ къ намъ и разговорился о себѣ. Онъ съ-молоду странствуетъ по морямъ. Теперь онъ везетъ грузъ въ Англію, а оттуда его черезъ шесть недѣль пошлютъ въ Нью-Йоркъ, потомъ въ Ріо-Жанейро. Такъ онъ провелъ сорокъ лѣтъ.

На возвратномъ пути опять надъ нами сіяла картина ночнаго неба: съ одной стороны Медвѣдица, съ другой Южный Крестъ, далѣе Канопусъ, Центавры, наконецъ могучій небесный странникъ, Юпитеръ, лили потоки лучей, а за ними, какъ розово-палевое зарево, сіялъ блескъ млечнаго пути. Черныя тучи, проносившіяся надъ картиной, казались еще чернѣе, по нимъ бороздили молніи; весла опять дружно разгребали серебряную влагу. Назади китайскій кварталъ блисталъ разноцвѣтными фонарями, развѣшанными у лавокъ; по рейду мелькали корабельные огни. Мы пробирались мимо джонокъ, которыхъ уродливые силуэты тяжело покачивались крупными тѣнями, въ одно время, на фонѣ звѣзднаго неба и на водѣ. Ѣдешь: отъ воздуха жарко, отъ воды чуть-чуть вѣетъ прохлада. И круглый годъ такъ, круглый годъ—подумайте! тѣ же картины, то же небо, вода, жаръ! Какъ ни пріятно любоваться на страстную улыбку красавицы, съ влажными глазами, съ полуоткрытымъ, жарко-дышащимъ ртомъ, съ волнующейся грудью; но видѣть передъ собой только это лицо, и никогда не видѣть на немъ, ни заботы, ни мысли, ни стыдливаго румянца, ни печали—устанешь и любоваться.

Мнѣ, однакожъ, не прошелъ даромъ обѣдъ и двѣ рюмки шампанскаго. Только желѣзные желудки англичанъ могутъ безнаказанно придерживаться европейскаго режима въ пищѣ и своихъ привычекъ. Другіе, болѣе или менѣе, платятъ

дань климату. Къ этому еще нестерпимая жара преслѣдуетъ и днемъ, и ночью. Отворяешь двери, садишься на сквозномъ вѣтрѣ—ничего не помогаетъ. Ночной воздухъ стоитъ, какъ церемонный гость, у дверей и нейдетъ въ каюту, не сладитъ съ спершимся тамъ воздухомъ. Днемъ, облитыя ослѣпительнымъ солнечнымъ блескомъ, воды сверкаютъ, какъ растопленное серебро; лучи снопами отвѣсно и неотразимо падаютъ на все—на скалы, на вершины пальмъ, на палубы кораблей, и преломляясь, льютъ каскады огня и блеска по сторонамъ. Бѣлая палуба блеститъ, какъ слоновая кость, песокъ на скалахъ бѣлѣетъ, какъ снѣгъ. Все бѣжитъ, прячется, защищается; европейцы, или сидятъ дома, или ѣдутъ въ шлюпкахъ подъ тентомъ, на берегу—въ каретахъ. Только индіецъ растянувшись въ лодкѣ, спитъ, подставляя подъ лучи, то одинъ, то другой бокъ; закаленная кожа у него ярко лоснится, лучи скользятъ по ней, непроникая внутрь, да китайцы, съ полуобритой головой, машутъ весломъ, или ворочаютъ рулемъ, ѣдучи на баркѣ по рейду, а не то такъ работаютъ около европейскихъ кораблей, постукивая молоткомъ, или таская кладь.—„Ахъ!“ слышатся восклицанія:—„скоро ли вернемся отсюда!“ Пить хочется—а чего? вода теплая, отзывается чаемъ. Льду, льду бы, да снѣгу: не дымъ, а ледъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

Между тѣмъ кругомъ все такъ пышно: панорамы роскошнѣе представить нельзя. Денное небо не хуже ночнаго. Одно облако проходитъ за другимъ и медленно тонетъ въ блескѣ небосклона. Зори горятъ розовымъ, фантастическимъ пламенемъ, облака здѣсь, какъ и въ Атлантическомъ океанѣ, группируются чудными узорами.

А на берегу? Пальмы areca, съ своими темнозелеными листьями, которыхъ верхушки будто отрѣзаны, и все дерево точно щеголевато острижено, кокосовыя, съ развѣсистыми, длинными и острыми листьями, мускатныя, съ небольшимъ,

ярко-зеленымъ, жирнымъ листомъ, далѣе померанцы, бананы—вотъ кайма, окружавшая насъ! Вдругъ перемѣна декораціи: цвѣта блекнутъ на всемъ. Пошелъ дождь. Откуда взялось облако? Небо какъ будто покрылось простыней; полились потоки: въ пять, десять минутъ подставленныя бочки полны водой. Но вы не успѣли подумать о томъ, долго ли это продолжится, а оно ужъ и кончилось. Опять сухо; грязи здѣсь не бываетъ: ступайте по травѣ, по землѣ—подошва суха.

Живутъ же люди въ этихъ климатахъ, и какъ дешево! Одежда—кусокъ полотна или бумажной матеріи около поясницы—и только; все остальное наружѣ; ни сапогъ, ни рубашекъ. У европейцевъ есть и то и другое, но какъ охотно они бросили бы эти то и другое, и пожалуй, еще и третье... панталоны! Пища—горсть рису, десертъ—ананасъ, стоющій грошъ, а если нѣтъ гроша, а затѣмъ и ананаса, то первый, выглянувшій изъ-за чужаго забора и ничего нестоющій бананъ, а нѣтъ и этого, такъ просто поднятый, на землѣ, упавшій съ дерева мускатный орѣхъ. Питье—если не вода, которая мутна, то всегда готовый къ вашимъ услугамъ, никому и всѣмъ принадлежащій кокосовый орѣхъ. Жить, то-есть спать, вездѣ можно: гдѣ ни лягте—тепло и сухо.

Кстати о кокосахъ. Недолго они нравились намъ. Если ихъ сорвать съ дерева, еще зеленые, и тотчасъ пить, то сокъ прохладенъ; но когда орѣхъ полежитъ нѣсколько дней, молоко согрѣвается и густѣетъ. Въ зрѣломъ орѣхѣ оно образуетъ внутри скорлупы твердую оболочку, какъ ядро нашихъ простыхъ орѣховъ. Мы дѣлали изъ ядра молоко, какъ изъ миндаля: оно жирно и приторно; такъ пить нельзя; съ чаемъ и кофе хорошо, какъ замѣна сливокъ.

Какую роль играетъ этотъ орѣхъ здѣсь, въ тропическихъ широтахъ! Его ѣдятъ и люди, и животныя; сокъ его пьютъ; изъ ядра дѣлаютъ масло, составляющее одну изъ главныхъ

статей торговли въ Китаѣ, на Сандвичевыхъ островахъ и въ многихъ другихъ мѣстахъ; изъ древесины строютъ домы, листьями кроютъ ихъ, изъ чашекъ орѣха дѣлаютъ посуду.

Вотъ ананасы такъ всѣмъ намъ надоѣли: охотники ѣли по цѣлому въ день. Одинъ увѣрялъ, что будто съѣлъ три; мы приняли это за хвастовство. Верхушку ананаса срѣзываютъ здѣсь болѣе, нежели на вершокъ, и бросаютъ, не потому, чтобъ она была невкусна, а потому, что остальное вкуснѣе; потомъ рѣжутъ спиралью, срѣзывая лишнее, шелуху и щели; сокъ течетъ по ножу и кусокъ ананаса таетъ во рту. У всѣхъ въ каютахъ висѣли ряды ананасовъ, но одинъ изъ нашихъ офицеровъ (съ другаго судна) замѣтилъ, что изъ зеленыхъ корней ананасовъ выползли три маленькіе скорпіона, которыхъ онъ принялъ сначала за пауковъ. Вскорѣ послѣ того одинъ изъ матросовъ, на томъ же суднѣ, былъ ужаленъ, вѣроятно однимъ изъ нихъ въ ногу, которая сильно распухла, но опухоль прошла, и дѣло тѣмъ кончилось.

Но что жъ такое Сингапуръ? Я еще не сказалъ ничего объ этомъ. Это островокъ, въ нѣсколько миль величиной, лежащій у оконечности Малаккскаго полуострова, подъ 1°30′ сѣв. шир., слѣдовательно, у самаго экватора. Онъ уступленъ англичанамъ, въ 1819 году, однимъ изъ малаккскихъ султановъ, которому они помогли утвердиться въ его владѣніяхъ. Надо знать, что не за долго предъ тѣмъ голландцы выхлопотали себѣ у другаго султана, соперника перваго, торговое поселеніе въ тѣхъ же мѣстахъ, именно въ проливѣ Ріо. Англичане имѣютъ такой обычай, что лишь зачуютъ гдѣ торговлю, то и явятся съ своими товарами: такъ они сдѣлали и тамъ. А у голландцевъ есть обычай не пускать другихъ туда, гдѣ торгуютъ они сами. Все это было причиною того, что Сингапуръ возникъ и процвѣлъ, а голландское поселеніе пало.

Стенъ Билль, командиръ датскаго корвета „Галатея“ и

авторъ путешествія, сравниваетъ нынѣшній Сингапуръ, въ торговомъ отношеніи, съ древней Венеціей. Сравненіе слабое, несовсѣмъ лестное для Сингапура. Что такое капиталы временъ Венеціанской республики предъ британскими? Что такое положеніе Венеціи, между тогдашнимъ Востокомъ и тогдашнимъ Западомъ, передъ положеніемъ Сингапура между Индіею, Китаемъ, Малаккскимъ полуостровомъ, Австраліею, Сіамомъ, Кохинхиной и Бирманской имперіей, которыя всѣ шлютъ продукты свои въ Сингапуръ и оттуда въ Европу? А чего не везутъ теперь изъ Европы сюда? Что такое, наконецъ, такъ-называемая тогдашняя роскошь передъ нынѣшнимъ комфортомъ? Роскошь—порокъ, уродливость, неестественное уклоненіе человѣка за предѣлы естественныхъ потребностей, развратъ. Развѣ не развратъ и не уродливость платить тысячу золотыхъ монетъ за блюдо изъ птичьихъ мозговъ, или языковъ, или за филе изъ рыбы, не потому, чтобъ эти блюда были тоньше вкусомъ прочихъ, недорогихъ, а потому, что этихъ мозговъ и рыбъ не напасешься? Или, не безуміе ли обѣдать на такомъ сервизѣ, какого нѣтъ ни у кого, хоть бы пришлось отдать за него половину имѣнія? Не глупость ли заковывать себя въ золото и каменья, въ которыхъ поворотиться трудно, или надѣвать кружева, чуть не изъ паутины, и бояться сѣсть, облокотиться?

Венеціанскіе граждане (если только слово „граждане“ не насмѣшка здѣсь) дѣлали все это; они сидѣли на бархатныхъ, но жесткихъ скамьяхъ, спали на своихъ колючихъ глазетовыхъ постеляхъ, ходили по своимъ великолѣпнымъ площадямъ ощупью, въ темнотѣ, и едва-ли имѣли хоть немного приблизительное къ нынѣшнему, вѣрное понятіе объ искусствѣ жить, то-есть извлекать изъ жизни весь смыслъ, весь здоровый и свѣжій сокъ.

Тщеславіе и грубое излишество въ наслажденіяхъ—вотъ отличительныя черты роскоши. Оттого роскошь недолговѣч-

на: она живетъ лихорадочною и эфемерною жизнью; никакіе Крезы не достигаютъ до геркулесовыхъ столповъ въ ней; она падаетъ, истощившись въ насыщеніи, увлекая паденіемъ и торговлю. Рядомъ съ роскошью всегда таится невидимый ея врагъ—нищета, которая сторожитъ минуту, когда мишурная богиня зашатается на пьедесталѣ: она быстро, въ циническихъ лохмотьяхъ своихъ, сталкиваетъ царицу, садится на ея престолъ и гложетъ великолѣпные остатки.

Вспомните не одну Венецію, а хоть Испанію напримѣръ: ужъ, кажется, трудно выдумать наряднѣе эпанчу, а въ какую дырявую мантію нарядилась она послѣ! Да однѣ ли Испанія и Венеція?...

Гдѣ роскошь, тамъ нѣтъ торговли; это конвульсивные, отчаянные скачки черезъ препятствія, courses aux clochers: перескачетъ, схватитъ призъ и сломаетъ ноги.

Не таковъ комфортъ: какъ роскошь есть безуміе, уродливое и неестественное уклоненіе отъ указанныхъ природой и разумомъ потребностей, такъ комфортъ есть разумное, выработанное до строгости и тонкости удовлетвореніе этимъ потребностямъ. Для роскоши нужны богатства; комфортъ доступенъ при обыкновенныхъ средствахъ. Богачъ уберетъ свою постель валансьенскими кружевами; комфортъ потребуетъ тонкаго и свѣжаго полотна. Роскошь садится на инкрюстированномъ, золоченомъ креслѣ, ѣстъ на золотѣ и на серебрѣ; комфортъ требуетъ не золоченаго, но мягкаго, покойнаго кресла, хотя и не изъ рѣдкаго дерева; для стола онъ довольствуется фаянсомъ, или, много, фарфоромъ. Роскошь потребуетъ рѣдкой дичи, фруктовъ не по сезону; комфортъ будетъ придерживаться своего обыкновеннаго стола, но зато онъ потребуетъ его вездѣ, куда ни заброситъ судьба человѣка; и въ Африкѣ, и на Сандвичевыхъ островахъ, и на Норд-Капѣ—вездѣ нужны ему свѣжіе припасы, мягкая говядина, молодая курица, старое вино. Вездѣ онъ хочетъ на-

ходить то сукно и шелкъ, въ которое одѣвается въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Петербургѣ; вездѣ къ его услугамъ долженъ быть готовъ сапожникъ, портной, прачка. Роскошь старается, чтобъ у меня было тó, чего не можете имѣть вы; комфортъ, напротивъ, требуетъ, чтобъ я у васъ нашелъ то, что привыкъ видѣть у себя.

Задача всемірной торговли и состоитъ въ томъ, чтобъ удешевить эти предметы, сдѣлать доступными вездѣ и всюду тѣ средства и удобства, къ которымъ человѣкъ привыкъ у себя дома. Это разумно и справедливо; смѣшно сомнѣваться въ будущемъ успѣхѣ. Торговля распространилась всюду и продолжаетъ распространяться, разнося по всѣмъ угламъ міра плоды цивилизаціи. Вопросъ этотъ важнѣе, нежели какъ кажется съ перваго раза. Комфортъ и цивилизація почти синонимы, или, точнѣе, первое есть неизбѣжное, разумное послѣдствіе втораго. И торговля не падетъ никогда, удовлетворяя, хотя тонкимъ, но разумнымъ потребностямъ большинства, а не безумнымъ прихотямъ немногихъ. Дѣло вполовину уже и сдѣлано. Куда европеецъ только занесетъ ногу, вездѣ вы тамъ подъ знаменемъ безопасности, обилія, спокойствія и того благосостоянія, которымъ наслаждаетесь дома, протягивая конечно, ножки по одёжкѣ.

Сингапуръ—одинъ изъ всемірныхъ рынковъ, куда пока еще стекается все, чтó нужно, и ненужно, чтó полезно и вредно человѣку. Здѣсь необходимыя ткани и хлѣбъ, отрава и цѣлебныя травы. Нѣмцы, французы, англичане, американцы, армяне, персіяне, индусы, китайцы—все пріѣхало продать и купить: другихъ потребностей и цѣлей здѣсь нѣтъ. Роскошь посылаетъ сюда за тонкими ядами и пряностями, а комфортъ шлетъ платье, бѣлье, кожи, вино, заводитъ дороги, домы, прорубается въ глушь…

Чтожъ значитъ старая Венеція, съ своими золочеными галерами, передъ этими уродливыми джонками, или остинд-

скими судами, полными огромныхъ, сырыхъ и воздѣланныхъ богатствъ?

Еще слово: что́ было недоступною роскошью для немногихъ, то̀, благодаря цивилизаціи, дѣлается доступнымъ для всѣхъ: на Сѣверѣ ананасъ стоитъ пять, десять рублей, здѣсь —грошъ: задача цивилизаціи—быстро переносить его на Сѣверъ и вогнать въ пятакъ, чтобъ вы и я лакомились имъ.

Прогрессъ сдѣлалъ уже много побѣдъ. Прочтите описаніе кругосвѣтнаго путешествія, совершеннаго пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Что это было?—пытка! Путешественникъ проходилъ сквозь строй лишеній, нуждъ, питался соленымъ мясомъ, пилъ воду, зажавъ носъ; дрался съ дикими. А теперь? Вы едва являетесь въ портъ къ индійцамъ, къ китайцамъ, къ дикимъ—васъ окружаютъ лодки, какъ окружили онѣ здѣсь насъ: прачка-китаецъ, или индіецъ, беретъ ваше тонкое бѣлье, крахмалитъ, моетъ, какъ въ Петербургѣ; является портной, съ длинной косой, въ кофтѣ и шароварахъ, показываетъ образчики суконъ, матерій, снимаетъ мѣрку и шьетъ европейскій костюмъ; съѣдете на берегъ—жители не разбѣгаются въ стороны, а встрѣчаютъ толпой, не затѣмъ, чтобъ драться, а чтобъ предложить карету, носилки, проводить въ гостинницу. Тамъ тотъ же мягкій бифстексъ, тотъ же лафитъ, хересъ и чистая постель, какъ въ Европѣ.

Я дня два не съѣзжалъ на берегъ. Больной, стоялъ я, облокотясь на сѣтки, и любовался на небо, на окрестные острова, на лѣса, на разбросанныя по берегамъ хижины, на рейдъ, съ движущеюся картиной джонокъ, лодокъ, вглядывался въ индійскія, китайскія физіономіи, прислушивался къ говору.

Особенно-любопытно было видѣть, ка̀къ наши матросы покупали у туземцевъ фрукты, потомъ разныя вещи, ящички, вѣеры, простыя матеріи и т. п. Что̀ за языкъ придумали они—и понимали другъ друга! Ѳаддеевъ, по моему по-

рученію, возьметъ деньги, спустится на лодки купить ананасовъ, или что-нибудь другое: вижу, онъ споритъ тамъ, сердится; наконецъ торгъ заключается и онъ приноситъ чт̀о нужно.—„Черти этакіе: съ ними не сообразишь!“ говорилъ онъ, воротясь:—„вчера полшильника просилъ, а теперь хочетъ *шильникъ*“ (шиллингъ).—„Да какъ ты тамъ говоришь съ ними?“—„По англичански“.—„Ка́къ ты спросишь?“—„А вотъ возьму въ руку вещь, и да спрошу *омачъ?*“ (how much? чт̀о стоитъ?).

Наконецъ мнѣ стало легче, и я поѣхалъ въ Сингапуръ съ нѣсколькими спутниками. Здѣсь есть громкое коммерческое имя Вампоа. Въ Кантонѣ такъ называется бухта, или верфь; оттуда ли родомъ сингапурскій купецъ—не знаю, только и его зовутъ Вампоа. Онъ ужъ лѣтъ двадцать какъ выѣхалъ изъ Китая и поселился здѣсь. Онъ не можетъ воротиться домой, не заплативъ... взятки. Да едва-ли теперь есть у него и охота къ тому. У него богатые магазины, домы и великолѣпная вилла; у него наши запасались всѣмъ; къ нему же въ лавку отправились и мы.

При входѣ сидѣлъ претолстый китаецъ, одѣтый, какъ всѣ они, въ каленкоровую кофту, въ синіе шаровары, въ туфляхъ, съ чрезвычайно-высокой замшевой подошвой, такъ-что на ней едва можно ходить, а побѣжать нѣтъ возможности. Голова, разумѣется, полуобрита спереди, а сзади коса. Тутъ былъ прикащикъ-англичанинъ и нѣсколько китайцевъ. Толстякъ и былъ хозяинъ. Лавка похожа на магазины цѣлаго міра, съ прибавленіемъ китайскихъ издѣлій, лакированныхъ ларчиковъ, вѣеровъ, разныхъ мелочей изъ слоновой кости, изъ пальмоваго дерева, съ рѣзьбой и т. п.

Взглянувъ на этотъ базаръ, мы поѣхали опять по городу, по всѣмъ кварталамъ—по малайскому, индійскому и китайскому, зажимая частенько носъ, и велѣли остановить-

ся передъ буддійской кумирней. На улицу выходятъ наглухо запертыя ворота, съ рѣшетчатымъ заборомъ, изъ-за котораго видна крыша съ загнутыми углами. Все это ярко, пестро разрисовано красной, зеленой и желтой красками. Прислужникъ-индіецъ отперъ намъ калитку и мы вошли на чистый, вымощенный каменными плитами, большой дворъ. Направо колодезь, потомъ пустая стѣна, и въ углу открытая со всѣхъ сторонъ кухня. Тутъ, на плитахъ и на жаровняхъ, жарились и варились, шипя, разныя явства. Около суетилось нѣсколько китайцевъ; налѣво, посрединѣ стѣны, была маленькая кумирня, съ жертвенникомъ, идолами, курящимися благовонными и восковыми свѣчами. На колѣняхъ передъ жертвенникомъ стоялъ бонзъ: ударяя палочкой въ маленькій, круглый барабанъ, онъ читалъ нараспѣвъ по книгѣ, немного въ носъ. Тутъ же, въ часовнѣ, сидѣло около стола нѣсколько китайцевъ и шили что-то, не обращая ни малѣйшаго вниманія на монаха. Я заглянулъ ему въ лицо: блѣденъ, худъ, глаза закрыты.

Весь дворъ усаженъ по стѣнамъ банановыми, пальмовыми и мускатными деревьями. Посреди двора стояла главная кумирня—довольно-обширное, открытое со всѣхъ сторонъ зданіе, подъ тремя или четырьмя кровлями, все съ загнутыми углами. Сколько позолоты, рѣзьбы, мишурныхъ украшеній, поддѣльныхъ камней, и какое безвкусіе въ этой восточной пестротѣ! Китайцы и индійцы, кажется, сообща приложили, каждый свой вкусъ, къ постройкѣ и украшеніямъ зданія: оттого никакъ нельзя, глядя на эту груду камней, мишурнаго золота, полинялыхъ тканей, съ примѣсью живыхъ цвѣтовъ, составить себѣ идею о стилѣ зданія и украшеній. Внутри кумирни помѣщались три ниши съ идолами; кругомъ крытая галлерея. Рѣзная работа всюду: на перилахъ, на стѣнахъ; даже гранитные, поддерживающіе крышу столбы, тоже изваяны грубо и представляютъ

животныхъ. Между идолами стоитъ Будда, съ своими двумя прислужниками, и какая-то богиня, еще два другіе идола—всѣ съ чудовищно-безобразными лицами. Тутъ, между-прочимъ, есть фигура—эмблема настоящаго, прошедшаго и будущаго. Передъ идолами горѣли тоненькія, длинныя свѣчи. Я хотѣлъ посмотрѣть, изъ какого дерева, и спросилъ одну. Индіецъ тотчасъ взялъ, зажегъ и подалъ мнѣ, но О. А. проворно сказалъ: — „Плюньте, бросьте: это онъ хочетъ, чтобъ вы идолу свѣчку поставили!“

Изъ буддійской кумирни мы поѣхали въ индійское капище, къ поклонникамъ Брамы. Черезъ довольно-высокую башню, изъ дикихъ, грубо-отесанныхъ камней, входишь на просторный, обсаженный деревьями дворъ. Прямо крытая галлерея, на столбахъ, ведетъ въ капище. Но едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, насъ остановилъ индіецъ, читавшій на-распѣвъ книгу, и молча указалъ намъ на сапоги, предлагая, или снять ихъ, или не ходить дальше. Мы остановились и издали смотрѣли въ кумирню, но тамъ нечего было смотрѣть: тѣ же три ниши, что у буддистовъ, съ позолоченными идолами, но безъ пестроты, украшенными только живыми цвѣтами. Въ галлереѣ, внѣ часовни, стоялъ деревянный конь, похожій на нашихъ балаганныхъ коньковъ, но въ натуральную величину, весь расписанный, съ разными привѣсками и украшеніями, назначенный для торжественныхъ процессій, какъ объяснилъ намъ кое-какъ индіецъ.

Мы пошли назадъ; индіецъ принялся опять вопить по книгѣ, а другіе два усѣлись на пятки слушать; четвертый вынесъ намъ изъ ниши розъ на блюдѣ. Мы заглянули по сосѣдству и въ малайскую мечеть.—„Это я и въ Казани видѣлъ“, сказалъ одинъ изъ моихъ товарищей, посмотрѣвъ на голыя стѣны.

Мы вышли и поѣхали по улицамъ, по рѣчкѣ... Вдругъ насъ поразили звуки какой-то странной музыки.

По улицѣ тянулась процессія, но, благодаря лепетанью китайцевъ, мы не могли узнать, какая, только печальная. Одинъ твердилъ, на наши вопросы „sick“ (больной), но спутникъ нашъ, бывшій въ Китаѣ, объяснилъ, что это поминки по умершемъ. Двухъ женщинъ, закрытыхъ съ головы до ногъ кисейнымъ покрываломъ, вели подъ-руки. Впереди шли жрецы, потомъ какіе-то оборванцы въ рубищахъ, которые кричали, музыканты съ гонгами шли впередъ. Мы вышли изъ каретъ и вмѣшались въ процессію. Я не скажу чтобъ музыка была совсѣмъ нескладна—нѣтъ, въ ней есть мелодія, но скудная и странная. Процессія повернула въ узкій переулокъ, а мы отправились въ отель, на балконъ, сидѣть и лѣниться.

На слѣдующій день мы собрались осмотрѣть *новую гавань* и пришедшій изъ Австраліи пароходъ. Мы поѣхали въ гичкѣ. Погода была—превосходная, сказалъ бы я, еслибъ здѣсь была когда-нибудь другая. Мы въѣхали въ узенькій проливъ, между Сингапуромъ и другими маленькими островами, покрытыми ярко-изумруднаго цвѣта зеленью. Солнце такъ и лило потоки язвительныхъ лучей на скалы. Страшно подумать взойти туда, подъ эти стрѣлы, а китайцы и малайцы ползали тамъ голые, нѣкоторые безъ шляпъ. Отъ здѣшнихъ лучей, если они застанутъ европейца съ обнаженной головой, надо бѣжать прятаться подъ кровъ попроворнѣе, нежели иногда бѣжишь подъ крышу отъ ливня.

Европейскія дачи, деревеньки, берега—все тонетъ въ зелени; вездѣ густая трава и пальмы. Наконецъ пристали къ пристани и пошли на пароходъ. Но что̀ мнѣ пароходъ? Я вошелъ на минуту, да и долой, а товарищи мои, моряки, начали вглядываться во всякую гайку, винтъ. Я пошелъ по пристани. Запасные пакгаузы заперты тяжелыми дверьми, за которыми хранятся грузы, ожидающіе кораблей, для развоза въ Европу, въ Китай, или Австралію. Они стоятъ без-

молвные теперь; но чуть завѣетъ ожидаемый флагъ, эти двери изрыгнутъ милліоны, или поглотятъ ихъ. Тутъ же выстроены обширные угольные сараи. Болѣе сотни китайцевъ брали кули, пуда въ три-четыре, легко и ловко взбрасывали ихъ себѣ на шею и мчались во всю мочь на пароходъ, подъ этимъ солнцемъ, когда дышешь будто огнемъ. А они ничего: тѣло обнажено, голова открыта, потому-что въ тростниковой широкой шляпѣ неловко было бы носить на шеѣ кули; только косы, чтобъ не мѣшали, подобраны на затылкѣ, какъ у женщинъ. У многихъ совершенно женскія лица, гладкія; борода и усы почти не растутъ, а они еще ихъ брѣютъ до-нельзя. Много видно умныхъ, или, лучше сказать, смышлёныхъ, а болѣе лукавыхъ лицъ.

Мы прошли около всѣхъ этихъ торговыхъ зданій, пакгаузовъ, вошли немного на холмъ, къ кустамъ, подъ тѣнь пальмъ.—„Ахъ, еслибъ напиться!“ говорили мы: но чего? Тутъ берегъ пустой и только-что разработывается. Къ счастью наши матросы накупили себѣ ананасовъ и подѣлились съ нами, вырѣзывая такъ искусно средину спиралью, что любому китайцу въ пору.

Мы черезъ рейдъ отправились въ городъ, гоняясь по дорогѣ съ какой-то англійской яхтой, которая ложилась, то на правый, то на лѣвый галсъ, граціозно описывая круги. Но и наши матросы молодцы: въ бѣлыхъ рубашкахъ, съ синими каймами по воротникамъ, въ бѣлыхъ же фуражкахъ, съ растегнутой грудью, они, при словѣ: „навались! дай ходъ!“ разомъ вытягивали мускулистыя руки, всѣ шесть головъ падали на весла, и какъ львы, дерущіе когтями землю, раздирали веслами упругую влагу.

Мы въѣхали въ рѣчку и пошли бродить по знакомымъ уже рядамъ и улицамъ. Ноглазъ—несмотря на все разнообразіе лицъ и пестроту костюмовъ, на наготу и разноцвѣтность тѣлъ, на стройность и грацію индійцевъ, на суетли-

выхъ, желтоватыхъ китайцевъ, на коричневыхъ малайцевъ, у которыхъ ротъ, отъ безпрерывной жвачки бетеля, похожъ на трубку, изъ которой лѣтъ десять курили жуковскій табакъ, на груды товаровъ, фруктовъ, на богатую и яркую зелень, не смотря на все это, или, пожалуй, смотря на все, глазъ скоро утомляется, ищетъ чего-то и не находитъ: въ этой толпѣ нѣтъ самой живой ея половины, ея цвѣта, роскоши—женщинъ.

Представьте, что изъ шестидесяти тысячъ жителей, женщинъ только около семисотъ. Европеянокъ, женъ, дочерей консуловъ и другихъ, живущихъ по торговлѣ лицъ, немного, и тѣ, какъ цвѣты сѣвера, прячутся въ тѣнь, а китаянокъ и индіянокъ еще меньше. Мы видѣли въ предмѣстьяхъ нѣсколько китайскихъ противныхъ старухъ; молодыхъ почти ни одной; но за-то видѣли нѣсколько молодыхъ и довольно-красивыхъ индіянокъ. Огромныя золотыя серьги, кольца, серебряные браслеты на рукахъ и ногахъ, бросались въ глаза.

Европеянокъ можно видѣть у нихъ дома, или съ пяти часовъ до семи, когда онѣ катаются по эспланадѣ, опрокинувшись на эластическія подушки щегольскихъ экипажей, въ легкихъ, прозрачныхъ, какъ здѣшній воздухъ, тканяхъ, и въ шляпкахъ, неменѣе легкихъ, à jour: точно бабочка сидитъ на головѣ. Эти леди лѣниво проѣдутъ по прекрасной дорогѣ, подъ тѣнью великолѣпныхъ банановъ, пальмъ, близь зеленой пелены водъ, бахрамой разсыпающихся у самыхъ колесъ. Я только не понимаю одного: какъ чопорныя англичанки, къ которымъ въ спальню не смѣетъ войти родной братъ, при которыхъ нельзя произнести слово „панталоны", живутъ между этимъ народонаселеніемъ, которое ходитъ вовсе безъ панталонъ? Развѣ онѣ такъ вооружены аристократическимъ презрѣніемъ ко всему, что̀ ниже ихъ, какъ римскія матроны, которыя, не зная чувства стыда передъ рабами, мылись при нихъ и не удостоивали ихъ замѣчать?... Можетъ-быть и то: видно климатъ мѣняетъ нравы.

Еще одно, послѣднее сказаніе о Сингапурѣ, или скорѣе о дачѣ Вампоа. Купецъ этотъ пригласилъ насъ къ себѣ, не назначивъ, кого именно, въ какомъ числѣ, а просто сказалъ, что ожидаетъ къ себѣ въ четыре часа, и просилъ заѣхать къ нему въ лавку, откуда вмѣстѣ и поѣхать. Мы отправились въ пятеромъ и застали его въ лавкѣ, неподвижно, съ важностью Будды, сидящаго на своемъ мѣстѣ. Онъ двоихъ пригласилъ сѣсть съ собой въ карету, и самъ, какъ сидѣлъ въ лавкѣ, такъ въ той же кофтѣ, безъ шапки, и шагнулъ въ экипажъ. Прочіе размѣстились въ наемныхъ каретахъ. До дачи было мили три, то-есть около четырехъ верстъ. Вотъ моціонъ для кучеровъ—бѣгомъ, по жарѣ!

Гладкая, окруженная канавками дорога шла между плантацій, фруктовыхъ деревьевъ, или низменныхъ и болотистыхъ полей. Съ дороги уже видны густые, непроходимые лѣса, въ которыхъ гнѣздятся рыси, лѣнивцы, но всего болѣе тигры. Этихъ животныхъ не было, когда островъ Сингапуръ былъ пустъ, но лишь только онъ населился, какъ съ Малаккскаго полуострова стали переправляться эти звѣри и тревожить людей и домашнихъ животныхъ. Спортсменовъ еще не явилось для истребленія звѣрей, а теперь пока звѣри истребляютъ людей. Сингапуръ еще ожидаетъ своихъ Нимвродовъ. Говорятъ, тигры здѣсь такъ же велики и сильны, какъ на индійскомъ полуостровѣ: они одной породы съ ними. Круглымъ счетомъ истребляется звѣрями по человѣку въ два дня; особенно погибаетъ много китайцевъ, вѣроятно, потому, что ихъ тутъ до сорока, а прочихъ жителей до двадцати тысячъ. При насъ однако съ людьми ничего не случилось; но у одного китайца, который забрался подальше въ лѣсъ, тигръ утащилъ собаку.

Мы ѣхали около часа, какъ вдругъ наши кучера, въ одномъ мѣстѣ, съ дороги бросились и потащили лошадей и

экипажъ въ кусты.—„Куда это? ужъ не тигръ ли встрѣтился?“—„Нѣтъ, это аллея, ведущая къ дачѣ Вампоа“.

Что это такое? какъ я ни былъ приготовленъ найти что-нибудь оригинальное, какъ много ни слышалъ о томъ, что Вампоа богатъ, что онъ живетъ хорошо, но то̀, что̀ мы увидѣли, далеко превзошло ожиданіе. Онъ тотчасъ повелъ насъ показать садъ, которымъ окружена дача. Про китайскіе сады говорятъ много хорошаго и дурнаго. Одни утверждаютъ, что у китайцевъ вовсе нѣтъ чистаго вкуса, что они насилуютъ природу, устраивая у себя въ садахъ миньятюрныя горы, озера, скалы, что̀ давно признано смѣшнымъ и уродливымъ: а одинъ изъ нашихъ спутниковъ, прожившій десять лѣтъ въ Пекинѣ, сказывалъ, что китайцы, напротивъ, вѣрнѣе всѣхъ понимаютъ искусство садоводства, что они прорываютъ скалы, даютъ по произволу теченіе ручьямъ и устраиваютъ все то, о чемъ сказано, но не въ такихъ жалкихъ, а напротивъ грандіозныхъ размѣрахъ и что пекинскіе богдыханскіе сады представляютъ неподражаемый образецъ въ этомъ родѣ. Чему вѣрить? и тому и другому: что богдыханскіе сады устроены грандіознѣе и шире другихъ—это понятно; что у частныхъ людей это сжато, измельчено—тоже понятно. Но посмотримъ, каковъ садъ Вампоа.

Отъ дома шли большею частію узенькія аллеи во всѣ стороны, обсаженныя, или крупной породы деревьями, или кустами, или наконецъ цвѣтами. Хозяинъ, не только охотникъ, но и знатокъ дѣла. Онъ подробно объяснилъ намъ свойства каждаго растенія, которыя разсажены въ систематическомъ порядкѣ. Не стану исчислять всего, да и не съумѣю, отчасти потому, что забылъ, отчасти не разобралъ половину англійскихъ названій хорошенько, хотя Вампоа, живущій лѣтъ двадцать въ Сингапурѣ, говоритъ по-англійски какъ англичанинъ.—„Вотъ гвоздичное, вотъ перцовое дерево“, говорилъ хозяинъ, подводя насъ къ каждому кусту:

—„вотъ саговая пальма, терновыя яблоки, хлопчато-бумажный кустъ, хлѣбный плодъ“ и т. д., словомъ все, что производитъ Индія.

Между цвѣтами особенно интересны водяныя растенія, исполинскія лиліи и лотосъ: они росли въ наполненной водою канавѣ. Замѣчателенъ также растущій въ наполненной водою же, громадной вазѣ, кустъ, похожій немного на плющъ, привезенный сюда изъ Китая. Кругомъ корня, въ вазѣ, плавали золотыя рыбки. Кустъ этотъ, по объясненію хозяина, ростетъ такъ сильно, что если ему дать волю, то года черезъ два имъ покроется весь садъ, и между-тѣмъ, кромѣ воды, ему никакой почвы не нужно. Не знаю, правда ли это. Тутъ же смотрѣли мы красивое растеніе, листья котораго, сначала темнокрасные и угловатые, по мѣрѣ созрѣванія, переходятъ въ зеленый цвѣтъ и получаютъ гладкую, продолговатую форму. Бамбукъ и бананникъ разсажены въ саду, въ видѣ шпалеры, какъ загородки. Цвѣтовъ не оберешься, и одни великолѣпнѣе другихъ. Тутъ же было нѣсколько грядъ съ ананасами.

Я не пересказалъ и двадцатой доли всего, чтó тутъ было: меня, какъ простаго любителя, незнатока, занималъ болѣе общій видъ сада. Да, это Индія и Китай вмѣстѣ. Вотъ эти растенія, чада тропическихъ лучей, нѣжно-воспитанные любимцы солнца, аристократія природы! Все пышно убрано, или цвѣтуще, или ароматично; все носитъ въ себѣ тонкій даръ природы, назначенный не для простыхъ и грубыхъ надобностей. Тутъ не добудешь дровъ и не насытишь грубаго голода, не выстроишь ни дома, ни корабля: наслаждаешься этими тонкими издѣліями природы, какъ произведеніями искусствъ. На каждомъ деревѣ и кустѣ лежитъ такая своеобразная и яркая красота, что не пройдешь мимо его незамѣтно, не смѣшаешь одного съ другимъ. И Вампоа, мастер-

ски, съ умомъ и любовью, расположилъ растенія въ своемъ саду, какъ картины въ галлереѣ.

Кромѣ растеній, въ саду, есть помѣщенія для разныхъ животныхъ. Настроено нѣсколько башенокъ, съ рѣшетчатыми вышками, для голубей, которые мельче, но пестрѣе и красивѣе нашихъ, а для фазановъ и другихъ птицъ поставлена между кустами огромная проволочная клѣтка. Мы вошли въ нее, и испуганные павлины, цапли и еще какія-то необыкновенныя бѣлыя утки, съ красными наростами около носа и глазъ, какъ у пьяницъ, стаей бросились отъ насъ въ разныя стороны. Перешли мостикъ, мимо водяныхъ растеній, и подошли къ сараю, гдѣ тоже шарахнулись по угламъ отъ насъ дикія козы и малорослые олени. Особо, тутъ же, за проволочной дверью, сидѣлъ казуаръ—высокая, сильная птица, съ толстыми ногами и ступнями, похожими на лошадиныя. Хозяинъ сказывалъ, что казуаръ лягается ногами, почти такъ же сильно, какъ лошадь. Но при насъ онъ выказывалъ себя съ самой смѣшной стороны. Когда мы подходили къ его клѣткѣ, онъ поспѣшно удалялся отъ насъ, метался во всѣ четыре угла, какъ-будто отъискивая еще пятаго, чтобъ спрятаться; но когда мы уходили прочь, онъ бѣжалъ къ двери, сердился, поднималъ ужасную возню, топалъ ногами, билъ крыльями въ дверь, клевалъ ее—словомъ, такъ и просился, по характеру, въ басни Крылова.

Наконецъ хозяинъ показалъ послѣдній замѣчательный предметъ—превосходную арабскую лошадь, совершенно бѣлую, съ серебристымъ отливомъ. Замѣтно, что онъ холитъ ее: она также почти толста и гладка, какъ онъ самъ.

Мы пошли въ домъ. Онъ еще замѣчательнѣе сада.

Изъ просторныхъ сѣней, съ рѣзными дверями, мы поднялись, по деревянной, устланной цыновками лѣстницѣ, вверхъ, въ полумрачныя отъ жалюзи комнаты, сообщающіяся круглыми дверьми. Вездѣ стѣны и мебель тонкой рѣзной работы,

золоченыя ширмы, длинныя крытыя галлереи, со всѣми затѣями утонченной роскоши; бронза, фарфоръ; по стѣнамъ фигуры, арабески.

Европейскій комфортъ и восточная роскошь подали здѣсь другъ другу руку. Это дворецъ невидимой феи, индійской пери, самой Сакунталы, можетъ-быть. Вотъ, кажется, слѣды ея ножекъ: вотъ кровать, закрытая едва-осязаемой кисеей, висячія лампы и цвѣтные китайскіе фонари, роскошный европейскій диванъ, а рядомъ длинное и широкое бамбуковое кресло. Здѣсь рѣзныя золоченыя колонны, служащія преддверіемъ ниши, гдѣ богиня покоится въ жаркіе часы дня, подъ дуновеніемъ висячаго вѣера.

Но богини нѣтъ: около насъ ходитъ, будто самъ индійскій идолъ—эмблема обилія и плодородія, Вампоа. Неужели это онъ отдыхаетъ подъ кисеей въ нишѣ, на него вѣетъ прохладу вѣеръ, его закрываютъ ревнивыя жалюзи и золоченыя рѣзныя ширмы отъ жара? Будто? А зачѣмъ же въ домѣ три или четыре спальни? Чьи, вонъ это, крошечныя туфли прячутся подъ постель? Чьи это мелочи, корзиночки? Кто тутъ садится около круглаго стола, на которомъ разбросаны шелкъ, нитки и другіе слѣды рукодѣлья?

Всѣ комнаты оживлены чьимъ-то таинственнымъ присутствіемъ: много цвѣтовъ, китайская библіотека, вазы, ларчики. Мы пріѣздомъ своимъ какъ-будто спугнули кого-то. Но въ домѣ не слыхать ни шороха, ни шелеста. А вонъ два-три туалета: нѣтъ сомнѣнія, у Вампоа есть жена, можетъ-быть, двѣ-три. Гдѣ жъ онѣ? Что̀ эта вилла безъ нихъ, съ своей позолотой, огромными зеркалами, рѣзными шкапами и другими чудесами китайской природы и искусства, не исключая и хозяина?

Хозяинъ пригласилъ насъ въ гостиную, за большой круглый столъ уставленный множествомъ тарелокъ и блюдъ съ свѣжими фруктами и вареньями. Потомъ слуги принесли

графины съ хересомъ, портвейномъ, и бутылки съ элемъ. Мы попробовали послѣдняго и не могли опомниться отъ удовольствія: пиво было холодно какъ ледъ, такъ-что у меня заныль зубъ. Подали воды, тоже прехолодной. Хозяинъ объяснилъ, что у него есть глубокіе подвалы; сверхъ-того, онъ нарочно велѣлъ нахолодить пиво и воду селитрой.

Мы стали сбираться домой, обошли еще разъ всѣ комнаты, вышли на идущія кругомъ дома галлереи: чтó за виды! какой пламенный закатъ! Какой пожаръ на горизонтѣ! Въ какія краски одѣлись эти деревья и цвѣты! какъ жарко дышатъ они! Уже-ли это то солнце, которое свѣтитъ у насъ? Я вспомнилъ косвенные, блѣдные лучи, потухающіе на березахъ и соснахъ, остывшія, съ послѣднимъ лучомъ, нивы, влажный паръ засыпающихъ полей, блѣдный слѣдъ заката на небѣ, борьбу дремоты съ дрожью въ сумерки и мертвый сонъ въ ночи усталаго человѣка—и мнѣ вдругъ захотѣлось туда, въ ту милую страну, гдѣ... холоднѣе.

Мы уѣхали. Дорогой я видѣлъ, какъ, сквозь багровое зарево заката, блѣдно мерцали уже звѣзды, готовясь вдругъ вспыхнуть, лишь только исчезнетъ солнце. Скоро яркій пурпурный блескъ уступилъ мягкимъ, нѣжнымъ тонамъ, и мы еще не доѣхали до города, какъ небо, лѣсъ—все стало другое.

Въ городѣ уже сіяли огни; особенно ярко освѣщаются китайскіе ряды разноцвѣтными бумажными фонарями. На эспланадѣ, подъ баніаномъ, гремѣла музыка. Мы остановились тутъ и пробыли до глубокой ночи. Въ темнотѣ я наткнулся на какого-то француза, съ которымъ разговорился о городѣ, о жителяхъ, о странѣ. Я спросилъ его, между-прочимъ, какъ четыреста человѣкъ европейцевъ мирно уживаются съ шестьюдесятью тысячами народонаселенія, при рѣзкомъ различіи ихъ въ вѣрѣ, понятіяхъ, цивилизаціи? Онъ сказалъ, что полиція, которая большею частью состоитъ изъ

сипаевъ, то-есть служащихъ въ англійскомъ войскѣ индійцевъ, довольно-многочисленна и бдительна, притомъ всѣ цвѣтныя племена питаютъ глубокое уваженіе къ бѣлымъ.

Въ началѣ іюня мы оставили Сингапуръ. Недѣли было черезчуръ много, чтобъ познакомиться съ этимъ мѣстомъ. Еслибъ мы еще остались день, то не знали бы, что̀ дѣлать отъ скуки и жара. Нѣтъ, Индія не по насъ! И англичане бѣгутъ изъ нея, при первомъ удобномъ случаѣ, спасаться отъ климата, на мысъ Доброй Надежды, въ портъ Джаксонъ—словомъ, дальше отъ экватора, отъ этихъ палящихъ дней, отъ безпрохладныхъ ночей, отъ мѣстъ, гдѣ нельзя безнаказанно ѣсть и пить, какъ ѣдятъ и пьютъ англичане.

Я радъ, что былъ въ Сингапурѣ, но оставилъ его безъ сожалѣнія; и если возвращусь туда, то безъ удовольствія, и только по-неволѣ.

До свиданія.

Китайское море.
Іюль, 1853 года.

VII.

ГОН-КОНГЪ.

Видъ рейда и города.—Улица съ дворцами и китайскій кварталъ.—Китайцы и китаянки.—Клубъ и казармы.—Посѣщеніе фрегата епископомъ и генералъ-губернаторомъ.—Заведеніе Джердина и Маттисона.

Я не писалъ къ вамъ изъ Гон-Конга (или правильнѣе, по-китайски: Хонкона): не было возможности писать—такъ жарко. Я не понимаю, какъ тамъ люди сидятъ въ конторахъ, пишутъ, считаютъ, издаютъ журналы! Солнце стояло

въ зенитѣ, когда мы были тамъ, лучи падали прямо—прошу заняться чѣмъ-нибудь! Пишу теперь въ морѣ и не знаю, когда и гдѣ отправлю письмо; развѣ изъ Китая; но въ Китай мы пойдемъ уже изъ Японіи. Все равно: я хочу только сказать вамъ нѣсколько словъ о Гон-Конгѣ, и то единственно по обѣщанію говорить о каждомъ мѣстѣ, въ которомъ побываемъ, а собственно о Гон-Конгѣ сказать нечего, или если уже говорить, какъ слѣдуетъ, то надо написать цѣлый торговый, или политическій трактатъ, а это не мое дѣло: помните уговоръ—что̀ писать!

Съ перваго раза, какъ станешь на гон-конгскій рейдъ, подумаешь, что пріѣхалъ въ путное мѣсто: куда ни оглянешься, все высокіе зеленые холмы, безъ деревьевъ, правда, но приморскія мѣста, чуть подальше отъ экватора и тропиковъ, почти всѣ лишены растительности. Подумаешь, что деревья тамъ гдѣ-нибудь, подальше, въ долинахъ: а здѣсь надо вообразить ихъ очень подальше, безъ надежды дойти или доѣхать до нихъ. Глядите на мѣстность самаго островка Гон-Конга и взглядъ вашъ вездѣ упирается, какъ въ стѣну, въ красножелтую гору, мѣстами зеленую отъ травы. У подошвы ея, по берегу, толпятся домы и, между ними, какъ на показъ, выглядываютъ кое-гдѣ пучки банановыхъ листьевъ, которые сквозятъ и желтѣютъ отъ солнечныхъ лучей, да еще видна иногда изъ-за забора, будто широкая метла, верхушка убитаго солнцемъ дерева.

За-то песку и камней неистощимое обиліе. Англичане съумѣли воспользоваться и этимъ матеріаломъ. На высотахъ горы, въ разныхъ мѣстахъ вы видите, то одиноко стоящій каменный домъ, то расчищенное для постройки мѣсто: трудъ и искусство дотронулись уже до скалъ. Поглядѣвъ на великолѣпные домы набережной, вы непремѣнно дорисуете мысленно видъ, который приметъ современемъ и гора. Китайцамъ конечно не грезилось, когда они, въ 1842 году, по

нанкинскому трактату, уступали англичанамъ этотъ безплодный камень, вмѣсто цвѣтущаго острова Чусана, во что̀ превратятъ камень рыжіе варвары. Еще менѣе грезилось, что они же, китайцы, своими руками и на свою шею, будутъ обтесывать эти камни, складывать въ стѣны, въ брустверы, ставить пушки...

Все это сдѣлано. Городъ Викторія состоитъ изъ одной, правда, улицы, но на ней почти нѣтъ ни одного дома; я ошибкой сказалъ выше *домы:* это все дворцы, которые основаніями своими купаются въ заливѣ. На море обращены балконы этихъ дворцовъ, осѣненные тѣми тощими бананами и пальмами, которые видны съ рейда и которые придаютъ такой же эффектъ пейзажу, какъ принужденная улыбка грустному лицу.

Дня три я не сходилъ на берегъ: нездоровилось и не влекло туда, не вѣяло свѣжестью и привольемъ. Наконецъ, на четвертый день, мы съ Н. поѣхали на шлюпкѣ, сначала вдоль китайскаго квартала, состоящаго изъ двухъ частей народонаселенія: одна часть живетъ на лодкахъ, другая въ домишкахъ, которые всѣ сбиты въ кучу и лѣпятся на самомъ берегу, а иные утверждены на сваяхъ, на водѣ. Лодки, съ семействами, стоятъ рядами на одномъ мѣстѣ, или разъѣзжаютъ по рейду, занимаясь рыбной ловлей, торгуютъ, не то такъ перевозятъ людей съ судовъ на берегъ и обратно. Всѣ онѣ съ навѣсомъ, въ родѣ каютъ. Вездѣ увидишь семейныя сцены: обѣдаютъ, занимаются рукодѣльемъ, или мать кормитъ грудью ребенка.

Мы пристали къ одной изъ множества пристаней европейскаго квартала, и сквозь какой-то купеческій домъ, черезъ толпу китайцевъ, продавцовъ и носильщиковъ (кули), сквозь всѣ возможные запахи, протѣснились на улицу, думая тамъ вздохнуть свободно. Но потянувъ воздухъ въ себя, мы глотнули будто горячаго пара, сдѣлали нѣсколько ша-

говъ и уже должны были подумать объ убѣжищѣ, куда бы укрыться въ настоящую, прохладную тѣнь, а не ту, которая покоилась по одной сторонѣ великолѣпной улицы. Солнце жжетъ и въ тѣни. Мы добѣжали до какого-то магазина, гдѣ навалены тюки всякихъ товаровъ и гдѣ, на полкахъ, между прочимъ, стояли и аптекарскіе матеріалы. Тутъ же продавали почему-то содовую воду, limonade gazeuse. Англичане и здѣсь пьютъ его съ примѣсью brandy, то-есть коньяку, для уравновѣшенія будто-бы внѣшней температуры съ внутренней.

Я и прежде слыхалъ объ этомъ способѣ уравновѣшенія температуръ, но признаюсь, всегда подозрѣвалъ въ этомъ лукавство: случалось мнѣ видѣть у насъ, въ Россіи, что нѣкоторые, стыдясь выпить откровенно рюмку водки, особенно вторую или третью, прикрываются локтемъ или рукавомъ: это, кажется, то же самое. Иные даже приправляютъ лукавство свое ссылкой на то, что ромъ и коньякъ даны-де жаркимъ климатомъ нарочно для этого уравновѣшенія... Не совѣтую прибѣгать къ такому способу: это значитъ портить свѣжесть желудка усиленнымъ раздраженіемъ, учетверить силу жара и изнемочь подъ бременемъ его. Я послушался однажды и для опыта попробовалъ уравновѣсить двѣ температуры и создалъ себѣ на цѣлый день невыносимую пытку. Некуда было дѣться, нечѣмъ залить палящую сухость рта и желудка.

Напротивъ, при воздержаніи отъ мяса, отъ всякой тяжелой пищи, также отъ пряностей (нужды нѣтъ, что онѣ тоже родятся въ жаркихъ мѣстахъ), а болѣе всего отъ вина, легко выносишь жаръ; грудь, голова и легкія—въ нормальномъ состояніи и зной „допекаетъ“ только снаружи. Я увѣренъ, что если постоянно употреблять въ пищу рисъ, зелень, немного рыбы и живности, то можно сносить такъ же легко жаръ, какъ и въ Россіи. Но... но И. А. Т. не даетъ

жить, даже въ Индіи и Китаѣ, какъ хочется: онъ такъ подозрительно смотритъ, когда откажешься за обѣдомъ отъ блюда баранины или свинины, отъ слоенаго пирога—того и гляди обидится и спроситъ: — „Развѣ дурна баранина, черствъ пирогъ?“ или патетически воскликнетъ, обратясь ко всѣмъ: — „Посмотрите, господа: ему не нравится столъ! Если мои распоряженія дурны, если я неспособенъ, не умѣю, такъ изберите другаго...“ Нѣтъ, ужъ пусть будетъ томить жаръ—куда не шло!

Отдохнувъ, мы пошли опять по улицѣ, глядя на дворцы, на великолѣпные подъѣзды, прохладныя сѣни, сквозныя галлереи, наглухо запертыя окна. Въ домахъ не видать признака жизни, а между-тѣмъ въ нихъ и изъ нихъ вбѣгаютъ и выбѣгаютъ кули, тащатъ товары, письма, входятъ и выходятъ англичане, подъ огромными зонтиками, въ соломенныхъ или полотняныхъ шляпахъ, и всѣ до одного, и мы тоже, въ бѣлыхъ курткахъ, безъ жилета, съ едва замѣтнымъ признакомъ галстуха. Конторы всѣ отперты настежь: тамъ китайцы, подъ присмотромъ англичанъ, упаковываютъ и распаковываютъ тюки, складываютъ въ груды и несутъ на лодки, а лодки везутъ къ кораблямъ. Китайцы одни безтрепетно наполняютъ улицы, сидятъ кучами у подъѣздовъ, ожидая работы, носятъ въ паланкинахъ европейцевъ. Всюду мелькаютъ ихъ голыя плечи, спины, ноги и головы, покрытыя только густо-сложенной въ два ряда косой.

Мы дошли до китайскаго квартала, который начинается тотчасъ послѣ европейскаго. Онъ состоитъ изъ огромнаго ряда лавокъ, съ жильемъ вверху, какъ и въ Сингапурѣ. Лавки небольшія, съ матеріями, посудой, чаемъ, фруктами. Тутъ же помѣщаются ремесленники, портные, сапожники, кузнецы и прочіе. У дверей сверху до полу висятъ вывѣски: узенькія, въ четверть аршина, лоскутки бумаги, съ китайскими буквами. Продавцы, всѣ рѣшительно голые, сидятъ на прилавкахъ, сложа ноги подъ себя.

Мы зашли въ лавку съ фруктами, лежавшими грудами. Кромѣ ананасовъ и маленькихъ апельсиновъ, называемыхъ мандаринами, всѣ остальные были намъ неизвѣстны. Ананасы издавали свой пронзительный ароматъ, а отъ продавца несло чеснокомъ, да тутъ же рядомъ, изъ лавки съ съѣстными припасами, примѣшивался запахъ почти трупа отъ развѣшенныхъ на солнцѣ мясъ, лежащей кучами рыбы, внутренностей животныхъ, и еще какихъ-то предметовъ, которые не хотѣлось разглядывать.

Добрый К. Н. перепробывалъ, по моей просьбѣ, всѣ фрукты и вѣрно передавалъ мнѣ понятіе о вкусѣ каждаго. —„Это сладко, съ пріятной кислотой, а это дряблый, невкусный; а этотъ", говорилъ онъ про какой-то небольшой, облеченный красной кожицей плодъ, больше похожій на ягоду,—„отзывается печенымъ лукомъ" и т. д.

Мы дошли по китайскому кварталу до моря и до пловучаго населенія, потомъ поднялись на горку и углубились въ переулокъ—продолженіе китайскаго квартала. Тамъ такія же лавки, такая же нечистота. Здѣсь, въ этомъ чаду криковъ, запаховъ, въ тѣснотѣ, среди клѣтушекъ и всякой всячины, наваленной грудами, китайцы какъ-то веселѣе, привольнѣе смотрятъ: они тутъ учредили свой маленькій Китай —и счастливы! Въ европейскомъ кварталѣ, просторъ, свѣжесть, чистота и великолѣпіе, стѣсняютъ ихъ; они похожи тамъ на рыбъ, которыхъ, изъ грязной, болотной рѣчки, пересадили въ фарфоровый бассейнъ, наполненный прозрачною водою: негдѣ спрятаться, пріютиться, стянуть, надуть, выпачкаться и выпачкать ближняго.

Обойдя быстро весь кварталъ, мы уперлись въ гору, которая въ этомъ мѣстѣ была отрѣзана искусственно и состояла изъ гладкой отвѣсной стѣны; тутъ предполагалась новая улица. Здѣсь толпился цѣлый полкъ рабочихъ; они рыли землю, обтесывали камни, возили мусоръ. Это все пересе-

ленцы изъ португальской колоніи Макао. Едва англичане затѣяли здѣсь поселеніе и кликнули кличъ, какъ Макао опустѣлъ почти совсѣмъ. Работа, слѣдовательно хлѣбъ и деньги, переманили сюда до тридцати тысячъ китайцевъ. Вмѣсто нищенства въ Макао, они предпочли здѣсь безконечный трудъ и неизсякаемую плату. Ихъ не испугали, свирѣпствовавшія вначалѣ эпидемическія лихорадки. Они, подъ руководствомъ англичанъ, принялись очищать и осушать почву: эпидемія унялась и переселеніе усилилось.

Мы спустились съ возвышенія и вошли опять въ китайскій кварталъ, прошли, между-прочимъ, мимо одного дома, у окна котораго голый молодой китаецъ наигрывалъ на инструментѣ, въ родѣ гитары, скудный и монотонный мотивъ. Изъ-за него выглядывало нѣсколько женщинъ. Не все однакожъ голые китайцы ходятъ по городу: это только носильщики, чернорабочіе и сидѣльцы въ лавкахъ. Повыше сословія одѣты прилично; есть даже франты, въ бѣлоснѣжныхъ кофтахъ и въ атласныхъ шароварахъ, въ туфляхъ на толстой подошвѣ, и съ косой, черной, густой, лоснящейся и висящей до пятокъ, съ богатымъ вѣеромъ, которымъ они прикрываютъ голову отъ солнца. Женщины, попроще, ходятъ по городу сами, а тѣхъ, которыя богаче или важнѣе, водятъ подъ-руки. Ноги у всѣхъ болѣе или менѣе изуродованы; а у которыхъ „отъ невоспитанія, отъ небрежности родителей“ уцѣлѣли въ природномъ видѣ, тѣ поддѣлываютъ, подъ настоящую ногу, другую искусственную, но такую маленькую, что рѣшительно не могутъ ступить на нее, и потому ходятъ съ помощью прислужницъ. Несмотря на длинныя платья, въ которыя закутаны китаянки отъ горла до полу, я случайно, при дуновеніи вѣтра, вдругъ увидѣлъ хитрость. Женщины, съ оливковымъ цвѣтомъ лица и съ черными, не много узкими глазами, одѣваются больше въ темные цвѣта. Съ прической à la chinoise, и роскошной кучей

черныхъ волосъ, прикрѣпленной на затылкѣ большой золотой или серебряной булавкой, онѣ не непріятны на видъ.

Мы едва добрались до европейскаго квартала и пошли въ отель, содержимую полякомъ. Онъ сказалъ, что жилъ года два въ Москвѣ, когда ему было лѣтъ четырнадцать, а теперь ему болѣе сорока лѣтъ. Я хотѣлъ заговорить съ нимъ по-русски, но онъ не помнитъ ни слова. Въ закрытой отъ жара комнатѣ, намъ подали на завтракъ, онъ же и обѣдъ, вкусной нѣжной рыбы и жесткой ветчины, до которой однако мы не дотрогивались. П. сѣлъ потомъ въ паланкинъ и велѣлъ нести себя къ какому-то банкиру, а я отправился дальше по улицѣ къ великолѣпнымъ, построеннымъ четыреугольникомъ, казармамъ. Я прошелъ бульваръ, съ тощими, жалкими деревьями, и пошелъ по взморью. Стало не такъ жарко, съ залива вѣяло прохладой. На набережной я увидѣлъ множество крупныхъ, красныхъ насѣкомыхъ, которыя перелетали съ мѣста на мѣсто: мнѣ хотѣлось взять ихъ нѣсколько и принести Г. Гоняясь за ними, я нечувствительно увлекся въ ворота казармъ и очутился на огромномъ дворѣ, который служитъ плацпарадомъ для ученья полка.

Меня съ балкона увидѣли англійскіе офицеры, сошли внизъ и пригласили войти къ нимъ, to drink a glass of wine (на рюмку вина). Мы вошли въ одну изъ комнатъ, въ которой мебель, посуда—все подтвердило то, что́ говорятъ о роскоши образа жизни офицеровъ. Серебро и тончайшее бѣлье —обыкновенная сервировка ихъ мессъ и обѣденныхъ столовъ. Офицеры содержатъ общій столъ, и такъ строго придерживаются этого офицерско-семейнаго образа жизни, что рѣдко отлучаются отъ обѣда. Кругомъ всего зданія идетъ обширный каменный балконъ, или веранда, гдѣ въ бамбуковыхъ креслахъ, лѣниво дремлютъ въ часы сіесты хозяева казармъ. Я отказался отъ вина и меня угостили лимонадомъ.

Поздно вечеромъ, при водворившейся, страстной, свер-

кающей и обаятельной ночи, вернулся я къ пристани, гдѣ засталъ и П., ожидающаго шлюпки. Между-тѣмъ тутъ стояла китайская лодка; въ ней мы увидѣли, при лунномъ свѣтѣ, двѣ женскія фигуры.—„Зачѣмъ шлюпка?“ сказалъ я;—„вотъ перевозчицы: сядемъ“. Мы сѣли, и обѣ женщины, ухватясь за единственное весло, прикрѣпленное къ кормѣ, начали живо поворачивать имъ направо и налѣво. Луна свѣтила имъ прямо въ лицо: одна была старуха, другая лѣтъ пятнадцати, блѣдная, съ черными, хотя узенькими, но прекрасными глазами; волосы прикрѣплены на затылкѣ серебряной булавкой.—„Везите на русскій фрегатъ!“ сказали мы.—„Two shillings!“ (два шиллинга) объявила цѣну молодая.—„Сто фунтовъ стерлинговъ такой хорошенькой!“ сказалъ мой товарищъ.—„Дорого“, замѣтилъ я.—„Two shillings!“ повторила она монотонно.—„Ты не здѣшняя, должно-быть, потому что слишкомъ бѣла? Откуда ты? какъ тебя зовутъ?“ допрашивалъ П., стараясь подвинуться къ ней ближе.—„Я изъ Макао; меня зовутъ Этола“, отвѣчала она по-англійски, скрадывая, по обыкновенію китайцевъ, нѣкоторые слоги.—„Two shillings“, прибавила потомъ, помолчавъ.—„Какая хорошенькая!“ продолжалъ мой товарищъ: —„покажи руку, скажи, который тебѣ годъ? Кто тебѣ больше нравится: мы, англичане, или китайцы?“ — „Two shillings“, отвѣчала она. Мы подъѣхали къ фрегату; мой спутникъ взялъ ее за руку, а я пошелъ уже на трапъ.—„Скажи мнѣ что-нибудь, Этола?“ говорилъ онъ ей, держа за руку. Она молчала.—„Скажи же, что ты...“—„Two shillings“, повторила она. Я со смѣхомъ, а онъ со вздохомъ, отдали деньги и разошлись по своимъ каютамъ.

И здѣсь, какъ въ Англіи и въ Капштатѣ, предоставили намъ свободный входъ въ клубъ. Клубъ—это образцовый дворецъ въ своемъ родѣ: учредители не пощадили издержекъ, чтобъ придать помѣщенію клуба такую же роскошь,

какая заведена въ лондонскихъ клубахъ. Нѣсколько больших залъ обращены окнами на заливъ, веранда, камины, окна обложены мраморомъ; вездѣ бронза, хрусталь; отличныя зеркала, изящная мебель—все привезено изъ Англіи. Но—увы! залы стоятъ пустыя; на-силу докличетесь соннаго слуги-китайца, закажете обѣдъ и заплатите втрое противъ того, что̀ онъ стоитъ тутъ же рядомъ, въ трактирѣ. Клубъ близокъ къ банкротству. Европейцы сидятъ большую часть дня по своимъ угламъ, а по вечерамъ предпочитаютъ собираться въ семейныхъ кружкахъ—и клубъ падаетъ. Но что̀ за наслажденіе покоиться на этой широкой верандѣ подъ-вечеръ, когда ночная прохлада смѣнитъ зной!

Въ шесть часовъ вечера все народонаселеніе высыпаетъ на улицу, по взморью, по бульвару. Появляются пѣшіе, верховые офицеры, негоціанты, дамы. На лугу, близь дома губернатора, играетъ музыка. Недалеко оттуда, на горѣ, въ каменномъ домѣ, живетъ генералъ, командующій здѣшнимъ отрядомъ, и тутъ же близко помѣщается въ зданіи, въ родѣ монастыря, итальянскій епископъ, съ нѣсколькими монахами.

Наши уѣхали въ Кантонъ, а я въ это время лежалъ въ лихорадкѣ и въ полуснѣ слышалъ, какъ спускали катеръ. Меня разбудилъ громовой ударъ; гроза разразилась въ минуту отъѣзда нашихъ. Оправясь, я каждый день ѣздилъ на берегъ, ходилъ по взморью и нетерпѣливо ожидалъ дня отъѣзда. На фрегатъ ѣздили ежедневно посѣтители съ берега, которыхъ я долженъ былъ принимать. Между-прочимъ однажды пріѣхали два монаха, отъ имени епископа, и объявили, что вслѣдъ за ними явится и самъ монсиньоръ. Но у насъ, на фрегатѣ, пользуясь отсутствіемъ адмирала и капитана, конопатили палубу въ ихъ каютахъ; пакля лежала кучами; всѣ щели залиты смолой, которая еще не высохла. Я убѣдилъ монаховъ попросить епископа отложить свое посѣщеніе до пріѣзда адмирала.

По пріѣздѣ адмирала, епископъ сдѣлалъ ему визитъ. Его сопровождала свита изъ четырехъ миссіонеровъ, изъ которыхъ двое были испанскіе монахи, одинъ французъ и одинъ китаецъ, учившійся въ знаменитомъ римскомъ училищѣ пропаганды. Онъ сохранялъ свой китайскій костюмъ, чтобъ свободнѣе ѣздить по Китаю, для сношеній съ тамошними христіанами и для обращенія новыхъ. Всѣ они завтракали у насъ: разговоръ съ епископомъ, итальянцемъ, происходилъ на французскомъ языкѣ, а съ китайцемъ О. А. говорилъ по-латыни.

Вслѣдъ за ними посѣтилъ насъ англійскій генералъ-губернаторъ (governor of the strait—губернаторъ пролива, то-есть гон-конгскій), онъ же и полномочный отъ Англіи въ Китаѣ. Зовутъ его сэръ Бонэмъ (sir Bonham). Ему отданы были тѣ же почести, какими онъ встрѣтилъ нашего адмирала на берегу: играла музыка, палили изъ пушекъ.

Я ходилъ часто по берегу, посѣщалъ лавки, вглядывался въ китайскую торговлю, напоминающую во многомъ наши гостиные дворы и ярмарки, покупалъ разныя бездѣлки, между-прочимъ, чаю—такъ, для пробы. Отличный чай, какой у насъ стоитъ рублей пять, продается здѣсь (это ужъ изъ третьихъ или четвертыхъ рукъ) по тридцати коп. сер., и самый лучшій по шестидесяти коп. за англійскій фунтъ. Сигары здѣсь манильскія, самый низшій сортъ, чируты, и изъ Макао: послѣднія рѣшительно никуда не годятся.

Накупивъ однажды всякой всячины, я отдалъ все это кули, который положилъ покупки въ корзину и пошелъ за мной. Но Ѳаддеевъ, бывшій со мной, не вытерпѣлъ этого, вырвалъ у него корзину и понесъ самъ. Я никакъ не могъ вселить въ него желанія сыграть роль иностранца и барина, и все шествіе наше до пристани было постоянной дракой Ѳаддеева съ кули, за корзинку. Я нанялъ лодку и посадилъ въ нее Ѳаддеева, но и кули послѣдовалъ за нимъ и возобно-

вилъ драку. Китайцы съ лодокъ подняли крикъ; кули приставалъ къ Ѳаддееву, который, какъ мандаринъ, усѣлся-было въ лодку и ухватилъ обѣими руками корзину. Лодочникъ не хотѣлъ везти, ожидая окончанія дѣла. Ѳаддеевъ пошелъ-было съ корзиной опять на берегъ — его непускаютъ. — „Позволь в. в., я ихъ рѣшу", сказалъ онъ, взявъ одной рукой корзину, а другою энергически расталкивая китайцевъ, и выбрался на берегъ. Я ушелъ, оставя его развѣдываться ка́къ знаетъ, и только издали видѣлъ ка́къ онъ, точно медвѣдь среди стаи собакъ, отбивался отъ китайцевъ, колотя ихъ по протянутымъ къ нему рукамъ. Потомъ видѣлъ ужъ его, гордо удалявшагося на нашей шлюпкѣ, съ одними покупками но безъ корзины, которая принадлежала кули и была предметомъ схватки, по нашей недогадливости.

Въ одномъ углу обширнаго гон-конгскаго рейда устроено торговое заведеніе, съ верфью, Джердина и Маттисона. Мы вчетверомъ поѣхали осмотрѣть этотъ образчикъ неутомимой энергіи и неутолимой жадности и предпріимчивости англичанъ. Стенъ-Биль, командиръ датскаго корвета „Галатея", полагаетъ, что англичане слишкомъ много посадили въ Гон-Конгъ труда и денегъ и что предпріятіе не окупится. По занятіи этого острова, сюда бросились купцы изъ Калькутты, изъ Сингапура, и нѣкоторые изъ нихъ убили всѣ свои капиталы, надѣясь на близость китайскаго рынка и на сбытъ опіума. Но до сихъ-поръ это не оправдывается. Можетъ быть опасеніе за торговую неразсчетливость какого-нибудь Джердина и справедливо, но за то обладаніе Гон-Конгомъ, пушки, свой рейдъ—все это у порога Китая, обезпечиваетъ англичанамъ торговлю съ Китаемъ навсегда, и этотъ островокъ будетъ, кажется, вѣчнымъ бѣльмомъ на глазу китайскаго правительства.

Въ заведеніи Джердина выстроенъ дворецъ, около него разбитъ садъ и паркъ; другія зданія возводятся. При насъ

толпы работниковъ мостили на грунтъ плиты; у берега стояло нѣсколько судовъ. Полудня еще не было, когда мы вошли на пристань и поспѣшно скрылись въ слабую тѣнь молодаго сада. Стрекотанье насѣкомыхъ, съ приближеніемъ полудня, было такъ сильно, что могло поспорить съ большимъ оркестромъ. Мы, утомленные, сидѣли на скамьѣ, поглядывая на стеклянные двери дворца и ожидая, не выйдетъ ли гостепріимный хозяинъ, не позоветъ ли въ сѣнь мраморныхъ залъ, не дастъ ли освѣжиться стаканомъ лимонада? Но двери были заперты, никто не показывался. Докторъ нашъ неутомимо преслѣдовалъ насѣкомыхъ, особенно большихъ, черныхъ, точно изъ бархата, бабочекъ. Возвращаясь на пристань, мы видѣли въ толпѣ китайцевъ женщину, которая, держа голаго ребенка на рукахъ, мочила пальцы во рту и немилосердо щипала ему спину вдоль позвоночнаго хребта. Ребенокъ барахтался, отчаянно визжалъ. Наказанье это, или леченье?

Однако нѣтъ возможности писать: качка ужасная; командуютъ „четвертый рифъ брать". Съ мыса Доброй Надежды такого шторма не было. Пойду посмотрю, что дѣлается...

Китайское море.
8-го іюня.

VIII.

ОСТРОВА БОНИНЪ-СИМА.

Китайское море.—Шквалы.—Выходъ въ Тихій океанъ.—Ураганъ.—Штили и жары.—Островъ Пиль, портъ Ллойдъ.—Корветъ «Оливуца» и транспортъ Американской компаніи «Князь Меньшиковъ».—Курьеры изъ Россіи.—Поселенцы.—Прогулка, обѣдъ и вечеръ на берегу.

Съ 26 іюня по 4 августа 1853 года.

Конечно, всякому изъ васъ, друзья мои, случалось сидя въ осенній вечеръ дома, подъ надежной кровлей, за чайнымъ

*

столомъ, или у камина, слышать, ка́къ вдругъ пронзительный вѣтеръ рвянется въ двойныя рамы, стукнетъ ставнемъ и иногда сорветъ его съ петель, завоетъ, какъ звѣрь, пронзительно и зловѣще въ трубу, потрясая вьюшками; ка́къ кто-нибудь вздрогнетъ, поблѣднѣетъ, обмѣняется съ другими безмолвнымъ взглядомъ, или скажетъ: „что̀ теперь дѣлается въ полѣ? Боже сохрани, застанетъ непогода!“

Представьте себѣ этотъ вой вѣтра, только въ десять, въ двадцать разъ сильнѣе, и не въ полѣ, а въ морѣ—и вы получите слабое понятіе о томъ, что мы испытывали въ ночи съ 8-го на 9-е и все 9-е число іюля, выходя изъ Китайскаго моря въ Тихій океанъ.

Отъ Гон-Конга до острововъ Бонинъ-Сима, куда намъ слѣдовало идти, всего 1600 миль: это въ круго-свѣтномъ плаваніи составляетъ не слишкомъ большой переходъ, который, при хорошемъ, попутномъ вѣтрѣ, совершается въ семь, восемь дней. Мы вышли изъ Гон-Конга 26 іюня и до 5-го іюля сдѣлали всего миль триста, то-есть то, что̀ могли бы сдѣлать въ сутки съ небольшимъ—такъ задержалъ насъ противный восточный вѣтеръ. Надоѣло намъ лавировать, дѣлая отъ восьми до двадцати верстъ въ сутки, и мы спустились нѣсколько къ югу, въ надеждѣ встрѣтить тамъ другой вѣтеръ и, между-прочимъ, зайти на маленькіе острова Баши, лежащіе къ югу отъ Формозы, посмотрѣть, что это такое, запастись зеленью, фруктами и тому подобнымъ. Тамъ, говорятъ, живетъ испанскій алькадъ, нѣсколько монаховъ и есть индійскія деревушки.

7-го числа вечеромъ мы подошли къ главному изъ острововъ, Батану, на которомъ, по указанію Бельчера, есть якорное мѣсто. Но обойдя островъ съ сѣверной и восточной сторонъ, мы видѣли только огромный утесъ и бѣлую кайму буруна, набѣгающаго со всѣхъ сторонъ на берегъ. Къ намъ не выѣхало ни одной лодки, какъ это всегда бываетъ въ жи-

лыхъ мѣстахъ; на берегу не видно было ни одного человѣка; только около самаго берега, какъ-будто въ бѣлыхъ бурунахъ, мелькнули два огня и исчезли. Ѣхать было некуда, отыскивать ночью пристани—темно; а держаться до утра подъ парусами—не стоило.

Полюбовавшись на скалистый угрюмый утесъ, составляющій сѣверную оконечность острова, мы пустились далѣе и вышли въ Тихій океанъ. Тихій! Сколько разъ онъ доказывалъ противное бѣднымъ плавателямъ, въ томъ числѣ и намъ, какъ-будто мы выдумали ему это названіе!

Надо знать, что еще въ Гон-Конгѣ, и китайцы, и европейцы, говорили намъ, что въ этотъ годъ поджидается ураганъ; что ураганов не было уже года четыре. Ураганъ обыкновенно опредѣляютъ такъ: это вращающійся, переходящій съ румба на румбъ вѣтеръ. Можно опредѣлить и такъ: это такой вѣтеръ, который, большія военныя суда, купеческіе корабли, пароходы, джонки, лодки и все, что попадется на морѣ, иногда и самое море, кидаетъ на берегъ, а крыши, стѣны домовъ, деревья, людей и все, что попадется на берегу, иногда и самый берегъ, кидаетъ въ море. Съ нами ничего подобнаго этому не случилось, впрочемъ, можетъ быть, оттого, что не было близко берега. Поэтому насъ вѣтеръ кидалъ лишь по морю, игралъ нами, какъ кошка мышью; схватитъ, ударитъ съ яростью о волны, поставитъ бокомъ... Тутъ бы на дно, а онъ перекинетъ на другой бокъ, подниметъ и поставитъ на минуту прямо, потомъ ударитъ сверху и погрузитъ судно въ хлябь. Волны вытолкнутъ его назадъ, а вѣтеръ заревеъ, закружится около, застонетъ, засвиститъ, обрызжетъ и обольетъ корабль облакомъ воды, вырветъ парусъ, и торжествующій, понесется по необозримому, мрачному пространству, гоня воду, какъ прахъ. Однако, ничего важнаго не могъ онъ сдѣлать. Китайцы называютъ

ураганъ „тайфунъ“, то есть сильный вѣтеръ, а мы измѣнили это слово въ тифонъ.

— „Стало-быть, всего лучше уходить въ море?“ сказалъ я негоціанту-нѣмцу, который грозилъ намъ ураганомъ.

— „Богъ знаетъ, гдѣ лучше!“ отвѣчалъ онъ.—Послѣдній разъ, во время урагана, потонуло до восьмидесяти судовъ въ морѣ, а на берегу опрокинуло цѣлый домъ и задавило пять человѣкъ; въ гон-конгской гавани погибло безъ счета лодокъ, и съ ними до ста человѣкъ“.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора мы ушли. Но еще въ послѣдніе дни пребыванія въ Гон-Конгѣ, погода значительно измѣнилась. Стали дуть, особенно по вечерамъ, сѣверные порывистые вѣтры. Надъ окрестными горами часто показывались черныя облака и проносились съ дождемъ надъ рейдомъ. Насъ, какъ я сказалъ выше, держалъ почти на одномъ мѣстѣ противный восточный и сѣверо-восточный вѣтеръ, неровный, сильный, съ безпрерывными шквалами. Только и слышишь команду: „на марсофалахъ стоять! марсофалы отдать!“ Потомъ зажужжитъ, скользя по стенгѣ, отданный парусъ, судно сильно накренится, такъ что схватишься за что нибудь рукой, польется дождь, и праздничный, солнечный день въ одно мгновеніе обратится въ будничный. Небо сѣро; палуба мокра; офицеры въ кожаныхъ пальто; матросы прячутся отъ дождя подъ коечные чехлы... И такъ десять дней!

Но вотъ мы вышли въ Великій океанъ. Мы были въ 21° сѣверной широты: жарко до духоты. Работать днемъ не было возможности. Утомишься отъ жара и заснешь послѣ обѣда, чтобъ выиграть побольше времени ночью. Такъ сдѣлалъ я 8-го числа, и спалъ долго, часа три, какъ будто предчувствуя безпокойную ночь. Капитанъ подшучивалъ надо-мной, глядя, какъ я проснусь, посмотрю сонными глазами вокругъ и перелягу на другой диванъ, ища прохлады.—„Вы,

то на правый, то на лѣвый галсъ ложитесь!“ говорилъ онъ.

Вечеромъ задулъ свѣжій вѣтеръ. Я напрасно хотѣлъ писать: ни чернильница, ни свѣча не стояли на столѣ, бумага вырывалась изъ-подъ рукъ. Успѣешь написать нѣсколько словъ и сейчасъ протягиваешь руку назадъ—упереться въ стѣну, чтобъ не опрокинуться. Я бросилъ все и пошелъ ходить по шканцамъ; но и то несовсѣмъ удачно, хотя я уже и пріобрѣлъ *морскія ноги*.

Иногда бросало такъ, что надо было крѣпко ухватиться, или за пушечныя тали, или за первую попавшуюся веревку. Вѣтеръ между тѣмъ завывалъ больше и больше. У меня дверь была полуоткрыта, и я слышалъ каждый шумъ, каждое движеніе на палубѣ: слышалъ, какъ часа въ два вызвали подвахтенныхъ брать рифы, сначала два, потомъ три, спустили брамреи, а вѣтеръ все крѣпче. Часа въ три утра взяли послѣдній рифъ и спустили брам-стенги. Начались сильные размахи. Въ моей маленькой каютѣ нельзя было оставаться, особенно въ постели: качнетъ къ изголовью—къ головѣ приливаетъ кровь; качнетъ назадъ—поползешь, совсѣмъ съ подушками, къ стѣнкѣ. Все, что̀ разставлено на по̀лкахъ, повѣшено на гвоздяхъ, лежало въ комодахъ—все, по обыкновенію, заходило, зашевелилось. Книги валились на полъ и на постель; щетки, фуражки сыпались сверху: стаканы и сткляночки звенѣли и разбивались. Между тѣмъ, разсвѣло. Я всталъ и вышелъ на палубу. Тамъ были рѣшительно всѣ. Волны ходили выше сѣтокъ и заглядывали, какъ живыя, на палубу, точно узнать, что тутъ дѣлается. Качка и розмахи увеличивались.—„До чего же это наконецъ дойдетъ?“ подумаешь, слѣдя за прогрессивной силой вѣтра.

Вотъ О. А., блѣдный и измученный безсонницей, вышелъ и сѣлъ въ уголокъ на кучу снастей; вотъ и другой и

третій, всѣ невыспавшіеся, съ измятыми лицами. Надо было держаться обѣими руками: это мнѣ надоѣло, и я ушелъ въ свой любимый пріютъ, въ капитанскую каюту.

Вѣтеръ ревѣлъ; онъ срывалъ вершины волнъ и сѣялъ ихъ по океану, какъ сквозь сито: надъ волнами стояли облака водяной пыли. Опять я повѣрилъ тутъ свое прежнее сравненіе и нашелъ его вѣрнымъ: да̀, это толпа дикихъ звѣрей, терзающихъ, въ ярости, другъ друга. Точно нѣсколько львовъ и тигровъ бросаются, вскакиваютъ на дыбы, чтобъ впиться одинъ въ другаго, и мечутся кверху, а тамъ вдругъ цѣлой толпой шарахнулись внизъ—только пыль столбомъ стоитъ поверхъ, и судно летитъ туда же за ними, въ бездну, но новая сила толкаетъ его опять вверхъ и потомъ становитъ бокомъ. Вотъ шлюпка затрещала на боканцахъ; двое, трое, въ томъ числѣ, кажется, и я, быстро двинулись изъ того угла въ другой. Тутъ громадный валъ вдругъ ударилъ въ сѣтки, перескочилъ черезъ бортъ и разлился по палубѣ, обливъ ноги матросамъ. Горизонтъ весь въ сѣрой пыли. Правильнаго волненія почти нѣтъ: вода бурлитъ, какъ кипятокъ; волны потеряли очертанія.

Безпрестанно ходили справляться къ барометру.—„Что̀, падаетъ“? 30 и 15. Опять—29 и 75, потомъ 29 и 45, потомъ 29 и 30—29 и 15—наконецъ 28/42. Онъ падалъ быстро, но постепенно, по одной сотой, и впродолженіи сутокъ съ 30/75 упалъ до 28/42. Когда дошелъ до этой точки, вѣтеръ достигъ до крайнихъ предѣловъ свирѣпости.

Орудія закрѣпили тройными талями и, сверхъ того, еще занесли кабельтовымъ, и на этотъ счетъ были довольно покойны. Качка была ужасная. Вещи, которыя крѣпко привязаны были къ стѣнамъ и къ полу, отрывались и неслись въ противоположную сторону, оттуда назадъ. Такъ задумали оторваться три массивныя кресла въ капитанской каютѣ. Они рванулись, понеслись, домчались до средины; тутъ

кренъ былъ такъ крутъ, что они скакнули уже по воздуху, сбили столикъ передъ диваномъ и, изломавъ его, изломавшись сами, съ трескомъ упали всѣ на диванъ. Вбѣжали люди, начали разбирать эту кучу обломковъ, но въ то же мгновеніе вся эта куча, вмѣстѣ съ людьми, понеслась назадъ, прямо въ мой уголъ: я только успѣлъ во́время подобрать ноги. Рюмки, тарелки, чашки, бутылки въ буфетахъ, такъ и скакали со звономъ со своихъ мѣстъ.

Картины на стѣнахъ качались, описывая дугу почти въ 45°. Ѳаддеевъ принесъ-было мнѣ чаю, но, несмотря на свою *остойчивость*, на пяткахъ, задомъ помчался отъ меня прочь, оставляя слѣдомъ по себѣ куски сахару, хлѣба и черепки блюдечка. Я не могъ сдѣлать шагу и не ходилъ обѣдать. Можете себѣ представить, каково было, не ѣвши сидѣть и держаться, чтобъ не полетѣть изъ своего угла. Окна въ каютѣ были отворены настежь, и море было предъ моими глазами во всей своей дикой красѣ. Только въ одни эти окна, или порты, по-морскому, и недостигала вода, потому-что они были высоко; вездѣ же въ прочихъ мѣстахъ полупортики были *задраены* на-глухо деревянными заставками, иначе стекла летятъ въ дребезги и, при кренѣ, валъ за валомъ вторгается въ судно. Въ кают-компаніи, въ батарейной палубѣ, вода лилась ручьями и едва успѣвала стекать въ трюмъ. Вездѣ мокро, мрачно, нѣтъ убѣжища нигдѣ, кромѣ этой верхней каюты. Но и тутъ надо было наконецъ закрыть окна: вѣтеръ бросалъ верхушки волнъ на мебель, на полъ, на стѣны. Вечеромъ буря разыгралась такъ, что нельзя было разслышать, гудитъ ли вѣтеръ, или гремитъ громъ. Вдругъ сдѣлалась какая-то суматоха, послышалась ускоренная команда, лейтенантъ С. гремѣлъ въ рупоръ надъ ревомъ бури.

— „Что такое?“ спросилъ я кого-то.

— „Фокъ разорвало,“ говорятъ.

Спустя полчаса, трисель вырвало. Наконецъ разорвало пополамъ и фор-марсель. Дѣло становилось серьёзное; но самое серьезное было еще впереди. Паруса кое-какъ замѣнили другими. Часовъ въ семь вечера вдругъ на лицахъ командировъ явилась особенная заботливость—и было отчего. Ванты ослабѣли, бензеля поползли, и грот-мачта зашаталась, грозя рухнуть.

Знаете ли вы, что такое грот-мачта и что̀ ведетъ за собой ея паденіе? Грот-мачта—это бревно, футъ во сто длины и до 800 пудъ вѣсомъ, которое держится, протянутыми съ вершины ея къ сѣткамъ, толстыми, смолеными канатами, или вантами. Представьте себѣ, что какая-нибудь башня, у подножія которой вы живете, грозитъ рухнуть; положимъ даже, вы знаете въ которую сторону она упадетъ, вы, конечно, уйдете за версту; а здѣсь, на кораблѣ!.. Ожиданіе было томительное, чувство тоски невыразимое. Конечно всякій представлялъ, какъ она упадетъ, какъ положитъ судно на бокъ, пришибетъ сѣтки (то есть, край корабля), какъ хлынутъ волны на палубу: удастся ли обрубить скоро подвѣтренныя ванты, чтобы вдругъ избавить судно отъ напора тяжести на одинъ бокъ. Иначе оно, черпнувъ глубоко бортомъ, можетъ быть, уже не встанетъ болѣе...

У всякаго въ головѣ конечно шевелились эти мысли, но никто не говорилъ объ этомъ, и нѐкогда было: надо было дѣйствовать—и дѣйствовали. Какую энергію, смѣтливость и присутствіе духа обнаружили тутъ многіе! С—чу точно праздникъ: выпачканный, оборванный, съ сіяющими глазами, онъ леталъ всюду, гдѣ вѣтеръ оставлялъ по себѣ какой-нибудь разрушительный слѣдъ.

Рѣшились не допустить мачту упасть, и въ помощь ослабѣвшимъ вантамъ „заложили сейтали“ (веревки съ блоками). Работа кипѣла, несмотря на то, что ужъ наступила ночь. Успокоились не прежде, какъ кончивъ ее. На другой

день стали вытягивать самыя ванты. Къ счастію погода стихла и дала исполнить это, по-возможности, хорошо. Сегодня мачта почти стоитъ твердо; но на всякій случай заносятъ пару лишнихъ вантъ, чтобъ новый крѣпкій вѣтеръ не засталъ въ расплохъ.

Мы отдохнули, но еще не совсѣмъ. Налети опять такая же буря—и поручиться нельзя, чтó будетъ. Всѣ глаза устремлены на мачту и ванты. Матросы, какъ мухи, тѣсной кучкой сидятъ на вантахъ, тянутъ, крутятъ веревки, колотятъ деревянными молотками. Все это дѣлается не такъ, какъ бы дѣлалось стòя на якорѣ. Невозможно: послѣ бури идетъ сильная зыбь: качка, хотя и не прежняя, все продолжается. До берега еще добрыхъ 500 миль, то есть 875 верстъ. Многіе похудѣли отъ безсонницы, отъ усиленной работы, и бродили, какъ-будто на другой день оргіи. И теперь вспомнишь, какъ накрепило одинъ разъ фрегатъ, такъ станетъ больно, будто вспомнишь какую-то обиду. Сердце хранитъ долго злую память о такихъ минутахъ!

16 іюля. Я писалъ, что 9 числа оставалось намъ около 500 миль до Бонинъ-Сима: теперь 16 число, а остается тоже 500… ну хоть 420 миль, стало-быть, мы сдѣлали какихъ-нибудь миль семьдесятъ въ цѣлую недѣлю: да, не болѣе. Послѣ шторма наступилъ штиль… Чтó это за штука! Тихій океанъ рѣшительно издѣвается надъ нами: тутъ онъ вздумалъ доказать намъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ тихій. Необъятная масса колебалась цѣликомъ, то закрывая, то открывая горизонтъ, но не прибавляя намъ хода. Жарко, движенія въ атмосферѣ нѣтъ, а между-тѣмъ иногда вдругъ появлялись грозныя и мрачныя тучи. На суднѣ готовились къ перемѣнѣ, убирали паруса: но тучи разрѣшались маленькимъ дождемъ и штиль продолжалъ свирѣпствовать. Кромѣ того что измѣнялись соображенія въ планѣ плаванія, дѣло на умъ не шло, почти не говорили другъ съ другомъ. Вста-

нутъ утромъ: — „Что́, сколько хода?“ — „Полтора узла“, отвѣчаютъ.—„На румбѣ?“—„Нѣтъ, согнало на зюйдъ.“ И опять повѣсили голову. Иной дѣлаетъ догадки: — „Тихо, тихо“ говоритъ,—„а потомъ, видно, хватитъ опять!“ Въ эту минуту учатъ ружейной пальбѣ: стукотня такая, что въ ушахъ трещитъ. Жарко, скучно, но... что́ притворяться: все это лучше качки, мокроты, ломки. До свиданія.

21-го. Здравствуйте! Недалеко ушли: еще около трехъ сотъ миль остается. Тишь мертвая, жаръ невыносимый; всѣ маются, ищутъ немного прохлады, чтобъ вздохнуть свободнѣе —а негдѣ. Въ каютахъ духота, на палубѣ палитъ. Почти всѣ прихварываютъ: рѣдко кто не украшенъ сыпью или вередами отъ жара; у меня желудочная лихорадка и рожа на ногѣ. Я слегъ; чувствую слабость, особенно въ рукахъ и ногахъ, отъ безпрерывныхъ усилій держаться, не упасть. Но я голоденъ, потому-что ѣсть было почти нельзя. А сколько перебилось, переломалось и подмокло всякаго добра! Вчера все мокрое вынесли на палубу: что́ за картина! что́ за безобразіе! Тутъ развѣшено платье и бѣлье, тамъ ковры, книги, матросская амуниція, подмокшіе сухари—все это разложено, развѣшено, въ пятнахъ, въ грязи, сыростью несетъ, какъ изъ гнилаго подвала; на ютѣ чинятъ разорванные паруса.

Мы счастливы тѣмъ, что скоро вырвались изъ-за черты урагана и потому дешево отдѣлались. Слѣдили каждое явленіе и сравнивали съ описаніями: вихрь задулъ отъ W, потомъ перешелъ къ SW; мы взяли на O и пересѣкли дугу. Находясь въ срединѣ этого магическаго круга, захватывающаго пространство въ нѣсколько сотъ миль, не подозрѣваешь, по тишинѣ моря и ясности неба, что находишься въ объятіяхъ могучаго врага, и только тогда узнаешь о немъ, когда онъ явится лицомъ къ лицу, когда раздастся его страшный свистъ и гулъ, начнется ломка, трескъ, когда застонетъ и замечется корабль....

До свиданія. Пойду уснуть; я еще не оправился совсѣмъ.

Штили! Ахъ, еслибъ вы знали, что̀ это за наказаніе! Оно, конечно, лучше жестокой качки, но все несносно! Вчера оставалось двѣсти-пятьдесятъ миль; и сегодня остается столько же, и завтра, повидимому, опять! А дунь вѣтерокъ, этого разстоянія не хватитъ и на сутки. Кажется, тутъ бы работать: нѣтъ, однообразіе и этотъ неподвижный покой убиваетъ дѣятельность, да къ этому еще жара, духота, истощеніе свѣжихъ припасовъ. Вдругъ кто-нибудь скажетъ:— „Задуваетъ кажется“—и всѣ оживятся, радость! Ничего не бывало: это такъ показалось. Другой, также отъ нечего дѣлать, пророчитъ:—„Завтра будетъ перемѣна, вѣтеръ: горизонтъ о̀блаченъ“. Всѣмъ до того хочется дальше, что увѣруютъ и ждутъ—опять ничего. Однажды вдругъ мы порадовались-было: фрегатъ пошелъ восемь узловъ, то есть, четырнадцать верстъ въ часъ; я слышалъ это изъ каюты и спросилъ проходившаго мимо П.

— „Восемь узловъ?“

— „Нѣтъ три“, сказалъ онъ:—„это только на четверть часа фрегатъ взялъ большой ходъ: теперь стихаетъ“.

Наконецъ, миль за полтораста, вдругъ дунуло, и я на другой день услыхалъ обыкновенный шумъ и суматоху. Доставали канатъ. Всѣ толпились наверху встрѣчать новый берегъ. Каюта моя, во время моей болѣзни, обыкновенно полнехонька была посѣтителей: въ ней можно было помѣститься троимъ, а придетъ человѣкъ семь; въ это же утро никого: всѣ глазѣли наверху. Только Б. К. забѣжалъ на минуту.

— „Узкость проходимъ!“ сказалъ онъ и исчезъ.

Съ приходомъ въ портъ Ллойдъ, у насъ было много пріятныхъ ожиданій, оттого мы и приближались неравнодушно къ новому берегу, нужды нѣтъ, что онъ пустой. Тамъ ожи-

дали насъ: корветъ изъ Камчатки, транспортъ изъ Ситхи и курьеры изъ Россіи, которые, конечно, привезли письма. Всѣ волновались этими надеждами.

Я на другой день вышелъ, хромая отъ боли въ ногѣ, взобрался на ютъ посмотрѣть, гдѣ мы. Мы въ заливѣ, имѣющемъ видъ подковы, обстановленномъ высокими и крупными утесами, покрытыми зеленью. Два громадные камня торчали изъ воды въ бухтѣ, какъ двѣ башни. Я еще изъ каюты ночью слышалъ, когда все утихло на фрегатѣ, шумъ будто водяной мельницы. Это, какъ я теперь увидѣлъ, буруны бѣшено плещутся въ берегъ, увидѣлъ и узкость: надо проходить подъ бокомъ отвѣснаго утеса, чтобы избѣжать гряды видныхъ на поверхности камней, защищающихъ входъ отъ волнъ съ океана. Вездѣ буруны да скалы: вонъ только кое-гдѣ бѣлѣютъ песокъ и отлогости.

— „Гдѣ жилье?“ спросилъ я, напрасно ища глазами хижины, кровли, человѣка, или хоть животное. Ничего не видать; но наши были уже на берегу. Вонъ, въ этой бухточкѣ есть хижина, вонъ въ той двѣ, да за горой нѣсколько избушекъ.

Суда здѣсь, курьеры здѣсь, а съ ними и письма. Сколько распросовъ, новостей! У всѣхъ письма въ рукахъ, у меня цѣлая дюжина.

Побольше островъ называется Пиль, а портъ, какъ я сказалъ, Ллойдъ. Острова Бонинъ-Сима стали извѣстны съ 1829 года. Изъ путешественниковъ здѣсь были: Бичи, изъ нашихъ капитанъ Литке и, кажется, недавно Вонлярлярскій, кромѣ того многіе неизвѣстные свѣту англичане и американцы. Теперь сюда безпрестанно заходятъ китоловныя суда разныхъ націй, всего болѣе американскія. Бонинъ-Сима, по-китайски или по-японски, значитъ „безлюдные острова“.

Я думалъ, что исполнится наконецъ и эта моя мечта— увидѣть необитаемый островъ; но напрасно: и здѣсь живутъ

люди, конечно, всего человѣкъ тридцать, разнаго рода Робинсоновъ, изъ бѣглыхъ матросовъ и отставныхъ пиратовъ, изъ которыхъ одинъ до-сихъ-поръ носитъ на рукѣ какіе-то, выжженные порохомъ, знаки прежняго своего достоинства. Они разводятъ ямъ, сладкій картофель, таро, ананасы, арбузы. У нихъ есть свиньи, куры, утки. На другомъ островѣ они держатъ коровъ и быковъ, потому-что на Пилѣ скотъ портитъ деревья.

Кромѣ всей этой живности, у нихъ есть жены, каначки или сандвичанки, да и между ними самими есть канаки, еще выходцы изъ Лондона, изъ Сан-Франциско—словомъ, всякій народъ. Одинъ живетъ здѣсь уже 22 года, женатъ на кривой, пятидесятилѣтней каначкѣ. Всѣ они живутъ разбросано, потому-что всякій хочетъ имѣть маленькое поле, огородъ, плантацію сахарнаго тростника, изъ котораго, мимоходомъ будь сказано, жители выдѣлываютъ ромъ и сильно пьянствуютъ.

Странный островъ: ни долинъ, ни равнинъ; однѣ горы. Какъ съѣдете, идете четверть часа по песку, а тамъ сейчасъ же надо подниматься въ гору и продираться сквозь непроходимый лѣсъ. Жители торгуютъ, или, по-крайней-мѣрѣ, стараются торговать съ мореплавателями, овощами, черепахами, и тому подобными предметами; а мореплаватели, съ своей стороны, стараются пріобрѣтать все даромъ, какъ пишутъ въ Nautical Magazine и какъ намъ подтвердилъ и самъ Севри, или Севрэ, здѣшній старожилъ. Года четыре назадъ, приходили два китоловныя судна и, постоявъ нѣсколько времени, ушли, какъ дѣлаютъ всѣ порядочные люди и корабли. Но одинъ потерпѣлъ при выходѣ какое-то поврежденіе, воротился и получилъ помощь отъ жителей: онъ былъ такъ тронутъ этимъ, что, на прощанье, съѣхалъ съ людьми на берегъ, поколотилъ и обобралъ поселенцевъ. У одного забралъ всѣхъ куръ, утокъ и тринадцатилѣтнюю

дочь, у другаго отнялъ свиней и жену, у старика же Севри, сверхъ того, двѣ тысячи долларовъ—и ушелъ. Но прибывшій вслѣдъ затѣмъ англійскій военный корабль далъ объ этомъ знать на Сандвичевы острова и въ Сан-Франциско, и преступникъ былъ схваченъ, съ судномъ, гдѣ-то въ Новой Зеландіи. Нынче и на Восточномъ океанѣ отъ полиціи не уйдешь!

Я, не смотря на боль въ ногѣ, рискнулъ съѣхать на берегъ. Товарищи мои вооружились топорами, а я долженъ былъ сѣсть на бревно (зато краснаго дерева) и праздно смотрѣть, какъ они прорубали себѣ дорожку на холмъ. Лѣсъ состоялъ изъ зонтичной или вѣерной пальмы, которой каждая вѣтвь похожа на распущенный вѣеръ, потомъ изъ капустной пальмы, сердцевина которой вкусомъ немного напоминаетъ капусту, но мягче и нѣжнѣе ея, да еще кардамоновъ и томановъ, какъ называютъ эти деревья жители. Томаны—это превосходное красное дерево. Тутъ мы нашли озерко съ прѣсной водой, сажени въ три или четыре шириной и длиной и по грудь глубиной. Матросы полоскались безъ милосердія. Я смотрѣлъ какъ изъ срубленныхъ и падающихъ деревьевъ выскакивали ящерицы. Одну кто-то изъ нашихъ ударилъ вѣткой, хвостъ оторвался и поползъ въ одну сторону, а ящерица въ другую. Да еще бѣгали по песку—сначала я думалъ—пауки, или стоножки, а это оказались раки, всевозможныхъ цвѣтовъ, формъ и величинъ, начиная отъ крошечныхъ, съ паука, до обыкновенныхъ: розовые, фіолетовые, синіе—съ раковинами, въ которыхъ они прятались, и безъ раковинъ; они сновали взадъ и впередъ по взморью, круглые, длинные, всякіе.

Дня черезъ два я опять отправился съ Б. К. и П. въ другую бухточку, совсѣмъ закрывающуюся скалой. Мы проѣхали у подножія двухъ или трехъ утесовъ и пристали къ песчаной отлогости, на которой стоялъ видный, красивый

мужчина и показывалъ намъ рукой, гдѣ лучше пристать. У него былъ прекрасный выпуклый профиль, носъ орлиный, смѣлый взглядъ, важная походка, безъ аффектаціи, и сѣдыя кудри почти до плечъ, хотя на видъ ему не было и пятидесяти лѣтъ. У него-то на рукахъ и были выжжены знаки, похожіе на браслеты. Онъ встрѣтилъ насъ упрекомъ, что мы не хотѣли его посѣтить, и повелъ къ хижинѣ. Она состояла изъ четырехъ столбовъ (все краснаго дерева), крытыхъ и закрытыхъ со всѣхъ сторонъ сухими пальмовыми листьями. Это была его спальня. Тутъ же встрѣтила насъ и его жена, каначка, сѣдая, смуглая, одѣтая въ синее бумажное платье, съ платкомъ на головѣ, какъ наши бабы. Особо выстроена была тоже хижина, гдѣ эта чета обѣдала: покрайней-мѣрѣ, заглянувъ, я видѣлъ тамъ посуду, столъ и разную утварь. Двѣ собаки, съ повисшими хвостами и головами, встрѣтили тоже насъ.

А кругомъ, надъ головами, скалы, горы, крутизны, съ красивыми оврагами, и все поросло лѣсомъ и лѣсомъ. К. ударилъ топоромъ по пню, на которомъ мы сидѣли передъ хижиной; онъ сверху весь сѣрый; но едва топоръ сорвалъ кору, какъ подъ ней заалѣло дерево, точно кровь. У хижины текъ ручеекъ, въ которомъ бродили красноносыя утки. Ручеекъ можно перешагнуть, а воды въ немъ такъ мало, что нельзя и рукъ вымыть.

Мы пошли вверхъ на холмъ. К. срубилъ капустное дерево, и мы съѣли впятеромъ всю сердцевину изъ него. Дальше было круто идти. Я не пошелъ: нога не совсѣмъ была здорова, и я сѣлъ на обрубкѣ, среди банановъ и таро, растущаго въ землѣ, какъ морковь, или рѣпа. Прочитавъ, что Сандвичане дѣлаютъ изъ него „poi-poi“, я спросилъ каначку, что̀ это такое. Она тотчасъ повела меня въ свою *столовую* и показала горшокъ, съ какою-то бѣлою кашею, въ родѣ тертаго картофеля. Они ѣдятъ, доставая ее паль-

цемъ. Мужъ однакожъ предупредилъ, чтобъ я не ѣлъ, потому-что это кушанье давно сдѣлано и потому несвѣжо.

Онъ вынесъ намъ нѣсколько арбузовъ, которые мы съ удовольствіемъ и съѣли.

Тихо, хорошо. Наступилъ вечеръ: лѣсъ съ каждой минутой мѣнялъ краски и наконецъ стемнѣлъ; по заливу, какъ тѣни, качались отраженія скалъ съ деревьями. Въ эту минуту за нами пришла шлюпка, и мы поѣхали. Наши суда исчезали на темномъ фонѣ утесовъ, и только когда мы подъѣхали къ нимъ вплоть, увидѣли мачты, озаренныя луной.

2-го августа. Сегодня съ утра движеніе и сборы на фрегатѣ: затѣяли свезти на берегъ команду. Офицеры тоже захотѣли провести тамъ день, обѣдать и пить чай.—„Гдѣ же это они будутъ обѣдать?“ думалъ я:—„вѣдь тамъ ни стульевъ, ни столовъ“, и не зналъ, ѣхать или нѣтъ; но и оставаться почти одному на фрегатѣ тоже не весело. Ко мнѣ пришелъ С. сказать, что послѣдняя шлюпка идетъ на берегъ, чтобъ я торопился.

— „А гдѣ же обѣдать?“ спросилъ я.

— „Да вѣдь тамъ у насъ устроена баня“, отвѣчалъ онъ. —„Теперь все убрали и сдѣлали изъ нея столовую“.

— „А столы, стулья?“

— „Ничего нѣтъ: будемъ обѣдать на парусахъ“.

— „На парусахъ!“ подумывалъ я, врагъ обѣдовъ на травѣ, особенно impromptu, чаевъ на открытомъ воздухѣ, гдѣ, то ложки нѣтъ, то хлѣбъ съ пескомъ или чай съ букашками. Но нечего дѣлать, поѣхалъ; а жарко, палитъ.

A propos о жарѣ: въ одно утро, вдругъ Ѳаддеевъ не явился ко мнѣ съ чаемъ, а пришелъ другой.

— „Гдѣ жъ Ѳаддеевъ?“ спросилъ я.

— „У него шкура со спины сошла“, отвѣчалъ матросъ лаконически.

— „Какъ сошла: отчего?“

— „Да такъ-съ: этакихъ у насъ теперь человѣкъ сорокъ есть: отъ солнышка. Они на берегу нагишомъ ходили: солнышкомъ и напекло; теперь и рубашекъ нельзя надѣть“.

Я пошелъ провѣдать Ѳаддеева. Что̀ за картина! въ нижней палубѣ сидѣло, въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ сорокъ: иные покрыты были простыней съ головы до ногъ, а другіе и безъ этого. Особенно одинъ, уже пожилой матросъ, возбудилъ мое состраданіе. Онъ морщился и сидѣлъ голый, опершись руками и головой на боченокъ, служившій ему столомъ.

— „Что̀ съ тобой сдѣлалось?“ спросилъ я.

— „Да кто его знаетъ, что́ такое, в. в.! Вонъ спина-то какая!“ говорилъ онъ, поворачивая немного спину ко мнѣ.

На спину страшно было взглянуть: она вся была багровая и покрыта пузырями, какъ-будто ее окатили кипяткомъ.

— „Зачѣмъ же вы на солнцѣ сидѣли, и еще безъ платья?“ упрекнулъ я.

— „Въ Тамбовѣ, в. в., всегда, бывало, цѣлый день на солнцѣ сидишь и голову подставишь—ничего; ляжешь на травѣ, спину и брюхо грѣешь—хорошо. А здѣсь, Богъ знаетъ, что̀: солнце-то словно пластырь!“ отвѣчалъ онъ съ досадой.

Всѣ обожженные стонали, охали и морщились. И смѣшно, и жалко было смотрѣть. Ѳаддеевъ былъ совсѣмъ изуродованъ, и тоже охалъ. Я побранилъ его хорошенько.

— „Отстань, в. в.!“ въ тоскѣ сказалъ онъ.

Я какъ съѣхалъ на берегъ, такъ подъ палатку, потому-что приближался полдень и никакой защиты не было отъ палящихъ лучей. На берегу хлопотали, готовили обѣдъ; кривая каначка ловила рыбу. Въ палаткѣ душно—я въ лѣсъ. Б. К. изъ чащи подаетъ мнѣ голосъ и зоветъ смотрѣть живописную рѣчку, которой я еще не видалъ. Я продрался сквозь кусты, сквозь томаны, кордамонъ и пальмы, и по-

шелъ за нимъ вдоль по рѣчкѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, живописно: рѣчка-ручей, аршина въ два; а въ иномъ мѣстѣ и меньше шириной, струится съ утеса по каменьямъ и впадаетъ въ озерко. Между каменьями ползаетъ безчисленное множество миніатюрныхъ крабовъ, точно пауковъ, и насѣкомыхъ. Они съ неимовѣрною быстротою исчезали въ каменьяхъ, чуть лишь тронешь ихъ. Докторъ и О. А. Г. уже давно тамъ и ловятъ ихъ руками. С. далеко шелъ впередъ и ломалъ деревья, какъ медвѣдь; слышенъ былъ только трескъ по его слѣдамъ. Впереди меня плелся Б. К., на своихъ тоненькихъ ногахъ, а сзади пробирался я. Мы оступались, спотыкались. Я хотѣлъ перешагнуть въ одномъ мѣстѣ чрезъ ручей, ухватился за кустъ, онъ измѣнилъ, и я ступилъ въ воду, не безъ ропота, къ удовольствію товарищей.

Между-тѣмъ около насъ все такъ красиво: надъ нами вѣерныя пальмы и томаны разстилали густую тѣнь, берега плотно заросли травой и лѣсомъ. Солнце иногда прорѣзывалось сквозь вѣтви, палило, какъ черезъ зажигательное стекло, ярко освѣщая группу каменьевъ и сверкая въ водѣ: въ минуту все мокло на насъ, а тамъ дѣлалось опять темно и прохладно. Эта природная аллея, тишина, яркія краски зелени—все живописно, но немного угрюмо. Цвѣтовъ нѣтъ, птицъ мало, не слыхать даже и стрекотанья кузнечиковъ. У томановъ грубый, продолговатый листъ и сѣрый стволъ; у пальмъ свѣтло-зеленые, крѣпкіе листья до того, что едва разорвешь руками. Берегъ глинистый, крѣпкій и сухой. Мѣстами по берегу растутъ бананы, достояніе поселенцевъ —этотъ хлѣбъ жаркихъ странъ, да продолговатые зеленые лимоны: во вкусѣ ихъ есть какая-то затхлость. Видно, что это привитой и искаженный на чужой почвѣ плодъ. Какъ прекрасны всѣ природные плоды въ жаркихъ климатахъ, такъ неудачны всѣ привитые. Въ Индіи старались разводить виноградъ—не родится; а если гдѣ и привился, такъ

никуда не годенъ; яблоки тоже, чай нехорошъ. Тоже можно замѣтить и о животныхъ: пробовали разводить англійскихъ, арабскихъ лошадей и другихъ животныхъ—они перерождаются въ какое-то хилое племя. Но что́ родится тамъ, то уже родится роскошно и сильно.

Мы дошли до какого-то вала и воротились по тропинкѣ, проложенной по берегу прямо къ озерку. Тамъ купались наши, точно въ купальнѣ, подъ сводомъ зелени. На берегу мы застали живописную суету: варили кушанье въ котлахъ, въ палаткѣ накрывали… на полъ, за неимѣніемъ стола. Собесѣдники сидѣли и лежали. Я ушелъ въ другую палатку, разбитую для магнитныхъ наблюденій, и легъ на единственную, бывшую на всемъ островѣ, кушетку, и отдохнулъ въ тѣни. Иногда врывался свѣжій вѣтеръ и проникалъ подъ тентъ, принося прохладу.

Позвали обѣдать. Одинъ столикъ былъ накрытъ особо, потому-что не всѣ умѣстились на полу; а всѣхъ было человѣкъ двадцать. Хозяинъ, то есть распорядитель обѣда, уступилъ мнѣ свое мѣсто. Въ другое время я бы поцеремонился: но дойти и отъ палатки до палатки было такъ жарко, что я измучился и сѣлъ на уступленное мѣсто—и въ то же мгновеніе вскочилъ: ужъ не то, что жарко, а просто горячо сидѣть. Мое сѣдалище состояло изъ десятковъ двухъ кирпичей, служившихъ каменкой въ банѣ: они лежали на солнцѣ и накалились.

За обѣдомъ былъ, между прочимъ, супъ изъ черепахи: но послѣ того супа, который я ѣлъ въ Лондонѣ, этого нельзя было ѣсть. Тамъ умѣютъ готовить, а тутъ нашъ Карповъ какъ-то не такъ зарѣзалъ черепаху, не выдержалъ мяса, и оно вышло жостко и грубо. Подавали утокъ; но утки значительно похудѣли на фрегатѣ. За то крику, шуму, веселья было безъ конца! Я былъ подавленъ, уничтоженъ зноемъ. А товарищи мои пили за обѣдомъ хересъ, портвейнъ, какъ-

будто были въ Петербургѣ! Только въ ранней молодости и можно пить безнаказанно вино въ такой *банѣ*. Я, не дождавшись конца обѣда, ушелъ скорѣе въ другую палатку, чтобъ не заняли мѣста, и глубоко заснулъ.

Солнце ужъ было низко на горизонтѣ, когда я проснулся и вышелъ. Люди бродили по лѣсу, лежали и сидѣли группами; одни готовили неводъ, другіе купались. Никогда скромный Бонинъ-Сима не видалъ такой суматохи на своихъ пустынныхъ берегахъ!

Бичи пишетъ, что въ его время было такъ много черепахъ здѣсь, что онѣ покрывали берегъ, приходя класть яйца въ песокъ. Молодыя черепахи, вылупившись, спѣшили къ морю, но на пути ихъ ждали безчисленные враги: на берегу клевали птицы, въ морѣ, во множествѣ пожирали шарки (акулы). За-то, выросши и окрѣпнувъ, онѣ, въ своей бронѣ, не боятся уже ничего. „Шарокъ", пишетъ онъ, „было еще больше, нежели черепахъ: онѣ даже хватили за весла зубами". Куда все это дѣлось? Черепахи, съ поселеніемъ людей, являются рѣже: жители ловятъ ихъ и берегутъ гдѣ-то въ садкахъ, продавая пріѣзжимъ. Мы заплатили четыре доллара за черепаху, но зато какую! шесть человѣкъ насилу тащили ее. Здѣсь поселенцы забираютъ ихъ на берегу посредствомъ собакъ. Собака схватитъ и тащитъ за ластъ (у морскихъ черепахъ—плавательные ласты, вмѣсто лапъ) дальше отъ берега. Эти черепахи не пригодны ни на-что̀, кромѣ супа. На гребенки идетъ кость черныхъ черепахъ. Шарки есть, но немного, и въ двадцать лѣтъ одинъ разъ шарка откусила голову матросу съ китоловнаго судна. У насъ поймали одну небольшую акулу. Я осмотрѣлъ ротъ у ней: зубы расположены въ четыре ряда, мелкіе, но острые, какъ пила. Есть чѣмъ поѣсть, было бы что̀.

Вечеромъ зажгли огни подъ деревьями; матросы группами тѣснились около нихъ; въ палаткѣ пили чай, оттуда

слышались пѣніе, крики. Въ песчаный берегъ яростно билъ бурунъ: иногда подойдешь близко, заговоришься, валъ хлестнетъ по ногамъ и бахромой разсыплется по песку. Вдали свѣтлѣлъ отъ луны океанъ, точно ртуть, а въ заливѣ, между скалъ, лежалъ густой мракъ.

Я подошелъ къ небольшой группѣ, расположившейся на травѣ, около скатерти, на которой стояли чашки съ чаемъ, блюдо свѣжей, только-что наловленной рыбы, да лежали арбузы и ананасы. Надо было лечь на брюхо: это большое счастіе, что здѣсь нѣтъ ни одной гадины, ни змѣй, ни ядовитыхъ насѣкомыхъ—ничего. Этимъ фактомъ нѣкоторые изъ моихъ товарищей хотѣли доказать ту теорію, что будто-бы растительныя сѣмена или пыль, разносятся на огромное разстояніе вѣтромъ, оттого-де такіе маленькіе острова, какъ Бонинъ-Сима, и притомъ волканическаго происхожденія, неимѣвшіе первобытной растительности, и заросли, а змѣй-де и разныхъ гадинъ занести вѣтромъ не могло, оттого ихъ и нѣтъ.

Положили-было ночью сниматься съ якоря, да вѣтеръ былъ противный. На другой день тоже. Наконецъ 4-го августа, часа въ четыре утра, я проснувшись, услышалъ шумъ, голоса, свистки, и заснулъ опять. А часовъ въ семь ко мнѣ лукаво заглянулъ дѣдъ.

— „Здравствуйте! Поздравляю васъ…“

— „А что?“

— „Въ морѣ!“

— „Далеко?“

— „Да вонъ, Нагасаки видно?“

— „Ахъ, этотъ старый!.. Узнай отъ него правду!“ Я вышелъ на палубу.

Впереди синее море, надъ головой синее небо, да солнце, какъ горячій уголь, пекло лицо, а сзади кучка горъ жмутся другъ къ другу плечами, будто проводить насъ, по-

желать счастливаго пути. Это берега Бонинъ-Сима: прощай Бонинъ-Сима!

4-го августа. Тихій вѣтеръ, ходу шесть узловъ. Жарко въ природѣ, холодно въ душѣ; кругомъ все море да море...

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА

15 -

